

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

L FORBES

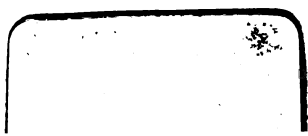
~~N.F.2.C.35.~~

Roma

NEVILL FORBES BEQUEST

NE.F.2.C.35

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОБРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ, ЗАГАДКИ, ПРИСЛОВЬЯ И ПРИТЧИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание А. С. СУВОРИНА

1885

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОБРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ, ЗАГАДКИ, ПРИСЛОВЬЯ И ПРИТЧИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1885

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2

Иванъ Петровичъ Сахаровъ, знаменитый археологъ, собиратель пѣсенъ, народныхъ вѣрованій, преданій и обычаевъ, родился въ 1807 г. въ гор. Тулѣ, въ семьѣ священника. Онъ воспитывался въ мѣстной семинаріи и потомъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Собираніемъ неисчерпаемыхъ въ то время матеріаловъ по народо-вѣдѣнію онъ началъ заниматься еще до студенчества. Выгодное положеніе русскаго духовенства, какъ посредника между простонародьемъ и образованными, правящими классами, облегчало ему это великое дѣло.

Но откуда столь свѣтлая идея могла забрести въ голову вчерашняго бурсака въ то время, когда даже въ многоученой Германіи только десятки людей относились съ уваженіемъ и интересомъ къ трудамъ братьевъ Гриммовъ, а сотни смотрѣли на нихъ, какъ на чудаковъ, занятыхъ собираніемъ такой дряни, на которую не стоитъ обращать ни-

какого вниманія? Сахаровъ въ своихъ запискахъ *) самъ разъясняетъ намъ это чудо глубокимъ и дѣятельнымъ патріотизмомъ и чтеніемъ исторіи Карамзина, въ которой этотъ патріотизмъ нашелъ себѣ прочную опору. Много было говорено о вліяніи этой знаменитой книги, но еще больше придется говорить о ней; въ біографіи каждаго общественнаго, литературнаго или научнаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ видно ея поразительное дѣйствіе. На Сахарова, какъ и на многихъ другихъ, Карамзинъ вліялъ двояко: помимо высокаго подъема національнаго чувства и „народной гордости“, Карамзинъ далъ ему прекрасный, плавный слогъ, которому онъ остался вѣренъ, не смотря на нѣкоторый недостатокъ литературнаго образованія и на рѣзкости, въ которыя завлекъ его впоследствии духъ его литературно-ученой партіи, въ то время не отличавшійся терпимостью.

Еще до студенчества И. П. Сахаровъ началъ „печататься“: онъ работалъ одновременно съ другими надъ исторіей роднаго города; часть этой работы издалъ тогда же, а часть послужила матеріаломъ для нѣсколькихъ археологическихъ статей, изданныхъ впоследствии.

Въ 1830 г. Сахаровъ поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ; зани-

*) Напечатаны П. И. Савановымъ въ „Русск. Арх.“ 1873 г. № 6.

мался онъ своей спеціальностью довольно усердно, но и въ это время не оставлялъ излюбленныхъ работъ по археологіи и народовѣдѣнію, печаталъ статьи и собиралъ пѣсни, обряды и преданія. Въ 1835 г. онъ окончилъ курсъ лекаремъ, а въ 1836 уже издалъ 1-ю часть своихъ знаменитыхъ „Сказаній русскаго народа“, которая черезъ годъ потребовала переизданія. Въ 1837 г. онъ напечаталъ „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“, а въ 1838 приступилъ къ печатанію „Пѣсенъ русскаго народа“ и въ то же время съ рѣдкимъ усердіемъ при своихъ ничтожныхъ средствахъ, руководимый только горячей любовью къ своему святому дѣлу, продолжалъ издавать по рукописямъ чрезвычайно важные памятники старинной русской литературы. Между тѣмъ его медицинская служба шла своимъ чередомъ; онъ былъ одно время университетскимъ докторомъ, потомъ перешелъ на службу въ почтовое вѣдомство, начальниекъ котораго, образованный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, обратилъ вниманіе государя на безкорыстные ученые труды своего подчиненнаго. Государь поручилъ ихъ разсмотрѣніе министру просвѣщенія, незабвенному по своей любви къ наукѣ гр. Уварову. Сахаровъ въ 1841 г. получилъ высочайшій подарокъ и увеличенный (вдвое) окладъ жалованья.

Въ томъ же 1841 г. вышелъ 1-й томъ его „Ска-

заній“ въ большомъ октавѣ (3-е изданіе), въ который онъ внесъ и пѣсни; 2-й томъ этого изданія вышелъ въ 1849 г.; онъ заключаетъ въ себѣ массу интереснѣйшаго историко-литературнаго матеріала, изданнаго не всегда съ ученой точностью, но всегда по лучшимъ изъ извѣстныхъ тогда рукописей; многіе важнѣйшіе памятники намъ извѣстны исключительно по „Сказаніямъ“ Сахарова; не будь ихъ, исторія нашей допетровской литературы имѣла бы иной, несравненно болѣе тощій и жалкій видъ.

Иванъ Петровичъ Сахаровъ умеръ, въ сентябрѣ 1863 г., въ Валдайскомъ уѣздѣ; послѣдніе годы его жизни, по словамъ знакомыхъ, были медленной агоніей много потрудившагося дѣятеля.

Обвинять Сахарова за то, что онъ, издавая памятники, не всегда придерживался строгаго филологическаго метода, принятаго въ наше время, что онъ не указывалъ съ точностью мѣсто записи преданія или пѣсни, что онъ не отмѣчалъ особенностей говора, что онъ не всегда отличалъ дѣланую, литературную сказку отъ народной, даже за то, что онъ позволялъ себѣ подправлять стихъ въ пѣснѣ, слогъ и содержаніе въ сказкѣ,—значить обвинять его время за то, что оно не было нашимъ временемъ; и братья Гриммы въ немногихъ изъ своихъ „Haus und Kindermärchen“ сохранили особенности говора и народной рѣчи; и

лучшіе германисты 30-хъ годовъ при изданіи памятниковъ средневѣковой поэзіи зачастую предпочитали болѣе вѣрному чтенію варьянтъ, дающій болѣе красивый смыслъ.

„Сказанія“ Сахарова имѣли огромное и благотворное вліяніе на исторію русскаго народовѣдѣнія: они возбудили глубокой интересъ и уваженіе къ памятникамъ народнаго творчества въ довольно широкомъ кругѣ русскаго общества; благодаря имъ и трудамъ, частью или всецѣло на нихъ основаннымъ, выраженіе простонародный навѣки измѣнило свой смыслъ; съ книгой Сахарова въ рукахъ, Кирѣевскіе, Рыбниковы, Гильфердинги, Чубинскіе отправлялись въ свои экспедиціи; съ нея начинали свои подготовительныя работы Буслаевы, Афанасьевы, Костомаровы; она же должна была быть настольною книгою у ихъ многочисленныхъ эпигоновъ.

Къ сожалѣнію, „Сказанія русскаго народа“ давно уже стали библиографическою рѣдкостью; „Пѣсни“ (изд. 1838—1839 гг.) и отдѣльныя части 2-го изданія „Сказаній“ еще можно найти у букинистовъ за доступную цѣну, но „Сказанія“ въ 3-мъ, единственно полномъ, изданіи едва можно приобрѣсти за 25 рублей; особенно рѣдокъ 1-й томъ, который даже выграденъ изъ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и не пополненъ до сихъ поръ.

А, между тѣмъ, „Сказанія“ важны не для однихъ студентовъ и спеціалистовъ: благодаря трудамъ русскихъ ученыхъ въ послѣднія десятилѣтїя, среди образованной публики возникъ серьезный интересъ въ народной жизни, быту, преданїямъ, вѣрованїямъ. Теперь изученіе народности вообще и народныхъ „суевѣрій“ въ частности не является исключительно дѣломъ ученой любознательности, а дѣломъ прагматической необходимости для всякаго практическаго дѣятеля, какъ изученіе почвы для агронома.

Спеціалисты въ своихъ статьяхъ, кромѣ „Сказанїй“ Сахарова, не безъ основанїя заподозрѣнныхъ въ ученой неточности, пользуются другими, позднѣе собранными матеріалами: отдѣльно изданы пѣсни того или другого края обширной земли русской; отдѣльно изданы по рукописямъ и записямъ заклинанїя, загадки; издаются во множествѣ уголовныя дѣла о чарованїяхъ; то, что Сахаровъ называетъ „Чернозніжіемъ“, послужило задачею цѣлаго ряда солидныхъ изслѣдованїй. Но между всѣми этими изслѣдованїями и матеріалами нѣтъ и долго еще не будетъ возможности указать одну книгу, которая представляла бы такъ прекрасно составленный и такъ общедоступно изложенный обзоръ цѣлаго ряда явленїй по народовѣдѣнїю. Публика не нуждается въ указанїи номера и падеографическихъ признаковъ, рукописи, изъ кото-

рой взять любопытный материалъ, ни въ обозначеніи уѣзда и волости, гдѣ записано сказаніе; варьянты и особенности говора только отпугиваютъ ее; легкость и гладкость изложенія для нея съ избыткомъ выкупаютъ недостатокъ скрупулезной, научной точности.

„Сказанія“ Сахарова имѣютъ еще одно неоспоримое достоинство передъ современными трудами и изданіями того же рода. „Народовѣды“ послѣдняго времени довольно рѣзко раздѣляются на два вѣчно воюющіе лагеря. Одни изъ нихъ — школа національно-миеологическая — склонны выводить всѣ преданія, произведенія устной поэзіи, обычаи, вѣрованія изъ основъ народной дохристіанской жизни, даже изъ арійской прародины; другіе — школа литературнаго заимствованія — отыскиваютъ, откуда народъ усвоилъ, перенялъ тотъ или другой сюжетъ, то или другое преданіе и обрядъ; изслѣдуютъ пути этого усвоенія, разрываютъ главнымъ образомъ толстый слой наносныхъ, послѣхристіанскихъ традицій. Ихъ взаимныя пререканія, ихъ вполне естественное стремленіе вырвать у непріятелей возможно большее количество фактовъ и вогнать эти факты въ свою рамку очень поучительны для знатоковъ, но ненужны и малопонятны для непосвященныхъ. Сахаровъ дѣйствовалъ въ то время, когда ученныя партіи еще не обособились и, стало быть, свободенъ отъ исключительности,

ученой тенденціозности и полемической лихорадки; хотя въ главѣ о мифологіи онъ очень щедръ на имена и атрибуты боговъ и богинь, хотя всѣ пѣсни и сказки онъ признаетъ порожденіемъ національнаго генія, въ статьѣ о черноокнижіи и др. онъ допускаетъ, даже самъ указываетъ, на массу литературныхъ заимствованій и охотно признаетъ, что наши предки обильно пользовались изъ сокровищницы античныхъ и восточныхъ вѣрованій. Для публики такой спокойный, средній взглядъ и доступнѣе, и поучительнѣе.

Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ 1-ю часть 1-го (или 2-го) изданія „Сказаній“ полностью и около половины 2-й части; иначе — все важное и существенное (кромѣ пѣсенъ, которыя имѣются въ отдѣльномъ изданіи) изъ 1-го тома особенно цѣнимаго и цѣннаго 3-го изданія „Сказаній“, который такимъ образомъ становится общедоступнымъ черезъ 44 года послѣ своего появленія въ свѣтъ.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ

Предсказанія и сказанія о русскомъ чернокнижїи.

Народныя преданія.

Тайныя сказанія русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни и никогда не были мнѣніемъ общественнымъ, мнѣніемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями; но въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди, близкіе къ престолу, люди, участвовавшіе въ служеніи церкви, люди, исполнявшіе общественныя должности по городамъ — болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но никогда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ. Они одни и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ: тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь повѣрья. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрья, противныя образу ихъ дѣйствованія; люди, оставшіеся въ неизмѣнной жизни, никогда

не измѣняли ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ разсказахъ поселянъ мы доселѣ слышимъ были о старой русской семейной жизни.

Преданія русскаго народа вмѣщаютъ въ себѣ всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представляемъ здѣсь словесныя преданія русскаго народа о тайныхъ сказаніяхъ чернокнижія, извѣстнаго доселѣ нашимъ простолюдинамъ.

Словесныя преданія русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ чернокнижія, отрекались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Въ старину олицетворителей тайныхъ сказаній оглашали разными названіями. Однихъ величали: кудесниками, чародѣями, вѣдунами, колдунами; другихъ называли: волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ чернокнижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось чернокнижіе нашихъ предковъ? Вѣроятно, что умственное образованіе, сообщаясь всѣмъ сословіямъ, изгладило изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранить въ памяти преданіе о чернокнижии, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о чернокнижникахъ, наши поселяне увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заклячая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякій чернокнижникъ, умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрья, не оспариваемыя ни вѣками, ни

людьми, повѣрѣя, что умершіе чернокнижники приходятъ въ полночь, одѣтые въ бѣлые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказываютъ еще, что полночные посѣтителы шарятъ по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все имъ предлагаемое. Другіе же, напротивъ, увѣряютъ, будто они, приходя къ дому, стучать въ двери и окна, истребляютъ всякій домашній скотъ и, при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ чернокнижниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землею, гдѣ въ это время пока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ осиновый коль между плечами. Старики рассказываютъ, что когда-то одинъ удалый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ чародѣя. Во время чтенія явились къ нему черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но черти все являлись за новыми требованіями. Истомленный выдумками для отысканія работъ, онъ не находилъ уже болѣе для нихъ занятія. Неотвязчивые черти задумали удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣетъ приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа, одни только колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживающихъ землю.

Народъ никогда не любилъ чернокнижниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадьбѣ—онъ портитъ или жениха, или невѣсту, или гостей. Видитъ ли кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ—онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли знахарь съ поселянкою— онъ при-

саживаетъ ей на носъ килу. Обойдутъ ли колдуна приглашеніемъ на свадьбу — онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ поѣздъ, и тогда свадьба сбивается съ толку. Испортитъ ли вѣдунъ женщину — она лааетъ собакою, мяучитъ кошкою, и когда положить на нее запертый замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что порчи, произведенныя чернокнижниками, бываютъ временныя и вѣчныя. Временныя порчи отговариваются въ деревняхъ доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что чародѣи могутъ испортить человѣка за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые залѣзаютъ въ чрево, и тогда кликуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ. Чернокнижникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и никого самъ собою не портитъ. Все это дѣлается по просьбѣ людей враждующихъ, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, слыветъ напущеніемъ. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотою, говоритъ: «это не-спроста — здѣсь замѣшалась чертовщина». Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записного игрока: «это напущено». Кромѣ этого, чернокнижникамъ приписываютъ обморочанье, узорочанье, обаяніе.

Обморочить, слово столь часто повторяемое въ русскихъ избахъ, выражаетъ собою полное могущество чернокнижника. Ясно простодушіе поселянина: обморочанье есть обманъ. Чародѣй, плѣнившись какою нибудь вещью, увѣряетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить чародѣю, знающему всю поддонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а чародѣй навсегда остается

полнымъ ея владѣтелемъ. И это значитъ обморочить. Такъ точно цыгане успѣваютъ увѣрять поселянокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвыя мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значитъ тоже — обморочить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдина увѣрять о предметѣ противъ его понятія, онъ говоритъ: «что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародѣями, слова, выговариваемыя кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ узорочанье, что никакими доказательствами не можно ихъ переувѣрить. Дадутъ ли старухѣ снадобья отъ лихорадки — она думаетъ, что узорочанье истребляетъ ея болѣзнь. Привѣсятъ ли ей записку къ ладонкѣ — она увѣрена, что узорочанье спасаетъ ее отъ всякаго колдовства.

Обаяніе есть чудесная сила, истекающая изъ кудесника, приводящая въ недвижимость, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Воры обаяніемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ-то нечаянно сошлись наши поселяне съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: обаяніе ли прежде существовало, или магнетизмъ Месмера?

Разсказы бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ недѣлностей. Въ ихъ заповѣданныхъ разсказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горячимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой чернокнижникъ, заключенный въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой вѣдьмы отыскать книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, чернокнижникъ, освободясь изъ плѣна, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ

по бѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселѣ еще не было ни одного чернокнижника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Сухаревой башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятіемъ на десять тысячъ лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ, наши поселяне увѣряютъ, что въ ней содержатся чертовскія навожденія, писанныя волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтія знали подробнѣе насъ, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: Рафли, Шестокрыль, Вороноградъ, Остромай, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочеты, Аристоктелевы врата. Мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вотъ образчики народныхъ преданій изъ русскаго чернокнижія. Разсматривая ихъ, каждый можетъ убѣдиться, что они всегда существовали подъ покровительствомъ нечистой силы. Скрываемыя въ семейной жизни, какъ заповѣдныя тайны, сказанія переживали вѣка и людей и, осѣняемыя чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить простодушныя сердца.

Древнія русскія сказанія.

Старыя записи грамотныхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, увѣряютъ насъ въ давности тайныхъ сказаній русскаго чернокнижія. Они, какъ вѣковые памятники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предразсудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви лживіе въ Суздаляхъ, извиваху старую чадъ, бабы, по діаволу поученію и бѣсованію, яко сіи держатъ гобино и жито, и голодъ пуцають, и бѣ мятежъ великъ, и гладъ по всей странѣ

той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормять себя челядиномъ».

«Приде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кіеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на вспять, а землямъ пріити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невегласи послушаху, вѣрніи же насмѣяхуся, глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ. Се же и бысть ему; во едину убо ночь бысть безвѣсти. Бѣси бо, подтокну, на зло водять, по семъ же смѣются, ввергши въ пропасть смертнующую, и научивши глаголати, яко се скажемъ бѣсовское наученіе и дѣйство» ¹⁾.

«Бывши бо единою скудости въ Ростовстей области, воста два Волхва отъ Ярославля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обиліе держитъ. И идоста по Волзѣ и придоста въ погостъ; ту лучшая жены наричаше, глаголюще: яко сія жито держитъ, а сія медъ, а сія рыбу, а сія скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, и матеръ, и жена своя; они же въ мечтѣ прорѣзоваша имъ за плечомъ, и вымаста любо жито, любо рыбу, любо бѣлку. И убиша многи жены, имѣнія ихъ отнимаху за ся; и придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нихъ иныхъ людей триста.

«Случися пріити отъ Святослава данъ емлюще Яну сыну Выпатыну, и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шекснѣ погубили, и пришли еще сѣмо. Янъ же испыта, чьи есть смерди; и увидѣвъ же Янъ яко князя его, и посла къ нимъ, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвовъ тѣхъ сѣмо, яко смердівъ князя моего и мой; они же сего не послушаша. Янъ же самъ поиде безъ оружія. И рече ему отроцы его: не ходи безъ оружія: изсоромятъ тя. Онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ, бѣста бо съ нимъ 12 отрокъ, и поиде съ ними по лѣсу; они же стаща, испочнившися про-

тиву. Яневи же идушу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три мужа и придоша къ Яневи, рекуще ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде; они же сунушася на Яна, единъ же грѣшись топоромъ. Янъ же оборота топоръ и удара тыльемъ, повелѣ отрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же бѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту попина Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Вѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Волхвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Вѣлозерцы же шедше, яша ихъ и приведоша ихъ къ Яневи. И рече имъ Янъ: что ради толико погубиста человѣкъ? Онемъ же рекшимъ: яко ти держать обиліе; да аще истребимъ сихъ, да будетъ гобина; и аще хоцеша, предъ тобою вынемъ жито, или рыбу, или иное что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то есть: сотворилъ есть Богъ человѣка отъ земли, составленъ костыми и жилами отъ крове и нѣсть въ немъ ничто же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же глаголаста: вѣшны, како есть сотворенъ человѣкъ. Янъ же рече: како? Они же реста: Богъ мнвса въ мовницѣ, и вспотѣвъ отресе вѣтхомъ и сверже съ небеси на землю; и распреса сатана съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка. И сотвори діаволь человѣка, а Богъ душу въ онъ вложилъ; тѣмъ же аще умретъ человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече имъ Янъ: но истинѣ прельстилъ есть васъ бѣсъ. Коему Богу вѣруете? И реша: Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть? Они же рекоша: сидитъ въ безднѣ. И рече имъ Янъ: то кій-то Богъ сидитъ въ безднѣ? той есть бѣсъ, а Богъ есть на небесѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ ангель, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще нанъ зрѣти, а сихъ ангель сверженъ бысть за гордость съ небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть въ безднѣ, яко же вы того глаголете, ждуща, егда снидетъ Богъ съ небеси, сего Антихриста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ огнѣ вѣчнемъ съ слугами его, иже къ нему вѣрують;

вамъ же и здѣ пріяти мука у меня и по смерти тамо. Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдаютъ—не можеши намъ сдѣлать ничесо же. Онъ же рече имъ: джуть вамъ бози ваши. Они же реша: намъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ, а ты намъ не можеши сотворить ничесо же. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ. Симъ же біеннымъ и поторганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янъ клѣпъ вложить во уста ихъ, и привязать ихъ ко упругу, и спустити предъ собою въ лоды, а самъ за ними поиде и стаха на усть Шексны. И рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдаютъ? Они же реша: тако молвятъ бози наши—не быти намъ живымъ отъ тебя. И рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали. Они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль пріимеши и зло. Янъ же рече: аще васъ пушу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убіенъ бысть отъ сихъ? Одни же реша: у меня мати; а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: мстите своихъ. Они поимше ихъ, биша и возвѣсиша ихъ на дубъ, отмѣстіе пріимше отъ Бога и о правдѣ Яневи же идушу во свояси, въ другую-жъ ночь медвѣдъ взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погибоша напущеніемъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще и глаголюще: а своя погібели не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, идѣ же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наущеніе; бѣси бо не вѣдаютъ мысли человѣческія и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ о взорѣ ихъ, и о немоши и обмороченіи ихъ».

«Ключися нѣкоему Новгородцу пріидти въ Чудь, и пріиде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него. Онъ же, по обы-

чаю своему, хотя начати, и начатъ призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ тоя храмины. Кудесникъ же лежаше, оцѣпенѣвъ и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣютъ приидти, нѣчто имаши на себѣ, его же боятся. Онъ же воспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ храмины тоя. Онъ же начатъ призывать опять бѣсы; бѣсы же, метавше имъ, повѣдана, чего ради пришелъ есть? По семъ же начатъ вопрошати его, его же носить на себѣ креста. Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имуще; восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ, ваши-жъ Боги на небесѣхъ суть; да аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умретъ, то носимъ есть къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ ждущи муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы. Сиче бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣки, веляще имъ глаголати видѣнія, являющеса имъ, несвершеннымъ вѣрою, во снѣ, инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученіемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская волшвленія бывають; изкони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщены бывають невѣрніи отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды»²).

«Предивно бысть въ Полотсеѣ, въ мечтѣ бываше въ нощи, стоняше тутно по улицѣ, аки человѣцы рищущи бѣси. Аще кто вылезаше изъ хоромины, хотя видѣти, и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хорошь. И по семъ во

днѣхъ начаша являтися на конѣхъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и человекъцы глаголаху: яко на явѣ бѣють Полочаны».

Въ посланіяхъ русскихъ архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространеніи въ простомъ народѣ тайныхъ сказаній. Приводимъ нѣкоторыя указанія:

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородскому архіепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «Учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни приколвленія, и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престаи»³⁾.

Новгородскій архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Нифонту, епископу суздальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются христіанству: вяжутъ кресты на вѣроны и на ворѣны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ, древянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ. Да привели ко мнѣ попа, да діакона, а они крестьянину дали крестъ тѣльникъ: древо плакунъ, да на крестѣ вырѣзанъ воронъ... а христіанинъ дей съ тѣхъ мѣсть учаль сохнути, да не много болѣлъ, да умеръ»⁴⁾.

Въ грамотѣ Мисаила, митрополита бѣлгородскаго и обоянскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздахъ мужескаго и женскаго полу бывають чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ волхвовъ и чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхвованіе чинятъ, и отъ правовѣрія православныхъ христіанъ отлучаютъ»⁵⁾.

Въ Стоглавѣ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Нѣщцы не прямо тяжутся, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бьются, и кровь проливаютъ, и

въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають и смотрять дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклебца и ябедникъ не мирятся, и крестъ цѣлуютъ, и на поли біются, и поклепавъ убиваетъ... Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится... Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остроий, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочеты, Аристотель, Аристотелевы врата и иныя коби бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роци ходять и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣять... Въ Великій Четвергъ по рану солону палать и кличуть мертвыхъ; нѣкотори же невеликіе попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до четверга по велицѣ дни тамъ держатъ, и ту отдають на врачеваніе людемъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являються С. Пятница и С. Анастасія, и заповѣдаютъ въ среду и пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати»⁶).

Въ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Берсеневу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года, сказано: «къ Волховомъ бы и къ Чародѣемъ и къ Звѣздочетцомъ волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были»⁷).

Въ Псковской лѣтописи, подъ годомъ 1570 о докторѣ Елисеѣ Бомелии, записано: «прислаша Нѣмцы къ Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва, нарицаемаго Елисея, и бысть ему любимъ въ приближеніи и положи на Царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвель Царя отъ вѣры; на Русскихъ людей возложилъ Царю свирѣлство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: понеже безбожніи узнали своии гаданья, что

было имъ до конца разореннымъ быти; того ради такового злаго еретика и прислаша къ нему: понеже Русскіе люди прелестни и падки на волхвованіе»⁸⁾).

Въ книгѣ: Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «а на сказанныя идольскія мѣры и на вѣдомство не надѣятыся, и отъ оружія, и отъ проколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть»⁹⁾).

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лихась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства. Такъ онъ объ этомъ говорилъ литовскому посланнику Воропаю, въ 1572 году¹⁰⁾; такъ объ этомъ писалъ онъ и къ Курбскому: «А съ женою меня вы по что разлучили?»¹¹⁾. Курбскій въ своей исторіи Князя Великаго Московскаго пишетъ: «Тогда цареви жена умре: они (клеветники) же рѣша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ»¹²⁾. Клеветники Сильвестра и Адашева говорили царю: «Аще припустиши къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили они своими чаровствами, аки очи твои закрывающе»¹³⁾. Въ 1572 году царь Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, вторую отравили, третью испортили злою отравою¹⁴⁾.

Князь Курбскій, говоря о князѣ Василіи Іоанновичѣ, записалъ: «Василій съ законопреступною женою, юною сущюю, самъ старъ будучи, искалъ чаровникъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы (еже есть Філя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ

къ нему... Яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь»¹⁵⁾). Рассказывая о Казанской осадѣ 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомянуги достоитъ, яко Татары на войско Христіанское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежаніи града, егда солнце начнетъ восходити, въздутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеса не благочиннѣ. Тогда абіе возстанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такой дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, но точно по естеству аера случашеса»¹⁶⁾). Говоря о московскомъ пожарѣ, царь вспоминалъ Курбскому: «Наши измѣнники бояре наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, съ своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили¹⁷⁾»).

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева царю Теодору Алексѣевичу, что онъ съ докторомъ Стефаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спифарій обучаетъ его и сына чернокнижію. Доносчиками были: карла Захарко и лекарь Берло. Объ этомъ Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной 1677 года къ царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чли Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и доктору Степану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человекъ... А та де Черная книга въ полдестъ, а толщи-

ною въ пальца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сынишку моего, Андрюшку, Николай Спифарій»¹⁸). Впослѣдствіи открылось, что бояринъ Матвѣевъ читалъ лечебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михаила Теодоровича, говоритъ бояринъ Матвѣевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинуто письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный думнаго дьяка Ивана Граматина. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе въ Вологду.

Источники русскихъ преданій.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи грамотныхъ людей¹⁹), и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ русскаго чернокнижія. Теперь, убѣдившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: неужели это есть порожденіе думъ русскаго народа? неужели все это создавалось въ русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ, будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ созданій; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго чернокнижія въ свою семейную жизнь. Ни когда на русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть вселенной, виѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идеѣ убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго чернокнижія. Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ историческіе факты, объясняющіе пере-

хождение тайных мировых сказаний в русское чернокнижие. Здесь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мировое чернокнижие принадлежит первым вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основные идеи для творенія тайныхъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для мифовъ, думы для тайныхъ сказаній, рассказы о бываломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями. Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ религиозный, политическій, гражданскій. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Міръ древній прошелъ, народовъ, составлявшихъ его бытіе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ мифы, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленный наслѣдникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженіе наслѣдственнымъ достояніемъ, пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію, но принялъ основные мысли, восхищавшія его воображеніе, льстившія его слабости.

Мифы, перешедшіе въ новый міръ, образовали демонологию, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разноплеменные были народы, сколько разновидны ихъ олицетворенія. Не днями, не годами, но вѣками усвоивались мифы древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ, въ свою очередь, прибавлялъ къ нимъ чего недоставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились—мифология и символика. Мифология древнихъ людей осявлялась предметами божественными, предметами олицетворенными по волѣ cadaго челоѣка. Символика отпечатлѣвалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ

страшился. Предметы, выражаемые въ символикѣ непостижимостію и боязнію, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древняго міра составилось чернокнижіе въ отдѣльныхъ видахъ чудесничества, чародѣйства, знахарства, ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разказы о бываломъ образовали повѣрья, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣрьяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древняго міра осуществлялись людьми, ознаменованными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои устанавливаемыя таинства облакали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена санскритскія увѣряютъ насъ, что Индія есть отчизна тайныхъ сказаній, первоуродный идеалъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избранные люди Египта и Персіи, посѣщая Индію, изучали тамъ тайныя сказанія и, возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія и передала Риму и за нимъ грядущимъ поколѣніямъ.

Осматривая тайныя сказанія сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ образователей, свои прорицалища, свои чернокнижія, свои гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разныя названія. Таковы были: астрологи, авгуры, прогностики, мистагоги, сортилеги, гаруспеки, пиеониссы.

Астрологи, облакаемые названіями халдеевъ, математиковъ, волхвовъ, почитаются старѣйшинами въ образованіи чернокнижія. Наблюдая теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и до-

машнемъ быту. Ефемериды—твореніе астрологовъ—вмѣщали въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ санскритскихъ письменъ, уничтожается.

Въ русскую землю перешли астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темные намеки о вліяніи планетъ на судьбу человека. Въ 1584 году лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «Вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собрать астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собранные тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленія сей кометы царскую смерть²⁰⁾.

Эта запись и сказанія Курбскаго о совѣщаніи царя Іоанна Васильевича съ волхвами открываютъ намъ, что астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометъ, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и русская народная символика есть порожденіе астрологовъ.

Авгуры, птицеволшебствующие, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, воршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными успѣхами. Авгурология перешла въ русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

Прогностики разсыяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Эпименидъ Критскій, Аварисъ Скиеескій, Эмпедоклъ Агригентскій тамъ были лучшими прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастіе или несчастіе семейной жизни объяснялось снами, воззрѣніемъ животныхъ, звономъ въ ухахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе прогностиковъ вѣдрилось въ русскую семейную жизнь издревле и продолжается доселѣ. Простолудинъ, объясняя примѣты по ученію прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

Мистагоги, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли аэинянамъ таинственныя ученія въ святилищѣ Цереры, при явленіи страшныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія мистагоговъ. Люди бывалые, рассказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

Сортилеги—люди гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее досчечки, исписанныя знаками, и потомъ, вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе сортилеговъ доселѣ производится въ русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ. Старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго.

Гаруспексы, гадавшіе по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе гаруспексовъ мало извѣстно русскимъ чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе кудесниковъ къ печени, вниманіе знахарей къ дыму заставляеть подозрѣвать, что и оно когда-то было въ русской землѣ.

Пиеониссы — тессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Тессалии, завораживали угрызеніе скорпіоновъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и низводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское кудесничество и чародѣйство составилось изъ преданій тессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

Прорицалища древняго міра изрекали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфіарая, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоценными каменьями, выносили въ рощу, гдѣ онъ отвѣчалъ вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей многіе вѣки, но во время Страбона оно слабѣвало, а при Плу-тархѣ ему уже никто не вѣрилъ²¹).

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли вліяніе на русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишившись значенія въ вѣрованіяхъ

древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиналась русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарая находилось на границах Віотіи и Аттики. Тамъ Амфіарай являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что вліяніе Амфіарая достигло и русской земли? Явленіе во снѣ суженаго-ряженаго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на ея судьбу, носить на себѣ отпечатокъ вѣрованія віотіанъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пнейскаго, находился въ віотійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Пнейя, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растеніями, въ бѣшенствѣ, произносила слова вѣщательныя. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда христіанская религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ничего не можемъ сказать рѣшительнаго о вліяніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ эпирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близъ пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; или приходили къ источнику прислушиваться къ звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нимъ разгадывали.

Понятіе русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преда-

ніяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это вліяніе Додонскаго оракула, — рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась близъ Ливадіи. Въ храмѣ, построенномъ среди роши, стоялъ истуканъ, изображавшій Эскулапа. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ мужей и женъ, сидѣли жрецы для отвѣтовъ приходящимъ.

Намъ неизвѣстно, было ли какое вліяніе на русскую землю изъ повѣрій Трофоніевыхъ пещеръ.

Чернокнижія древняго міра сохранялись въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благоговѣя къ нимъ, не смѣлъ читать ни одного тайнаго сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для рѣшенія судьбы и дѣлъ. Таковы были: черная магія, Сивиллины книги, книги Орфея и Музея, кабалистика.

Сказанія о черной магіи столь древни, что нѣтъ никакой возможности открыть ихъ первоначальное происхождение. Мы встрѣчаемъ маговъ въ началѣ всѣхъ исторій, и вліяніе ихъ продолжалось до распространенія умственнаго образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала міра и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камнѣ. Сынъ Хамовъ, извѣстный подъ названіями — у однихъ Мизраима, у другихъ Зороастра, у третьихъ Гермеса, — по преданію своего отца, нашель послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперъ болѣе не существуетъ: она когда-то была истреблена небеснымъ огнемъ. Вѣрованіе въ бытіе черной магіи существовало на Востокѣ въ тайныхъ сказаніяхъ. Сосредоточіе маговъ находилось въ Египтѣ. Фараоны, окруженные магиками, производили разныя ложныя чудеса. Изъ Египта перенесъ магію въ Грецію Орфей, измѣнившій тайныя сказанія въ оргію и сабатство. Въ семейной жизни русскаго народа черная магія извѣстна подъ именемъ чернокнижія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о нереселеніи тайныхъ сказаній въ наше оте-

чество. Темные намеки наших поселянъ о бытіи черно-книжія состоятъ въ томъ, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни мы едва встрѣчаемъ людей, бесѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ чернокнижіи; но предки наши говорили объ этомъ яснѣе; они даже знали многія названія этимъ сказаніямъ. Такъ они исчислены въ Стоглавѣ.

Книги Сивиллъ хранились въ рукахъ женщинъ — сивиллъ, имѣвшихъ даръ прорицать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ всѣхъ сивиллъ считалось 12. Исчисляемъ ихъ:

I. Сивилла Персидская, называвшаяся Самбетю, невѣсткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами изъ своей книги.

II. Сивилла Ливійская, путешествовавшая въ Самосѣ и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекавшая людей въ идолослуженіи.

III. Сивилла Дельфійская, находившаяся въ храмѣ Дельфійскомъ, и, по сказанію Діодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ ея прорицаній нѣкоторыя мысли.

IV. Сивилла Эретрейская предсказывала паденіе Трои и, по увѣренію Евсевія и св. Августина, ей были извѣстны книги Моисея.

V. Сивилла Киммерійская.

VI. Сивилла Самосская.

VII. Сивилла Кумская, по имени Деифоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое пребываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отецъ былъ Аполлоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ книги сохранялись въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ слу-

чаяхъ государства. Во время сожженія Капитолія, сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собранія Сивиллиныхъ изреченій, которыя Августъ положилъ у подножія Аполлона Палатинскаго.

VIII. Сивилла Геллеспонтская предсказывала во время Солона и Креза.

IX. Сивилла Фригійская путешествовала съ своими предсказаніями въ Анкифѣ и Галатіи.

X. Сивилла Тибюринская или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. Сивилла Эпирская.

XII. Сивилла Египетская.

Въ русскоѣ чернокнижій не находимъ никакого понятія о Книгахъ Сивиллъ. Развѣ только то принять во вниманіе, что нашими колдуньями должны быть непременно старухи безобразныя и страшныя. За то дошли до насъ западныя сказанія о Сивиллахъ²²).

Книги Орфея и Музея содержали въ себѣ заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель саббатства, учредитель оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, заимствовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состояли изъ гимновъ.

Русское кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всевозможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ кудесниковъ воспѣваютъ объ одной только семейной жизни.

Кавалистика, — знаніе созданное евреями для открытія таинственнаго смысла, — состояла въ искусствѣ разлагать слова и въ способѣ производить сими словами чуда, пронося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намекъ въ чернокнижій о присвоеніи кабалистическаго знанія знахарями. Такъ мы видимъ въ рукахъ зна-

харя непонятныя слова отъ лихорадокъ, отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Откуда явилась наша тарабарская грамота?

Гаданія древняго міра, разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльныхъ таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію гаданій.

Антропомантія содержала въ себѣ таинственное прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе императоры Геліогабалъ и Іуліанъ занимались симъ гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

Аеромантія объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ русской символикѣ аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ; доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики рассказываютъ о бываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мнѣніи основано уваженіе поселянъ къ камню Башъ и Вашиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ²³)?

Гидромантія основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ русскомъ черно книжнѣ это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду, для открытія похитителя вещей, вмѣняется въ необходимость всякому знахарю.

Гонтія совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

Дактиломантія. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное на ниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантія перешла и въ русское чернокнижіе, только съ измѣненіемъ. Наши чародѣи берутъ какое-то змѣиное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и дожидаются, куда его будетъ качать вѣтеръ: куда кольцо будетъ болѣе дѣлать наклоненія, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ загадываютъ.

Капномантія. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при началіи дѣла.

Въ русской символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

Клатоитромантія. Гаданіе, производимое зеркаломъ, разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ русскомъ чернокнижіи зеркалогаданіе употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркалѣ о суженомъ, о жизни и смерти отсутствующаго.

Керомантія—гаданіе воскомъ; составляло доброе и худое предзнаменованіе.

Въ русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣвушки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

Клеромантія. Гаданіе, основанное на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребію.

Гаданіе по жребію такъ усвоилось русской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

Леканомантія. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель клалъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоценныя камни, тоненькія золотыя и серебряныя досечки съ изображеніемъ знаковъ и читалъ заговоры. Изъ воды выходилъ тихій звукъ, подобный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ русскомъ чернокунижии сохранились многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ наши знахари, кидая въ воду уголь, замѣчаютъ: кипитъ ли вода?

Ливаномантія. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смоль, заключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя и худыя ожиданія.

Въ русскихъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнились ладаномъ, и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

Метеоромантія. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды метеоромантіи сохранились въ русской символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весною въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучшій цвѣтъ ея лицу. Такъ, поселянинъ, изъ многократнаго появленія въ лѣтнее время грома, предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

Мышмантія—гаданіе, предсказывающее будущее; основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ животныхъ.

Въ русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Платье поселянина, изгрызанное мышами, предвѣщаетъ ему бѣду неминуемую. При началѣ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожаѣ.

Некромантія производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ русскомъ чернокнижїи существуетъ только одно повѣрье объ этомъ гаданїи. Наши чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ умершихъ людей.

Онихомантія составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажею и заставляли держать ихъ передъ солнцемъ. Появившіяся изображенія рѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнышки, являющіяся въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни челоуѣка.

Оскопія. Разгадывали изображенія на яйцѣ, по желанію беременныхъ женщинъ, для узнанія, что родятъ?

Въ русской семейной жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ-подъ насѣдки яйцо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, того же долженъ быть и будущее дитя.

Психомантія—гаданіе, основанное на призыванїи тѣней умершихъ людей; составляло одно таинство съ некромантіею.

Тератоскопія составляла особенный родъ гаданій изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе вошло съ измѣненіями въ русскую символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

Тефраномантія—гаданіе золою, разрѣшало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ русскомъ чернокнижїи имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золу изъ семи печей и насыпаетъ ею слѣдъ чело-

вѣческій, когда совершаетъ чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горстями золу, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

Энотромантія совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Тессалійскіе чародѣи заставляли проходящихъ читать отвѣты, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіеся на другомъ тѣлѣ.

Въ русскихъ святочныхъ гаданіяхъ энотромантія осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго міра въ русскую землю и о составленіи русскаго чернокнижія. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ русскій человекъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній. Люди бывалые изъ нашихъ предковъ въ чужихъ странахъ и чужеземщина, приходившая на нашу родину, рассказывали въ семейныхъ беседахъ о существованіи чернокнижія въ чужихъ земляхъ. Эти рассказы, западая въ сердца простодушныхъ, переходили изъ рода въ родъ и клеймились суевѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдетъ свое подтвержденіе въ самомъ описаніи чернокнижія.

Не смотря на то, въ русской жизни понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образованіе русскаго народа, совершаясь независимо отъ вліянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменованіями: понятіями общественными и семейными.

Русскія общественныя понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи христіанскаго православія. Іерархи, какъ пастыри церкви и учителя народа, князья и цари, какъ священныя властелины и блюстители народна-

го благоденствія, — были представителями общественных понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, понятія эти всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, людьми являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ, сближаясь на сѣверѣ съ скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; далъ ему пріютъ на своей землѣ, но не принималъ отъ него писемъ. Славянинъ, уклоняясь на востокъ, сблизился съ грекомъ; принялъ отъ него вѣру, пріютилъ греческихъ пришельцевъ, учился у него, чего недоставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ славяниномъ. Никогда не ходилъ онъ на Западъ. Люди фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ участники. Равнодушный къ Западу, онъ чуждался и словъ, и дѣлъ фряжскихъ. Объ Югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю сѣверной Европы, гдѣ онъ назвалъ себя славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость русскаго общественнаго понятія.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ и, порождаясь въ семействахъ, никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь русскимъ словомъ въ гостепримныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ

одного селенія къ другому. Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди нерусской крови, люди нерусской вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлѣбосоольство русское давало пріютъ всякому пришельцу. Старѣйшины семействъ, угощая заѣзжаго челоуѣка, любили слушать его рассказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то рассказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались русской жизни, когда они снисходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что нравилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ рассказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и рассказы о бываломъ изъ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее ихъ воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее ихъ умъ, любили болѣе ужасное, оцѣпнявшее ихъ чувства. При всемъ томъ пришлецъ былъ всегда чужимъ для русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми бывалыми на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бесѣдами и старика, и юношу. Рассказы бывалаго челоуѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши паломники и ходебщики. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, совѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ — болѣе всего имѣли вліяніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участіе пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга семейнаго,

никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы понимаемъ, какъ трудно было чужеземному мышленію войти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ русскою общественною жизнью. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что они перешли въ русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для русской семейной жизни. На этихъ-то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки русскаго чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое чернокнижіе.

Русское чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнообразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается кудесничество, во второмъ описывается чародѣйство, въ третьемъ предлагается знахарство, въ четвертомъ представляется ворожба.

Русское кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ пережѣны понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, неизмѣнный глаголь многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрьями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ кудесническіе заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для обольщенія народа, то съ другой, мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи, жившей въ пѣсняхъ и сказкахъ, услаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Здѣсь сохранилась наша родная, русская поэзія; здѣсь

блюдутся наши поэмы и были; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ.

Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выписаны изъ тетрадки, писанной польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда венеvesкому дѣду; нѣкоторые получены отъ саратовскаго помѣщика, сбиравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ волжскихъ рыбаковъ; а другіе были присланы ко мнѣ изъ Тихвина, отъ г. Парикина.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваю себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Неужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ ихъ звукахъ слышенъ русскій духъ, когда въ нихъ говорить русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о бѣдѣ семейной, о любви дѣвичьей красы, о зазнобѣ молодеческой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижины и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Слѣдовательно, здѣсь человекъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни одного выраженія: все говорить русскимъ языкомъ и о русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательною; но со всѣмъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русскій народъ, плѣняясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ и тайныя сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незамѣтно сходилъ съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des ténèbres, et faisait dresser les cheveux aux assistants, quand il hurlait ses exécrables évocations.

«Divinités formidables, s'écriait-il, hâtez vous d'accourir, et craignez d'offenser ces cheveux, gris et cette verge, qui vous ferait bientôt repentir de vos délais... je vous en avertis d'avance, obéissez promptement, autrement je fais pénétrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une après l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les buchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas même aux déserts de la Thebaïde de vous recéler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande à tes Esprits, commande à tes Furies, commande à quelques ombres d'accourir; pousse-les hors de tes manoirs à coups des scorpions, et ne permets pas que j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles».

Oraison du loup: Viens, bête à laine; c'est l'agneau de l'humilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, à gris aggripence, va chercher la proie, loups et louveteaux; tu n'as point à venir à cette viande, qui est ici. Au nom du Père et du Fils et du Saint-Esprit. Aussi: vade retro o Satana!

Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelée, trouvée dans un manuscrit rare et précieux.

Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il dit: mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet à moi ²⁴).

Русское чародѣйство описываетъ чары, совершаемыя въ селеніяхъ. Прилагая, по возможности, объясненія этимъ затѣливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что простодушные

люди поймутъ свое ослѣпленіе, хотя для нихъ обольстительное. Съ этою цѣлью избраны здѣсь только тѣ, которые болѣе всѣхъ памятны. Люди, хотя нѣсколько вникавшіе въ народное суевѣрное понятіе, люди, знающіе довѣренность поселянъ къ чудесному, оправдаютъ цѣль, избранную нами.

Русское знахарство излагаетъ отъявленные обманы знахарей, но которые, по непонятному стеченію обстоятельствъ, принимаются въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввергали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская ворожба представляетъ народныя гаданія, распространяемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ. Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленія семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же, напротивъ, — какъ святочныя гаданія — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія — съ цѣлью разоблачить таинственныя ожиданія простого народа. Можетъ быть время и обстоятельства изгладятъ эти остатки суевѣрій, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ сельскихъ гаданій.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ мы часто сохраняли многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющія совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не ду-

маемъ, чтобы насъ въ этомъ обвиняли: сами предметы говорятъ о такой необходимости. Кромѣ сего, почитаемъ обязанностію предувѣдомить почтенныхъ соотечественниковъ, что въ нашихъ сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Такъ, одного мы не могли виѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣжденію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ея домашній бытъ.

Сказанія о кудесничествѣ.

1. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ-темно; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ-свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платкомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ-дорогою, сухимъ-сухопутемъ, ко Окіанъ-мору, на святъ островъ; отъ Окіанъ-моря узрѣла и усмотрѣла, глядячи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ, уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я, раба такая-та, въ семибашенный домъ, смиреннымъ-смирнехонько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорищемъ объ рабѣ такомъ-то; возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрѣжь ты у раба, такого-то, бѣлую мякоть, ощипи кругомъ его

и оберя: скорби, недуги, уроки, призорки, затыни крова-
 выя раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его
 отъ всякаго челоуѣка: отъ бабы-вѣдуни, отъ дѣвки про-
 стоволосыя, отъ мужика-одноженца, отъ двоеженца и отъ
 троеженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго. Возьми ты,
 красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и
 замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки въ Окі-
 анъ-море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица
 ходитъ, и она-бъ тѣ ключи подхватила и проглотила; а
 рыбаку бѣлыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ ры-
 бицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился
 бы недугъ у раба, такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ
 вечерняя и утренная заря станеть потухать, такъ бы у мо-
 его друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и чтобы не-
 дугъ не дужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его
 вѣкъ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго мо-
 лодца — такого-то — отъ мужика колдуна, отъ ворона кар-
 куна, отъ бабы колдуни, отъ старца и старицы, отъ по-
 схимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга ми-
 лаго всѣхъ по лѣсу ходитъ, игольникъ братъ, по его вѣкъ,
 и пока онъ живъ, никто бы его не обзорчилъ и не обпри-
 зорилъ.

2. Заговоръ красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю
 зорю, позднымъ-поздно; вставала я въ красную утреннюю
 зорю, ранымъ-рано; умывалась ключевою водою изъ загор-
 наго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ.
 Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, и вы-
 шла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ
 четыре стороны поклонилась, на горючъ камень Алатырь

становилась, крѣпкимъ словомъ заговорила, чистыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ покрывалась.

Заговариваю я, раба такая-та, своего любовнаго молодца—такого-то—о сбереженьи въ дорогѣ: крѣпко на-крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипить и выѣсть, изъ моря всю воду бышеть и не взалкаетъ, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорочить и обпризорочить, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему любовному молодцу—такому-то—путь и дороженька, доброе здорвье на разлукѣ моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба такая-та, въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле гляючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка—такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очн ясныя, чело думное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты ши-

тые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитяtko ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, милѣ вешняго дня, свѣтлѣ ключевой воды, бѣлѣ яраго воска, крѣпче камня горячаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя: чорта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужога домовога, отъ злого водянога, отъ вѣдьмы кievской, отъ злой сестры ея муромской, отъ моргуньи-русалки, отъ треклятыя бабы-яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны-каркуньи, заслоняю отъ Кашея-Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпога знахаря, отъ старухи-вѣдуньи. А будь ты, мое дитяtko, моимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи, въ пути и дороженьки, во снѣ и на яву — укрыть отъ силы вражя, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленя, укрыть въ огнѣ отъ сгорѣня. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомяни, мое дитяtko, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, оберпись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сношь сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣ воды, выше горы, тяжелѣ золота, крѣпчае горячаго камня Алатыря, могучае богатыря. А кто вздумаетъ моего дитяtko обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны преисподня, въ смолу кипучую, въ жаръ паличій. А будутъ его чары — ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

4. Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.

Встаю я, рабъ такой-то, засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанайловъ, двадцать дьявоиловъ, двадцать лѣшнихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе: стали предо мною тѣ сатанайлы, тѣ дьявоилы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Поидите вы, сатанайлы, дьявоилы, лѣшіе и полканы—въ такой-то—островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣтвы поставные: сумеречные, вечерніе, ночные, утренніе и полуденные. Пригоните, остановите и въ моихъ клѣткахъ прижкните.

5. Заговоръ на путь-дороженьку.

Бду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольные мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдяною рососою, утираюсь солнцемъ, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Бду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра-земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень-трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, одолень-трава, къ Окіанъ-морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Какъ онъ

крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретиваго сердца, во всея пути и во всея дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки.

На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своей родимой матушкѣ. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала мои кости, щипала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя— всѣ вы стойте тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, въ нощи и полунощи. Какъ пчела поноску носить, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего родного сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своему родномъ сынѣ. Какъ студенецъ льетъ по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердець.

Сажусь въ сани крытыя бобрами, и соболями, и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ. Ъду на гадинѣ, ужъ погоняетъ, а самъ дужь, у пановъ и судьевъ

полонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней переѣмъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Сѣю макъ. Разыдутся всѣ судьи, а ты сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съѣдятъ; у меня медвѣжій ротъ, волчія губы, свиные зубы. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадъ, а брошу кадъ въ Окіанъ-море. Окіанъ-море не высыхаетъ, кади моей никто не вынимаетъ, и маку моего никто не подбираетъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ-море, въ свою желѣзную кадъ. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади поѣдятъ, тогда мнѣ не бывать. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ!

8. Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на востокъ, противъ дольной стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, ожарая, сажаю въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, роконогій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты, пчела, ройся у такого-то, на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, матка, всѣ пути-дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А будетъ вы, пчелы, моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокоріе жалитъ васъ матка въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко!

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камень сѣкутъ, двѣ сестры въ окошко глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ. Ты, свекоръ, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра, отворотись, а ты,

кровь, уймись; ты, братъ, смирись, а ты, кровь, запрись. Братъ бѣжить, сестра кричить, свекоръ ворчить. А будь мое слово крѣпко на утиханіе крови у раба, такого-то, по сей часъ, по сію минуту!

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Македоница! зачѣмъ ты, всѣмъ змѣямъ старшая и большая, дѣлаешь такіе изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ, всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашію на тебя грозную тучу, каменьемъ побьетъ, молніей пожжетъ. Отъ грозной тучи нигдѣ ты не укроешься: ни подъ землею, ни подъ межою, ни въ полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ борахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ норахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ съ разными шкурами, сожгу самую тебя, развѣю по чистому полю. Слово мое не преидетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

11. Заговоръ отъ ужаленія козюльки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ, подъ тѣмъ дубомъ стоитъ липовый кустъ, подъ тѣмъ липовымъ кустомъ лежитъ золотой камень, на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на томъ рунѣ лежитъ инорокая змія Гарафена. Ты, змія Гарафена, возьми свое жало изъ раба такого-то, отбери отъ него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недуговъ, ино я выну два ножа булатные, отрѣжу я у змѣи Гарафены жало, положу въ три сундука желѣзные, запру въ два замка нѣмецкіе. Ключъ небесный, земный замокъ! Съ этого часу, съ полудня, съ получасу, да будетъ бездыханна всякая козюлька, и ужаленія ея въ неужаленія. А вы, зміи

и змиѣцы, ужи и ужицы, мѣдѣяницы и сарачицы — бѣгите прочь отъ раба такого-то по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово мое крѣпко!

12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ муріевъ.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седьмерицею семь старцовъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тьму темъ черныхъ муріевъ. Возьмите вы, старцы, по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба такого-то.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба такого-то, отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя муріи съѣдятъ. Слово мое крѣпко!

13. Заговоръ отъ червей.

Татаринъ, татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! Зачѣмъ ты, татаринъ, съешь червей у моей

лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль; ты засохнешь, какъ порошокъ. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

14. Заговоръ отъ зубной скорби.

Заря-зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою отъ проклятаго лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ лимарь, откачнись отъ меня; а если ты будешь грызть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко!

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь!

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустынь перелукамъ, по оврагамъ, по каналамъ. Навстрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, а темнымъ лѣсомъ, сырмъ боромъ. Навстрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землю, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. Навстрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба: гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мнѣ

свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на-крѣпко у раба такого-то, по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы? Не ломаютъ ли у тебя кости? Нѣтъ, сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болѣли кости, не ломали зубы, по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чуда водяной! Возьми зубъ ломовой у раба такого-то. Не болятъ у раба такого-то зубы; болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по всѣ часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пицалей и стрѣлъ.

За дольными горами есть Окіанъ-море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоку, свинцу, олову, серебру, золоту, камнямъ, пицаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ:

Подите вы: желѣзо, камень и свинецъ, въ свою мать землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А велитъ онъ: ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицаламъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу

изъ пищали, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпчае панциря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь, что имъ покорилась и поклонилась селитра-порохъ, смиреннымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ, и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прядали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко!

20. Заговоръ отъ пули свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высококомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменные. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкасскія, русскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы

я на войнѣ цѣль и невредишь, и мой конь былъ бы цѣль и невредишь; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. За-
мыкаю свои приговорныя словеса замкомъ и ключъ кидая
въ Окіанъ-море, подъ горючъ камень Алатырь. И какъ
мору не высыхать, камня не видать, ключей не доставать,
такъ меня пулямъ не убивать, до моего живота, по конецъ
вѣка.

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра-земля, ты мать всякому желѣзу, а ты, же-
лѣзо, поди во свою матеръ—землю, а ты, древо, поди во свою
матеръ—древу, а вы, перья, подите во свою матеръ—птицу,
а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты, рыба,
поплыви въ море, а мнѣ бы, рабу такому-то, было бы про-
сторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь, на меня
не ходите, воротитесь ушьями и боками. Какъ мятелица не
можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приста-
вать, такъ бы всѣмъ вамъ ни мочно ни прямо, ни тяжело
падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и мое-
му коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ же-
лѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня,
а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не
окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ
крѣпокъ и дологъ!

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья, кумы и ку-
мовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, до-
чери и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золов-
ки, тести и тещи, зятя и свояки, золовки и невѣстки, всѣ
вы черные, всѣ вы бѣлые, всѣ красные, скажите мнѣ всю
сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите,
не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили до-

черямъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будетъ не скажете вы сущей правды, не взыщете моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будетъ вы скажете сущую правду, ино вамъ будетъ житье привольное, раздольное. Заговариваю я, раба такая-то, на карты на вывѣдываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ осы.

Оса, мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать. Осятки-дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я закрученъ-траву, сушу на сыромъ бору, жгу въ зеленомъ лугу. Осятки, летите на дымъ; оса, бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ!

24. Заговоръ отъ заоя.

Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба, такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрывки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на остановленіе руды.

Бѣхаль человекъ старъ, конь подъ нимъ каръ, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты, мать-руда жилиная, жилиная, тѣлесная, остановись, назадъ вору-

тись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя, рудамать, не бывало. Слово мое крѣпко.

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридевятъ три дѣвицы, колятъ камку иглами булатными. Вы, дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Пѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты, руда, уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

27. Заговоръ на остановленіе руды.

Летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится воронъ къ рабу такому-то на главу и на плечо. Воронъ сидитъ, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты, воронъ, рану не клюй, ты, руда, изъ раны не бѣги. Идетъ старецъ, всѣмъ ставецъ, несетъ печать. Ты, старецъ, остановись, ты, воронъ, не каркай, ты, руда, не капни. Крови не хаживать, тѣлу не баливать. Пухъ земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Аеонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тринадцать старцевъ съ старцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ просто-волосыхъ, простопоясныхъ. И рече старецъ Пафнугій, съ тринадцать старцами: кто сѣи къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвицъ: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишась двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнугіемъ. И не почто же

бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадцать дѣвицы! Будьте вы трасуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ мѣрѣ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, трасуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ тарьтарары! отыдите отъ раба, такого-то, въ лѣса темныя, на древа сухія ²⁵).

29. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Бѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба, красная дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злодѣевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческій мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона. Мнѣ, мечъ-кладенецъ, будь другомъ, мнѣ, панцырь дѣдовскій, будь роднымъ братомъ, мнѣ, шлемъ богатырской, будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ, конь вороной, будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружія нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ пищали, отъ стрѣлы, отъ борца, отъ кулачнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго не длиннаго четвертиннаго, отъ липы, отъ жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ курслѣпу, отъ орѣшины, отъ можжевелинику, отъ сѣна, отъ соломы, отъ кости, отъ желѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ шѣди красной, зеле-

ной, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей: нагайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, гулянцовъ, бухарцовъ, кобытей, вовуловъ, бумирцовъ, турчениновъ, якутовъ, лунасовъ, черемисовъ, вотяковъ, либановъ, китайскихъ людей.

Вы, дерева, отъ меня раба, такого-то, воротитесь; вы, желѣзо и мѣдь, и сталь, и золото, отлетайте; вы, люди невѣрные, отбѣгайте. А буде я ворочусь по-живу и по-здорову, ино буду красна-дѣвица тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючъ Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я одинъ, по-живу, по-здорову.

30. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, восходилъ мѣсяцъ изъ-подъ синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня мать родная, раба такого-то, а рожая, приговаривала: будь ты, мое дитятко, цѣль-невредимъ: отъ пушекъ, пицалей, стрѣль, борцовъ, кулачныхъ бойцевъ; бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ оружіемъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колотъ, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить не убить, ножомъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ничѣмъ не вредить; а быть тебѣ передъ ними соколомъ, а имъ дроздами; а будь твое тѣло крѣпче камня, рубаха крѣпче желѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, во рати удалцомъ, въ міру на любованье, во дѣвичемъ терему на покрашенье, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцомъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки нена-рушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ.

31. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подь мечъ-кладенець; черную былинку покачу подь чернаго ворона, того ворона, что свиль гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная, съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завить, зашить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ-кладенець, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечомъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка, такого-то, на войну симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

32. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Подь моремъ подь Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подь змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключъ отъ княжева терема, Володимерова, а во княжомъ теремѣ, Володимеровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветъ лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненнаго, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема Володимерова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моею мочи расклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить ключъ семипудовой. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынскаго, заклюетъ змѣя огненнаго, притащитъ ключъ семипудовой; а воронъ посаженъ злѣю вѣдьмою кіевскою.

Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма кіевская. Пойду-ль я во лѣсъ стоячій, во боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку къ злой вѣдьмѣ кіевской. Ты, злая вѣдьма кіевская, вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдный домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключъ. Заупрямилась, закорачилась злая вѣдьма кіевская о своемъ воронѣ. Не моею старости бродить до моря-Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ.

Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруи не убьетъ меня ни пицаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

33. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодець, во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодець, съ покорищемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжую рать, одинокаго, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по-добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словомъ. Радъ бы стоять во полѣ за тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя раба, такого-то, идти на войну во всемъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пищаль не въ пищаль, татарская пика не въ пику, поганая татарская сила не въ силу, казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, литовскіе богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь отъ топоровъ, бердышей, пищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, татарской силы, казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день.

34. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стѣпой, кремлевской. Ты, стѣна кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣлъ, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на

сырой росѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри, княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣль, невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль, невредимъ. Вы, раны тяжелыя, не болите, вы, удары бойцовъ, меня не губите, вы, пищали, меня не десятирите; а былъ бы я цѣль, невредимъ.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

35. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ такой-то, по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищалахъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружїи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружїя. И стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружїя меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣя двенадцать-главаго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ за Окїанъ-море, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змѣя, что убить двенадцать богатырми подъ двенадцать муромскими дубами. Въ моихъ узлахъ зашиты злою мачихою змѣиныя головы.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко.

36. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.

На морѣ на Окїанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Бьется тоска, убивается тоска,

съ доски въ воду, изъ воды въ полмя, изъ полмя выбѣгалъ сатанина, кричитъ: павушка романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ, такой-то, въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба, такая-то, тосковала всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ-море, подъ бѣль-горюч камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ тоску.

37. Заговоръ отъ норѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣль-горюч камень Алатырь, на томъ камнѣ Алатырѣ сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба, такого-то, отъ порѣзу. Булатъ, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

38. Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба, такого-то, двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія, отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то проклянѹ въ тарь-тарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежь, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ

кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье, окрутишь, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ вы, недуги, откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба, такого-то, по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ.

39. Заговоръ на покраденную вещь.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ такому и сякому вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ воръ воротилъ покражу такого-то, чтобы онъ не утаилъ ни сinya пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты, воръ, проклять моимъ сильнымъ заговоромъ въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипучую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ плотину мельничную, въ дождь бездонный, въ кувшинъ банный; будь прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, засушенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервянѣй, одурѣй, обезручѣй, оголодай, отошай, валяйся въ грязи, съ людьми не смыкайся и не свою смертію умри.

40. Заговоръ оборотня.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на покой полянѣ, свѣтитъ мѣсяць на осиновъ пенъ, въ зеленъ лѣсъ, въ широкій долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на

зубахъ у него весь скоть рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходить, а въ долъ волкъ не забродить. Мѣсяць, мѣсяць—золотые рожки! Расплавъ пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской.

41. Заговоръ для любви.

Исполнена есть земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть бѣль-горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголь, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясные очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ. И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженіемъ, съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло спѣшно шла бы и бѣжала, и пробыть безъ него ни единыя минуты не могла. Думала-бъ объ немъ не задумала, спала-бъ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила-бъ не запила, и не боялась бы ничего; чтобы онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ

и даже милѣе сну своего, по всякое время: на молоду, подѣ полнѣ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утверженіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ человекѣкъ, кроми меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищѣ орѣховомъ. И ничѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурю, ни водою дѣло сіе не отмыкается²⁶).

42. Заговоръ родной матушки въ наносной тоскѣ своей дитяти.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подѣ дубомъ мокрецкимъ, сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоскѣ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной. Идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незванныхъ, непрошенныхъ. Гой ты еси, дѣвица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Окіанѣ? И рече дѣвица семи старцамъ съ старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемитъ, болитъ головушка, не милъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцевъ съ старцемъ, грознымъ-грозно, учили ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянѣ, на море на Окіанѣ, подѣ дубъ мокрецкой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, свою ненаглядную дитятку, такую-то, отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ, по сію минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ.

43. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегалопуть-дороженька,

всѣмъ дорогамъ старшая и большая; по той дорожкѣ шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли онѣ во мѣрѣ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ, выростала травушка со муравушкой; на той травушкѣ со муравушкой сидѣли тоска со кручиной, а сидѣли онѣ, да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить?

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоить теремъ боярскій; въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути и дороженькѣ на мѣрѣ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабы такой-то, наносную тоску, а не покорится вамъ тоска со кручиной, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на-крѣпко. А кто мой заговоръ возодолѣеть, и ему провалиться сквозь тарь-тарары.

44. Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.

За моремъ за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ семь цѣпей, за семьдесятъ семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью крюками. Никто добраго молодца изъ неволи не освободитъ, никто добраго молодца до-сыта не накормитъ, до-пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка, такая-та, во слезахъ горючихъ, поила молодца сы-

той медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжихъ, не доставать бы молодцу мечъ-кладенець врага-супостата, а жить бы молодцу во терему родительскомъ, съ отцомъ съ матерью, съ родомъ племенемъ. Ужь, какъ возговорить добрый молодець: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечомъ-кладенцомъ хотѣлъ я достать враговъ-супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княземъ терему надъ дѣвицей-красной, такой-то.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, полюбовнаго молодца, такого-то, на любовь красной дѣвицы, такой-то. Вы, вѣтры буйные, распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиной, чтобы она тосковала и горевала; чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду-племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы ей онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изложеть, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы, такой-то.

45. Заговоръ на воду.

Во черной избѣ, за дубовымъ столомъ, стоитъ трясавица на полицѣ. Ты, трясавица, не вертись, а ты, притолка, не свихнись. Вертѣлось бы, свихнулось зелено вино въ чашѣ;

и вертѣло бы вино, и свихнуло бы вино все притаманное, невѣдомое, да что не слыхано, да что не сказано въ такошь-то дому, на такову-то бѣду. А буде ты, трясавица, завертишься, а буде ты, притолка, свихнешься, ино будетъ вамъ отъ меня лютово неволье, да злово томленье, а на иново вамъ будетъ все по-добру, по-здорову, какъ бывало доселево. Слово мое крѣпко.

46. Заговоръ островника на зеленую дуброву.

Хожу я, рабъ такой-то, кругомъ острова, такого-то, по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину, по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ. А было бы въ моей дубровѣ по-живу, по-добру, по-здорову. А въ мою бы зеленую дуброву не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человекъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домовый, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой на-большой; а было бы все у меня во послушаніи, а былъ бы я цѣль и невредимъ.

47. Заговоръ отъ лихаго человека.

Иду я по чистому полю, навстрѣчу бѣгутъ семь духовъ съ полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобъ я отъ нихъ былъ цѣль и невредимъ во пути и дорогѣ, во дому и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, мои слова крѣпки. Кто мое слово испровержетъ, ино быть во всемъ наивно, по-худу, по-недобру, какъ вопреди сказано.

48. Заговоръ красной дѣвицы отъ недуговъ полюбовнаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-та, изъ воротъ въ чисто поле, въ Окіанъ-море, становлюсь я, дѣвица такая-та, на бѣль-горючъ камень Алатырь, опоясываюсь бѣлой пеленой, заговариваю своего полюбовнаго молодца, такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ принедугами, полунедугами. Вы, злые недуги, не недужьте раба, такого-то. Отсылаю я васъ въ Окіанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, по сей день, по сей часъ, по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбовный молодецъ бѣль и хорошъ; а милѣ бы его не было во всемъ свѣтѣ; а привѣтнѣ бы его не было и во теремѣ княжесъ; а залучнѣ бы его не было во всей околицѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамоту неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на такіа-то озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зори, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки ненарушимо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣль-горючъ камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой; подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажая я силу могучу во всѣ со-

ставы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ такой-то красной дѣвицѣ неисконно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь, къ такому-то, полюбобному молодцу. А была бы красная дѣвица, такая-та, во всемъ послушна полюбобному молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться, ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

51. Заговоръ отъ черной немочи.

Летитъ птица за моря, бѣжитъ звѣрь за лѣса, бѣжитъ дерево въ дерево, мать земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать тарь-тарары, во тьму кроющную, а бѣжала-бъ назадъ не ворочаючи, а былъ бы такой-то человѣкъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, моимъ рѣчамъ покорща не дашь, велю тебя птицѣ за моря унести, звѣрю въ лѣсъ затащить, мать землѣ въ свою мать во сыру землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будетъ тебѣ горе великое, а таковъ-то человѣкъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, имъ же замыкаются всѣ недуги съ полунедугами, всѣ болѣсти съ полуболѣстями, всѣ хворобы съ полухворобами, всѣ корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человѣка отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнь.

52. Заговоръ отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и приди къ рабу, такому-то; вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Окіанѣ, посреда моря Бѣлаго, стоитъ мѣдннй столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдьяница отъ болѣстей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тотъ мѣдннй столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему моимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдннй столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія такой-то цѣль и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь.

54. Заговоръ молодухи отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкъ дворъ заборчатый, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьицы, задержите моего мужа, такого-то; вы, звѣзды ясныя, затемните свой свѣтло-яркій свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, забытье со безпамятью; а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую пе-

чаль со бѣдою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55. Заговоръ красной дѣвицы отъ призороковъ.

Посреди Окіанъ-моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, чтѣ вѣтрами сѣверными, подымалась ятеть со снѣгами, нагонялись волны на высокъ теремъ, налетали орлы черны на широкъ долъ, выходила красная дѣвица къ загорному студенцу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилась красная дѣвица вокругъ студенца, а сама говорила таковы рѣчи: Гой ты, туча грозная, со буйными вѣтрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью отъ красной дѣвицы, рабы такой-то, на Окіанъ-море, застели ей путь и дороженьку ятелью со снѣгами, прикрой призороки бѣлосѣрыми волнами, приставь въ сторожи черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водой; стираю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узороки съ призороками; отмахиваю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ вороновъ съ воронихами, съ ворончатами; отгоняю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что заронилъ призороки въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, что того врага, что затмилъ очи ясны, что того врага, что порудилъ красоту дѣвичью, что того врага, что стубилъ семью почетную, что отнялъ дочь отъ матери, что сокрушилъ отца безвременьемъ дочернимъ.

Заговариваю мои заповѣдныя словеса симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ на отгнаніе призороковъ отъ рабы такой-то, по сей день, по сей часъ, по ея жизнь. А будетъ заговоръ ничѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни аеромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А буде кто покусится порушить мой заговоръ, ино ему провалиться въ бездны

преисподнія, въ яму угольную, а красной дѣвицѣ, такой-то, быть по-добру, по-здорову.

56. Заговоръ отъ колотья и болѣстей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотья и болѣсти симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ; и заповѣдаю вамъ, колотье и болѣсти, таскаться по міру отъ востока до запада, отъ озера до болота, отъ горы до дола, отъ моря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣся, отъ стара до мала человѣка, отъ звѣря до гада, отъ города до пригородовъ, отъ села до погоста, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣсяца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со болотомъ утонуть, а съ дола на гору не влѣзть, отъ моря до моря не перебродить, и въ лѣсу съ перелѣсьемъ зацѣпиться, а отъ старца до мала человѣка быть побиту, и отъ звѣря до гада быть заѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть поодаль, отъ деревни до стана быть за каналомъ, отъ звѣзды до мѣсяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ человѣкъ порушитъ мои словеса, кто задумаетъ расторгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть во всемъ по моему.

57. Заговоръ на изгнаніе съ островника звѣрей и гадовъ.

Хожу я по залѣсью утренней росой, собираю я травы зельныя, варю травы зельныя во мѣдяной росѣ, поливаю травами зельными со водою по всѣмъ кустамъ, по всѣмъ полямъ, по всѣмъ межамъ. Вы, звѣри лютые, выходите, вы, гады, выбѣгайте, вы, недобрые люди, отбѣгайте. Во моемъ островникѣ звѣрямъ не живаты, гадамъ не бывать, недобрымъ людемъ не захаживать, а быть бы мнѣ большиимъ наибольшимъ; а звѣри бы въ моемъ островникѣ меня

слушались, а гады бы съ моего островника прочь отбѣгали бы. Мое крѣпкое слово да будетъ всему превозмогъ. Какъ могучи травы зельныя, такъ бы могучѣй того былъ мой заговоръ подь молоду, подь исходъ, подь перекрѣй, по восходъ и по закатъ солнца; подь поясъ Сажара и Кучекроя, подь Замежуя, подь Отвори ворота, подь Наскоча, подь Золенца, подь звѣзды ясныя и темныя со всеми звѣздами и полувѣздами.

58. Заговоръ на походъ.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. А киры и Оры, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, такожде и на меня раба, такого-то, не думали бы зла и лиха какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба, такого-то, увидѣли вы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини и всѣ православные роды христіанскіе, возвеселились; и какъ не видить мати отлученнаго дитя многія лѣта, а увидить возвеселится и возрадуется зѣло весело и радостно, такожде меня, раба такого-то, увидѣвъ, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ вельможи и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, такожде вы меня и моихъ словъ не могли-бъ превратить, во вѣки вѣковъ ²⁷).

59. Заговоръ отъ скорой доспѣшки.

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле; въ чи-

стоишь полъ три дороги. Я пойду въ правую дорогу, въ правую дорогу къ Колоню со восточную сторону, къ Окіанъ морю. Въ Окіанъ-морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ человекъ; онъ стрѣляетъ по чисту полю, а убиваетъ всякія боли. Прошу я, рабъ такой-то, не стрѣлять по чисту полю, а стрѣлять раба, такого-то, отъ скорой болѣзни, отъ доспѣшки, отъ осудища, отъ чернаго волоса, отъ бѣлаго волоса, отъ русаго волоса, отъ темнаго волоса, и отъ всякаго нечистаго взгляда. Пойду, найду я рабъ, такой-то, въ дождь къ красной дѣвицѣ; у ней топится свѣча восковая, за темьяномъ, за ладономъ, за кутьей. Попрошу я у красной дѣвицы здоровья отъ доспѣшки, отъ вешней, полувешней, отъ лѣтней, полулѣтней, отъ осенней, полуосенней, отъ зимней, полузимней, отъ земляной доспѣшки, водяной доспѣшки, вѣтряной доспѣшки, отъ стрѣчника и порѣчника.

60. Заговоръ на отстуду между мужемъ и женой.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пятую, подъ пятую, не на сыру землю, не на сыру землю да въ черный чоботъ; а въ томъ чоботу побѣгу я въ темный лѣсъ, на большо озеричо, въ томъ озеричѣ плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ чортъ съ чертищей; швырну я съ подъ пяты шапку въ чертища. Что ты, чертище, сидишь въ челнищѣ, съ своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты, чертище, къ людямъ въ пепелище, посели, чертище, свою чертищу такому-то въ избищѣ, а въ той избищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертищей живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любятъ, чужихъ ненавидятъ. — Ты, чертище, вели чертищѣ, чтобъ она, чертища, распустила волосища; какъ жила она съ

тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы, такой-то, со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не по-ступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ уго-дить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерища; тебѣ, чертищу, хранить шапку въ озерищѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна. Чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни ры-бакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать, на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

61. Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, рабъ такой-то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ бранымъ полотеничкомъ утрюсь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣстницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпомъ въ темные лѣса, въ восточную сторону, въ чи-стое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣль-горючъ камень; стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Посо-бите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити; куницъ, и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залу-чати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ, бе-зопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не вороча-лись. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣз-

нымъ кляпцомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперешника, отъ колдуна, и отъ вѣдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ двоеженныхъ и троеженныхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ, и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, — тынъ желѣзный, а другой мѣдный, третій булатный; замки замкнитесь, отнесите, ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно, какъ ели къ хвою, такъ къ кляпцамъ желѣзо! А мнѣ, рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синій камень, въ черномъ морѣ черный камень, въ бѣломъ морѣ бѣлый камень. Сей мой заговоръ.

62. Заговоръ на тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Стану я, раба такая-та, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подводосточную сторону, въ подводосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ, такой-то, безъ рабы, такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся, тоска, вѣдайся, тоска, въ грудь, въ сердце, во весь животъ рабу,

такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ностой и сухотой по рабѣ, такой-то.

63. Заговоръ отъ грыжи.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, въ подводосточную сторону, къ морю къ Окіану, въ морѣ-Окіанѣ лежитъ Алатырь камень, на томъ камнѣ Алатырь стоитъ дождь. Попрошу я, рабъ такой-то, здоровья, объ такой-то болѣзни, объ наличномъ мясѣ, отъ грызоты, отъ болѣты, отъ ломоты. Бѣжитъ рѣка огненная, чрезъ огненную рѣку калиновой мостъ, по тому калинову мосту идетъ старъ матеръ человѣкъ; несетъ въ рукахъ золотое блюдечко, серебряно перышко, мажетъ у рабѣ, такой-то, семьдесятъ жилъ, семьдесятъ костей, семьдесятъ суставовъ; забвляеть съ раба, такого-то, семьдесятъ болѣзней. Не боли и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, ни на концѣ, ни на вѣткѣ никогда.

64. Заговоръ на остуду между молодцомъ и дѣвицей.

Какъ мать быстра рѣка Волга течеть, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются, такъ-бы рабъ, такой-то, не водился съ рабой, такой-то, ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клеветницѣ, ѣсть нѣжить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ-бы раба, такая-та, казалась рабу, такому-то, простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ росомахой, такъ бы у раба, такого-то, съ рабой, такой-то, не было согласья ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пабѣдокъ. Слово мое крѣпко.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Старыя записки взяты изъ лѣтоп. Рост. и Кениг. Рук. листь 103, 105, 106.

2) Это единственныйъ разсказъ, открывающій слѣды русской миеологіи. Вѣрованіе скандинавовъ живо отражается въ кудесникахъ ростовскихъ.

3) Ворожба чудскаго кудесника указываетъ прямо на финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.

4) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.

5) Тамъ же, т. VI, прим. 324.

6) Русск. Вивлію. Н. Н. Полеваго, т. I, стр. 29.

7) Въ царскихъ предложеніяхъ, для рѣшенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гаданіи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о клчкѣ на Радуницѣ, 26 о четверговой соли, 27 о ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.

8) Издатели Законовъ В. К. Іон. В. и Судебника помѣстили этотъ наказъ, подъ именемъ выписи 1552 г. на стр. 113.

9) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.

10) Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.

11) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 216.

12) Сказ. Курб. ч. 11, стр. 112.

13) Сказ. Курб. т. I, стр. 101.

14) Сказ. Курб. т. I, стр. 102.

15) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.

16) Сказ. Курб. т. I, стр. 133.

17) Сказ. Курб. т. I, стр. 33.

18) Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.

19) Ист. о Зат. Воар. Матв. стр. 11, 161, 162.

20) Очень многого о чернокужиіи мы не помѣстили здѣсь; одни свѣдѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говоримъ за излишествомъ.

21) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 328.

22) Смотри въ концѣ книги дополненіе № 1.

23) Смотри въ концѣ книги дополненіе № 2.

24) Le magicien Lexilis, qui florissait à Tunis, était fort mauvais prisonnier. V. Chroniques et contes de Mouchenberg. Ancienne Chronique de la odre. Jacques Meyer. Cardan dans ses contes.

25) Понятія русскаго народа о лихорадкахъ заимствованы отъ павликианъ. Православною церковью были преданы проклятію: вопросы къ Богородицѣ о недузѣ естественномъ, еже именуется трясавица. См. Іоанна, экз. Болгарскаго, изд. Калайдовичемъ. Стр. 210.

26) Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: Чародѣйство, или дядя, обманувшійся колдунъ. Стр. 51. Москва 1831 года.

27) Послѣдніе семь заговоровъ были сообщены г. Парихинимъ.

Сказанія о чародѣйствѣхъ.

1. Чары на вѣтеръ.

Чары на вѣтеръ извѣстны были въ русскомъ черно-книжнѣ еще въ XVI столѣтн. Курбскій, участникъ славы царя Іоанна IV Васильевича, описывая казанскую битву, говоритъ, что казанскіе татары, желая очаровать русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ русскою семейною жизнію, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Чтобы увѣриться — дѣйстви-тельно ли существуютъ чары на вѣтеръ, стоитъ только заговорить съ первымъ русскимъ селяниномъ, и сотни примѣ-ровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ чародѣевъ такому ремеслу, когда от-роившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, рассматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, ви-дно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены казанскими чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокую месть въ оскор-бленіи. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправ-ляются къ чародѣю, рассказываютъ свою обиду, просятъ

его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живеть твой супостатъ?» — «Вотъ въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живеть мой супостатъ!» — Выходятъ вмѣстѣ на дорогу и оба смотрятъ: есть-ли туда попутный вѣтеръ? Если есть вѣтеръ, тогда приступаютъ къ совершенію обряда. Обиженный поселянинъ беретъ съ дороги снѣгъ или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ чародѣю. Тотъ, принявши пыль, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе:

«Кулла, Кулла! Ослѣпи такого-то, черныя, воронья, голубыя, карія, бѣлыя, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе змѣи мѣдьяницы!»

Проговоривши проклятіе, чародѣй глубокозадумывается, потомъ рассказываетъ: видѣ, примѣты, мѣсто — куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ корчило этого человѣка, какъ онъ лишился зрѣнія, какъ раздувался своею утробою, какъ началъ чахнуть, какъ теперь томится недугомъ смертнымъ.

Поселяне убѣждены, что если ихъ врагъ попадетъ подъ проклятіе чародѣя, то онъ непремѣнно будетъ жертвою чарованія. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицомъ и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются напередъ самими чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу всякаго чарованія. Зная простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать чародѣямъ. Многія извѣстны многія усилія, предпринимаемыя для истребленія сего обмана, но къ сожалѣнію, увеличившія еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣйстви-

тельности этихъ чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благодѣтельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ бѣдствію — могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русскій поселянинъ тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствіе, онъ лишается этихъ наслѣдственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

2. Чары на слѣдъ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ погибшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на русскую землю это чарованіе? Что оно не русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Люди занимающіеся этимъ ремесломъ суть: цыгане, литовцы, татары, молдоване, сельскіе русскіе коновалы, бродящіе по русскимъ селеніямъ съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся вънакладъ простодушнымъ поселянамъ. Спрашивай бывалаго — русское повѣріе — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ диковинкахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый, какъ опытный обманщикъ, научаетъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ничто другое, какъ обыкновенная болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ старческаго увяданія — *Magasmus*. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою минутою жизненныя отправления, лишается умственныхъ способностей и, въ истощеніи посте-

пенномъ, медленномъ, умираеть. Поселяне, не понимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдъ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдъ употребляются: въ любовныхъ интригахъ, въ размолвкѣ сосѣдей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ будто они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человѣка до послѣдней возможности и доводятъ нерѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдъ, стараются подмѣтить слѣдъ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закрываютъ его, чтобы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатлѣны: на песокѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ особенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдуманно, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ со ступни. Для этого они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они же, окровавленный вихрежь. Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отищенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Зло, совершенное чародѣями надъ подвергшимся этому чарованію, можетъ быть и уничтожено, Замѣтивши тоску, поселяне призываютъ или до ку, или вѣдуна, или знахаря, и просятъ его, съ подарками, избавить больного отъ недуга. Дока, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ

волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ извѣстно сколько у каждаго человѣка есть волосъ, и что выльзающіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это условіе есть приготовленное оправданіе для неудачи. Дока выносить найденный слѣдъ на улицу и бросаетъ на дорогу, по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя, что только это средство избавить его отъ недуга.

Всякій благомыслящій человѣкъ, конечно, будетъ сожалѣть о заблужденіи поселянъ и, безъ сомнѣнія, пожелаетъ истребленія этого повѣрія. Что чары на слѣдъ есть обманъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Кто, кромѣ помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ, можетъ истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи общаго желанія!

3. Чары для калѣкъ.

Чары для калѣкъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолудинъ рѣшительно вѣритъ, что калѣки, люди обезображенные разными болѣзнями, суть несчастливцы, очарованные доками, вѣдунами. Можно ли придумать нелѣпѣе сего заблужденія? Русскій поселянинъ, при взглядѣ на калѣкъ, сожалѣетъ объ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе нечистой силы. Нельзя обвинять поселянина за это послѣднее предположеніе: достовѣрныя извѣстія объ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До

сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слѣпыми и калѣками, для благовиднаго собиранія милостыни, чары для калѣкъ дѣйствительно находятся въ русскомъ чернокижии. Чтобы увѣрить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, рассмотримъ совершеніе самаго обряда. Это только одно можетъ доказать, что русскій поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ землю съ свѣжей могилы, вынимаютъ золу изъ семи печей, собираютъ соль изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи, или въ чулки, или кладутъ въ лапти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье, лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для калѣкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитренныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и будучи растворимъ ею, увлажняетъ, такъ сказать, своею сыростью соприкосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человѣческой организаціи всасывать влажностъ, то легко увѣримся, что составъ чародѣевъ для калѣкъ основанъ на всасываніи испареній, и что вслѣдствіе этого неизбежно долженъ образоваться искусственный ревматизмъ. Простолюдинъ, не понимая законовъ природы, но вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что то дѣлаютъ злостные мертвецы, ненавидящіе

живущихъ людей за то, что они, будто бы наперекоръ судьбы, остаются взаи́мнъ ихъ наслаждаться мирскими удовольствіями.

Военные врачи, въ мирное время, должны обращать особенное вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для калѣкъ.

Невозможно допустить, чтобы русскій носелянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для калѣкъ. Если есть изъ русскихъ занимающіеся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они исполняютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйствіи веществъ на человѣческое тѣло. Послѣ сего мы смѣло можемъ сказать: чары для калѣкъ есть изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ русскую землю. Доселѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдаютъ за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: искусственная истерика. Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, вызывая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искусственное состояніе нервнаго электричества, что врачи никакъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенные законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человѣчскій организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами, всегда употребляется ими во зло. Отъ сего произошло образованіе многихъ искусственныхъ болѣзней.

4. Чары на лошадь.

Чары на лошадь, сопровождаемая глунымъ вѣрованіемъ въ мщеніе мертвецовъ, нашли для себя приютъ въ

сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основателями сего чародѣйства были цыгане, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, дѣлаются вмѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Чтобы совершить надъ лошадьми чары, поселяне, по совѣту чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни; и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослѣпленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на мщеніи мертвецовъ.

Паству, изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вбиваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невинное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ, увѣрившій простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причину сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ, самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія чародѣя.

Б. Чары на подтекъ.

Чары на подтекъ принадлежатъ болѣе къ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели къ чудесамъ, неизъяснимымъ ни

законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣрїе, что такимъ чарованіемъ обладаютъ мельники.

Мельникъ русскій для своего заведенія бываетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотина для мельничнаго пруда есть верхъ его искусства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устраиваемыя въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содержимыя въ большой тайнѣ. Призванные злобнымъ мельникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣритъ, что это такъ, какъ увѣряетъ его знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко чародѣя есть — живая ртуть. Кромѣ змѣинаго молока, чародѣи совѣтуютъ бросать въ осминномъ мѣшкѣ золу по зарямъ вечернимъ и утреннимъ, увѣряя, что зола выгоняетъ изъ пруда водянаго дѣдушку. Чернь слѣпо вѣритъ и въ зори и въ водянаго.

Могутъ ли чародѣи разрушить этими средствами плотину, рѣшить невозможно; но что — это зло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Облекая его мифами и чудеснымъ разсказомъ о выходѣ водянаго изъ воды — обманщики обольстили простодушныя сердца поселянъ, часто недоступныя къ состраданію.

6. Чары надъ змѣею.

Чары надъ змѣею изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ преклонить человеческое сердце къ любви неволею. Не довольствуясь одними заговорами, они прибѣгали къ чарованію, и знахари явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованій, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ обольщеніе старой жизни, украшенное

восторженными разказами, роскошною жизнью. Русская земля получила всѣ любовныя чарованія отъ грековъ, съ первыхъ дней сношенія съ этими народами.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣю заключается въ суевѣрномъ вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастіями. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣренная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены надъ нею для любви такого-то, вѣритъ безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя затѣи знахарей содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія чаровъ надъ змѣю, вручаютъ деревянную рогульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рогулкою придавить его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣинныя глаза иглку съ ниткою и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ чтобы раба, такая-то, любила меня и жалѣла».

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ, должно продѣть этою иглою съ ниткою платье такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ, чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается дотолѣ, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе въ любви, тогда должно зажечь змѣиную свѣчу, и любовь снова воз-

горится. Когда же вся сгоритъ свѣча — тогда любовь навѣки простываетъ.

Чары надъ змѣею совершаются во многихъ русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большою тайною и покупаются дорогою цѣною:

7. Чары надъ лягушкою.

Чары надъ лягушкою принадлежать къ любовнымъ чарованіямъ и занесены въ русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъестественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разумѣнія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать красой дѣвичьей, всегда прибѣгаетъ къ знахарю за совѣтами — пособить своей тоскѣ. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продырванный кувшинъ и бѣжать не оглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику, — то нечистая сила можетъ его сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила поневолѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ, но если неопытный будетъ оглядываться, то она жестоко мститъ за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто-либо устоялъ противъ искушеній и сберегъ такую заповѣдь. При томъ часто случается, что посторонніе люди, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ вилку и крючекъ. Эти орудія дѣ-

лаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по-неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ—и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тягость, то стоитъ только оттолкнуть вилкою и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человѣка чары надъ лягушкою есть совершенный вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣрить этому, но и съ большою готовностью обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно гибельно для дѣятельности сельской. Часто простолудинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслью, забывая свои обязанности.

8. Чары надъ голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодыхъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старыя же полагаютъ, что съ такимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Разсматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, невозможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Альбертъ въ своемъ сочиненіи о таинствахъ—сказалъ: *Si tecum habueris cor columbis, omnes te ament.* Слѣдовательно это повѣріе занесено на русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаръ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и потомъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенные и завязанные въ

холстину, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непроницаемою тайною и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыганъ, коноваловъ и старушекъ лечеекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки лечейки толкутъ голубиное сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страждущимъ злыми недугами — корчами. Поселяне вѣрятъ, что отъ этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ нажѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселянки придумали и противъ этого зда средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепель кладутъ подъ порогъ, на попираніе всѣмъ проходящимъ людямъ.

9. Чары надъ змѣями и лягушками.

Въ русскихъ селеніяхъ почитаютъ за достовѣрное — возможность переселенія змѣй и лягушекъ не только въ дворы, дома, житницы, но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мнѣніе, какъ вздорное, не заслуживаетъ и упоминанія; но, какъ оно дѣйствительно существуетъ и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть самое величайшее зло въ сельской жизни, то здѣсь упоминается изъ одной необходимости, въ предосторожность простодушнымъ поселянамъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составляютъ самое отчаянное чарованіе въ русскомъ черноокнижіи. Разгнѣванный поселянинъ, ожесточенный до послѣдней возможности, лишенный всѣхъ средствъ къ отищенію, прибѣгаетъ съ

просьбою къ чародѣю: совершить чары надъ змѣями и лягушками. Это значить, что чародѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ дворъ его врага. Уговорившись за до рогу ю цѣну, чародѣй исправляетъ просьбу селянина.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, засушиваютъ въ печи, потомъ толкутъ въ мелкій порошокъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ. Когда бываетъ кому нужно напустить этихъ животныхъ, они завязываютъ порошокъ въ холстину и кладутъ въ навозъ. По прошествіи извѣстнаго имъ времени, вынимаютъ холстину, въ которой, по ихъ увѣренію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Такихъ-то, едва образовавшихся животныхъ, чародѣи разбрасываютъ по дворамъ, гдѣ они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такіе жестокіе люди, которые рѣшаются пить этимъ порошокомъ своихъ враговъ. Противъ сего зла поселяне употребляютъ свѣжую малину и землянику. Несчастные страдалцы кладутъ вокругъ себя ягоды этихъ растений, и животныя, гнѣздящіяся въ нихъ, будто выползаютъ.

Обнаруживая это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательныя сердца обратятъ все свое стараніе къ его искорененію. Этого требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. Чародѣйскій травникъ.

Вѣрованіе поселянъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразное. Кромѣ благотельнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзненныя состоянія человѣческаго тѣла, они допускаютъ, что въ травахъ скрывается нечистая сила, вѣдомая только чародѣямъ. Пересчитываемъ лишь замѣчательныя травы изъ чародѣйскаго травника.

1) ТРАВА КОЛЮКА.

Трава колюка собирается чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этою травой, мѣтко стрѣляетъ и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла и что такое ружье нельзя уже заговорить кудеснику никакимъ заговоромъ.

2) АДАМОВА ГОЛОВА.

Трава адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи собираютъ ее въ Ивановъ день и хранятъ скрытно до великаго четверга. По народному понятію, чародѣйская сила адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники, получившіе эту траву изъ рукъ записнаго чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ — въ великій четвертокъ.

3) ТРАВА ПРИКРЫШЪ.

Трава прикрышъ собирается чародѣями въ великоденскій мясоѣдъ, отъ 15-го августа до 1-го октября. Люди, свѣдущіе въ чарованіяхъ, употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ, кладетъ траву прикрышъ подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напередъ родными о дѣйствиі знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть чрезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ.

4) СОНЪ-ТРАВА.

Сонъ-трава собирается чародѣями въ маѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать соннымъ добро и зло. Собранныя чародѣемъ съ утреннею росой, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ сонъ-траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастію, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представляется молодая дѣвушка или молодой мужчина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5) КОЧЕДЫЖНИКЪ.

Кочедыжникъ или папоротникъ срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтѣ кочедыжника; онъ цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описываютъ цвѣтеніе кочедыжника. Повторимъ ихъ рассказъ:

Въ глухую полночь изъ куста широколистнаго папоротника показывается цвѣточная почка. Она то движется впередъ и назадъ, то заколышется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая птичка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людского взора дорогой цвѣтъ. Потомъ, ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ какъ горячій уголь. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ развертывается цвѣтъ, какъ зарница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рѣшившійся сорвать цвѣтъ кочедыжника долженъ рѣше приидти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться разцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть всѣ искушенія, быть равнодушнымъ противъ всѣхъ превращеній нечистой силы. Если онъ оглянется на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурчиваетъ на всю жизнь. Доселѣ еще въ деревняхъ нѣтъ дрижѣра, чтобы кто-нибудь могъ сорвать цвѣтъ кочедыжника, кромѣ чародѣевъ. Цвѣтъ кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимкою. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ этого цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладокопатели бросаютъ цвѣтъ кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ, какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6) ТРАВА ТИРЛИЧЬ.

Трава тирличъ собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Днѣпра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ. Изъ тирлича выжимается сокъ, которымъ натираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проникательные, зная свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародѣи дорожатъ тирlichemъ, какъ сокровищемъ.

7) РАЗРЫВЪ-ТРАВА.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: прыгунъ, скакунъ. Это растеніе столь рѣдко, что люди только посвящаемые въ таинство чернокнижія могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ кочедыжника,

дыжника и у кого есть корень плакуна, того всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травой.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разныя свойства: разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мелкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество въ землю на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными дверьми съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ бороться съ нечистою силою? Русский поселянинъ бѣжитъ отъ такой борьбы. Кладокопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе разрывъ-травы.

8) ТРАВА ПЛАКУНЪ.

Трава плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мифъ, противный религіи, и обставили обрядами достойными сожалѣнія.

Чародѣи, собирая плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводитъ въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирать ихъ и приводитъ въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень плакуна для изгнанія домовыхъ, вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травой. Можетъ быть, наши слова дойдутъ до сердца благодѣтельныхъ помѣщиковъ и, можетъ быть,

принесутъ пользу истребленіемъ народнаго зла въ вѣрованіе этой травѣ. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву плакунъ съ корнемъ, являютъ въ церковь, стараются съ сею травой стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на востокъ. Въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьямъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замени въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ недовольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упоминать.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ русскую землю изъ Вѣлоруссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травой плакуномъ, обрядахъ, противныхъ христіанской религіи. У записныхъ знахарей травники сохраняются письменные, польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они точь-въ-точь произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были уничтожены, или по крайней мѣрѣ, чтобы простолюдины увѣрились въ ихъ ничтожности?

9) ТРАВА НЕЧУЙ-ВѢТЕРЬ.

Трава нечуй-вѣтеръ, по сказанію чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травой, всегда можетъ: остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ потопле-

нія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы нечуй-вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву нечуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ, люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза кто-то колеть иглами. Если они успѣютъ поднять и схватить не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь на счетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей и жалкое состояніе привлекали на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву нечуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная пѣснь надъ духами.

Говорятъ, что заклинительныя пѣсни зашли въ русскую землю изъ Бѣлоруссіи, Польши, Остзейскихъ губерній и Швеціи. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а рассказы не вѣрятъ. Безъ сомнѣнія, можно полагать, что они представляютъ собою только остатокъ древней восточной жизни, переходившій во всѣ народы и здѣсь дожившій до нашихъ временъ. Пересказываю одну пѣсню:

С. А. Т. О. Р.
 А. Р. Е. П. О.
 Т. Е. Н. Е. Т.
 О. П. Е. Р. А.
 Р. О. Т. А. С.

Что значить эта пѣсня, до сихъ поръ еще никто удовлетворительнаго не сказалъ. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенія. Говорятъ, чтобы узнать истинный смыслъ ея, должно переставить всѣ слова по способу извѣстному однимъ заклинателямъ духовъ. Запечатливо, что эта пѣсня имѣетъ такой складъ въ словахъ, что можно читать: сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и то же.

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ русскую демонологию, и наши вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвятителномъ. Къ удивленію нашего времени, есть еще люди, вѣрующіе въ эти бредни и страшящіеся ихъ дѣйствія.

Антоній Дюбуръ въ сочиненіи своемъ: *Dictionnaire des ménages—répertoire de toutes les connaissances usuelles*, Paris 1836, Том. I, pag. 13, говоритъ.

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue.

S	a	t	o	r
A	r	e	p	o
T	e	n	e	t
O	p	e	r	a
R	o	t	a	s

De quelque coté qu'on lise, on retrouve constamment les mêmes mots.

Въ одномъ сборникѣ Румянцевскаго музеума, писанномъ въ XVII вѣкѣ, на стр. 65, находится изображеніе этихъ словъ, названное:

«Сія печаль премудраго царя Соломона, протолковася отъ мудраго нѣкоего ритора. Толкъ же ея сиче расположися, яже здѣ, ниже сего предложися. Зри опасно, увѣждъ извѣстно». Въ срединѣ страницы изображенъ кругъ, въ кругу четвероугольникъ, раздѣленный на шесть квадра-

товъ, въ каждомъ квадратѣ помѣщено по одной буквѣ, написанной красными чернилами. На оборотѣ страницы въ 25-ти стихахъ приложено объясненіе.

12. Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ демонологіи, при полетѣ вѣдьмъ на шабашъ къ Лысой горѣ. Русскія вѣдьмы вѣрятъ безусловно въ этотъ вздоръ и стараются въ немъ увѣрять поселянъ. Въ русской демонологіи она имѣетъ слѣдующую форму:

А.
 А. Б.
 А. Б. Р.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р.
 А. Б.
 А.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Наши поселяне вѣрятъ и этому вздорному сказанію.

Слово абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азіи. Еврейскіе магики вмѣсто абракадабра принимали слово авракаланъ. Одни производили его отъ имени сирійскаго идола, другіе отъ персидскаго Авраксакъ, означающаго бога солнца, митру. Нѣкоторые составляли изъ этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200—которыя, вмѣстѣ сложенные, составляютъ сумму 365, или число дней солнечнаго года. Кабалисты и магики полагали, что въ словѣ абракадабра скрывается сила исцѣленія отъ лихорадки, если произносить его извѣстнымъ таинственнымъ образомъ. Врачъ XI столѣтія, К. Серенъ Саммоникъ, говорилъ: чтобы абракадабра имѣла свою силу, она должна быть написана въ видѣ треугольника прямого, или разсѣченнаго. Наши чародѣи форму слова абракадабра имѣютъ въ видѣ или двухъ прямыхъ треугольниковъ, или въ видѣ четырехъ равныхъ треугольниковъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

13. Пѣсня вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣдныхъ сказаніяхъ поселянъ есть повѣріе, что какой-то казакъ, забравшись на Лысую гору, подслушалъ пѣсню вѣдьмъ; но шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по бѣлому свѣту и передается чародѣями однимъ только вѣдьмамъ. Нѣтъ почти никакой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ. Это какая-та смѣсь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго и, можетъ быть, никогда небывалаго.

Кумара.

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.

Эпохохо, лаваса, шиббода.

Кумара.

А. а. а.—о. о. о.—і. і. і.—э. э. э.—у. у. у.—е. е. е.

Ла, ла, собъ, лі, лі, собъ, лу, лу, собъ!

Жунжанъ.

7*

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ.
 Лиффа, пррадда, гуятунъ, гуятунъ.
 Наппалимъ, вашиба, бухтара.
 Мазитанъ, руаханъ, гуятунъ.
 Жунжанъ.
 Яндра, кулайнеши, яндра,
 Яндра.

14. Шабашная пѣсня вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня вѣдьмъ, говорятъ поселяне, открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ вѣдьмъ въ прежнее состояніе.

Гутць!
 Алегремось!
 Астаротъ, бегемотъ!
 Аксафатъ, сабатанъ!
 Тенемось!
 Гутць!
 Маяла, на, да, кагала!
 Сагана!
 Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
 Сагана!
 Гулла, гуала, на, да, лаффа!
 Сагана!
 Шиха, эханъ, рова!
 Чухъ, чухъ!
 Крыда, эханъ, сцоха!
 Чухъ, чухъ, чухъ!
 Гутць!

15. Пѣсня вѣдьмъ на роковомъ шабангѣ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ цыганъ. Пользуясь этою пѣснію, наши старухи-

колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сейчасъ обогатить того, кто только можетъ проѣхать ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бываютъ совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!

Шагадамъ, магадамъ, викадамъ.

Небазгинъ, доюлазгинъ, фиказгинъ.

Бейхамашъ, гейлулашаннъ, эламаннъ.

Ликалу!

Шію, шію, данъ, — ба, ба, банъ, ю.

Шію, шію, нетоли, — ба, ба, згинъ, ю.

Шію, шію, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.

О вилла, вилла, дамъ, юхала!

Гираба, наюра, юхала!

Карабша, гултай, юхала!

Захива, ванилши, схабатай, янаха.

Захива, гириай, гириай, добила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мяу! згинъ згинъ!

Гаашъ! згинъ, згинъ!

У—у—у! згинъ, згинъ!

Бя, — бая! — згинъ, згинъ!

Кво—кво! згинъ, згинъ!

Вду, бду! згинъ, згинъ!

Карра! згинъ, згинъ!

Тили, тили! згинъ, згинъ!

Хивъ, чивъ! згинъ, згинъ!

Жу, жу! згинъ, згинъ!

Згинъ, згинъ, згинъ!

16. Чародѣйская пѣсня русалокъ.

Поселяне, приписывая русалкамъ обаятельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну чародѣй-

скую пѣсню русалокъ, приводящую въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно непонятенъ, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе всю подноготную, не умѣютъ пользоваться этою пѣснью.

Шивда, винза, каланда, миногама!

Ийда, ийда, якуталима, батама!

Нуффаша, зинзамъ, охуто, ми!

Копоцо, копоцамъ, копоцама!

Ябудала, викгаза, мейда!

Ю, іа, о—іо, іа цокъ! іо, іа, паццо! іо, іа, пипаццо!

Зоокатама, зоосцома, никамъ, никамъ, шолда!

Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, чиходамъ, викгаза, мейда!

Бецоно, хондырежо, боцоно, галежо!

Руахадо, рындо, рындо, галежо!

Ю, іа, о! іо, іа, цолкъ! іо іа цолкъ! іо, іа цолкъ!

Нипшуда, боалтамо, гилтовека, шолда!

Коффудамо, шираффо, спохалежо, шолда!

Шоно, шоно, шоно!

Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ, по сказанію чародѣевъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ дѣвушкою. Смѣшеніе русскихъ словъ со звуками совершенно неизвѣстными заставляеть думать, что она передѣлана русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ—гилло магаль—сидѣла солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа—искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталь; подлеталь огненный змѣй.—Лифъ лифъ зауцапа калашуда.—А броня не мѣ-

дана, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца—Ницапо фукадалимо коронталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огненнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу солнцевой дѣвы—Вихадима гилло могалъ дирафъ.—Изъ-за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу, во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ. Могучъ богатырь—Шияллашибулда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дина.—Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злымъ свекромъ. Убить огненный змѣй, рассыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по мѣдяной росѣ, по утренней зарѣ.—Иниха шойдега бираха виддо.—А наѣхалъ злой татаринъ, и узаялъ во полонъ солнцеву дѣву, во золотую орду, къ лютому Мамаю, ко нехристу бусурманскому, ко проклятому бархадѣю.—Уахама широфо.»

Сказанія о знахарствѣ.

1. Пчельное дѣло.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ и, сверхъ того, не для всѣхъ доступнымъ занятіемъ. Люди зажиточные, хозяйственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями св. угодниковъ, другіе обрекаютъ водяному дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ вѣдунами, дѣдами, знахарями. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя понятія, приобретаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою водяного дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ чародѣемъ за тридцать головъ знахарскихъ и передана въ улей одного вѣдуна, по повелѣнію нечистой силы. Этотъ вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда

пчельникъ-вѣдунъ устраиваетъ гдѣ нибудь пасѣку, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрекаетъ водяному дѣдушкѣ самый лучший улей. Между вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пасѣкѣ, или бросать его въ трясиное мѣсто въ болото? Если которые оставляютъ обреченный улей на пасѣкѣ, то дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопятъ въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможныя средства къ размноженію пчель, но еще заставляетъ пчель летать на чужую пасѣку для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отроились отъ лошади, заѣзженной водянымъ дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчель началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе отъ ужаленія пчель, водяной дѣдушка передалъ навсегда пчель въ руки знахарей. Получивъ въ свое покровительство пчель, они изобрѣли разные способы для охраненія ихъ. Пересчитаемъ ихъ:

Для размноженія пчель, знахари совѣтуютъ поселянамъ: когда ударятъ къ утрени на Великъ день, быть на колокольнѣ и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ волокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасѣку и кладутъ въ сердовой улей.

Варятъ растенія дурманъ съ тысячелистникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строенія, съ цѣлью истребить сосѣднихъ пчель и отучить своихъ отъ полета на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно готовятъ улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными приносками, получаемыми отъ проходящихъ бывалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ—такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположеніе ульевъ пчельники считаютъ важнымъ дѣломъ, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведеніе, измѣняютъ его. Это дѣлается большею частью изъ подозрѣнія и недовѣрчивости. Подозрѣніе основывается на томъ, что могутъ устроить подобнымъ образомъ такое же заведеніе; а отъ этого опасаются упадка на цѣны. Опасность зиждется на странномъ мнѣніи, будто бы пчельникъ-знахарь можетъ дать приказаніе своимъ пчеламъ вытаскать медъ.

Для усыпленія чужихъ пчелъ знахари собираютъ макъ-выя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное налетною пчелою, можетъ пріучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Дѣды-пчельники въ селеніяхъ почитаются несвѣдущими въ сношеніяхъ съ нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдинъ уважаетъ и боится оскорбить дѣда-пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. Сбрызгиваніе.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселане прибѣгаютъ къ знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность знахарей пріобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача

наговоровъ сопровождается смѣшными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселянинъ, желающій получить право отъ знахаря на сбрызгиваніе, долженъ три вечера париться въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посѣщать знахаря. Въ пустой избѣ знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ, пришедши къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенные по угламъ соль, золу, уголь и, при каждомъ глоткѣ, прихлебывать изъ мисы воду. Въ это время знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты, соль, услади, ты, зола, огорчи, ты, уголь, очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, отпадутъ всѣ недуги; кто съестъ мою соль, отъ того откачнутся всѣ болѣсти; кто полижетъ мою золу, отъ того отбѣгутъ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узороки со всѣми призораками».

Поселянинъ, наученный сбрызгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою пособить отъ недуга ея внучкѣ, онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность знахаря, и идетъ въ домъ больной. При входѣ его, всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его въ передній уголь, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, маханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ, — суть вѣрныя ручательства въ его званіи. Въ полномъ разгулѣ, онъ проситъ показать больную и, какая бы то ни была съ нею болѣзнь, рѣшаетъ однимъ названіемъ: недугъ. Это слово понятно поселянамъ. Требуется въ ковшъ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ

больную, и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогѣ, прислонясь къ притолкѣ, пить остальную воду по зарямъ.

Болѣзни, лечимыя знахарями, суть слѣдующія: лихманки — лихорадки, лихія болѣсти — судорги, родимецъ, колотье, потрясиха — ревматизмъ тѣльный, зазноба молодецкая, тоска наносная, ушибиха — падучая болѣзнь, черная немочь, узорки, призорки. Всѣ эти болѣзни именуется у знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: недугъ.

3. Перепологъ.

Перепологъ, по значенію знахарей, есть отгадъ всякаго испуга, совершеннаго доброю и злою. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти; но не зная, кто бываетъ причиною испуга, прибѣгаютъ къ знахарямъ. Знахарь непремѣнно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридцать земель, въ тридцатомъ царствѣ. На то онъ и знахарь. Да ему ли въ трудномъ положеніи оставаться? Всѣ знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты и всегда стараются показать на убылаго. При томъ, прежде нежели произнесутъ отгадъ, выспрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія переполога, требуетъ: мису воды, олова и богоявленскую свѣчу, а когда испуганные бываютъ еще женатыми, и обручальную свѣчу, если эта особа не будетъ овдовѣвшая. Надъ обручальною свѣчею растапливаетъ олово, выливаетъ его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «смотрите, — вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе зако-

новъ физическихъ, слѣпо вѣрятъ въ рассказы знахаря. Послѣ того начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: «вотъ кто испугалъ вашего больного!» Потомъ подводитъ больного смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ непременно согласиться съ рассказомъ знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. Послѣ этого подходятъ смотрѣть, по одному, всѣ домашніе, съ подтвержденіемъ словъ о рассказѣ знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этимъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ больного спадетъ, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ, больной долженъ страдать во всю свою жизнь такимъ недугомъ.

Перепологъ, кромѣ явнаго обмана знахарей, оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и истительную. Одно уже семейное несчастіе заставляетъ желать истребленія переполога по селамъ.

4. Соняшница.

Соняшница, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ знахарей важное лекарство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности соняшницы поселяне твердо увѣрены, не смотря на мученія, претерпѣваемые отъ нея больными.

Призванный знахаръ къ совершенію соняшницы требуетъ: миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ того остается обожженною въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученныя отъ обжога, знахари приписываютъ выходенію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ сего кладетъ въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время на-

чинаются наговоры, между тѣмъ какъ больная вопить отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдальцы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣтъ ли больная или нѣтъ, знахарю все равно; онъ получить плату, наградить увѣреніемъ и скроется. Вся бѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, знахарь говорить, что на нее напущенъ послѣ соняшницы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытіе колдуна.

Суевѣрные поселяне полагаютъ, что колдунъ есть существо отрехшееся отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистою силою на пагубу людей. Но какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть своихъ губителей. Знахари предложили средства для узнанія.

Поселянинъ, подозрѣвая своего сосѣда въ колдовствѣ, приходитъ къ знахарю за совѣтами. Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе большихъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну, совѣтуетъ ему дожидаться 25 марта. Въ роковой день онъ долженъ, послѣ утрени, сѣсть на лошадь, какую не жаль, лицомъ къ хвосту, ѣздить по селенію, не оборачиваясь назадъ. Когда выѣдетъ за околицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или вѣчно съумасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую поѣздку, и про-

силь поѣздить за себя знахаря. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за поѣздку и, получивши подарки, обѣщается открыть злого колдуна. Жребій открытія всегда падаетъ на того, кого подозрѣваетъ поселянинъ, хотя знахарь никогда и не думалъ ѣздить по селу за открытіемъ колдуна.

Открытіе колдуна почитается верхомъ искусства знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силенъ, что узнаетъ всѣ мысли и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы». Къ счастью человѣчества, что наши знахаря — люди безграмотные, закоренѣлые въ предрасудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько ничтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. Стѣнь.

Простолюдинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человѣка, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностью, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. Изнурительная сухотка дѣтей—*Tabes*, дѣтская чахлость—*Atrophia infantum* называютъ въ селахъ — стѣнь. Не прибѣгая съ довѣренностью къ врачевнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣды семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродящіе обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ нашихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простодушіемъ и не только мучатъ людей, имъ вѣрящихъ, но варварски ихъ терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполнѣ

семейныя бѣдствія, пристокающія отъ разныхъ толковъ знахарей, кудесниковъ, вѣдуновъ, ворожей, чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ болѣзни домашнихъ. Бродячій знахарь укажетъ имъ средство, увѣритъ въ его полезности и оно переходитъ изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Средства, предложеннаго ему за тайну отъ знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность излеченія.

Въ селахъ дитя, страдающее стѣнью, почитается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю царей о помилованіи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніе, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолять объ исцѣленіи знахарей. Призванный знахарь, какъ дока, какъ знающій всю подноготную, берется за врачеваніе. Больное дитя, по его совѣту, несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое, или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признакъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подъ обливаніемъ холодной водою. Совѣтъ знахаря, это явное убійство—почитается въ деревняхъ благодѣяніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ мифами и разныя заблужденія. Народное повѣріе: будто взглядъ человѣка лихого, злобнаго, хитраго, сообщаетъ болѣзни, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешло въ русскую землю съ Востока, по преданію, отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе названо: съ глазу. Наши простолюдины не имѣютъ еще понятія о глазномъ месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается порожденіемъ съ глаза. Нѣтъ недуга, который бы не происходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ всего средства, употребляемыя въ сельской и городской жизни, и ихъ средства по большей части приводятся въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ.

Берутъ: воды непитой, неотвѣданной никѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца; заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ такому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки, знахари

велятъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣва то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить на телѣгу, запретъ невъженную лошадь и скакать къ полю во весь скокъ. Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Приѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку сею поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Нослѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого всѣ бѣды, замышляемыя злыми людьми, обращаются на ихъ головы. Часто случается, что поселяне, изъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ знахаря сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе въ симпатіи такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ, отъ знахарей, леченіе зубовъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатіями, обмазываютъ палецъ наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ рассказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченіе зубовъ прикосновеніемъ пальца будто зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка крота и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шепотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю».

Когда призываютъ знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шепотомъ приведенный наговоръ. Послѣ сего заставляютъ полоскать ротъ поутру и ввечеру кислымъ уксусомъ. Конечно, что здѣсь дѣйствуютъ наркотическія вещества въ соединеніи съ уксусомъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвившій крота.

10. Куриная слѣпота.

Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ, или на солнцѣ, или передъ водою, названа знахарями куриною слѣпотою. Для оболъщенія поселянъ, они создали повѣріе, будто куриная слѣпота есть напущеніе злыхъ людей, что она соскабливается ножемъ, которымъ зарѣзываютъ старыхъ курицъ, и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотять отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическія явленія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ ночную слѣпоту—hemeralopiam, болѣзнь переименованную знахарями въ куриною.

Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по совѣту знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кандушкою, и говорятъ шепотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куриною слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазунки».

Народъ думаетъ, что деготь доводится сродни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту. Послѣ сего больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, то тебѣ отдамъ».

Потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда исчезаетъ куриная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и конопли происходитъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣрiемъ:

Въ русской народной символикѣ принято за основанiе, что морозъ происходитъ отъ выходненiя злыхъ духовъ. Зимомъ, когда установятся большiе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житiе. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуютъ себѣ въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ и отъ подутiя въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелю, или иней садится на дерева. Для отвращенiя сего зла, знахари выдумали проклятiе на морозъ, съ совершениемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные знахарями, приступаютъ къ заклятiю мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлѣзаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ! приходи кисель ѣсть.

Морозъ, морозъ! не бей нашъ овесъ.

Ленъ да канапи въ землю вколоти.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домѣ окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слѣзаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятiе, высказанное старикомъ, на ленъ и конопли замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же, удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопли, ни овса.

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущіе на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаются съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты неразмѣнный рубль. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибѣгаютъ къ знахарямъ для пріобрѣтенія рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ, и покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запроса, безъ всякаго торга. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развилину дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряный». Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложеніемъ разной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавить нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій желаемый рубль долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратитъ рубль, кричитъ за нимъ вслѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! Зачѣмъ же оторвалъ ему голову, увѣряя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать такихъ разсказовъ; онъ обязанъ скорѣе бѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезнетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовольствовать всю жизнь. Знахари совѣтуютъ такимъ

обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлѣзаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольститъ обладателя, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глиняный. Въ другой же разъ неразвѣнный рубль не дается въ руки.

Здѣсь знахари совершаютъ явный обманъ надъ поселянами. Часто этотъ неразвѣнный рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ дворамъ обманщиковъ: знахари безъ этого подарка не открываютъ способа приобрѣтенія.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ за кость невидимку? Это, или что нибудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! знахари составили обряды, наговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатели сего тайнаго открытія крадутъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного бѣлаго волоска: вся шерсть должна быть черная. Въ этомъ поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ такомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, обѣщаетъ выщипать бѣлую шерсть и держать до тѣхъ поръ, пока вы-

ростеть новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари — въ кошкѣ не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а знахарь правымъ. Кошка, признанная запахремъ за одношерстную, варится въ чугунномъ котлѣ, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣніе, а особливо если знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и таѣе, которые съ большимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. Въ такомъ случаѣ остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ придти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утаить что нибудь отъ знахаря, или торгуясь съ знахаремъ пожалѣлъ барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго — кость невидимку. Въ другой разъ невозможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вывари, все не будетъ ничего, говорятъ знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемою запахремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностью они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь,

вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависитъ отъ знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особливо зажиточный, идетъ къ знахарю съ большими подарками, поклонами, съ просьбами — защитить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь-то знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь-то робкій поселянинъ, утраченный до послѣдней возможности, дѣлаетъ несчетные посулы за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сельской свадьбѣ есть первый гость: его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленого вина; ему пекутъ нирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ боятся; при немъ всѣ покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы знахарей обольщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія «князя и княгини». Такъ величаютъ въ деревнѣ новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обметаетъ потолокъ, оскабливаетъ верей, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бунзою и вручаетъ свату вѣтку девятизерноваго стручка. Эта вѣтка есть верхъ искусства. Если ее будутъ держать за пазухой попеременно то свать, то сваха, то всѣ умыслы враговъ обратятся ни во что. Если поѣдетъ поѣздъ, забьютъ лошади отъ злобнаго наговора, то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирушкѣ, развяжись кушакъ у молодого, отвались чтонибудь отъ кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправить эта одна вѣтка. На третій день знахарь беретъ

свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Этимъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ вывѣдываніе жены. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости знахаря.

Старухи-свекрови всегда бываютъ нерасположены къ невѣсткамъ, а особливо, если находятся въ семьѣ старья, незамужнія дѣвицы. Внушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи жепъ, онѣ прибѣгаютъ за откровенными совѣтами къ знахарямъ: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву кануперь, имѣющую свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ, по сказанію знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невѣсткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствіе недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ кануперь, недужную кладутъ на печь. Свекровь съ зажженою лучиною пробуетъ свою невѣстку по пяткѣ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выспрашивая на разные способы бывшее и небывшее. Мужъ такихъ разспросовъ не обязанъ слушать. Послѣ этого идутъ ночью къ знахарю, и свекровь, во услышаніе мужа, рассказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, рассказываетъ по водѣ приѣмты обольстителя. Съ этого времени начинается семейная разладаца.

Въ старину рускіе бояре содержали обширную дворню, среди которой всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни дворовыхъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ спотѣть на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцемъ. Когда же прійдетъ домой, то потное полотенце положить тайно отъ жены подъ подушку. Едва жена засыпаетъ, уже мужъ слышитъ, какъ она, сонная, рассказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такіа подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ знахарю для разспросовъ о примѣтахъ обольстителя. Къ счастью своему, догадливыя жены напередъ провѣдываютъ знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

16. Развѣнный колпакъ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей чернокнижію. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ рассказовъ знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ потомству. Въ сельскихъ рассказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при наученіи чернокнижію. Здѣсь приводимъ для любопытства одинъ сельскій рассказъ, записанный слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малый. Собой не великъ, а прыти въ немъ было воевъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало, потѣшиться, то вся деревня стонетъ. Живаль не трудясь, а хлѣбецъ бѣлый ѣдалъ; за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка, всѣ идутъ

къ нему. Просватають ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто, посылають къ нему на утѣху. Одна бѣда съ нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Нашъ миръ больно на него зубы грызъ. Дѣлать въ огласку никто не посмѣлъ; оттого-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло, вишь, какъ было.

«Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подъ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ шель за ними издали, не въ домекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюльку. Долго шептали на ней, окаянные; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху, давай зарывать въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ давай себѣ запримѣчать. Прошла зима. Выросъ горохъ. Нашъ малый похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любитъ себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удалой нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ. Какъ выдернулъ, ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ какъ удалой пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвый глазъ, а правымъ ну смотрѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ то же дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Всѣ были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобранъ молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсиль, да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Въ крас-

номъ колпакъ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и сорвалъ красный колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоить да и только. Вотъ и давай твердить о посудахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башнѣ. Долго отнѣживался онъ отъ мѣны; однако поскакалъ за лѣсъ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любитъ колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его больно нужно. Вотъ идетъ весь избитый. Видишь, нечистая-то сила долго не выпускала его на башню, а онъ пробрался сквозь щелочку; хотъ изодралъ себѣ морду, да за то досталъ. Видно, безъ колпака тошное житье. Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Маяли, маяли другъ друга, да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣннымъ; а нашъ удалой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистою силою, хитрилъ по-своему надъ православными, да и пропалъ безъ вѣсти. Лѣсникъ-то было себѣ задумалъ, анъ не тутъ-то было: ничего не выждалъ; только у него во дворѣ вся скотина перевелась».

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрятъ какому-то особенному предчувствію, по которому поселяне будто бы узнаютъ о пребываніи среди ихъ вѣдьмы. Люди, свѣдущіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть вѣдьма. Такіе признаки, по увѣренію знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время, поселяне, выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги.

Увидѣвши это, они прежде всего узнають, чье это поле? Много ли изломалось на немъ косъ? Потомъ распускають молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не бывало; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая женщина въ семействѣ его покумилась съ вѣдьмами; что вѣдьмы собираются сюда каждую ночь плясать. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ вообще отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣдъ, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ ихъ новая вѣдьма хочетъ извести всю деревню. Распуская такіе слухи, знахари каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ землею и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣя объ этомъ заблужденіи поселянъ, мы смѣло ихъ увѣряемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ и происходятъ по опредѣленнымъ физическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣетъ подземные источники. Отъ отдѣленія влажности, земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары, отдѣляясь отъ влажной земли, спускаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнечномъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу, они исчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы знахари выставляютъ за пляску вѣдьмъ. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ, въ утреннее время, происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ

въ видѣ клейкой и смолистой матеріи, и по своей тяжести, стекая, образуетъ около себя кругъ, сообразный высотѣ. Всѣ поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдная роса, но никогда не обращаютъ вниманія, какъ она стекаетъ съ деревъ на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

18. Собачья старость.

Собачья старость будто нападаетъ въ деревняхъ на дѣтей одногодокъ, предъ прорѣзываніемъ зубовъ, по большей части, лѣтомъ. Старушки-лечейки, замѣтивши больное дитя, объявляютъ, что дитя, не доживя вѣку, умретъ; что къ нему прикочнулась злая болѣсть — собачья старость. Несчастные родители вѣрятъ этому вздору и просятъ лечейку избавить отъ болѣсти. Къ назначенному дню отыскиваютъ маленькую собачку, однолѣтку, бѣлошерстную; топятъ къ ночи печь жарко-на-жарко, и съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ приступаютъ къ дѣлу. Лечейка связываетъ собакѣ ноги и кладетъ въ топленую печь, потомъ принимаетъ изъ полы отъ матери больное дитя и кладетъ рядомъ съ собакою. Послѣ этого начинаетъ парить дитя и собаку. Родители увѣрены, что чѣмъ больше дитя кричитъ, тѣмъ скорѣе съ него сходитъ болѣсть. Пареніе кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полужизненное и нерѣдко умирающее. Собаку всегда стараются въ эту же ночь утопить.

Сказанія о ворожбѣ.

1. Гаданіе на картахъ.

Ворожба на картахъ такъ усилилась въ городской жизни, что сдѣлалась особенною принадлежностью людей, посвятившихъ такому занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба сего рода извѣстна болѣе въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются ею болѣе дворовые люди, заѣзжіе изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для нихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь рассказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно, ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытію гаданія на картахъ, мы не намерены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей и разнообразныя до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ гаданія на картахъ.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записныя гадальщицы, люди, имѣющіе связь со всѣми дворо-

выми людьми, съ торговками, посѣщающими многіе дома, съ разносчиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сесредоточиваясь всегда въ этой сферѣ, онѣ ежедневно собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадалщицъ, всегда бываетъ извѣстна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, онѣ напередъ знаютъ: кто и зачѣмъ пришелъ? что должно сказать каждому? Всѣ посѣтители вѣрятъ имъ на-слово, не требуя никакихъ доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бываютъ двусмысленны. Главныя основанія гаданія на картахъ сосредоточиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бываютъ влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадъ благопріятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгоряченные, несвязные въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй разрядъ людей, посѣщающихъ ворожеекъ, состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разнымъ образомъ. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горестъ, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добромъ для нихъ разсказѣ, нетерпѣливость, безпрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаленіе отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ, всегда указываютъ ворожейкамъ: зачѣмъ явились къ нимъ люди, носящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій разрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, непредвѣщающая большого достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; разспросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разныя предпріятія, неволью высказываемыя; радость и отчаяніе, без-

прерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ— вотъ вѣрныя указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается гаданіе на картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами бѣгутъ въ покой обманщицы и вѣрятъ въ карты.

Довѣріе къ картамъ, проистекая отъ страстей и худого направленія духа, можетъ быть только истреблено однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Всѣ предпріятія для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственного образованія.

2. Гаданіе на кофе.

Гаданіе на кофе образовалось въ городахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣріе къ такому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; оттого-то люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофе; одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаются на это. Повѣріе, что гаданіе на кофе всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ такой ворожбы.

Главные основанія ворожбы на кофе также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливыя, расторопныя и часто пьяныя, по русскому народному повѣрію, пьющія отъ ума.

Кофейницы свою ворожбу производятъ открыто, одною густотою варенаго кофе. Принимая къ себѣ посѣтителей,

онѣ эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. Засимъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столѣ, на блюдечко наливаютъ воды; взявши чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погружая троекратно, при произношеніи словъ: вѣрность, дружба и согласіе. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ примѣты условныя, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь человѣка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ свиданіе, лишеннымъ имущества—вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываютъ: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ нечаянное обогащеніе.

Тѣни земель и растеній предсказываютъ: вѣчные раздоры, худые замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худые обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ опасность отъ злыхъ людей, неблагоприятную дорогу, огорчительныя письма, извѣстія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

3. Гаданіе на псалтырѣ.

Гаданіе на псалтырѣ принадлежитъ вмѣстѣ и сельской, и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырѣ рѣдко встрѣчаемъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Присту-

пая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ винтовымъ концомъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человѣка держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайно какой-то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хорошій признакъ и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если псалтырь не вертится, то это худой признакъ, гаданіе, необъщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служитъ въ пользу обманщиковъ. Такой родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ проходящихъ читать. Послѣ каждого чтенія начинается толкованіе. Всякій благоразумный человѣкъ можетъ напередъ представить, какое бываетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, прискиваютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни проходящаго человѣка.

Сей способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о германцахъ, упоминая о соборѣ епископа Бургарда, приводитъ вопросныя пункты о гаданіи на псалтырѣ. Слѣдовательно, это гаданіе не принадлежитъ собственно русской жизни, но оно передѣлапо на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій.

4. Гаданіе на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большою довѣренностью при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на

рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отлучаютъ отъ рѣшета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде сѣютъ этимъ рѣшетомъ снѣгъ, потомъ вытрясаютъ его при лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по рассказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двоякимъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону и потомъ начинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чемъ имени посятитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается нѣсколько иначе. На верху рѣшета привязываютъ ножницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ постороннихъ человѣкъ. Эти свидѣтели ставятъ концы ножницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: «Бѣлый укралъ? Черный укралъ? Рыжій укралъ? Сѣдой укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?» При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завертѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завертѣлось при вопросѣ: бѣлый укралъ?—то похититель есть бѣлый человѣкъ. Послѣ чего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣетъ такія-то примѣты. Само собою разумѣется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сообразно обстоятельствамъ и времени.

5. Гаданіе на яицахъ.

Гаданіе на яицахъ принадлежитъ въ сельской жизни однимъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣетъ разныя приуроченія. Такимъ производствомъ почти всегда зани-

маются бродящія старухи, а изъ домашнихъ няньки. Толкованія старухъ и нянекъ принимаются за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ яичный бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка отражаются различныя фигуры. По этимъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

Фигура, отражающая церковь, предвѣщаетъ: дѣвушка скорую свадьбу, пожилой — смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами, предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвушка — отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчине — отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаетъ опаснымъ бѣдствіемъ, смертью, пожаромъ, вѣчною незамужнею жизнью.

Объясненіе сего гаданія основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, не слыжавшіе объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. Гаданіе на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичьей жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда поносится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ, съ какими предрасудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхожденіе гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ двѣ иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонуть, то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ, то это предвѣщаетъ скорое вступленіе въ замуже-

ство; если онѣ разошлись одна противъ другой, то это означаетъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разные стороны, то это предсказываетъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намеками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ выштытываютъ отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. Гаданіе на воскѣ.

Гаданіе на воскѣ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совету нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночные часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый, подкупая няньку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаетъ ей, вручаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ посылаются свахи, женихъ является на смотрины и дѣло слаживается безъ дальнихъ хлопотъ.

Гаданіе на воскѣ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытыя няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тароватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благопріятное; напротивъ того, бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ нелѣпости разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Гаданіе на свинцѣ.

Гаданіе на свинцѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, производится въ городахъ и селахъ, подъ рукою нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, переиспытавшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для занятія.

Ворожен растапливаютъ свинецъ, вливаютъ его въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары, на той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ показывать гробъ, то это предвѣщаетъ скорую смерть.

9. Гаданіе въ зеркалѣ.

Самое дѣйствительное гаданіе въ зеркалѣ совершается на дворѣ при лунномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости, совершается и въ домѣ, и притомъ во всякое время. Лучшимъ временемъ для этого гаданія признается полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркалѣ не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, приравливали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обаяніе, оно нережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждой ворожеи. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и русской жизни.

Наши ворожеи, собираясь гадать въ зеркалѣ, избираютъ уединенную комнату, берутъ два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столѣ, противъ него маленькое; гадающая садится предъ зеркаломъ, обставленнымъ свѣчами. Всѣ окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадающая смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большомъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркалъ. Какъ скоро будутъ наведены зеркала, то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный поневолѣ этимъ гаданіемъ; приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его примѣты. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чурани привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старушки увѣряютъ, что, если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ роковой мигъ начинаютъ чурать; привидѣніе исчезаетъ, а оставленная на столѣ вещь остается въ ея пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой, ряженой! Покажишь мнѣ въ зеркалѣ», и мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительность сего гаданія заслуживаетъ сожалѣнія о заблужденіи людей, до-

ступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркаль, отражающихъ мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая рассказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предрасудковъ,—служать основными началами этой ворожбы. Истинное образование ума, непреложная вѣра въ Бога, усилія людей благомыслящихъ, можетъ быть, современемъ, избавятъ нашихъ соотечественниковъ отъ явнаго заблужденія.

10. Гаданіе курицею.

Гаданіе черною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія винили праваго, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечемъ въ рукѣ защищаль свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ русскую землю—доказать невозможно. Наши ворожеи употребляютъ его для открытія похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подозревають многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ собираютъ вечеромъ въ одну избу, тушатъ огонь и впускаютъ курицу, осыпанную сажею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричить, бѣжитъ прочь и не подпускаетъ его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые, по необходимости, окрашиваются сажею; одинъ только похититель не удостоивается этой почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашенъ сажею и кто нѣтъ? Если есть челоуѣкъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная слѣдствія, неужели не

захочет оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, неужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? неужели побойтся ея прикосновенія, особливо поселанинъ, грубый и безстрашный? Мыѣ извѣстенъ случай, гдѣ производилось открытіе похитителя такимъ гаданіемъ. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехлѣтній мальчикъ былъ пощаженъ курицею. Истинный похититель-работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія, а мальчика вся деревня признавала виновнымъ дотолѣ, пока открылось, черезъ восемь мѣсяцевъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытіе не могло облагородить поселань въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предрасудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

11. Водогаданіе.

Водогаданіе въ русской семейной жизни присвоили себѣ ворожейки, женщины, распоряжающіяся всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всевозможные вздоры, находятъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записныя ворожейки, выдавая водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семейныхъ тайнъ, всегда говорятъ, что онѣ научены этому отъ страшнаго колдуна и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, что бы имъ ни предлагали. Въ званіе водогадательницъ всегда вступаютъ женщины, ни къ чему неспособныя, по большей части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумушекъ», извѣстныхъ на Руси своею расторопностью въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что это ремесло на роду не приходитъ, а только передается. За передачею жен-

щины прибѣгаютъ къ знахарю или старой колдунѣ. Знахарь требуетъ посуловъ: штофъ вина, скатерть, двѣ рубашки, кушакъ и полотенце. Это все заранѣе приносится, потому что требованіе знахаря извѣстно всему селенію. Знахарь ставитъ будущую водогадательницу къ загниѣткѣ, накрываетъ лицо полотенцемъ, ставитъ на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и дуетъ на воду; потомъ снимаетъ полотенце съ водогадательницы. Наговоренная вода выливается подъ вереву, а въ мису вливается вино. Знахарь, накрывшій мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась «во саму утреннюю зорю». Водогадательница является не съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже знахарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣлѣ: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вѣроятно, что это предпочтеніе ведется по преданію, безъ всякаго отчета. Русскіе люди водогаданіе распространяютъ на многіе виды; но его, по большей части, употребляютъ для открытія похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ грамотнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ доскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья именная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполне этому гаданію; другіе считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на студенцѣ, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность такого гаданія представляется такъ очевидно, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то удобно можетъ скользить по поверхно-

сти, точно также, какъ скользить камень, брошенный въ рѣку угломъ.

12. Гаданіе на бобахъ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо клюшницы, няньки и экономки, по волѣ или неволѣ барской. Олицетворяя бобы частями человеческого тѣла, онѣ разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благоую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ ворожеи всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, излагаемые ими, изучаются по преданію.

Ворожейки для этого гаданія берутъ сорокъ одинъ бобъ и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на три части. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ первой части. Потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ третьей части. Послѣ того составляютъ вторую линію изъ бобовъ, отлагаемыхъ въ сторону, также въ три порядка. Третья линія составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ, устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи ворожеи называютъ головою, третій въ этой же линіи рукою, второй порядокъ во второй линіи сердцемъ, третій порядокъ въ третьей линіи ногою на походѣ.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; рука предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; сердце говоритъ: печаль или радость; ноги на походѣ означаютъ: прїѣздъ и отправку въ путешествіе, получение, посылку, исполненіе желанія.

Равное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожеи въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ». Неровное число бобовъ—нечетъ въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благопріятное. Ворожеи тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ».

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожеи такъ разпообразятъ его, что посѣтителіи всегда измѣняютъ свои намѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ всего сердца, то они не по мысли. Все это онѣ разгадываніемъ подтверждаютъ, и оканчивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожеи.

18. Святочныя гаданія.

Никогда русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздолѣ, какъ на святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселости, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженныхъ; старики рассказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достовѣрность гадалій. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ. Женщины позыватки обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ лелѣтся ненаглядное дитятко, краса дѣвичья, зазноба молодецкая.

Вся важность святочныхъ вечеровъ заключается въ га-

даніяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Отыскивать первоначальное появленіе этихъ гаданій нѣтъ никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорятъ объ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ нехристіанскимъ русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполне объяснимыми. Мы остаемся при одномъ мнѣніи, что святочные гаданія усвоивались русской жизни въ продолженіе многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ сосѣдними народами. Если бы была возможность тщательно прослѣдовать отдѣльныя повѣрія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы могли съ точностью означить: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣрія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она истекаетъ изъ дѣйствительнаго бытія миеовъ древней восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои періоды, столь явно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаемъ бытъ великоруссовъ, мы постигаемъ бытъ малоруссовъ, мы вѣримъ въ отдѣльное существованіе быта бѣлоруссовъ; но можемъ ли мы смѣло сказать, что они отдѣлены одинъ отъ другого? Ихъ разнообразныя проявленія заставляютъ думать, будто они никогда не сливались одинъ съ другимъ, будто никогда жизнь великорусская не селилась на поляхъ малорусскихъ, если бы исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль при содѣйствіи другаго. Отчего миеовы, повѣрья, семейныя сказанія Бѣлоруссіи отличаются отъ миеовъ, повѣрьево, семейныхъ сказаній Великоруссіи? От-

чего малоруссы вѣрить въ повѣріе, едва извѣстное великоруссу и о которомъ совершенно не знаетъ бѣлоруссы? Въ чемъ заключается основная причина переселенія миеовъ отъ одного народа къ другому? Отчего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной жизни? Подробное обозрѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предположеніе о переходѣ повѣрій въ русскую жизнь въ продолженіе многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святочныя гаданія, совершаемыя доселѣ въ русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 декабря по 5 января, и притомъ въ разное время. Такъ одни совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи приготавливаются ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Исчисляемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Собравшись все вмѣстѣ, въ одинъ домъ, дѣвицы выходятъ на улицу: здѣсь каждая изъ нихъ должна спрашивать объ имени перваго встрѣтившагося ей человѣка. Онѣ вѣрятъ, что такимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это самое окликаніе производится подъ новый годъ; дѣвушки тогда выходятъ на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, внимая разговору веселому или скучному, предрекаютъ себѣ такую же жизнь въ замужествѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣницы, и потомъ въ покояхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитый.

Выводятъ изъ конюшни лошадей черезъ оглоблю. Если которая зацѣпитъ оглоблю ногами, то мужъ будетъ сердитый.

тый; если же перескочить чрезъ нее, то мужъ будетъ тихій и смирный.

Подходятъ къ амбарамъ: если услышатъ пересышку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подъ церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: «со святыми упокой», то это предвѣщаетъ смерть; если услышатъ что нибудь свадебное, то означаетъ, что въ томъ же году выйдутъ замужъ.

Снимаютъ съ насѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое, то мужъ будетъ богачъ; если серебряное, то мужъ будетъ ни богатъ, ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ лѣстницахъ баясы, говоря: «вдовець, молодець», и доходя до послѣдней, смотрятъ: на какомъ словѣ остановились, такой будетъ и мужъ.

Выходятъ къ забору и говорятъ: «залай, залай, собаченька, залай, сѣренкій волчокъ». Въ которой сторонѣ услышитъ дѣвушка лай, въ той сторонѣ будетъ жить замужемъ. Если лай раздается близъ дома, то это показываетъ, что отдадутъ замужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышный, то будетъ выдана замужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки чрезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ. Худой признакъ для дѣвушки, когда ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей замужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окна сосѣдей во время ужина. Если

замѣтять сидящихъ за столомъ съ головами, то предвѣщаютъ себѣ, что будущіе родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ вымрутъ.

Послѣ подблюдныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвушекъ, отливая нѣсколько этой воды подъ вереву, беретъ въ горсть снѣгу. Приходя въ покой, смотрятъ: какого цвѣта снѣгъ, такъ и будетъ и суженый.

Полуночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12 часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослые дѣвицы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гадающія дѣвушки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «суженый, ряженный! поѣзжай мимо окна». Если которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ, съ свистомъ, то предрекаетъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поѣздъ будетъ тихій, то предрекаетъ себѣ замужнюю жизнь въ бѣдности.

Вывѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Берутъ скорлупы грецкихъ орѣховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на маленькіе кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ дѣвушекъ зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Здѣсь замѣчаютъ: которая потонетъ, та умретъ незамужнею; у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выйдетъ замужъ; а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать замужемъ.

Отчаянная дѣвушка покрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «суженый, ряженный! приди ко мнѣ поужинать». Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она,

оставшись одна, запираетъ двери, окна, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтеръ жужжитъ подь окнами, съ свистомъ; удары въ окна, въ дверь; смрадный запахъ. Потомъ является суженый. Дѣвушка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платье. Суженый садится за столъ, начинаетъ говорить. Дѣвушка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «какъ звать?» Суженый рассказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна говорить: «чурь моего мѣста! чурь моей загадки!» Суженый исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную. Если она сробѣетъ и не зачураетъ, то суженый производитъ разныя проказы.

Дѣвушки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка всыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ: «полю, полю бѣлъ снѣгъ среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженый!» Въ это время каждая дѣвушка прислушивается, какъ лаятъ собаки. Хриплый лай означаетъ суженаго старика, звонкій—молодого, толстый—вдовца.

Дѣлаютъ съ вечера изъ воску стадо лебедей по числу дѣвиць. Лебедку окрашиваютъ румянами, а лебедь остается бѣлымъ. Гадальщицы выбираютъ для себя лебедя съ лебедкою, опускаютъ въ чашку съ водою и накрываютъ платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложиться спать, смотрятъ, какъ плаваетъ лебедь съ лебедкою? Если плаваетъ вмѣстѣ, то замужня жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самыя отчаянныя и пожилыя дѣвушки выходятъ въ лунную ночь на рѣку послушать въ прорубь. Нянюшки стелютъ воловью шкуру. Дѣвушки садятся слушать и смотрѣть въ воду. Которая выйдетъ въ этотъ годъ замужь, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придетъ на сговоръ; которой же си-

дѣтъ въ дѣвкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера въ рюмку воды, опускаютъ кольцо и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ нянюшки припосытъ рюмку и смотрятъ: сколько бугорковъ, столько родится сынковъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Нянюшки съ вечера обсѣваютъ золой башмаки и прячутъ подъ кровати, будто скрытно отъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается объ этомъ. Дѣвушки встаютъ и смотрятъ: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, въ комъ предрекается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели пряжу, начесываютъ на гребень и спускаютъ за окно. Предъ сномъ смотрятъ: какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старушекъ и, для большей дѣйствительности, людьми посторонними.

Сбираютъ изъ прутьиковъ мостикъ, кладутъ подъ подушку. Дѣвушка, ложась спать, говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ переведетъ меня чрезъ мость». Суженый является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мость.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженный! причеси мнѣ голову». Суженый является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ и ѣдятъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ пить мнѣ подастъ». Суженый является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четырехъ королей и говорятъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ приснишь мнѣ во снѣ». Суженый снится во снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

14. Снотолкованія.

Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки въ нашихъ городахъ и селеніяхъ, которая бы не вѣрила снамъ. Въ старину бывало со всякимъ сномъ хаживали женщины къ ворожейкамъ. И тогда русскіе сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что ни увидятъ во снѣ, все сбывалось на яву. И какъ такимъ снамъ не вѣрить! Нынѣ уже совсѣмъ не то. Увидятъ ли что во снѣ, сейчасъ наводятъ справку съ московскимъ оракуломъ, чуднымъ оракуломъ. Въ немъ объяснены всѣ сновидѣнія. Не оттого то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени ихъ появленія. У нихъ сны бывали: вечерніе, полуночныя, утренніе. Вечерній сонъ не имѣлъ никакой важности; ему мало вѣрили, объ немъ даже не ворожили. Сонъ полуночный почитался важнымъ; объ немъ-то заботились болѣе всего; онъ-то и привлекалъ женщинъ къ ворожейкамъ. Сонъ утренній былъ особенною принадлежностью молодыхъ, мужа съ женою, на первомъ году ихъ бракосочетанія. Этими снами только забавлялись старики, когда молодая начнетъ, бывало, рассказывать своимъ роднымъ. Сонъ дѣвушки уважался только во время святочныхъ ночей.

Разгадываніемъ русскихъ сновъ промышляли кумушки, старыя няньки, сосѣдки-старухи, живущія въ одиночествѣ, и особенный классъ людей — лечейки, женщины бродящія съ узелками травъ по улицамъ въ селахъ и городахъ, а по субботамъ исправляющія званіе акушеровъ въ баняхъ. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркамъ. Богатымъ всегда снились сны хорошіе; а бѣдные, что ни увидятъ, все оканчивалось бѣдою. Мы приводимъ здѣсь

городскіе сны, записанные слово въ слово съ объясненіями ворожеекъ.

Сонъ молодой, богатой русской женщины. «Вотъ какъ теперь, вижу гору высокую. Гора та не то, что наши горы земляныя; не то что мой Парамонъ Филимонычъ дѣлалъ для Миши прошлою зимою; гора была вся хрустальная; на горѣ стоялъ теремъ. Да какой же теремъ-то? Весь золотой, весь горитъ, какъ солнышко, весь полонъ людей. Вотъ и думаю: идти ли мнѣ во теремъ? Пойду же, когда такъ придумалось. Иду по дорожкѣ, а гора растетъ выше, теремъ выше того. Вилась, билась, а все стою на одномъ мѣстѣ. Придумала снова, какъ дѣлу быть. Не пойду, когда такъ! Сказала и сдѣлала. Вдругъ вижу — и что же? Съ горы идетъ мой Парамонъ Филимонычъ. Я было его и не узнала. Да и какъ было узнать? Видишь, онъ былъ молодець-молодцомъ; кафтанъ на немъ золотой парчи, шапка чернаго бобра; кудри русыя развѣвались по плечамъ ключевой волной. А идетъ-то онъ не по сырой землѣ, а по ковру узорчату. Какъ подошелъ ко мнѣ, да и раскланялся, да и взялъ за руку. Я де тебя давно жду, молвилъ онъ. Какъ пошли мы, гора стала опускаться, теремъ сталъ растворяться, весь народъ поклоняться. Тутъ-то я проснулась».

Разгадываніе сна молодой, богатой женщинѣ. «Ахъ, ты моя дорогая голубушка! Да какой же сонъ твой славный. Видно кому счастье на роду написано, тому и наяву и во снѣ сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богатство твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взгадаешь сосчитать его, то вырастетъ выше нашей поповой горы. Что теремъ-то золотой, то торгъ Парамона Филимоныча. А что народъ во теремѣ, то товаръ золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамонъ Филимонычъ-молодецъ молодцомъ, во кафтанѣ золотой парчи, то утѣха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золотъ-

теремъ растворяется, что народъ поклоняется, то богатство расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сонъ твой, любовь да согласіе съ Парамономъ Филимоничемъ.

Сонъ старой, богатой женщины. «Живу, будто я, какъ было прежде, съ своимъ Агафономъ Карпычемъ, на первомъ году, во любви, во согласіи. Домъ нашъ полнымъ-полонъ; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было! Были молодья молодушки, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки. Ни одной-то не было красной дѣвушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпычъ не сидитъ, не ходитъ, а все гостей подчуетъ; ужъ и я ли молода за столомъ не сижу, а все гостей подчую. Вдругъ на дворѣ стемнуло, и во покояхъ тожъ. Не вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна одиначка. Тошнымъ тошно стало мнѣ въ одиночествѣ. Вдругъ солнышко засвѣтило на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня, калина съ малиной, да розовый кустъ. Тутъ я и проснулась. Ко добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу».

Разгадываніе сна старой богатой женщины. «Къ добру и къ радости твой дорогой сонъ, золотая моя голубушка. А видѣла-то ты все старое житъе, когда здравствовалъ твой Агафонъ Карпычъ. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодья молодушки, твои замужнія дочки; что пожилыя, въ твою пору, то родимыя сестрицы твои; что старыя старушки, то твои сватьюшки; что не было ни одной красной дѣвушки, то ты одна во дому. А что на дворѣ затемнилось и во покояхъ тожъ, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Ужъ какъ солнышко взошло, то на радость тебѣ, во твоёмъ одиночествѣ. А зелень твой садъ, то красная семья, то радость твоя. Калина съ малиной, то твой сынъ со невѣсткой, то утѣха

твоя. Ужъ какъ розовый кустъ, то все внучки твои, то придука твоя. Хорошъ твой сонъ, и не всѣмъ на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будетъ ихъ. Береги свой кустъ, покой калину съ малиной. Счастье твое при тебѣ».

ДОПОЛНЕНІЯ.

І. Книги Сивилль.

Книги Сивилль, извѣстныя нашимъ предкамъ, доселѣ сохраняются въ спискахъ, различныхъ по содержанію и по составу. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на старыя списки.

1) Троицкій списокъ: о Сивиллахъ, колико ихъ было. Исторіографъ, Н. М. Карамзинъ полагалъ, что этотъ списокъ написанъ Максимомъ Грекомъ (И. Г. Р. т. VIII прим. 241). Онъ находится въ библіотекѣ Московской Троицкой Лавры.

2) Румянцовскій списокъ, находящійся въ семь музеумѣ, отличается изяществомъ изображеній Сивилль и письмомъ. Заглавіе его: «Книга о Сивиллахъ, колика быша, и кѣими имены и о предреченіяхъ ихъ».

3) Толстовскіе списки, числомъ семь, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ нихъ:

1) Прорицаніе Сивилль. Списокъ помѣщенъ въ хронографѣ отдѣльною статьею на 938 листѣ. См. Росп. Толст. отдѣл. I, № 129.

2) Сказаніе о двенадцати Сивиллахъ, сиречь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 306 листу. См. Росп. отдѣл. I, № 141.

3) Сказаніе о дванадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ въ полууставной рукописи отдѣльною статьею на 177 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 65.

4) Изъ книги мудреца Маркуса о дванадесяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 260 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 140.

5) Изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 237 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 18.

6) Прорицанія древнихъ Сивиллъ, съ раскрашенными ихъ изображеніями. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 413 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 217.

7) Мудреца Маркуса, изъ его книги о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 48 листу. См. Росп. отдѣл. III, № 86.

Списокъ Румянцовскій писанъ на толстой Александрійской бумагѣ, въ поллистъ, крупнымъ полууставомъ. Заглавныя буквы въ отдѣльныхъ описаніяхъ нарисованы золотомъ, а въ срединѣ киноварью. При этомъ списокъ приложены изображенія двѣнадцати Сивиллъ, писанныя маслянными красками на холстѣ, съ золотыми полями. Въ концѣ книги, на листу 92, находится слѣдующее послѣсловіе:

«Богу въ Тронцѣ славимому, благопослѣшествующему, совершися и издася сія новая книга повелѣніемъ великаго нашего монарха, царя и августа Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ лѣто 7161, мѣсяца Октоврія въ 1 день».

Судя по этому послѣсловію, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотѣли печатать. Эпиграфъ, писанный на оборотѣ заглавнаго листа, объясняетъ побудительныя причины къ изданію:

Сивилля Ерифреа предрече:

Горе, горе тебѣ, Гогъ, и всѣмъ вкупѣ родо Магогъ.
Марсонъ и Аггонъ, еликаа зла вамъ жребій воздасть.

Толкованіе.

Горе тебѣ, Гогъ: сирѣчь скифе, татаре, варваре.
Горе тебѣ, Магогъ: сирѣчь невѣрный варваре, турче.
И тебѣ, Марсонъ и Аггонъ: сирѣчь сарацыне и арапе.
Жреби бо вамъ — многія зла всѣмъ невѣрнымъ уготов-
Сѣверный уже двоеглавый орелъ и благовѣрный [ляется.
Поразить васъ всѣхъ махметановъ, погановъ,
И оружіемъ креста царства и странъ вашихъ возодолѣть.

Содержаніе этого списка слѣдующее: Предисловіе, пи-
санное на 14 поллистахъ, вмѣщаетъ въ себѣ мнѣнія раз-
ныхъ писателей о Сивилляхъ; съ 15 поллиста начинается:
О Сивилляхъ предглаголаніе. Текстъ начинается:

«Презрядное видится быти древнее оное верховнаго
Аристотеля реченіе, еже пишетъ во своихъ метафісикахъ:
се есть вси человѣцы естественно вѣдати желаютъ жела-
ніе сіе о свѣдѣніи всѣхъ вещей, аще и многообразно бы-
ваетъ, обаче философи въ четыре опредѣленія вопросы-
тельная собираютъ, сирѣчь: аще есть? что есть? каково?
и чего ради есть? Сицевымъ образомъ и намъ начинать пред-
ложеніе наше о Сивилляхъ подобаетъ, яко да чиновнѣ и не-
смѣшена будетъ повѣсть наша. Чинъ бо святъ есть по фило-
софу всѣхъ вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зѣ-
ло темно и неудобъ разумно является; что же чиновнѣ и во
своихъ мѣстахъ положено, удобъ разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо опредѣленіе философское: аще есть? Сице
отвѣщаемъ:

«Вопрѣшается во первыхъ: аще есть или бысть Сивилля?
Понеже о ней, иже не суть во естество вопрошеніе, и от-
вѣтъ не дается.

«Во прошедшая времена убо Сивиллямъ быти и не единой, но различнымъ и различнымъ имянамъ нарицаніе явѣсть. Быти же нынѣ женѣ сидевой Сивиллѣ, аще и не обрѣтается, понеже не требѣсть намъ ихъ.

«Второе опредѣленіе есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всѣхъ философъ, о всѣхъ вещахъ спросити: что есть? И то имянуется у грековъ: оросъ, у латиневъ: дефиницію, сирѣчь опредѣленіе, или оканчиваніе; понеже оканчиваетъ существо и естество вещей.

«Мы о Сивилляхъ сице отвѣщаемъ: Сивилля есть женскій полъ человѣкъ, дѣвственный, чрезъ мановеніе предречительный; человѣка бо имянуемъ Сивиллу. Понеже и жена, яко Аристотель во метафісикѣ пишетъ: несовершенный мужескій полъ есть, зане жена студеншій имать и мокротійшій, нежели мужескій полъ сложеніе. Сего ради скорое ростеть, и скорое исчезаетъ, и разумъ имать мягчайшій и непостояншій. Дѣвственную имянуемъ Сивиллу, понеже дѣвицамъ быти, вси историцы согласно пишутъ, и на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется, яко пишетъ Іеронимъ; предречительную же имянуемъ, понеже вси Сивилли предрекоша и предреченія ихъ исполнихуса.

«Третіе опредѣленіе: каково есть Сивилля имянуется: Феовули; у римлянскихъ языковъ: пророчица имянуется, сего ради пророчицы Сивиллѣ нарицахуса. Сама Сивилля Ериереа о себѣ еще рече, глаголють нѣщии: яко Сивилля ложная и юрода есть, егда же всякая исполнена будутъ, тогда паки воспомянуть о нѣ.

«Четвертое опредѣленіе: чего ради есть Сивилля? Отвѣщаемъ сице: яко да вѣщще посрамлены будутъ, не токмо евреи, пророковъ своихъ нынѣ злѣ толкуютъ и превращенно разумѣютъ, но и язычнии, иже на боговъ своихъ и волхвовъ великую надежду имѣша. Сице Родигинъ во книзѣ 14 пишетъ: яко Даруинъ царь изыде отъ острова Самоса, и дщери Пивкра царя въ жены поя, именовъ: Нису и Ва-

тію; отъ первыя родися ему дщи, именовъ Сивилля, отъ нея же имя тое въ всѣхъ умножися и дадеса. Въ древнія времена книги Сивилль и ихъ предреченія въ сокровищахъ римскихъ царей хранишася, яко пишетъ Іоаннъ Зонорастъ, историкъ Греческій истинный; яко и во сокровищахъ греческихъ царей хранени быша книги Сивилльскія, въ нихъ же бѣша написаны не токмо стихи, но и образы различные человѣкомъ и звѣремъ.

«Понеже убо зѣло древле быша тыя Сивилли, того ради и смущеніе великое есть, не токмо между стиховъ и предреченіяхъ, но и между именъ ихъ, яко мудріи вси древніи имена Сивилль воспоминаху, и въ нихъ же обрѣтается предреченіе. Славнѣйшая и благороднѣйшая Сивилля Ериереа, яко нѣщы глаголютъ: тогда нача пророчествовати, егда нача соиздаться славный градъ Троада. Многія убо и различныя Сивилли обрѣтаются во исторіяхъ, та же и стихи и предреченія ихъ не исчисленна суть. Сочисляются же между иныхъ Сивилль: Родійская, Сикелійская, Левканійская, Сардинская, та же Сивилля именуется Ѳеспротійская, и Касандра, и Евреенина, и Халдейская, и Елиса, и Ѳетталійская, и Тараксандра, и Самонея, иже пророчествова, егда Византія соиздашеся. Многая-жъ тая имена имъ обрѣтаются, понеже каеждо отъ нихъ многими и различными имены именуется. Древніи убо вси число всѣхъ Сивилль и имена ихъ на десятое число сочисляютъ; нынѣшніе же послѣдніи мудріи даже до дванадесятаго числа ихъ простирають; сего ради и мы послѣдуемъ той проходный путь, и даже до дванадесятаго числа ихъ простираемъ».

На 25 поллистѣ начинается: повѣсть о Сивилляхъ и о именовехъ и о пророченіи ихъ. Глава I, Сивилля I Персидская. Извлекаемъ описаніе этой Сивиллы:

«Аще убо и многія и различныя Сивилли быша во различныхъ временахъ и странахъ, обаче между всѣхъ древ-

нѣйшая и славнѣйшая Персидская бысть, яже и Халдейская нарицается. Свойственное же имя ей бѣ Самвион, яко Суида во своихъ лексиконахъ пишетъ, во реченіи Сивилля повѣствуетъ: Персидская же нарицается, понеже отъ страны Персидскія бысть; иніи же нарицають ее Халдейскою; отъ нѣкихъ же именуется и Евреенина. Отець же бысть тоя Сивилли именовъ: Виросось, иже халдейскую исторію написа, мати же ея бѣ: Ериманеа. Ходила во златыхъ ризахъ, зряку была младообразнаго, красотою зѣло добра. А было прореченіе ея до Р. Х. за 1248 лѣтъ. Книги-жъ отъ нея написаны суть числомъ 24, о всѣхъ языцѣхъ и странахъ объявляющія. Іустинъ Философъ, въ словѣ своемъ къ языкомъ, пишетъ: сія Сивилля отъ Вавилона родословитися глаголетъ, сущая дщи Вироса Халдеянина; не вѣдаю убо, каково она во страну Италійскую во Камбанию приде, прореченіе предглагола, въ нѣкій градъ именованъ Кума, идѣ-же есть бани, сирѣчь теплыя источники. Мы-жъ сами пришли въ той градъ, и зряку нѣкое мѣсто, въ немъ же палата царская велика, изъ единого камени усѣчена видѣхомъ: вещь величайшая и всякаго чуда достойная, идѣ-же прореченія оная Сивилля содѣла, яко глаголаху намъ граждане того града, яко они отъ праотець своихъ отъ преданія слышаху. Посредѣ же палаты тоя царскія показаша намъ три корыта, изъ того же камени рѣзанныхъ, иже исполнены водою, глаголаше: яко оная въ нихъ умывашеся, и одеждою одѣянная во внутреннѣйшій храмъ палаты тоя входяше. Посредѣ же храма того на высокой степенъ и престоль сѣде, и прореченіе глагола. Показаша намъ мѣсто то, идѣ-же Сивилля прореченія дѣяша, и сосудъ нѣкій отъ мѣди сотворенъ, въ немъ же остатки тѣла ея хранятся, глаголаху. Во книзѣ же нарицаемой Туркогрециі, о мѣстѣ обитанія тоя же Сивилли сице пишетъ: слѣдуетъ древній храмъ языческій и потомъ озеро, иже именуется Авернъ, близъ же его, на оную страну, гора предлежитъ,

во той же горѣ пещера сице пространна, яко мало что не въ мило италіанскую усѣчена есть; въ ней же множайшіе храмы суть малотепліи, яко въ нѣкихъ и потствовать возможно. Тамо обитаніе Сивилли быти глаголютъ».

На листахъ 31, 32 и 33 помѣщены стихи этой Сивиллы, а на 35 листѣ начинается описаніе второй Сивиллы: Ливика.

«Вторая Сивилла Ливіанина, или Ливика именуется, понеже отъ Ливіи бѣ, яже естъ третья часть вселенныя, Африка отъ латиновъ именуется, нынѣ же Варбарія отъ турковъ речется; была взору средняго и зѣло черна, нося же всегда въ руцѣ масляную вѣтвь. Сія Сивилла, сице чрезъ стихи глагола:

«Прійдетъ день свѣтлости,
И разгонитъ вся темности,
За вся грѣхи посланъ будетъ,
И на вселенную новый даръ да будетъ,
Прійдите и не ищите темности и мрака.
Солнце сладкозрачное, се свѣтъ изрядно сіяеть».

Всѣ эти стихи, какъ сказано, выписаны изъ сочиненій Климента Александрійскаго.

На 37 листѣ слѣдуетъ описаніе: Сивилла третія Делфика.

«Сивилла Делфика или Делфійская именуется, понеже во Делфѣи, греческомъ градѣ родися, идѣ-же великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемисъ наречена есть. Бысть же прежде Троадскія брани, и писа прореченія чрезъ стихи, отъ нея же большую часть стиховъ Омірѣ, славный стихотворецъ, во своихъ книгахъ сложи. Сія Сивилла носяше во своихъ рукахъ всегда вѣтвь Дафінію, сирѣчь Бобковиное древо, имѣла главу связану власы своими, была младообразнаго лица. Бысть же отъ

страны Фригійи и во волхвища Делфійская приде, и сице поя чрезъ стихи:

О Делфій служители, далекострѣльному Аполлону,
Придохъ азъ пророчествовати Зевсови умъ страшнощит-
Возъярихся бо на своего брата Аполлона. [ному.

«Климентъ Александрійскій, во книгахъ своихъ Строматахъ, пишетъ: есть же иная Сивилля Ериореа, именованная Ерофилли, ея-жь воспоминаеть Ираклей Понтійскій, во книзѣ своей о прореченіяхъ. Во Делфисѣ же показуется камень, на немъ же глаголется перво сидѣти Сивиллѣ, яже отъ Геликона горы приде, идѣже отъ Мусы воспитана бысть. Иниі глаголють яко отъ градовъ малыхъ приде, и бѣ дщи Ламіа Сидоніанина.

На листу 41 слѣдуетъ описаніе: Сивилля четвертая, Химерійская.

«Четвертая Сивилля Химерійская, или Химерія именуется, понеже въ Химеріи градъ италіанскія страны родися. Климентъ Александрійскій во книзѣ первой Строматахъ своихъ пишетъ: яко обита въ римской горѣ, именуемъ Кармаль, и сынъ ея бысть Евандръ, иже храмъ Пану созда, иже Илуперкаліонъ именуется. Сія Сивилля всегда въ рукахъ своихъ цвѣтъ рожу нося. Историцы повѣствуютъ, яко Никифоръ царь греческій посломъ Одона, кесаря нѣмецкаго, сицеое предложеніе между иныхъ предложилъ: обрѣтаются ли во ихъ странахъ Онагри, сирѣчь осли дивіи? Послы же отвѣщаху: яко у нихъ, во странахъ ихъ, Онагри не обрѣтаются, но токмо славное прореченіе сивиллское ѣсть, въ немъ же написано: яко Онагри суть ассиріяне и сарацыни, сирѣчь турки, противъ же тыхъ римляно-греки не могутъ брани творити, яко Ипполитъ Сикеманинъ согласуется со сивиллскою рѣчбою, иже рече: Левъ и Скимнъ, сирѣчь Львовы дѣти, вкупѣ изогоняють Онагру. Вы убо, греки, Льва мните быти вашего самодержца, а

Скимна краля французскаго, есть же не тако; понеже вси Онагра толкують князя сарацынскаго, его же мы, французы, во послѣднее время покорити будемъ. Сиче послы глаголали.

На листу 43 начинается описаніе: Сивилля пятая Ерифреа.

«Пятая Сивилля Ерифреа, яже отъ иныхъ именуется Ерофиля; родители же ея быша Аполлонъ и Ламіа; иніи же глаголють быти отца ея Кринагора, иніи же, яко Ерминъ пишетъ, Теодору мать ея именууютъ. Сія же Сивилля прорече грекомъ о тродской брани, яко Трода погибнетъ и Омиръ творецъ ложная писать будетъ. Ерифреа же именуется понеже родися во веси Ерифронъ, иже именовашеса быти, сирѣчь купина, недалеко отъ острова Хіо. Нынѣ же тая весь во градѣ устроена есть, именуется Ерифри. Иніи же глаголють яко она въ Вавилонѣ родися, и того ради Ериореа именуется, понеже въ томъ островѣ и веси стихи ея изобрѣтены суть. Многоименитая сія Сивилля есть: понеже ея Сицилійскою именууютъ, иніи же Сардіану, иніи же Гергифу, иніи же Родійскою, иніи Ливійскою, иніи же Левканійскою, иніи же Самію нарицаху. Бысть же она прежде плѣненія тродскаго града за 483 лѣта. Пишутъ о ней яко житіемъ разумна и честна бысть, носила же въ рукахъ своихъ агнца; иніи же пишутъ яко въ рукахъ носила всегда мечъ голый и яблоко кругло, яко звѣздами украшено; мечъ же подпирашеса, а яблоко всегда подъ ноги свои метала; сложила же книги различныя, и видъ гуслей треугольный во-первыхъ она изобрѣте, и многія стихи сложи, обаче между всѣхъ стиховъ ея 33 стихи Иростіи суть преславны, иже по своемъ имени, перва краеграніе собираетъ на греческій языкъ; на славенскій же языкъ тому быти не возможно, скудости ради стихомѣрія; сего ради и греческіе тыя древніе и истинные стихи противъ славянскихъ стиховъ предлагаемъ. Написаны суть стихи тыя изъ древ-

нія харатейныя книги еллинскія. Аще убо нѣмцы и глаголють тымъ стихамъ быти Кумейскія Сивиллы, мы большей части послѣдуемъ и Ерифрейи воздаемъ».

Въ Румянцевскомъ спискѣ написаны греческія изреченія Сивиллы вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ, на четырехъ листахъ.

На 53 листу слѣдуетъ описаніе Сивиллы шестая, Самійская.

«Шестая Сивилла Самійская, или Саміа нарицается, свойственное же имя ей бысть Фито и Самонота; Самійская же именуется, понеже отъ острова греческаго, иже Самось именуется, рождена бысть. Самось же есть и нынѣ греческій островъ славный во Бѣломъ морѣ.

«О сей Сивиллѣ писалъ Ератостенъ философъ, и зѣло ея похваляетъ. Ходила же во цвѣтномъ одѣяніи, и книгу и вѣнецъ терновый въ руцѣхъ нося. Была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Сія Сивилла 9 родовъ человѣческихъ предрече, иже Сивилла Ериереа и Кумеа иначе истолковаша; она сицевый толкъ сложи: яко 9 родовъ человѣческихъ на 9 рудъ отнесе, сирѣчь: 1 родъ златый, 2 родъ серебряный, 3 мѣдный, 4 родъ оловянный, 5 родъ желѣзный, и прочихъ по числомъ рудъ».

На 57 листу находится описаніе Сивиллы Кумійская.

«Седьмая Сивилла Кумійская, иже Аманфіа и Ерофилла нарицается, Кумейская же именуется, понеже отъ града Кума, иже есть во Камбаніи, во странѣ Итальянской; написана же она многое прореченіе, сего ради и живописуется: носяше въ руцѣ книгу и знамя. О ней пишетъ Авлъ Геллій въ первой книгѣ повѣсти своей, сицевымъ образомъ: старица нѣкая, незнамая язь Сивилла Кумейская быша, ко Тарквинію древнему царю римскому три книги, или девять, яко иныя историцы пишутъ, принесе. Въ тыхъ же книгахъ написано бысть предреченіе о будущихъ вещѣхъ и о пра-

вилѣхъ римскихъ. Цѣну же за оныя книги 300 златыхъ проси; или яко иніи пишутъ: 300 пенязей филиппійскихъ златыхъ, иже сочисляють 10,000 златыхъ; иніи же пишутъ яко тысячу златыхъ проси. Царь же Тарквиній небреже о книгахъ тѣхъ, ради великія цѣны. Она же возъярися и при бытіи зрѣнія его сожже 3 книги. И за прочія книги ту же цѣну проси. Понеже убо она, видя отъ царя яко юрода поругается, паки иныя три книги сожже. И тую же цѣну за остатныя три книги просила есть. Иніи пишутъ яко четырежды по двѣ книги сожже и остася токмо една книга. И туюже цѣну царь даде единыя книги ради, яже она о первыхъ всѣхъ просила. Царь же, видя великодушіе жены, три остатнія книги за триста филиппійскихъ златыхъ покупи. И повелѣ тыя книги во Канитоліи сохранить. Капитолія же бѣ въ Римѣ славный храмъ бога Зевсова. И повелѣ царь, яко въ тыя книги во дѣлѣхъ нужныхъ и сумнительныхъ отъ 15 мужей первыхъ изъ Синклиту смотритися».

На 71 листу начинается описаніе: Сивилля осьмая, Еллиспондійская.

«Осьмая Сивилля Еллиспондійская, или Еллиспондика, именуется же Еллиспондійская, понеже отъ Еллиспондосъ греческія страны бысть; Еллиспондосъ же есть потокъ или гортань Вѣлаго моря, недалеко отъ Царьграда. Родися же отъ веси Мармисо, недалеко отъ града Трояды; бысть же во время Кира царя и Солона философа; была до воплощенія Божія за 530 лѣтъ; въ рукахъ своихъ носила класы житнія».

На 73 листу слѣдуетъ описаніе: Сивилля девятая, Фригіянина.

«Девятая Сивилля Фригіянина, или Фрига, яже и Колофонская, отъ града греческаго Колофона наречеса. Свойственное имя ей бысть: Ламбуса, отъ родословія Калхандо волхва, иже бысть во брани греческой, противъ града

Троады, и о семь предрече. Обита же и предрече воградѣ Ангирѣ, иже есть во Асіи; въ рукахъ же своихъ нося всегда голый мечъ. Видъ же ея бысть старообразенъ, суть же и стихи ея нѣщны древніи, иройстин, ихъ же она написала о девятиписменномъ имени».

На листу 78 находится описаніе: Сивилля десятая, Тивуртіа.

«Десятая Сивилля Тивуртіа, или Тивуртина, свойственное же имя ей бысть Альвуна, была же во время Августа Кесаря, до Р. Х. за 19 лѣтъ; родомъ отъ страны италіанскія, носила въ рукахъ своихъ вѣтвь финиковую».

На листу 82 слѣдуетъ описаніе: Сивилля первая-надесять, Египтіанина.

«Первая-надесять Сивилля Египтіанина, или Египтіа имянуетъ же Египтіа, понеже во Египестѣй страпѣ родися, свойственное же имя ей бѣ: Агрипна, или Тараксандра; носила же въ рукахъ своихъ книгу; возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ».

На листу 86 находится описаніе: Сивилля вторая-надесять, Европеа.

«Вторая-надесять Сивилля Европеа или Европеанина, свойственное же имя ей бысть Самонеа, была до Р. Х. за 133 лѣта, лицемъ красна, ходила во златомъ одѣяніи, власы имѣла распростерты, носила въ руцѣ своей книгу и скипетръ.

«Сія Сивилля о плѣненіи Царяграда отъ италіановъ и французовъ предрече чрезъ сіи стихи:

Сыновъ Еніи слава во Византію пріидеть,
И елліны будутъ во мягкой силѣ,
Даже до льва ногъ шестьдесятъ,
Даже до того времени, яко пищу его медвѣдь поасть;
На сего же медвѣдя небрегаемый орелъ возреть,
И орла козель оѣбнитъ и птица орла низвержетъ,

11*

И нѣкое знаменіе великое будетъ:
 Собраніе во Адриадское море,
 И подъ слѣпымъ вождемъ козу изгонитъ,
 Византію осквернитъ, и козелъ большое невозопіетъ,
 Ниже алекторъ возгласитъ,
 Даже егда шестьдесятъ и три ноги
 И девять перстовъ сочислятся.

«Сіи стихи знаменуютъ пришествіе французовъ и венеціановъ, егда Царьградъ плѣниша. Толкують ся же сице: яко римское царство преведено будетъ отъ великаго Константина во Византію и пребудетъ во мирѣ, даже до времени греческаго царя Мануила, иже поживе шестьдесятъ лѣтъ. Егда убо дѣти его оскудѣють, и Андроникъ къ себѣ царство привлечетъ, и Исака внука Мануилова, иже ни въ чемъ сочисленъ бѣ. Прежде Андроникова сына убіетъ и Алексіа брата Исакова, великою брадою преукрашенна, навѣтуетъ, и ослѣпитъ и во темницу затворитъ, отъ связанія же разрѣшится связанный Алексій, и ко владѣтелю Адриадскому Вѣлаго моря пойдетъ, и венеціяны съ французы совокуплены будутъ, и корабленачальствующему Дандулу, его же лукавство Мануила царя ослѣпи, и во Грецію приидутъ, и Византіешъ возвладѣють, и грековъ отъ царства отгонятъ, и тогда ниже царь будетъ. Но французъ, иже яко козелъ толкуется, и ино глаголательно наречется, и пребудутъ грецы внѣ отъ Царяграда 63 лѣта и 9 мѣсяцъ.

«Сія вся исполнися тогда, егда Царьградъ отъ французовъ плѣнися. Паки сія же Сивилля произвѣствовала, яко во время плѣненія Царяграда отъ турковъ кроволитіе неисчисленное будетъ, и о семъ чрезъ сія стихи прорече:

Не умолчу, но объявлю умъ отца
 Слова безсмертная тлѣннымъ вѣдати:
 Яракіа родитъ великій вредъ.

Родъ же ея нѣсть далекъ,
И возбудитъ чадо злое, и злая рана будетъ,
И зѣло возпухнетъ, и скоро раздерется,
И великая кровь возтечетъ.

«Сии стихи предназнаменоваша плѣненіе цареградское отъ Султана Мехмета турскаго и кровопролитіе, яже тогда неисчисленное бысть».

Обращаемъ вниманіе на три Толстовскіе списка, замѣчательные уже только по переводу и по языку.

Въ третьемъ Толстовскомъ списокѣ, писанномъ полууставомъ, въ XVII вѣкѣ, помѣщено о Сивиллахъ:

«Сии пророчествоваша въ различныя времена до Р. Х.; аще суть и невѣрніи, но чистаго ради житія ихъ открылося имъ земныхъ ради глаголати предбудущая.

«Первая Сивилла, именовъ Персика, яже отъ Перскія страны бысть, ходила во златыхъ ризахъ или одѣяніи, зрака была младообразнаго, красотою зѣло добра, а было пророчество ея до Р. Х. за 248 лѣтъ.

«Вторая Сивилла, именовъ Любика, яже отъ страны Африкійскія, отъ града Любека. Взору была средняго, ходила въ зеленомъ вѣнцѣ, а была радостна, и сѣялася всегда.

«Третія Сивилла, именовъ Делфика, была младообразнаго лица, ходила во одѣяніи черномъ, имѣла главу обязану власы своими и въ рукахъ всегда носила воловій рогъ.

«Четвертая Сивилла, именовъ Хивика, или Химера, родомъ страны Волоцкія, ходила, распустивъ власы свои, въ синемъ одѣяніи.

«Пятая Сивилла, именовъ Самія, ходила во цвѣтномъ одѣяніи и мечъ голый подъ ноги метала, а была до воплощенья Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Шестая Сивилла, именовъ Демофила, была старообразна лицомъ, ходила въ простомъ одѣяніи.

«Седьмая Сивилла, именовъ Еллиспона, была въ Тродской странѣ, возраста средняго, ходила въ простомъ одѣяніи, а была до воплощенія слова Божія за 530 лѣтъ.

«Осьмая Сивилла, именовъ Өригіата, была отъ града Трои, до Р. Х. за 1005 лѣтъ; лицомъ была старообразна, и нравомъ гнѣвлива, а ходила просто, власы свои распустя.

«Девятая Сивилла, именовъ Европія, была до Р. Х. 133 лѣта, лицомъ красна, ходила во златомъ одѣяніи.

«Десятая Сивилла, именовъ Тыбуртыня, родомъ страны Волоцкія, ходила въ красномъ одѣяніи, а на главѣ своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ.

«Первая-надесять Сивилла, именовъ Агрифа, возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ, и прижавъ держала къ грудемъ руцѣ свои.

«Вторая-надесять Сивилла, именовъ Естрія, или Ерофілія. Пишуть о ней, что житіемъ разумна была и честна, а ходила въ черномъ одѣяніи, а въ рукахъ всегда носила мечъ голый и яблоко кругло, аки звѣздами украшено, мечемъ ся подпирала, а яблоко всегда подъ ноги себѣ метала, а была въ лѣто Гедеона судьи, иже во Израилѣ».

Шестой Толстовскій списокъ, писанный въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, не имѣетъ ни заглавія, ни начальныхъ листовъ. Первый листъ представляетъ изображеніе Сивиллы, писанное, какъ и всѣ другія, самымъ грубымъ образомъ, водяными красками. Описаніе начинается съ 414 листа:

«А была всеродовичъ; ходила въ червчатой одеждѣ, руки пріимаючи къ сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, такъ се полюбило, чтобы ее слово тѣломъ стало, что человекъ уродился, а грѣшники вмѣстѣ были».

На оборотѣ этого же листа находится изображеніе второй Сивиллы, также безъ подписи, а на 415 листу описаніе:

«Изъ всѣхъ лучши была. Про тою сказывалъ Аполлодоръ Ерытрейсь, что изъ его города посадскаго человѣка жинка была; писала та много о городѣ Троѣ, что было тому городу взяту быти, и выпустошену. Ходила въ хитонъ одѣяніи, была всеродовичъ и кручиновата; а подъ ногами яблоко круглое звѣздами, тѣмъ образомъ, что небо».

На оборотѣ 417 листа находится третье изображеніе Сивиллы, съ подписью вверху: Персика:

«Персика наречена бысть, родомъ изъ Перскія земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишетъ о ней философъ Мирайдиле, до Р. Х. за 1248 лѣтъ. О ней писалъ философъ Никаноръ Греческій, который великаго Александра дѣяніе писалъ: ходила въ золотомъ одѣяніи, свѣту умильнова и хороша лицомъ, была молода, красоту свою съ чистотою держала».

На оборотѣ 419 листа находится четвертое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 418 описаніе:

«Того для ее называютъ Либикою, что была изъ Либіи и изъ Африи, въ тѣ поры, какъ Персика, и о ней говоритъ книжникъ Еврипидеъ: была всеродовичъ, ходила въ вѣнцу цвѣту зеленаго, въ ризѣ бѣлой и въ честной сѣдинѣ, была весела».

На оборотѣ 421 листа находится изображеніе пятой Сивиллы, безъ подписи, а на 420 описаніе:

«А зовутъ ее потому, что и она въ костелѣ Аполлоновомъ уродилась, у Дельфу, то иная, а не та, которая людемъ чрезъ черту указывала, была она въ третьемъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежь объявила, и сказала, что королевство Троянское будетъ разорено. И о той Сивиллѣ писалъ Кризинъ во своихъ книгахъ, что она, будучи молода, ходила въ черномъ платьѣ, обвязавъ волосы около главы, а въ рукахъ держала рогъ. А иные пишутъ такъ объ ней: что и сватался на ней король, имя ему Отреусъ, и посылалъ къ ней ку-

бокъ золотъ въ поминкахъ, и она за него не похотѣла, и не пошла».

На оборотѣ 423 листа находится шестое изображеніе Сивиллы, безъ надписи, а на 424 описаніе:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на троянской вотчинѣ, въ мѣстѣ Герціюмъ, въ тѣ норы жила, какъ былъ Цырюсъ король перскій. Была женщина стара, не хороша, въ простой одеждѣ, охульна. О той писалъ Хераклидъ Понтыкусъ».

На оборотѣ 425 листа находится седьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 426 листу описаніе:

«А была со Θрадѣи, гдѣ была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголивъ плеча, распустивъ волосы, голову наклона, пальцемъ указывала».

На оборотѣ 427 листа находится осьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 428 описаніе:

«Пишуть о ней се, что родилась во второмъ вѣку свѣта до Р. Х. за 2,000 лѣтъ, при философѣ добръ ученомъ, невѣрномъ, имя ему Трезмисъ Гитана, ходила нарядно и хорошею наметкою голову покрывъ, а подъ ногами мечъ имѣла безъ ноженъ, для того знамени, что быти войнамъ на свѣтѣ. О томъ писалъ философъ Еростотарнесъ, что нашель въ ея книгахъ о Александрѣ Македонскомъ».

На оборотѣ 429 листа находится девятое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 430 описаніе:

«Умїя Сивилла, или Демофила, невѣдомо отколева была, а была она въ четвертомъ вѣку свѣта. Была стара, ходила въ платьѣ простомъ, не хороша лицомъ была, а взглядъ былъ кручиноватой. Та одного часу пришла до короля Тарквиніуса и принесла ему девять книгъ писаны на харатѣи, а говорила ему, чтобъ онъ купилъ книги. И спросилъ ее король: что за нихъ хочешь? И она ему молвила: триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся. И она сдѣлала огонь предъ его очами и сожгла ихъ трои книги.

И молвила опять королю: король, купи ты другія трои книги? И пыталъ ее. Молвила ему за триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся, и думалъ, что она шальна. И она другія трои книги сожгла. И молвитъ опять: король, купи ты трои книги; будетъ тебѣ послѣ того жаль. И попыталъ ее, что дать. И молвила: триста золотыхъ великихъ. Король видѣлъ ея крѣпость и мудрость, что хотѣла остаточныя трои книги сжечь, и далъ ей триста золотыхъ, а книги взялъ. И какъ сталъ въ нихъ честь, и тужилъ о томъ король, что всѣхъ не купилъ, и скоронилъ тѣ книги».

На оборотѣ 432 листа находится десятое изображеніе Сивиллы, а на 433 описаніе:

«А се родилася во Уропѣи до Р. Х. лѣтъ за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицомъ чиста, ходила въ золотомъ бархатѣ».

На оборотѣ 433 листа находится одиннадцатое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 434 описаніе:

«Наипослѣднѣйшая та была родомъ изъ Италіянскія земли, только до Р. Х. была въ Римѣ за 19 лѣтъ, при Октовьянѣ Цысарѣ. О той-то Соликусъ пишетъ: коли римляне хотѣли хвалить Цысаря Октовьяна, что при немъ былъ покой во всемъ свѣтѣ, и хотѣли другой костель поставить ему. И позвалъ къ себѣ Сивиллу Тыбуртину, и сказалъ ей ту рѣчь. И она у него просила сроку до трехъ дней не сказывать ему. Пишутъ: ходила она въ красной одежи, а кожу козлову носила на плечахъ».

Пятый Толстовскій списокъ, писанный скорописью въ XVII вѣкѣ, содержитъ въ себѣ краткія выписки изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Выписываемъ:

«Первая именовъ Персива отъ страны Персидскія, ходила во златомъ одѣяннѣи до вѣку своего въ доброй красотѣ, за 1148 лѣтъ до Христова воплощенія.

«Вторая Сивилла изъ Аврипин, града Любска, имя ей

было Любика, а была вѣку средняго, ходила въ вѣнциъ зеленомъ, а всегда была радостна, смѣялася.

«Третія Сивилла, имя ей Делфика, а была младообразна, ходила въ черномъ одѣяніи, обвязавъ свои власы около головы своея, а въ рукахъ своихъ носила рогъ.

«Четвертая Сивилла, именовъ Хибика, или Химера, родомъ Словенской земли, ходила въ синемъ одѣяніи, и власы распустивъ.

«Пятая Сивилла, именовъ Самія, ходила нарядясь цвѣтно, а мечъ голый подъ ноги метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила въ простомъ одѣяніи. Принесла къ царю Тарквинію 9 книгъ, чтобы у нея тѣ книги царь купилъ. И царь спросилъ у нея: чего за книги хочеть? И она сказала цѣну 3 ста златыхъ великихъ. И царь тому посмѣялся. И она сожгла три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила царю, чтобы у нея царь и остаточныя 6 книгъ купилъ, а просила ту же цѣну. И царь ей опять посмѣялся. И она сожгла другія три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила царю, чтобы у нея купилъ послѣднія 3 книги, а далъ бы ту же цѣну, а не дастъ на нихъ тѣхъ златыхъ великихъ, и она и тѣ сожжетъ. Царь же удивился тому, и призва философовъ, и вопросы ихъ о книгахъ тѣхъ: который разумъ имѣють? Они же сказаша царю, что тѣ книги прореченія Сивиллъ, разумъ великъ имуть о ближнихъ дѣлахъ и нашему ученію. Царь же много оскорбился о сожженіи ради книгъ, и повелѣ ей дати цѣну, еже сперва просила.

«Седьмая Сивилла Еллиспонтійская была съ Троянской земли за 530 лѣтъ до Р. Х.; а была женщина простая, ходила въ платьѣ простомъ.

«Осьмая Сивилла, именовъ Фригія. И та была отъ Тройска града, была стара, кручиновата, сердита, ходила власы распуستا.

«Сивилла девятая была въ Европѣ за 133 года до Р. Х.; ростомъ была красна, а ходила въ золотѣ.

«Десятая Сивилла, именемъ Тибуртина, была изъ Вологъ, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ, при Октовьянѣ царѣ, ходила въ красномъ одѣяніи, а носила на главѣ козловую кожу.

«Первая-надесять Сивилла была средняго вѣку, ходила въ красномъ одѣяніи, руки держала на грудѣхъ.

«Вторая-надесять Сивилла, именемъ Еритрія или Ерофила, была всѣхъ честнѣе, а была еще при израильствѣхъ судѣ Гедеоу, средняго вѣку, а послала платьѣ черное, кручинна обычаемъ была, а въ рукахъ носила голый мечъ, и подпиралась имъ, держала яблоко круглое со звѣздами».

Вотъ, что думали о Сивиллахъ наши старики по западнымъ сказаніямъ. Съ чего переведенъ текстъ Румянцовскаго списка, доселѣ еще неизвѣстно; но текстъ одного Толстовскаго списка переведенъ изъ хроники Бѣльскаго.

II. Вашъ и Вашиха.

Уваженіе ко всему необыкновенному, огромному въ природѣ, начавшееся на Востоцѣ, перешло и въ русскую землю. У насъ есть свои идеалы для поселянъ: Конь камень, Корочуновъ камень, Тучевъ камень — два камня Вашъ и Вашиха. Каждый изъ сихъ камней имѣетъ свой мнѣ семейный, указывающій прямо, что онъ не нашъ, доставшійся намъ по наслѣдству. У литовцевъ, финновъ, нѣмцевъ — язычниковъ, огромные камни замѣняли кумиры и служили третищами для боговъ. Если бы наши камни имѣли такое же назначеніе у славяно-руссовъ, то мы вмѣсто мнѣ семейнаго объ нихъ знали бы мнѣ религіозный. Этого нѣтъ у насъ.

Камни Башъ и Башиха находятся въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ селѣ Башевѣ, въ 25 верстахъ отъ Одоева, близъ дороги, среди поля. Фигура камней почти квадратная, небольшого размѣра. Лежитъ одинъ отъ другого на $1\frac{1}{2}$ аршина. Поселяне не запахиваютъ мѣсто кругомъ камней, опасаясь бѣдъ.

Семейный мнѣн о камняхъ Башъ и Башиха состоитъ въ слѣдующемъ: Башъ былъ татаринъ, а Башиха жена его. Другіе же говорятъ, что они были кумъ и кума. Баши переселились на Русь, жили и померли. Добрые люди схоронили ихъ на этомъ мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того приплыли два камня изъ Оки въ Упу, а изъ Упы пришли прямо на ихъ могилы и остановились тутъ. То были тѣни Башей, не желавшія разстаться съ ними и по смерти. Когда-то разсердился Башъ на Башиху и ударилъ ее сапогомъ. На камнѣ Башихи осталась ступня. Было время, когда любопытные хотѣли вырыть камни и посмотреть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Баши не желали этого; а когда начали обрывать ихъ, они уходили въ землю. Православные сколько ни трудились, бросили съ досады. Одинъ изъ нихъ, съ горя, началъ рубить камни топоромъ, и скорѣ показали пятна красныя. За такую дерзость Баши начали мстить: поля не плодородили, животныя умирали, люди бѣдняли. Съ тѣхъ поръ Баши начали людямъ являться во снѣ и помогать имъ уже добромъ, если думали объ нихъ хорошее.

Почтенный нашъ археологъ И. М. Снегиревъ говоритъ: «сія чета литоморфовъ двойственностью своей соотвѣтствуетъ дуализму въ славянской міеологіи, а по приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ, представляетъ какія-то божества... Названіе же Баши татарское или монгольское, ибо у монголовъ, бывшихъ ламайской вѣры, башъ и башка значили голову, начало. Итакъ Баши есть остатокъ отъ татарщины». (Выпускъ IV, стр. 74).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

Сказанія о русскихъ народныхъ играхъ.

1. Голуби.

Голуби, любимая игра дѣтей, представляетъ собою плѣнительную картину семейной жизни русскаго народа. Голубь, голубка, дѣти ихъ — вотъ существа, оживляющія эту игру. Наши предки въ олицетвореніи этой группы изобразили семейство: красное — дочерьями, почетное — сыновьями. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая предусмотрительность отца увлекла въ старину дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ домашнимъ занятіямъ, не имѣя въ виду измѣненій своего быта. Чѣмъ же мы болѣе можемъ заохотить дѣтей къ такимъ занятіямъ? Дѣти любятъ играть. Дайте имъ такія игры, въ которыхъ бы отражались: или ихъ будущая жизнь, или занятія, ожидающія ихъ. Наши предки заботились о нравственномъ воспитаніи, и вотъ почему подарили дѣтей такую прелестною игрою.

Въ игрѣ Голуби — дѣти избираютъ: голубя, голубку, а всѣ прочія остаются подъ именемъ дѣтей ихъ. Голубь съ голубкою свиваютъ гнѣздо, живутъ любовно, на потѣшеніе всѣмъ. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Голубь отлетаетъ на промыселъ, а голубка остается съ дѣтьми. Съ добычею голубь прилетаетъ въ семейство и раздѣляетъ

съ нимъ пищу. Дѣти-голуби оперились, выросли, летаютъ уже по бѣлому свѣту. Люди добрые — по народному при словью — имѣютъ враговъ. То же самое создала фантазія и въ этой игрѣ. Здѣсь является врагомъ ястребъ. Какъ онъ страшитъ голубиное семейство! Какъ онъ живо изображаетъ собою нарушителя семейнаго благополучія, врага благоденствія добрыхъ людей! Ястребъ въ этой игрѣ бываетъ: вѣчный, несмѣняемый до конца игры, или съ хвостикомъ, смѣняемый при каждой добычѣ. Онъ долженъ: передовить всѣхъ дѣтей-голубковъ, извести мать-голубку, разбить на-лету отца-голубя. Какъ жалобно тоскуетъ голубка о потерѣ своихъ дѣтей! Какъ уныло воркуетъ голубъ о расхищеніи своего семейства! Русское семейное горе выражается здѣсь въ яркихъ краскахъ. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда. Нерѣдко случается, что отважный ястребъ, заметившій въ голубиное гнѣздо, дѣлается добычею голубя. Какъ ужасно побѣдитель-ястребъ развѣваетъ голубиныя перья—доказываютъ остатки изорваннаго платья и побои вѣчнаго ястреба.

2. Кума.

Кума — игра пожилыхъ женщинъ и дѣвицъ—живо обрисовываетъ собою сельскій обычай — кумиться. Въ русской жизни кумовство столь бываетъ почитательно, что безъ кума и кумы не существуетъ семейнаго веселія. Для кума всегда есть брага, для кумы есть медъ со-товый, а для кумы водятся въ кутѣ паренныя груши, для кумы есть квасъ сыченой, макъ поджаренный и черныя прянички. Насталъ прощенный день. Кумъ является къ кумѣ съ мыломъ, а кума идетъ къ нему съ пряниками. Кумъ можетъ цѣловать куму при всей деревнѣ, и все это сочтется почетомъ, дружбою, привѣтомъ. Что знаетъ кумъ, то знаетъ кумова жена, то же самое

знаеть и вся деревня. Безъ кумы не ладится свадьба, безъ кума не совершаютъ похоронъ. Вотъ быть русскаго кумовства! Вѣроятно, игра Кума изобрѣтена въ честь этого важнаго обычая, которому никто и никогда не измѣнялъ въ семейной жизни нашихъ предковъ.

Поселяне говорятъ, что городскія кумы слѣсивы, а водить кумовство въ городахъ стало не въ обычай; но игра Кума тѣшитъ горожанъ не менѣе всякой. Старая Русь не умерла; ея бытъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ въ современной нашей жизни. Лѣтописцы записали жизнь политическую нашихъ предковъ, а преданія и обычаи сохранились въ жизни семейной безъ записей, пережили вѣка и существуютъ доселѣ. Напрасно говорятъ, что русская исторія многого лишилась: этой нѣмецкой пѣснѣ доселѣ еще многіе вѣрятъ. Мы не только не успѣли осмотрѣть свои матеріалы—письменные и словесные—но не знаемъ еще всего, что и какъ писали чужеземцы объ нашихъ предкахъ. Чужеземныя описанія требуютъ строгой повѣрки. Они, какъ люди мимоѣзжіе, незнакомые съ русскимъ языкомъ, не могли вѣрно передать всего, видѣннаго ими. За ними строго смотрѣли, держали взаперти, чуждались съ ними словъ и дѣлъ. Не мы, люди XIX вѣка, виноваты въ отчужденіи отъ предковъ, родины и обычаевъ. Были задолго люди до насъ, успѣвшіе заглянуть въ чужія земли; съ ними пришли къ намъ чужіе обычаи и мало-по-малу, вытѣснили старую нашу семейную жизнь изъ городовъ въ села.

Игра Кума совершается двумя отдѣльными пированіями. Одно бываетъ въ опредѣленное время и съ особеннымъ торжествомъ, другое же можетъ происходить во всякое время, и притомъ во многочисленности.

Поселяне Тульской губерніи, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, въ день женъ мирносицъ, выходятъ въ лѣсъ, какъ они говорятъ — кукушку кстить. Двѣ подруги, обре-

ченныя въ кумовство, нагибають молодыя березки, связываютъ ихъ вѣтвями, платками, полотенцами. Сдѣлавши изъ вѣтвей вѣнокъ, привязываютъ къ нему два креста, сдѣланные изъ вѣтвей. Въ то самое время, какъ кумы ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и цѣлуются сквозь вѣнокъ крестообразно, по три раза, прочія женщины поютъ:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши пѣснь, кумы мѣняются крестами, величаются подругами, живутъ въ мирѣ и согласіи. Въ этой игрѣ не участвуютъ мужчины; однѣ только женщины присутствуютъ. Кумовство заключается завтракомъ и хороводными пѣснями.

Въ селеніяхъ Московской, Рязанской и частію Тульской губерній совершается игра Кума въ семикъ. Тамъ, въ это время, поселяне собираются въ рощи, нагибають молодыя березы — плакучія — свиваютъ изъ нихъ вѣнки, обвѣшивая ихъ разноцвѣтными лоскутами и лентами. Потомъ, подходятъ попарно, цѣлуются сквозь вѣнки, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся.
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружитья.

Въ это время дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ Костромской губерніи, вмѣсто этихъ словъ, говорятъ: «здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замѣчательно,

что здѣсь, въ этой игрѣ, участвуютъ и молодые люди, неженатые, вмѣстѣ съ дѣвицами. Веселыя пѣсни и вѣчно одинакія пляски—сопровождаютъ и здѣсь игру Кума. Послѣ того собираются: развивать вѣнки тѣ, которые покумились семицкою березкою, и сходятся въ лѣсъ раскумиться. Тогда кумовья, разбивая вѣнки съ поцѣлуями, поютъ:

Раскумимся, кума,
 Раскумимся.
 Не сварясь,
 Не бранясь,
 Ладно живучи,
 Припѣваючи.

Кромѣ этого рода игры Кума, поселяне отправляютъ еще другой видъ, совершенно не похожій на вышечисленный. Сбираясь играть, поселяне выбираютъ куму, садятся по два въ рядъ, кругами. Кума охаживаетъ кругъ, выглядывая пригожихъ и миловидныхъ. Едва она своимъ сердцемъ вывѣдала Доброхотную, и уже заводитъ съ нею рѣчи:

Кума. Что это за дитя!

Въ это время Доброхотная встаетъ и, указывая на сидящую съ ней особу, говорить:

Доброхотная. Твое и мое.

Кума. Кому его кстить?

Доброхотная. Тебѣ и мнѣ.

Кума. Что ты мнѣ за это дашь?

Доброхотная. Шильцо, мыльцо.

Вѣлое бѣлильцо,

Да зеркальцо;

Рубль, да денежку,

Да красную дѣвушку.

Съ окончаніемъ этихъ словъ — Кума и Доброхотная разбѣгаются въ противоположныя стороны и, обѣжавъ три раза кругомъ сидящихъ, останавливаются. Та, которая успѣетъ изъ нихъ занять прежде мѣсто, остается въ выигрышѣ — сидѣть спокойно, а другая опять идетъ заводить рѣчи. Въ этой игрѣ кума должна быть смѣтлива: здѣсь есть обманъ. Въ то время, какъ кума съ кумою кумятся, другіе сосѣди успѣваютъ пересѣсть на положее мѣсто. Если одна изъ нихъ, незамѣтившая сосѣдняго обмана, сядетъ на чужое мѣсто, тогда со всѣхъ сторонъ начинается чуранье: «Чуръ съ мѣста! Чуръ съ мѣста!» Отъ этого часто случается, что въ большомъ кругу ходятъ по двѣ и по четыре кумы.

Для кумы въ селахъ поется особенная пѣсня:

Какъ кума-то къ кумѣ въ рѣшетѣ приплыла,
 А я такъ ухомъ не веду, я такъ глазами не гляжу.
 Еще чѣмъ-то мнѣ кумушку подчивати?
 Да какъ есть про куму воробей во саду,
 Воробей во саду, и тотъ безъ заду;
 Разложу я воробья на двѣнадцать блюдь:
 Душку, головку въ пирогъ загну,
 Я зашейную часть напередъ пошлю,
 Самого воробья жаркимъ наряжу.
 Еще кушайка, кума, не засаливай уса;
 Не верти, кума, въ рукахъ, не носи, кума, домой.

3. Горѣлки.

Рѣзвое, милое созданіе — дѣвушка въ 16 лѣтъ — получила завидную долю въ русской семейной жизни. Краса семьи, утѣха отца и матери, дѣвица красная жила на устахъ молодыхъ и старыхъ. Цѣлый лѣтній день сидѣнья въ свѣтелкахъ, гдѣ только одна необозримая даль веселить ея сердце, прискучить всякому, прискучить даже са-

мой старушкѣ. Не за то ли самое наши старушки-бабушки предоставили своимъ дѣтямъ самую рѣзвую, милую игру — Горѣлки — порхать по лугу съ подругами и молодцами? Любовь, столь безщадно отгоняемая бабушками, вкралась здѣсь. Для ней не существуетъ рокового: нѣтъ! Во всей Великороссіи отдають преимущество этой игрѣ. Наши сородичи — отъ поселянина до боярина — равно забавляются Горѣлками. Съ тѣхъ поръ, какъ чужеземщина заполонила нашихъ дѣтей, отбила у насъ воспитаніе русское, родное, благочестивое, всѣ наши народныя игры опостылѣли людямъ, чуждающимся родного языка. Въ современной жизни мы часто слышимъ, какъ русскія игры называютъ мужицкими, тѣ самыя игры, которыя въ старой жизни забавляли русскихъ, нашихъ предковъ, отцовъ и матерей. Во многомъ потомство будетъ обвинять нашихъ сородичей. Напрасно мы будемъ воображать, что старая русская жизнь существовала безъ отрады: тогда увеселеній еще было болѣе, и при томъ увеселеній общественныхъ. Правда, тогда не было театровъ; но за то цѣлая площадь, усѣянная народомъ, была свободною для увеселеній, для забавъ, для восторговъ; за то цѣлые дворы наполнялись веселыми игроками, которыхъ радушно сзывалъ отецъ къ своей семьѣ, которыхъ привѣтливо встрѣчала мать, которыхъ ласково принимали дѣти. На площадяхъ веселились люди всѣхъ сословій; здѣсь были игры затѣйливыя, обширныя; на дворахъ забавлялись бояре, люди торговые, болѣе всѣхъ дѣвушки богатыхъ отцовъ. Всѣмъ было весело, всѣ жили раздольно по-русски.

Горѣлки, называемыя въ другихъ мѣстахъ: Разлуками, Разгарами, отправляются лѣтомъ. Играть въ Горѣлки собираются болѣе вечернею порою, на широкой дворъ, или на лугъ, или на улицу передъ домомъ. Люди молодые, болѣе дѣвицы и холостые мужчины, берутъ первенство въ этой игрѣ. Игроки обрекають одного изъ

среди себя, по жребію, горѣть — въ должность тяжкую. Всѣ прочіе спариваются, т. е. становятся парами, одна за другою. Горѣльщикъ становится впереди парь, неподвижно, не обращаясь ни взадъ, ни впередъ, ни на бокъ. Въ это время игроки разбѣгаются въ разныя стороны. Горѣльщикъ преслѣдуетъ ихъ. Если онъ успѣетъ разлучить ихъ, схватить оплошного, то его должность болѣе не продолжается, или, за свою неудачу, онъ долженъ вновь горѣть, хотя бы игра повторилась до 100 разъ. Въ игрѣ не безъ обману — говорятъ старушки — и точно такъ! Сколько хитростей придумано для несчастнаго горѣльщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя въ этой игрѣ людей разнаго возраста, сблизила завѣтныя тайны любви. Здѣсь люди молодые, слюбляясь, смѣло рассказываютъ всѣ сердечныя тайны, не смотря на то, что старики, со всѣхъ сторонъ, сторожатъ ихъ забавы.

4. Мышка.

Мышка составляетъ домашнюю вечернюю игру дѣтей и взрослыхъ, увеселеніе, повсюду употребляемое въ Велико-руссіи. Съ давнихъ временъ, говорятъ старушки, установленъ въ этой игрѣ нечетъ, по которому приходится насчитывать игроковъ — троихъ, пятерыхъ. Если нечетъ состоитъ изъ троихъ игроковъ, то двое становятся по угламъ, представляя каждый изъ себя Мышку. Третій, признанный по жребію — водыремъ, обязанъ ходить по угламъ и говорить: «Мышка, мышка! продай уголокъ»? Въ волѣ всякой мышки находится продавать ли свой уголокъ, или удерживать за собою? Если водырь услышитъ: «не продаженъ» — звукъ довольно для него тягостный, то онъ долженъ переходить къ другому углу. Когда же здѣсь отвѣтятъ на его вопросъ: «обернись

задомъ» — онъ тотчасъ обертывается къ этимъ угламъ задомъ и, едва касаясь ногами пола, готовъ, при первомъ шорохѣ, летѣть въ чужой уголокъ. Мышка, рѣшившаяся продать свой уголокъ, должна имѣть проворство самое отважное, должна быть увѣрена въ готовности своей сосѣдки, также готовой перемѣниться съ нею углами. Внимательный водыръ всегда успѣваетъ захватить уголь. Мышка, прогуливая свое мѣсто, принимаетъ на себя должность водыря, а съ этимъ мѣстѣмъ начинается опять та же игра — Мышка.

5. Безъ соли соль.

Безъ соли соль есть любимая игра городскихъ дѣвухекъ, управляемыхъ въ своихъ забавахъ пожилыми нянюшками. Эта игра выказываетъ какую-то игривость предковъ, теперь намъ непонятную.

Дѣвушки, собравшіяся въ досужій часъ порѣзвиться, мечутъ жеребьи: кому сидѣть. Среди широкаго двора, или обширной поляны, садятся двѣ дѣвушки, одна противъ другой, съ протянутыми ногами. Всѣ прочія столпляются на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдаетъ, чтобы сидѣли дѣвушки съ руками сложенными за спиною, и съ зажмуренными глазами. Дѣвушки, переходя одна за другою чрезъ ноги сидящихъ, приговариваютъ: «Безъ соли соль». Сдѣлавши три перехода, останавливаются. Въ это время передняя дѣвушка, съ быстротою молніи, перескакиваетъ чрезъ ноги сидящихъ, а за нею и всѣ другія. Часто случается, что сидяція ловятъ дѣвухекъ на всемъ ихъ лету. Отъ этой проворности заводятся споры, споры кончаются ссорами, ссоры переходятъ въ брань и слезы. «Она поймала меня оттого — говоритъ огорченная — что смотрѣла глазами, и прямо мѣтила въ меня». Добросовѣстная побѣдительница всегда бываетъ уступчива; одни только вздорныя спорять. Пой-

манная дѣвушка садится на мѣсто побѣдительницы — и игра начинается снова.

6. Жмурки.

Жмурки, или Слепой козелъ, есть игра домашняя, игра дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, въ большіе зимніе вечера. Дѣвушки, съ завязанными глазами, какъ бы лишенные зрѣнія, стараются болѣе поддаваться въ руки любезныхъ молодыхъ мужчинъ, а о мужчинахъ и говорить нечего. Влюбленные, подъ видомъ оплошности, только одни и играютъ во весь вечеръ эту игру, тогда какъ другіе только посмѣиваются ихъ незнанію прятаться отъ поисковъ Козла. Нѣтъ сомнѣнія, что эту игру изобрѣла любовь: вѣдь наши предки любили не хуже насъ.

Игроки Слепого козла, обреченнаго въ это званіе по жеребью, подводятъ, съ завязанными, глазами, къ запертой двери, гдѣ онъ начинаетъ стучать. Игроки спрашиваютъ: «Кто здѣсь?» Его отвѣтъ: «Слепой козелъ». Тогда одинъ изъ отважныхъ игроковъ подходитъ къ козлу и говоритъ:

Слепой козелъ!
 Не ходи къ намъ ногой.
 Поди въ куть,
 Гдѣ холсты ткуть,
 Тамъ тебѣ холстикъ дадутъ.

Козелъ, недовольный симъ отвѣтомъ, начинаетъ бить въ дверь ногами. Игроки снова спрашиваютъ: «Кто здѣсь?» Слышенъ отвѣтъ: «Аеанасъ!» Тогда всѣ игроки говорятъ:

Аеанасъ!
 Не бей насъ.
 Аеанасъ!
 Ходи по насъ!

Съ послѣднимъ словомъ отважный игрокъ ударяетъ ладонью козла по спинѣ и бѣжитъ прочь. Обиженный начинаетъ искать виноватаго по угламъ, по столамъ, стульямъ. Всякій, пойманный козломъ, считается виноватымъ, и за свою оплошность долженъ играть слѣпому козла.

7. Кулючки.

Игра Кулючки также принадлежитъ къ числу тѣхъ домашнихъ увеселеній, въ коихъ любовь нашихъ предковъ успѣла скрыть себя отъ укоровъ и осужденій очей. Какъ игра домашняя, болѣе зимняя, она всегда считается возможною; въ ней участвуютъ и мужчины и дѣвицы, говорятъ тайно, что хотятъ, идутъ прятаться также вмѣстѣ, и никто никого не думаетъ подозрѣвать. Всѣ говорятъ одно: «этого требуетъ игра», и всякое сомнѣніе уничтожается.

Одинъ изъ игроковъ садится въ уголъ — кулюкать; другіе закрываютъ ему лицо, глаза, всего самого — платками, разными платьями, а онъ скороговоркою причитываетъ:

Кулю, кулю—баба!
 Но выколи глаза,
 Сынъ подъ окошкомъ,
 Свинья подъ лукошкомъ.
 Пора, что-ли?

Въ это время, всѣ другіе игроки скрываютъ себя во всевозможныхъ, незамѣтныхъ мѣстахъ. Когда же услышатъ: «Пора, что-ли?» отвѣчаютъ ему только: «Нѣтъ!» Снова начинается кулюканіе, снова вопросъ: «Пора, что-ли?» снова отвѣтъ: «Нѣтъ!» Это продолжается до трехъ разъ, а иногда и болѣе, пока всѣ игроки успѣютъ скрыться. Не получая отвѣта на свое: «Пора, что-ли?» онъ отправляется въ поискъ. Первый, отысканный имъ, долженъ смѣнять его.

Часто случается, что играющіе, по ненависти къ кулчкѣ, заставляютъ его отыскивать всѣхъ до одного.

8. Сорока.

Сорока, какъ игра дѣтская, увеселяетъ только дѣтей и матерей, и свято соблюдается въ семейной жизни. Эта игра вводится тогда, когда колыбельныя пѣсни смѣняются играми.

Мать или няня беретъ руку дитяти, водить своимъ указательнымъ пальцемъ по его ладони. Нетерпѣливое дитя, приученное къ этой игрѣ, стоитъ въ радостномъ томленіи, а нѣжная мать говоритъ:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала:
Не ѣдутъ ли гости?
Не везутъ ли гостинцы?
Приѣхали гости,
Привезли гостинцы.

Послѣ того дѣйствіе игры переносится съ ладони на пальцы. Указывая на каждый изъ нихъ, мать говоритъ:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца,
А этому не достало.
Поди, тамъ
Есть колодець,
Напейся водицы.

Потомъ, указывая на ладонь, говоритъ:

Тутъ пень,
Показывая на мѣсто кисти:
Тутъ колода,
Подвигаясь къ локотному сгибу:
Тутъ мохъ,
Приближаясь къ подмышкѣ:
Тутъ болото,
Щекоча подъ мышкою:
Тутъ студеная водица.

Смѣхъ дитяти, ласковые поцѣлуи нянюшки, нѣжность маменьки оканчиваютъ игру.

9. Веребочка.

Веребочка, старинная свадебная игра, увеселяетъ на стговорахъ людей женатыхъ и семейныхъ, на посидѣлкахъ и молодечникѣ дѣвушекъ, однѣхъ, безъ мужчинъ. Но это бывало прежде; нынѣ забавляются веревочкою безъ разбора всѣ свадебные стговорщики.

Сваха вноситъ въ горницу веревочку, концы которой свать или дружка завязываетъ однимъ узломъ. Игроки хватаются за эту веревку обѣими руками, составляя изъ себя кругъ около ея. Въ средину круга становится свать или сваха для зачину. Обходя кругомъ всѣхъ, сваха — кому говоритъ красное словцо, кому поетъ присказку, или заводитъ сказку, стараясь высказать въ ней характеры стговорщиковъ. Ея словамъ, хотя иногда довольно обиднымъ, отвѣчаютъ похвалою, улыбкою и добрымъ молодечествомъ. Круговой — такъ называютъ свата, стоящаго въ срединѣ игроковъ — среди розсказнѣй, замѣчаетъ: кто смотритъ по сторонамъ, и, подкарауливъ, тотчасъ бьетъ его по рукѣ. Оплотный становится въ кругъ,

при всеобщемъ смѣхѣ, и заводитъ свои розказни. Иногда, вмѣсто побасенокъ, игроки поютъ свадебныя пѣсни. Игра оканчивается по желанію игроковъ.

10. Сѣрый волкъ.

Сѣрый волкъ, игра олицетворенная, носитъ на себѣ отпечатокъ древности. Волкъ, выражая собою нарушителя увеселеній, есть лицо семейное изъ старой русской жизни. Не выражалось ли этимъ олицетвореніемъ въ семействѣ строгое взысканіе старѣйшинъ? Время все скрыло. Предъ нами осталось одно: игра Сѣрый Волкъ.

Въ игрѣ Сѣрый Волкъ участвуютъ только дѣти. Ктонибудь изъ нихъ, по жеребью, играетъ волка, а всѣ прочіе дѣтوکъ. Волкъ, поджавъ руками лицо, сидитъ согрившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣтки щиплютъ передъ нимъ траву, и всѣ вмѣстѣ, скоговоркою причитываютъ:

Щипу, щипу по ягоду,
По черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикъ,
Матушкѣ въ рукавчикъ,
Сѣрому волку,
Травки на лопату.
Дай Богъ умыться,
Дай Богъ убраться,
Дай Богъ бѣжать!

Съ послѣднимъ словомъ дѣтки встаютъ, бросаютъ въ волка траву и бѣгутъ. Волкъ, обиженный долею, бросается за дѣтками. Дѣтки разными увертками обманываютъ волка, а онъ своею хитростью ловитъ ихъ. Пойманный играетъ сѣраго волка.

11. Первенчики.

Первенчики, игра дѣвушекъ-невѣстъ, есть, въ полной мѣрѣ, игра отъ нечего дѣлать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сиживали съ своими внучками въ свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое нибудь занятіе—и вотъ наши бабушки обучили своихъ внучекъ Первенчикамъ. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.

Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полу, въ кружокъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою поговаривать:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы,
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень.

Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ и на который достается слово выкень, тотъ палецъ и выкидывается. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ прежде, нежели будетъ произнесено роковое: выкень. Отклоняя такимъ образомъ приговоръ, онѣ мучаютъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающія эту игру въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чей останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

Старушки рассказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали невѣстъ съ своими бабушками. Вѣрно имъ бѣднымъ было усладительно!

12. Камушки.

Камушки есть игра лѣтняя, занимающая собою всегда дѣвицъ по полднямъ, рѣдко вечерами. Вѣроятно, что и эта игра изобрѣтена бабушками; она такъ скучна, что утомляетъ собою самую бодрую дѣвицу. Въ Тулѣ, на Оружейной сторонѣ, цѣлыя семейства сидятъ по улицамъ кружками, занимаясь усердно Камушками. Тамъ, въ Гончарской слободѣ, поставляется въ достоинство играть удачно въ эту игру, а знаніе ея ставилось наравнѣ съ женскими искусствами. Замѣчательно одно: въ позоръ и въ поношеніе ставили мужчинѣ, когда онъ игралъ въ Камушки. Укоризненные слова, произносимыя дѣвушками, выражаютъ какую-то зависть.

Сбираясь играть въ Камушки, дѣвушки приносятъ съ собою по пяти глиняныхъ камушковъ, гладкихъ, округленныхъ, росписанныхъ разными красками. Эти камушки продаются въ числѣ другихъ товаровъ на городскихъ ярмаркахъ. Голышевые камушки считаются роскошью: ихъ приносятъ въ подарки богомольщики изъ Кіева и Ростова. Готовы играть по двое и болѣе сутокъ, дѣвицы садятся у воротъ кружками и причитываютъ: «Уговорецъ, родной братъ всѣмъ дѣламъ». Чудесное дѣло: это родъ какой-то клятвы, свято хранимой дѣвушками. Вотъ онъ:

Чуръ!
Играть,
Не воровать,
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Раздѣляясь на нѣсколько приемовъ, она имѣетъ особенныя дѣйствія. Первый рѣшъ называютъ: пять просфоровъ, второй: четыре просфора, третій: три просфора, четвертый: два

просфора, пятый одинъ просфоръ, и послѣдній отбиваться.

Дѣвушки, играющія въ пять просфоровъ, берутъ въ правую руку всѣ пять камней, изъ коихъ одинъ бросаютъ вверхъ, а другіе четыре кладутъ на землю, и въ тотъ же мигъ ловятъ на-лету брошенный вверхъ камень, потомъ опять бросаютъ этотъ же камень схватываютъ съ земли прежніе четыре и съ ними подхватываютъ на-лету брошенный вверхъ камень. Это дѣйствіе дѣвушки называютъ просфоръ. Добродушные греки — кто васъ здѣсь не узнаетъ! Вы, изгнанные изъ Царьграда, несли на западъ Европы всю ученость эллинскую, избѣгая побоевъ мусульманъ, а къ намъ являлись съ камушками, хотя наши дѣды выкупали ваши подарки дорогою цѣною! Второе дѣйствіе этого же приѣма называютъ: Тройки. Здѣсь одинъ камушекъ бросаютъ вверхъ, а другіе раскидываютъ такъ, чтобы одинъ ложился въ сторону, а прочіе три вѣстѣ. Игральщицы бросаютъ вверхъ одинъ камень, потомъ схватываютъ съ земли одинъ и ловятъ брошенный; далѣе снова бросаютъ вверхъ, схватываютъ съ земли три камня и ловятъ брошенный. Третье дѣйствіе этого приѣма называютъ: Двойки. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, другіе же раскидываются попарно, и схватываются точно такъ же, какъ въ первомъ дѣйствіи. Четвертое дѣйствіе называется: Одиночки. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, всѣ прочіе разбрасываются порознь, и точно такимъ же образомъ схватываются, какъ въ прежнихъ дѣйствіяхъ.

Приѣмъ въ четыре просфора отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, вмѣсто того, чтобы бросать пять разъ боевой камень вверхъ, бросаютъ только четыре. Прочее все остается то же.

Приѣмъ въ три просфора отличается отъ втораго тѣмъ, что здѣсь боевой камень бросается вверхъ только три раза. Прочее все то же.

Приёмъ въ два просфора состоитъ въ двукратномъ бросаніи камня вверхъ. Все прочее сходно съ другими приёмами.

Приёмъ въ одинъ просфоръ заключается только въ одновременномъ бросаніи камня вверхъ.

Отбиваться составляетъ особенный, окончательный приёмъ игры. Здѣсь дѣвушка, за одинъ присѣсть, должна бросить двадцать разъ камень вверхъ и двадцать разъ схватить его на-лету, не считая уже просфоровъ.

Если въ игрѣ этихъ приёмовъ дѣвушка сдѣлаетъ промахъ или неосторожно зацѣпитъ за другой камень, то лишается права играть далѣе. Сосѣдка вмѣсто ея начинаетъ по новую свою игру.

Въ игрѣ счастливой, удачной, завистливья дѣвушки стараются развлечь вниманіе своей подруги; онѣ разными приговорами подкрикиваютъ подъ руку. Игральщица негодуетъ, руки трясутся, камни падаютъ. Проигрышъ производитъ невыносимую досаду, ссоры, упреки. Ссоры всегда оканчиваются прекращеніемъ игры и становятся предмѣтами раздора многихъ семействъ. Для любопытныхъ выписываемъ приговоры, приводящіе игроковъ въ неистовство, а семейства въ многолѣтніе раздоры:

Кума тарарà,
Не съѣзжай со двора,
Съѣдешь, потужишь,
Домой не приѣдешь.

Гуси-лебеди летѣли,
Черезъ камушки глядѣли.
Либо ворохъ, либо промахъ,
Либо отщелкъ.

Бара, барабашки,
На сивой кудрашки,

И туды и сюды,
И взадъ и впередъ,
Идутъ, скачутъ,
Съ печи не слѣзутъ.
Стой! Стой! Стой!

Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не ѣдать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.

У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вотъ не такъ,
Вотъ ни сякъ,
Ни направо, ни налѣво;
Бухъ, бухъ,
Камень вдругъ!
Полетѣли въ куть:
Э! что взяли?
Э! что взяли?

18. Захарка.

Захарка—игра дѣтская, веселить дѣтей и изъ ума выжившихъ старушекъ. Не имѣя ни одной самобытной идеи, она за то и не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Оттого мы въ ней теперь видимъ какую-то без-

отчетливость, указывающую прямо на дѣтскія шалости и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая потѣшить дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
 Пріѣхалъ Захарка,
 Самъ на телѣжкѣ,
 Жена на кобылкѣ,
 Дѣтки на санкахъ,
 Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и собираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу позабавиться Захаркою.

14. Дергачи.

Дергачи есть игра зимняя, увеселяющая молодежь въ скучные осенніе вечера, въ кругу всѣхъ возрастовъ. Въ этой игрѣ есть много сходнаго съ жмурками и много отличнаго. Посмѣяться отъ бездѣлья—любимая поговорка нашихъ предковъ — кажется, изобрѣла эту игру.

Собираясь играть въ Дергачи, игроки садятся по мѣстамъ около стѣны, а водырь, обреченный по жеребью, съ завязанными глазами, ходитъ по комнатѣ. Отъ игроковъ требуется: не сходить съ мѣста. Нарушитель этого постановленія занимаетъ мѣсто водыря. Какъ скоро всѣ усѣлись, а это дѣло очень трудное и, при множествѣ споровъ, едва выносимое для постороннихъ зрителей, начинается игра. Въ одной сторонѣ игроки говорятъ: «Дергъ!

Дергь!» а въ другой шевелятъ ногами по полу, и если можно, дергаютъ водыря за полы платья. Онъ, ходя по комнатѣ, долженъ отгадывать — кто говоритъ: «Дергь!» назвать по имени того, кто дернулъ за полы. Счастливое открытіе избавляетъ его отъ долгихъ поисковъ. Тогда онъ передаетъ игру дергальщику.

15. Жгуты.

Какая-то непостижимая затѣйливость изобрѣла русскую игру Жгуты, игру битую, отъ которой часто игроки дня по три и по четыре лежатъ битыми и разбитыми на печкахъ. Надобно имѣть отчаянное терпѣніе, чтобы выдержать эту игру. Пускай бы одни мужчины веселились, а то и женскій полъ садится за эту игру съ восторгомъ. Русская жизнь есть еще загадка.

Въ зимніе долгіе вечера, когда собираются въ деревняхъ на посидѣлки въ одну избу, затѣваютъ въ это время жгуты. Всѣ садятся въ кружокъ на полу. Въ срединѣ лежитъ шапка, которую должно доставать игрокамъ съ огорода. За спинами игроковъ ходитъ жгутовка съ жгутомъ и караулитъ на дорогѣ воровъ. Какъ добрый сторожъ, она весело кричитъ:

Кому разъ,
Кому два,
Кому ничего.

Едва лишь кто протянетъ руку за шапкою, жгутовка того бьетъ жгутомъ по спинѣ. Кто задремлетъ сидя, она кладетъ за его спиною жгутъ, а бодрый сосѣдъ учитъ его хорошими ударами бодрствовать. Когда пойдетъ кутерьма во время бросанія жгута, жгутовка беретъ шапку и надѣваетъ на когонибудь. Кого окликнуть въ шапкѣ, тотъ дѣлается жгутовкою. Если же игроки похитятъ съ огоро-

да шапку, тогда каждый изъ нихъ, смотря по сдѣланному условію, дѣлаетъ расправу съ жгутовкою нѣсколькими ударами.

16. Чижикъ.

Чижикъ—игра дѣтская, веселитъ дѣтей удачно и печалитъ нечаянными побоями. Основная мысль этой игры проста — утѣшить; но она далеко не достигаетъ своей цѣли. Вообще, всѣ дѣтскія игры сопряжены на Руси съ опасностями, и кажется, что только однѣ колыбельныя пѣсни показываютъ превосходство семейныхъ увеселеній.

Старшій изъ дѣтей очерчиваетъ на полу мѣлкомъ четверугольникъ—клѣтку, въ средину кладетъ камень, на который по отвѣсу полагается палочка—чижикъ длиною въ одну четверть. Ктонибудь изъ дѣтей подходитъ съ другою длинною палочкою къ клѣткѣ, бьетъ по чижикю, который отъ удара летитъ вверхъ. Тогда другія дѣти стараются бить чижика на лету, и тотъ остается въ сторонѣ, кто успѣетъ загнать его въ клѣтку. Игра продолжается дотолѣ, пока явится ктонибудь изъ игроковъ съ разбитымъ лицомъ и съ крикомъ начинаетъ доискиваться виноватаго. Но какъ побой скоро забываются дѣтьми, то игра Чижикъ скоро возобновляется.

17. Ужище.

Игра Ужище составляетъ самое веселое раздолье поселянъ и поселянокъ Костромской и Тульской губерній. Нигдѣ нельзя видѣть такой русской оборотливости, какъ въ этой игрѣ. Здѣсь желаніе выказать свое удалство починаетъ себѣ всѣ движенія, и скачки столь бывають удачны, что превосходятъ всякое вѣроятіе. Глядя на игру Ужище, невольно скажешь, что русская неустрашимость свыкается со всѣмъ; ей все бываетъ свое, все близкое; она

ко всему влечетъ русскаго мужичка, готоваго спорить своимъ терпѣніемъ со всею природою.

Сбираясь играть Ужище, костромитяне берутъ веревку — ужище, и толпами отправляются на пустошь. Тамъ, двое держать веревку за концы и вертять ея вокругъ по воздуху. Въ срединѣ ихъ становится третій и, не сходя съ мѣста, прыгаетъ вверхъ тогда, когда другіе изъ веревки дѣлаютъ круги. Это занятіе издали показываетъ, что человекъ стоитъ какъ бы въ кругѣ. Чтобы сыграть Ужище надобно имѣть ловкость своего рода: умѣть вовремя прыгнуть, умѣть кстати согнуть голову, умѣть присядать. Неопытные возвращаются съ разбитою головою и расшибенными ногами. Болѣе всего страдаютъ костромскія уши.

Въ Тульской губерніи эту же самую игру совершаетъ одинъ мальчикъ, безъ всякаго вреда. Беретъ въ руки коротенькую веревочку, голову сгибаетъ къ колѣнямъ, дѣлаетъ вверхъ прыжки, и въ то же самое время вертитъ веревку кругомъ себя. Издали эта игра представляетъ видъ обращающагося колеса.

18. Коршунъ.

Какой-то добрый геній внушилъ нашимъ предкамъ Коршуна, игру, любимую всѣми сословіями. Можетъ быть олицетвореніе, переданное въ этой игрѣ, веселитъ русское сердце. Коршунъ — строгій, взыскательный семьянинъ, Насѣдка — сердолобивая мать, скрывающая всѣ недостатки своихъ дѣтей, Цыпята — шаловливыя, милостивыя дѣти — вполнѣ выражаютъ старую русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность русской народности.

Въ хорошій лѣтній вечеръ, когда семейства столпляются у воротъ, молодежь начинаетъ игру Коршунъ. Безъ затѣй въ русскихъ играхъ ничего не бываетъ. Выбира-

ють Коршуна съ большими затѣями и спорами—всякому хочется поважничать; менѣе всѣхъ кричать о выборѣ Насѣдки—это должность тягостная. Всѣ прочіе поневолѣ играютъ изъ себя Цыплятъ. Коршунъ сидитъ одинъ—одинехонекъ, въ отдаленномъ мѣстѣ, въ положеніи довольно любопытномъ. Онъ долженъ со злобою смотрѣть на насѣдку съ дѣтми, скрежетать зубами, кусать себѣ пальцы и покрикивать, довольно неудачно, по-птичьи, какъ коршунъ. Матка подходитъ къ Коршуну, за нею вытягивается длинный рядъ дѣтей. Картина русская, неподдѣльная! Это народъ всѣхъ возрастовъ, это сцѣпленіе существъ, забывшихъ все земное, существъ — игривыхъ, добрыхъ, людей семейныхъ, русскихъ. Коршунъ роетъ землю; насѣдка заводитъ съ ницъ рѣчи:

- Н. Коршунъ, Коршунъ! Что ты дѣлаешь?
 К. Что? Рою землю, да ямку.
 Н. На что роешь ямку?
 К. Чтобы денежку найти.
 Н. На что тебѣ денежку?
 К. Иголку купить.
 Н. На что тебѣ иголку?
 К. Мѣшочекъ шить.
 Н. На что тебѣ мѣшочекъ?
 К. Соли купить.
 Н. На что тебѣ соли купить?
 К. Щи посолить.
 Н. На что тебѣ щи солить?
 К. Одну половину съѣсть, а другою твоиѣ дѣтямъ глаза залить.
 Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?
 К. Они мою городьбу разломали.
 Н. А какъ высока была твоя городьба?

- К. Вотъ смотри; Коршунъ бросаетъ вверхъ камень такъ высоко, сколько позволяютъ силы.
- Н. Мою городьбу козелъ бородой достанетъ, да и той они не могутъ разломать.
- К. Они буяны. Я ихъ истреблю.
- Н. Они мои. Не дамъ. Ши! Ши! Злой Коршунъ! Долой, злой Коршунъ! Ши! Ши! Ши!

Раздосадованный Коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насѣдка защищаетъ ихъ, дѣти укрываются за матерью. Шумъ, крикъ, визгъ, бѣганье; всѣ мѣры малосильной Насѣдки противъ похитителя остаются ничтожными. Коршунъ утаскиваетъ дѣтей въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, онъ съ ними кидается на Насѣдку щипать—за ея строптивый нравъ. Этимъ оканчивается игра.

19. Лапта.

Игра Лапта составляетъ особенное увеселеніе мужчинъ преимущественно лѣтомъ. Женскій полъ здѣсь отчужденъ всеобщій смѣхъ огласилъ бы дѣвушку въ глазахъ подругъ, если бы разнеслись объ этомъ вѣсти въ окологдѣ. Игру Лапту мы должны отличать отъ всѣхъ другихъ: это особенный родъ какой-то войны, гдѣ проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признаетъ эту игру за старинную, давность которой незапамятна дѣдамъ и прадѣдамъ. Археогрфія, при всѣхъ открытіяхъ, ничего не говоритъ о письменахъ, сохранившихъ слѣды игръ. Русская народность сосредоточивалась въ жизни семейной и измѣнялась только тогда, когда измѣнялась самая жизнь. Въ комъ течетъ русская кровь, въ комъ бьется русское сердце, тотъ съ гордостью укажетъ чужеземцу на старую русскую жизнь, существующую въ быту семейномъ. Конечно, многія семей-

ства удалили отъ себя много русскаго, стараго; но оно переселилось въ селенія и города, гдѣ еще современныя обновленія не касались семейной жизни, гдѣ измѣненія почитаются святотатствомъ, гдѣ блюдутъ старину, какъ святыню. Вся лестная надежда чужеземцевъ разобрать исторически русскую народность — доселѣ остается безъ исполненія. Это происходило единственно оттого, что думали отыскать народность въ письменныхъ памятникахъ. Простимъ чужеземцамъ ихъ незнаніе нашей русской жизни. Мы знаемъ, что наши предки записывали только историческія событія; все прочее хранилось въ семейной жизни по обычаю и преданіямъ, изъ рода въ родъ. Пока мы не изучимъ семейной жизни, мы не узнаемъ русской народности. Самое же изученіе должно совершиться наиподробнѣйшимъ описаніемъ обычаевъ и повѣрій. Безъ этого все будетъ ничтожно; безъ этого всегда исторіи русскаго народа будутъ безъ общественной русской жизни.

Игра Лапта, кажется, получила свое названіе отъ деревянной маленькой лопаточки, употребляемой игроками, а лапта и мячъ, какъ принадлежности игры, составляютъ главныя орудія. Чтобы разыграть Лапту, игроки раздѣляются, подъ управленіемъ матокъ, на двѣ половины, изъ коихъ одна служитъ, а другая водить.

Прежде всего выбираютъ матокъ, послѣ всѣхъ возможныхъ споровъ. Берутъ лапту, плюютъ на одну ея сторону, бросаютъ вверхъ, говоря: «сухого или мокраго тебѣ надобно?» Если лапта упадетъ на землю стороною сообразно требованію, тогда этого игрока величаютъ маткою. Матки набираютъ свою половину. Игроки рассыпаются въ стороны для сговариванія. Подходя попарно къ маткамъ, они заставляютъ ее выбирать изъ себя только по условнымъ словамъ, не выражая именно, кому они принадлежатъ. Это дѣлается для того, чтобы матка не могла подобрать свою половину изъ лучшихъ игроковъ. На-

бравши половины, матки начинают метать жребій: кому служить? кому водить? гдѣ быть чертамъ для игры?

Половина, обреченная жеребьемъ служить, разсыпается по разнымъ мѣстамъ. Одинъ становится у игральной черты—онъ долженъ подавать мячъ; другой идетъ на сердовину—ловить мячъ; третій становится по ловлямъ—бокамъ—также ловить мячъ; четвертый караулитъ послѣднюю коновую черту. Первый, стоящій на игральной чертѣ, бросаетъ только мячъ вверхъ игрокамъ; всѣ прочіе, поймавши мячъ, должны бить игроковъ, бѣгущихъ къ новой чертѣ.

Половина, обреченная по жеребью водить, становится въ кружокъ на игральной чертѣ. Одинъ беретъ лапту и бьетъ ею на лету мячъ. Пробивши, идетъ назадъ. На его мѣсто становится другой, и то же дѣлаетъ. Въ то самое время, когда мячъ отъ удара второго бойца летаетъ по полянѣ, первый боецъ бѣжитъ къ коновой чертѣ, избѣгая всячески, чтобы ловильщики не поймали его ударомъ этого мяча. Если это случится, игра кончается.

Каждая половина обязана въ строгости исполнять свои условія.

Половинѣ служить вѣняется: подавать мячъ бойцу только до трехъ разъ, если онъ не успѣваетъ его подбивать лаптою; стараться мячъ ловить на-лету: въ этомъ заключается польза всей половины—передача служить. Если успѣваютъ поймать мячъ на-лету, то стараются схватить его какъ можно скорѣе и бить имъ бѣгущихъ игроковъ.

Половинѣ водить вѣняется: бить по мячу лаптою нѣсколько вкось и какъ можно сильнѣе: отъ этого зависитъ неудача ловильщиковъ. Бѣжать отъ черты до черты скорѣе; не поддаваться мячу; въ неудачахъ обращаться назадъ, пока ловцы передадутъ подавальщику мячъ. Если боецъ получить мячемъ ударъ на чертѣ, то это считать

не въ почетъ; ударъ на дорогѣ заставляетъ принимать передачу.

20. Пыжь.

Пыжь—игра опасная, служитъ лѣтнимъ увеселеніемъ для мальчиковъ. Эта игра, отпечатокъ какого-то боя, вѣроятно, занесена къ намъ сосѣдами. Не татары ли принесли этотъ гостинецъ нашимъ дѣтямъ?

Выходя на лугъ или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною въ 12 вершковъ, довольно толстыми. Для коня очерчивается четверугольное мѣсто, въ срединѣ котораго становится Пыжь, палочка отрубленная, въ 3 вершка длиною. Въ этой игрѣ участвуютъ игроки и вожатый. Выборъ въ вожатые производится по особенному жеребью: каждый игрокъ долженъ взять въ правую руку свою палку, а въ лѣвую пыжь; потомъ, бросивъ на палку пыжь, начинаетъ чаковать, и тотъ, кто сдѣлаетъ больше ударовъ палкою о пыжь, остается игрокомъ, а кто меньше всѣхъ, тотъ вожатымъ.

Игроки становятся на одну сторону—на черту, условленную отъ коня. Вожатый отходить въ сторону. Игрокъ бросаетъ палку въ пыжь, а вожатый бѣжитъ за пыжемъ, чтобы не допустить игрока взять палку и скорѣе воротиться къ коню. Въ этой игрѣ соблюдаются свои условія:

Игрокъ долженъ такъ сбивать пыжь, чтобы онъ, не оставаясь въ четверугольникѣ, летѣлъ въ сторону. Нарушитель сего условія — дѣлается вожатымъ.

Сбивши пыжь, игрокъ долженъ бѣжать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться къ коню до прихода вожатаго; если онъ не надѣется сдѣлать этого, то долженъ отбрасывать палку на дальнее разстояніе и выжидать счастья.

Вожатый не долженъ допускать къ коню игрока съ палкою; онъ долженъ скорѣе бросить на конъ пыжь.

Вожатый должен замѣчать: кто изъ игроковъ, послѣ пробитія, возвращается на черту отъ кона, не обмочивши палку въ четверугольникъ?

Выжидающій счастья игрокъ не долженъ брать палку прежде пробитія другого, а иначе онъ сдѣлается вожатымъ.

Если всѣ игроки не успѣютъ сбить съ кона пыжъ, тогда вожатый беретъ его изъ четверугольника, отгибаетъ шаги по условію, и бросаетъ его въ палки. На чью палку упадетъ пыжъ, тотъ дѣлается вожатымъ.

Если бы кто изъ игроковъ задумалъ спорить, то изъ него выжимаютъ масло. Это дѣлается такъ: одинъ изъ игроковъ прижимаетъ спорщика къ себѣ, а другой къ себѣ—палками. Спорщикъ сквозь слезы соглашается продолжать игру.

При чакованіи пыжемъ, игрокъ долженъ говорить:

Чаки, чакочочки,
 Маковы головочки.
 Малечина, Калечина,
 Сколько часовъ
 До вечера, до зимняго.
 Разъ, два, три (и далѣе).

21. Свайка.

Игра Свайка, кажется, одолжена своимъ бытіемъ Тульской Оружейной Слободѣ, живущей отдѣльною сферою отъ всѣхъ другихъ сословій, имѣющей свой особенной выговоръ словъ, свои привычки, незамѣтныя въ другихъ мѣстахъ, свои увеселительныя занятія, недоступныя другимъ людямъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ другихъ губерній можно слышать объ этой игрѣ.

Игроки запасаются для этой игры: Свайкою, орудіемъ сдѣланнымъ изъ желѣза въ видѣ остраго гвоздя, съ тол-

стою головкою, вѣсомъ отъ 1 до 20 фунтовъ, и кольцомъ желѣзнымъ. Въ Тулѣ игроки собираются у воротъ и, избравши мягкое мѣсто, начинаютъ игру. Вся игра заключается въ условенныхъ приемахъ.

Бросать свайку такъ, чтобы она прямо упала въ центръ кольца, или, воткнувшись въ землю, оттолкнула бы его на дальнее разстояніе.

Свайка, воткнутая въ землю съ ударомъ о кольцо — считается за одинъ разъ, въ самое кольцо за два раза, а если она отброситъ его далеко, тогда пространство отъ свайки до кольца измѣряется пирогами — паденью.

Если свайка попадаетъ въ кольцо и съ нимъ упадетъ, не воткнувшись въ землю, тогда игрокъ лишается всѣхъ выигрышей. Эту неудачу игроки называютъ: захлебнулся, комутъ на отца надѣлъ.

Выигрышъ считается до десяти и болѣе разъ, смотря по сдѣланному условію, и кто ихъ болѣе сдѣлаетъ — говорятъ: вышелъ. Но кто не сдѣлаетъ десятка, тогда какъ другіе вышли, долженъ подавать свайку.

Подавать свайку — значить, каждому игроку онъ долженъ, какъ виноватый, подавать это орудіе до десяти разъ, а тотъ, какъ ему только лучше, беретъ за свайку и глубоко вбиваетъ въ землю. Если игрокъ послѣ подачи попадаетъ въ кольцо, тогда проигравшійся снова долженъ подавать свайку до тѣхъ поръ, пока всѣ игроки пробьютъ уроченные разы, пока никто изъ нихъ не попадетъ въ кольцо.

Проигравшійся подвергается большому насмѣшкамъ. Ему говорятъ: «масло потекло» — когда онъ отъ большихъ усилій запотѣетъ; шильцо къ бильцу подползло — когда онъ не можетъ вытащить свайку, глубоко забитую въ землю; потѣй Фатѣй, до звѣзды говѣй, а леца подавай — когда онъ выбьется изъ силъ и отказывается отъ игры; не тюрюкай тюрю, проползай

въ нору—когда онъ беретъ щепку или что нибудь другое для раскапыванія земли вокругъ свайки; сбьль бѣду, какъ сосѣдову жену — когда окончить свои труды. Глубоко вонзившаяся въ землю свайка называется рѣдкой.

22. Агарушикъ.

Всматриваясь въ игру Агарушикъ (Огарышекъ?) мы невольно робѣемъ за дѣвиць старой русской жизни. Зависть, злая утѣха пожилыхъ и некрасивыхъ дѣвиць, кажется, избрѣла эту игру. Дѣвицы, собираясь играть въ Агарушикъ, напередъ обрекаютъ для себя посмѣшище — тихихъ, скромныхъ, сиротливыхъ подругъ. Видно, что интриги и въ старину волновали сердца нашихъ бабушекъ.

Молодые дѣвицы и женщины сходятся играть на пустошь передъ вечеромъ. Садясь въ кружокъ, одна подлѣ другой, выбираютъ изъ среды себя рассказчицу, по большей части изъ богатыхъ, которая, обхаживая ихъ, приговариваетъ:

За черема,
За беремя,
За стараго,
Петръ,
Петровичъ,
Егорычъ,
Труса,
Пеня,
Князь.

На которую достается слово: «Князь», та выходитъ изъ сѣдалокъ. Рассказчица снова обходитъ ихъ съ при сказкою, пока останется одна, съ которою она должна говорить по очереди. И та, которая изъ нихъ послѣдняя

произнесеть: «Князь», бѣжить. Подруги оставшуюся величаютъ:

Агарушикъ!
 Черный камушикъ,
 Ненаѣдушикъ,
 А послѣдушикъ!
 Агарушикъ!

Дѣвица—Агарушикъ, осмѣиваемая игроками, бѣгаетъ за ними и ловитъ ихъ. Пойманная дѣвица дѣлается помощницею ловли. Въ волѣ игроковъ бываетъ: переловить ли всѣхъ, или только двухъ?

23. Ветчинка.

Игра Ветчинка олицетворяетъ собою какое-то народное поученіе. Не хотѣли ли эту игрою наши предки отучить молодежь отъ похищенія? Если она введена была въ старую русскую жизнь съ этою нравственною цѣлью, то мы должны имѣть высокое понятіе о семейной жизни нашихъ предковъ.

Въ этой игрѣ молодежь прежде всего вбиваетъ въ землю колышекъ и къ нему привязываетъ веревочку, длиною до 2 и болѣе аршинъ. Около колышка кладутъ разныя старыя вещи. Въ деревняхъ употребляютъ для этого всегда старыя лапти. Водырь, обреченный по жеребью водить, беретъ въ одну руку веревку, а въ другую—пруть. Игроки, подходя къ водырю, спрашиваютъ:

Игроки. Поспѣла ли Ветчинка?
 Водырь. Нѣтъ!
 И. Поспѣла ли Ветчинка?
 В. Нѣтъ!
 И. Поспѣла ли Ветчинка?
 В. Кипить.

Игроки. Поспѣла ли Ветчинка?

Водырь. Кипить.

Шевелить,

Продаваться

Ведить.

Съ послѣднимъ словомъ начинается расхищеніе Ветчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается изловить похитителей прутомъ. Если кто получитъ ударъ, тотъ заступаетъ мѣсто водыря. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока игроки растаскаютъ всю Ветчинку. Когда же не будетъ открыто до прями похитителей, а Ветчинка невѣдомо кѣмъ растаскана, тогда послѣдуетъ порушаніе водырю — наказаніе. Всѣ игроки берутъ по пруту, становятся въ два ряда. Водырь бѣжитъ по ширинкѣ, преслѣдуемый игроками. Пошады въ этой игрѣ никогда не бываетъ.

24. Сучка.

Играть въ сучку, вѣроятно, ввели наши предки съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы приучить дѣтей своихъ къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь все говорить о войнѣ. Яма изображаетъ собою городъ, лунка — жилище, игроки — жителей, защищающихъ свою собственность, палки — оружіе вообще, вожатый — непріятеля, сучка — какое-то орудіе непріятельское. Немного русскихъ игръ, которыя бы выражали такъ отчетливо защиту собственности отъ пришельца, какъ эта.

Игроки выкапываютъ на пустоши яму, глубиною въ пол-аршина и столько же въ поперечникѣ. По краямъ ямы каждый игрокъ выкапываетъ для себя маленькую ямку — лунку. Игроки всѣ должны быть вооружены палками, длиною въ 1¹/₂ аршина. Выкапываніе ямы и ямокъ совершается безъ домашнихъ орудій. Двое изъ игроковъ

скрещаютъ въ землѣ палки и кружатся до тѣхъ поръ, пока концами палокъ выроютъ яму. Для игры приготовляютъ еще маленькій чурбачекъ — Сучку. Вся эта игра, заключааясь въ нападеніи и защитѣ, состоитъ въ строгомъ соблюденіи правилъ своего рода.

Для избранія вожатаго, игроки ставятъ палку на ногу, и потомъ бросаютъ ее съ ноги въ даль, какъ казаки пику. Чья палка ляжетъ дальше, тотъ игрокъ, а чья ближе, тотъ вожатый.

Игроки обязаны стоять у своихъ лунокъ, съ опущенными въ нихъ палками.

Вожатый стоитъ на условной чертѣ, бросаетъ въ яму сучку, говоря: «овсы!»

Игроки отбиваютъ сучку на условленной чертѣ палками. Этотъ отбой они называютъ: чаковка!

Если вожатый такъ будетъ счастливъ, что съ перваго раза попадетъ въ яму, то онъ смѣняется другимъ.

Если игроки не дадутъ вожатому на-лету чакѡвки, и въ это время кто нибудь изъ нихъ побѣжитъ отъ лунки отбивать сучку, тогда вожатый въ правѣ занять чужую, пустую лунку и быть игрокомъ.

Игроки, изъ состраданія, смѣняютъ вожатаго, если онъ, по неловкости своей, бываетъ причиною долгой игры. Это называется выпускалкою.

25. Яша.

Свободные люди въ селеніяхъ съ большимъ удовольствіемъ посвящаютъ время игрѣ Яша. Молодчики, красныя молодушки, сѣнныя дѣвушки только допускаются въ эту игру; старики, старушки, дѣти стоятъ и радуются на потѣху дѣвушекъ. Люди опытные замѣчаютъ, что изъ этой игры невидимо какъ-то стряпаются свадьбы къ Великоденскому мясоѣду.

Яшу разыгрываютъ почти всегда осенью, иногда и весной, на лугу. Яша, избираемый всегда изъ молодчиковъ, садится на землю; кругомъ его игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и приговариваютъ:

Сиди, сиди, Яша,
 Въ ракивовомъ кустѣ;
 Грызи, грызи, Яша,
 Орѣховы зерны.
 Лови себѣ, Яша,
 Кого тебѣ надо;
 Лови дѣвку
 За русую косу,
 Лови красну
 За алую ленту.

Игроки, проговоривъ, разбѣгаются. Яша встаетъ и выбираетъ себѣ дѣвицу съ русою косою, съ алою лентою. Игроки, окруживъ Яшу, начинаютъ смѣяться надъ его выборомъ, приговаривая:

Выбралъ себѣ Яша
 Рябую кукушку;
 Выбралъ себѣ Яша
 Черную кошку.
 Уфъ! черную кошку!

26. Бабки.

По милости грековъ русскіе обучились играть въ бабки. Древняя игра ихъ Астрагалось приняла у русскихъ свое значеніе и переименована въ разные приемы. Въ русской семейной жизни эта игра занимаетъ самое почетное мѣсто, и нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы она не существовала. Разнородность игры, своеобразныя названія выказываютъ вполнѣ изобрѣтательность нашихъ предковъ усвоивать себѣ чужое.

Въ игрѣ въ бабки русскіе употребляютъ надкопытную говяжью кость, которая по городамъ и селамъ составляетъ особенный родъ промышленности мальчиковъ. При продажѣ они считаютъ бабки: гнѣздами — по двѣ кости, шестерами — по шести костей, битками — самую большую бабку, свинчатками — бабки, налитыя свинцомъ для тяжести и ловкости, чугунками — вылитыя изъ чугуна на подобіе бабокъ, кудачками — обтесанныя костяныя бабки для особенной игры. Самыя игры бабки раздѣляются на безчисленные виды. Исчисляемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Конь за конь. Игроки ставятъ на ровномъ мѣстѣ по гнѣзду на битку. Потомъ опредѣляютъ условное разстояніе — коны. Кому прежде начинать игру — бить и кому послѣ, о томъ мечутъ жеребьи. Для этого игроки бросаютъ вверхъ бабки, съ особенными уловками — выстилкою. Если бабка, упавшая на землю, ляжетъ на правый бокъ, то это будетъ плочка — старшая по игрѣ; если ляжетъ на спину, то будетъ жогъ — вторая по игрѣ; если ляжетъ бабка на лѣвый бокъ, то это будетъ ничка, моложе всѣхъ. Игроки, становясь на черту, бьютъ битками по старшинству. Если спибутъ бабки, на кону стоящія, то ихъ считаютъ своимъ выигрышемъ. Когда они всѣ пробьютъ, тогда каждый переходитъ за конь къ своимъ биткамъ и бьетъ съ того мѣста, гдѣ лежитъ его битокъ; чья далѣе лежитъ, тотъ прежде начинаетъ и бить, а остальные доканчиваютъ игру по разстоянію своихъ битковъ.

Плочки. Игроки ставятъ на конь по гнѣзду на битку и потомъ мечутъ битками, у кого ляжетъ — плочка, жогъ, ничка. Игроки здѣсь плочку называютъ правикомъ, ничку лѣвикомъ. Если битка ляжетъ ничкою, то игрокъ долженъ бить ею въ конь съ лѣвой руки. Дальняя плочка даетъ право игроку на первенство бить прежде

всѣхъ другихъ. Въ этой игрѣ игроки не переходятъ на конь бить во второй разъ.

Кудачекъ. Игроки собираютъ вмѣстѣ битки, потомъ мечутъ ихъ вверхъ, и чья ляжетъ жогомъ, то хозяинъ этой начинаетъ отбивать чужія битки. При отбивкѣ онъ говоритъ: «разъ на кудакъ, два на кудакъ, три на кудакъ». Если онъ ударитъ, по неосторожности, другія битки, тогда переметываютъ снова бабки, а если сдѣлаетъ промахъ, то считаютъ проигрышъ.

Объ стѣнку. Игроки приходятъ къ забору и ударяютъ по очереди бабками объ стѣнку. Если второй игрокъ положить бабку такъ близко къ чужой, что пространство будетъ на одну пядь, тогда онъ выигралъ.

У кону. Игроки ставятъ на конь на каждую битку по шестеру бабокъ, потомъ мечутъ битки, и чьяхъ больше ляжетъ жоговъ, тотъ первый подходитъ къ кону и бьетъ по гнѣздамъ. Всѣ имъ сбитыя бабки считаются его выигрышемъ. Успѣхъ въ этой игрѣ зависитъ отъ подтесанной битки.

Городокъ. Игроки ставятъ по гнѣзду изъ бабокъ — городокъ, въ видѣ шестигульника, а въ серединѣ его помѣщаютъ три гнѣзда — сердцевину. Послѣ сего идутъ къ чертѣ и мечутъ битки. Плодка, жогъ даютъ право играть, а ничка оставляетъ игрока въ домосѣдахъ, т. е. безъ ничего. Здѣсь употребляютъ свинчатки и чугулки. Игрокъ долженъ сбить прежде отъ черты городню, а если онъ дотронетъ сердцевину, тогда платитъ пеню по-шестеру. Сердцевина, если останется по разбитіи городка непочатою, предоставляется въ пользу домосѣдовъ.

27. Кулачный бой.

Кулачный бой въ русской семейной жизни считался удалствомъ, приводившимъ нѣкогда въ гордость и раз-

дору цѣлыя селенія и города. Подвергать себя изъ доброй воли побоямъ, бить другихъ безъ пощады — было роскошнымъ веселіемъ для нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Давность этой жестокой потѣхи остается на Руси незапамятною, такъ что старшинство ея усвоилось прежде многимъ городамъ. Было время, когда русскіе бояре, собравшись поселиться, свозили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для потѣшенія. Бойцы казанскіе, калужскіе, тульскіе славились предъ прочими, выдерживали сильный бой предъ татарами, пріѣзжавшими въ Москву съ икрою и рыбами, выигрывали большіе залогы, платили нерѣдко за свою отважность жизнью. Кулачные бои начинались съ зимняго Николы и продолжались до Сборнаго Воскресенія; но самый веселый разгулъ бывалъ на масляницѣ. Лѣтомъ рѣдко бывали бои, и то по приглашенію бояръ. Городскіе бойцы всегда брали преимущество предъ сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Болѣе всѣхъ почитался: бой одинъ на одинъ, за нимъ — стѣна на стѣну, а менѣе всѣхъ сцѣплялка-свалка.

Лучшими бойцами одинъ на одинъ считались тульскіе. Тамъ: Алеша Родишый, Никита Долговязъ, братья Походкины, семейство Зубовыхъ, Тереша Кункинъ почитались чудо-богатырями и съ почестью развозились по городамъ. Они мѣряли свои силы съ татарами, калужанами, москвичами. Замѣчательная черта этихъ бойцовъ состояла въ томъ: пить вино, за безчестье почитать подарки, предлагаемые боярами, и не ходить стѣна на стѣну.

Лучшими бойцами стѣна на стѣну доселѣ прославляются казанскіе суконщики. Всегдашніе ихъ враги были татары. Въ Тулѣ бои стѣна на стѣну бывали только у оружейниковъ съ посадскими. Бои формально назначались по днямъ. Охотники задолго поили бойцовъ, однихъ сманивали

подарками на свою сторону, другихъ страшивали угрозами. Охота къ такому бою походила на отъявленную страсть. Старики подзадоривали молодыхъ разказами и общаніемъ биться, молодые, въ ожиданіи испытать винца, переходили съ вѣстями изъ двора во дворъ, дѣти выходили на затравку и составляли предвѣстниковъ сцѣплялки изъ старыхъ и молодыхъ бойцовъ. Когда бились стѣна на стѣну, тогда записные бойцы выдерживались въ сторонѣ съ толпою людей, уговаривавшихъ стоять за ихъ стѣну, и выпускались только тогда, когда непріатели пробивали стѣну. Надежа боецъ летѣлъ съ шапкою въ зубахъ, билъ груди на обѣ стороны, лежащаго не трогалъ; а, пробивши стѣну, возвращался, съ толпою льстецовъ, прямо къ кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали въ рукавицы бабки-чугунки для пораженія противниковъ.

28. Рѣдка.

Рѣдка считается любимою игрою женщинъ, дѣвицъ и молодчиковъ, послѣ Фоминой недѣли, до Петрова дня. Любовь втерлась и здѣсь. Посидѣть на колѣняхъ у милой женщины—здѣсь не считается въ позоръ, и мужъ равнодушно смотритъ, когда его жена сидитъ у молодого парня на колѣняхъ, когда онъ крѣпко сжимаетъ его жену. Этого требуетъ игра.

Любители игры выходятъ на дугъ, садятся одинъ къ другому на колѣни, сцѣпляясь одинъ съ другимъ въ видѣ длинной гряды. Передній получаетъ названіе бабушки, а всѣ прочіе считаются за рѣдку. Является купецъ покупать рѣдку.

Купецъ. Бабушка! Продай рѣдички!

Бабушка. Купи, батюшка.

Купецъ осматриваетъ рѣдку, пробуетъ на всѣ манеры, ощущиваетъ и старается выдернуть.

Купецъ. Бабушка! Нѣтъ ли шуплавой рѣдьки?
 Бабушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая,
 одна къ одной; выдерни себѣ любую на
 пробу.

Купецъ начинаетъ выдергивать — сколько есть силы.

Купецъ. Бабушка! Твою рѣдьку не выдернуть по
 доброй волѣ: уросла. Дай-ко косарикъ вы-
 копать съ корнемъ.

Бабушка. Что ты, свѣтъ мой, позоришь мою гряду.
 Потряси: выплыветъ, словно какъ изъ воды,

Купецъ начинаетъ трясти игроковъ, кого за голову,
 кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого либо изъ
 игроковъ, начинаетъ страхивать объ землю, вытрясая
 будто изъ него соръ. Въ это время встаютъ всѣ игроки и
 прогоняютъ побоями купца.

29. Крыночки.

Крыночки — игра сельская, затѣйливая и чудная,
 изображаетъ собою дѣтскія проказы. Здѣсь олицетворе-
 ніе высказало полную сельскую жизнь и сохранило заня-
 тія отжившаго поколѣнія.

Дѣйствующія лица въ этой игрѣ: котъ, котова ба-
 бушка, дѣтки; предметы: крыночки съ молокомъ,
 изба, баня. Котова бабушка, старая доможилка, си-
 дитъ съ котомъ и караулитъ молоко. Голодные дѣтки, ея
 внучата, увиваются вокругъ крыночекъ; но надежда тщет-
 ная. Дѣтки прибѣгаютъ къ обману. Одни подходятъ къ
 бабушкѣ, а другія садятся на полатахъ.

Дѣтки. Бабушка! Гдѣ твой котъ?

Бабушка. Пошелъ глотать кости на поповъ дворъ.

Дѣтки. Чья это нога?

Бабушка. Натальина жениха, вора-плута.

Дѣтки. Бабушка! Не хочешь ли ты въ баньку?

Бабушка. Какая у васъ банька?

Дѣтки. Наша баня золотая, каменка кафлинная, топили ребята по семи дней, а пару въ ней для семи деревень.

Бабушка. Какой вѣникъ?

Дѣтки. Вѣникъ шелковый, шелку шамаханскаго, отбить у татарина въ ордѣ, заброшень на боярскій дворъ, съ боярскаго принесь земчій.

Дѣтки снимають котову бабушку съ печки и относятъ въ баню. Бабушка парится; дѣтки выпиваютъ молоко и бьютъ крыночки. Приходитъ котъ и мяучить. Бабушка почувяла бѣду и бѣжитъ изъ бани. Дѣтки разбѣгаются. Бабушка ловить ихъ съ котомъ. Кого прежде поймають, тотъ дѣлается бабушкою; а потомъ ловятъ другого, и этотъ превращается въ кота.

29. Ласы.

Игра ласы занимаетъ дѣтей зимою, когда кончаются всѣ лѣтнія увеселенія. Эта игра выражаетъ родъ какой-то странной промышленности.

Когда выпадетъ первый снѣгъ, дѣти выдѣлываютъ изъ снѣгу шары и обливаютъ ихъ водою. Эти шары называются ласами. Соскучившись сидѣть дома, дѣти выходятъ на улицу и похваляются ласами. Замысловатые парни продають свои ласы дурнямъ за бабки, по два и по три шестера за каждую. Потомъ начинаютъ играть. Избравши мѣсто, торгуются: «продай коровку?» — Продажа, отвѣчаетъ игрокъ. Потомъ бросаетъ каждый изъ нихъ ногою свою ласу. Послѣ этого съ дальнею ласою начинаютъ по договору за ударъ бить въ

чужія ласы. Если онъ попадетъ, то беретъ за выигрышъ условленную плату бабками; если же сдѣлаетъ промахъ, то самъ платитъ вдвое. Игра продолжается по желанію, всегда болѣе до чистаго проигрыша.

30. Сижу-посижу.

Стелется на полу коверъ, сестрицы съ братцами садятся въ кружокъ. Дѣвушка, съ завязанными глазами, ходитъ въ срединѣ и приговариваетъ:

Братцы, сестрицы!
Примите меня.
Братцы, сестрицы!
Возьмите меня.

Дѣвушки отвѣчаютъ ей: «Иди по насъ». — Дѣвушка подходит и садится къ комунибудь на колѣни, приговаривая: «Сижу-посижу». У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать. Посторонніе спрашиваютъ: «У кого?» — Если дѣвушка отгадаетъ это лицо, то ему передаетъ свою обязанность. Часто случается, что дѣвушка сидитъ да посиживаетъ на чужихъ колѣняхъ, особенно на братцовыхъ, притворяясь недогадливою.

31. Четъ-нечетъ.

Гостинцы, приносимые отъ матушекъ, накаплиются въ такомъ количествѣ, что дѣвушки рѣшаются проигрывать ихъ будто на тѣ, какихъ у одной нѣтъ, а у другой много. Дѣвушки садятся за столъ, раскладываютъ гостинцы кучками и накрываютъ ихъ платкомъ. Начинается розыгрышъ. Одна спрашиваетъ: Четъ или нечетъ? Если другая отгадаетъ то или другое, тогда беретъ гостинцы себѣ, какъ выигрышъ, если не отгадаетъ, то сама отвѣчаетъ платежомъ въ такомъ же количествѣ. Затѣйливыя иногда

закрываютъ пустое мѣсто, и та, которая не замѣтитъ обмана, расплачивается всѣми гостинцами.

32. Четки.

Нянюшки приносятъ пукъ тростниковыхъ палочекъ, по числу дѣвиць, и раздають дѣвушкамъ для замѣтокъ. Опытная въ этой игрѣ обираетъ палочки у подругъ и складываетъ ихъ вмѣстѣ съ шутомъ — палочкою длиннѣе прочихъ; дѣвицы садятся на полъ въ кружокъ. Въ срединѣ ставятъ пукъ палочекъ вертикально, придерживая его за средину правою рукою, а лѣвою за верхушку шута, потомъ принимаютъ вдругъ правую руку, и палочки разсыпаются въ разныя стороны. Игра требуетъ, чтобы дѣвица поднимала по одиночкѣ всѣ палочки, не трогая другихъ. Удача собирать осторожно палочки почитается дѣвичьимъ проворствомъ. Завистливыя находятъ время говорить разныя разности, съ намѣреніемъ отвлечь ловкую дѣвушку. Проигравшихъ въ этой игрѣ наказываютъ чѣмъ нибудь, смотря потому, какое напередъ было сдѣлано условіе.

33. Колечко.

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдаетъ нянюшкѣ, которая въ кольцо продѣваетъ длинную ленту и связываетъ концы. Дѣвушки становятся въ кружокъ и держатся своими руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью кружиться, ходитъ въ срединѣ отыскивать: «у кого кольцо?» Дѣвушки потихоньку передаютъ кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлечения отыскивающей кольцо, производятъ непрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо, тотъ сбѣгаетъ кружившуюся дѣвушку.

34. Коза.

Дѣвушки выбираютъ изъ среды себя одну подругу козу, которая, отдѣлясь отъ толпы, приближается къ стѣнѣ въ задумчивости. Игроки, подходя къ ней, заводятъ рѣчи:

Дѣвушки. Коза, коза бя,
Гдѣ ты была?
Коза. Коней стерегла.
Дѣвушки. И гдѣ кони?
Коза. Они въ лѣсъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тотъ лѣсъ?
Коза. Черви выточили.
Дѣвушки. И гдѣ черви?
Коза. Они въ гору ушли.
Дѣвушки. И гдѣ гора?
Коза. Быки выкопали.
Дѣвушки. И гдѣ быки?
Коза. Въ воду ушли?
Дѣвушки. И гдѣ вода.
Коза. Гуси выпили.
Дѣвушки. И гдѣ гуси?
Коза. Въ тростникъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тростникъ?
Коза. Дѣвки выломали.
Дѣвушки. И гдѣ дѣвки?
Коза. Замужъ вышли.
Дѣвушки. И гдѣ мужья?
Коза. Они померли.
Дѣвушки. И гдѣ гроба?
Коза. Они погнили.

Дѣвушки разбѣгаются въ разныя стороны; коза преслѣдуетъ ихъ. Если она которуюнибудь изъ нихъ пой-

маеть за ленту косы, тогда пойманная получаетъ названіе козы, и игра начинается снова.

35. Гусекъ.

Гусекъ составляетъ отрадное утѣшеніе пожилыхъ людей лѣтомъ и зимою. Охотники до этой игры предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ, даже шахматной, наслаждаются гуськомъ лучше всѣхъ утѣшеній. Для игры Гусекъ охотники покупаютъ въ щепныхъ рядахъ готовую доску, на которой красками изображена, двойною линіею, извилистая дорога, въ видѣ улитки. Между линіею, на условныхъ мѣстахъ, означены въ кружкахъ предметы: числа, гуси, постоянный дворъ, темница, кружало. Предъ началомъ игры, игроки мечутъ костями: кому сколько достанется очковъ.

Большинство очковъ даетъ право игроку ходить прежде, и ежели онъ успѣетъ поставить шашку на гуська, тогда можетъ ходить взадъ и впередъ, сколько есть знаковъ. Меньшее число очковъ заставляетъ часто заходить игрока или на постоянный дворъ, или въ темницу. Если онъ зайдетъ на постоянный дворъ, то обязанъ платить пеню за постой по условію; если же очутится въ темницѣ, то лишается уже очереди метать костями и обязанъ оставаться безъ игры до тѣхъ поръ, когда то же сдѣлается съ другимъ. Выигрышъ всегда остается за тѣмъ, кто по опредѣленному числу очковъ, имѣя право ходить взадъ и впередъ, дойдетъ до послѣдняго знака.

Безъ всякаго сомнѣнія, гусекъ занесенъ къ намъ съ чужой стороны и, какъ кажется, подаренъ намъ нѣмцами. Здѣсь только и есть русскаго: постоянный дворъ и кружало, въ которыхъ замѣтно русское удалство.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.

Русскія народныя загадки.

1) СМЕРТЬ.

На морѣ на Окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала.
Видала царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитя въ колыбели;
И того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало.

2) РОЗА-ШИПОВНИКЪ.

Древо древоданское,
Листья лихотанскіе,
Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе.

3) БУМАГА И ПИСЕЦЪ.

Ни небо, ни земля,
Видомъ свѣтла,
Садятся на ней
Темнообразныя птицы.
Два созираютъ,
Два сожидаютъ,
Одинъ повелѣваетъ.

4) ВУЙНЫЙ ВѢТЕРЬ, ТУЧА ГРОЗНАЯ, СОЛНЦЕ ЯСНОЕ, СЕРДЦЕ СТРАСТНОЕ.

Безъ крыль летитъ,
Безъ ногъ бѣжитъ,
Безъ огня горитъ,
Безъ ранъ болитъ.

5) УЛЕЙ, ПЧЕЛЫ, ЖАЛО, ВОСКЪ, МЕДЪ.

Стоитъ градъ на востокъ
Широкими дверьми,

Около его много воинства,
У каждого война по копью.
Идетъ родъ Адамля,
Отнялъ у нихъ все имѣніе.
Вышнему слава, земному
также!

6) ГРУДНОЙ МЛАДЕНЕЦЪ.

Живая живулечка,
Сидитъ на живомъ стулечкѣ,
Живое мяско теребить.

7) ГРУДИ.

Бѣлый лебедь,
На блюдѣ не былъ,
Ножемъ не рупенъ,
А всякъ его кушалъ.

8) МАКЪ.

Маленькій крошка
Сквозь землю прошелъ,
Красну шапочку нашель.

9) ПЕРО.

Летѣлъ панъ,
На воду палъ,
Воды не взмутилъ.

10) НЕБО, ЗВѢЗДЫ, МѢСЯЦЪ.

Взгляну я въ окошко,
Раскину рогожку,
Посѣю горошку,

Положу хлѣба краюшку.
Всякій видитъ,
Да не всякій чуетъ.
Кому свѣтло,
Кому темно,
А мнѣ голубо.

11) ПОХОРОНЫ.

Бѣгутъ бѣгунчики,
Ревутъ ревунчики,
Не дышать,
Не пышать,
По сухому берегу бѣжать.

12) КАЧАНЪ КАПУСТЫ.

Подъ дубкомъ, дубкомъ,
Подъ карандашкомъ,
Свилось клубкомъ,
Да не камышкомъ.

13) БѢЛОКЪ СЪ ЖЕЛТКОМЪ.

Во бѣломъ городѣ,
Во темномъ подвалѣ,
Стоять въ одной бочкѣ:
Царево вино,
Царицынъ медъ,
Розно, не смѣшано.

14) НАПЕРСТОКЪ.

Шла свинья изъ болота,
Вся исколота.

15) СЕРЬГИ.

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
Колеса висятъ.
Дѣвиць красятъ,
Молодцовъ плѣнятъ.

16) МЫШЬ.

Подъ поломъ, поломъ
Ходить барыня съ коломъ.

17) ВѢНИКЪ.

Скрученъ, связанъ
По избѣ пляшетъ.

18) ПЧЕЛА И ВОСКОВАЯ
СВѢЧА.

Летитъ звѣрекъ
Чрезъ Божій домокъ,
Самъ съ собой говоритъ:
Вотъ моя силка горитъ.

19) ОГУРЕЦЪ.

Безъ оконъ, безъ дверей
Полна хранина людей.

20) ОРЪХИ.

Махотка маленька,
Кашка сладенька.

И. САХАРОВЪ. I.

21) СИТО.

Сивая кобыла
По торгу ходила,
Къ намъ пришла,
По рукамъ пошла.

22) ПОНЕВА.

Отъ поясницы до ногъ
Семьдесятъ пять дорогъ.

23) КОЛЕСЫ.

Четыре брата на свѣтѣ:
Два меньшіе впереди,
Два большіе позади,
Спѣшатъ, бѣгутъ,
Другъ друга не догонятъ.

24) ЛОДКА.

Бду, бду,
Слѣда нѣту;
Рѣжу, рѣжу,
Крови нѣту.

25) ЗВОНЪ КОЛОКОЛЬНЫЙ.

Звонко звякнетъ,
Утка крикнетъ,
Сбирайтесь, дѣтки,
Къ одной маткѣ.

15

26) ПРИТОЛОКИ.

Двѣ сестры страдаютъ,
Въ каморку зазираютьъ,
Взойдти не смѣютьъ.

27) ПЕЧЬ, ОГОНЬ, ДЫМЪ.

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ,
Подъ небеса ушелъ.

28) КРЕСТИНЫ.

Подъ городомъ подъ Брян-
скимъ,
Подъ дубомъ подъ царскимъ,
Два орла орлуютъ,
Одно яичко балуютъ.

29) ЗУБЫ.

Около прорубки
Стоять бѣлыя голубки.

30) ОРѢХИ, СКОРЛУПА, ЗУБЫ.

Стоитъ крѣпко,
Виситъ слабо,
Около ихъ гладко,
У всѣхъ есть снасть,
Имъ же ѣсть сласть.

31) ЧАСЫ.

Стучитъ, гремитъ, вертится,
Никого не боится,

Считаетъ свой вѣкъ,
Самъ не человекъ.

32) ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Стоитъ мостъ
На семь верстъ,
На мосту столбъ,
На столбу цвѣтъ
Во весь свѣтъ.

33) ДВЕРЬ СЪ ПРИТОЛОКАМИ.

Двое стоятъ,
Двое лежатъ,
Пятымъ ходитъ,
Шестой водитъ.

34) ЗВОНЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Выду па вывой,
Ударю во билиберды,
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Разбужу короля въ Литвѣ,
Мертвеца въ землѣ,
Игуменью въ кельѣ,
Малу дитю въ колыбели.

35) НОЖНИЦЫ.

Два конца,
Два кольца,
По срединѣ гвоздь.

36) ИГЛА СЪ НИТКОЙ.

Бѣжить свинка,
Золотая спинка,
Льняной хвостокъ.

37) ХЛѢВЪ.

Загаю я загадку,
Брошу за грядку,
Въ годъ пушу,
Годовикъ рошу.

38) ТОКЪ.

Дѣдушка лысь
На небо глядитъ,
Внучекъ чернобрысь
По лысинѣ хлысть.

39) ВИЛЫ.

Шла свинья изъ овину,
Размыкавши сѣно по рылу.

40) ВАРЬГА.

Разныхъ, разныхъ
Малу махнушку,
Пушу бѣлу голышку.

41) КАЧАНЪ.

Стоитъ попокъ,
Самъ низокъ,
Сто на немъ ризокъ.

42) СТОЛЪ.

На широкомъ дворѣ,
На гладкомъ полѣ,
Стоять четыре попа
Подъ одною шляпою.

43) КОРОВА.

Четыре чотырки,
Двѣ растопырки,
Седьмой вертунъ,
Два стеклышка въ немъ.

44) СВѢЧА.

Самъ нагъ,
Рубашка въ пазушкѣ;
Самъ бѣль,
Дѣтки красны.

45) ЖУКЪ.

Черенъ да не воронъ,
Рогать да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ—земли не деретъ.

46) КРАСНЫ.

Раскинуты тенетки,
Прилетѣли лебедки,
Трутъ, мнутъ,
Раздвинуть, воткнуть.

47) ПАРЫ ВОДЯНЫЕ.

Безъ рукъ, безъ ногъ
Не малъ клочекъ
Къ верху ползеть.

48) ВЪНИКЪ.

Стоитъ Ерофейка,
Подпоясанъ коротенька.

49) РУКОЖОЙНИКЪ.

Надъ кислой рѣкой
Колокольчики звонки.

50) СОЛНЦЕ.

Изъ окна въ окно
Золото бревно.

51) ПАУТИНА.

Старикъ мететь по горницѣ,
Метлы летятъ по околицѣ.

52) ЛОШАДЬ, КОРОВА, ЛОДКА.

Прилетѣли на хоромы
Три вороны;
Одна говорить:
Мнѣ въ зимѣ добро,
Другая — мнѣ въ лѣтѣ добро,
А третья — мнѣ всегда добро.

53) КОТЕЛЪ СЪ ВОДОЮ.

Подъ клѣтомъ, подъ наметомъ,
Стоитъ бочка съ вороньимъ
саломъ.

54) ГОДЪ.

Одинъ до двѣнадцати родиль,
А двѣнадцать семь породило,
Изъ семерыхъ четыре выросло.

55) МУТОВИНА.

Стоитъ ивина
Вся въ сучьяхъ.

56) КНИГА.

Идетъ ни мужикъ, ни баба,
Несетъ ни сгибень, ни пирогъ.

57) ЗАМОКЪ.

Маленькій да гнущенькій
Весь домъ стережетъ.

58) ЗЕЛЕНЫЙ ЛУКЪ.

Сидитъ баба на грядахъ,
Вся одежда въ заплахахъ.
Кто ни взглянетъ,
Тотъ всплачетъ.

59) КОСА.

Маленькій да гнутенькій
Весь лугъ обошелъ.

60) ПЕРО ПИСЧЕЕ.

Сорву косматому голову,
Выну сердце,
Дамъ пить,
Станетъ говорить.

61) ВОЧКА СЪ КРАНОМЪ.

Стоитъ старикъ надъ рѣкой,
Самъ не пьетъ, другихъ поитъ;
Воду льетъ ни ртомъ,
Ни ковшомъ, а долотомъ.

62) ОВИНЪ.

Стоитъ миронъ,
Полна голова воронъ.

63) ГРЕЧИХА.

Черно расколано,
Беретъ оскомина.

64) СОНЪ.

Мила, перемила,
Свои очи надсадила,
Хоть грѣхъ, хоть два,
А смерть хочется.

65) ЧЕРЕМУХА.

Черненька, маленька,
Всему свѣту миленька.

66) ВИНО И ПОХМѢЛЪЕ.

Стоитъ море
На пяти столбахъ,
Царь говоритъ:
Потѣха моя;
Царица говоритъ:
Погибель моя.

67) СОРОКА.

Бѣла — какъ снѣгъ,
Зелена — какъ лугъ,
Черна — какъ жукъ,
Поетъ — какъ быкъ,
Повертка въ лѣсъ.

68) ГОРШОКЪ.

Жилъ нероня,
Умеръ нероня.
Никто его не хороня,
Ни попы, ни дьяки,
Ни мы дураки.

69) СОЛЬ.

На водѣ родится,
На огнѣ выростеть,
Съ матерью увидится,
Опять умереть.

70) ЛЕНЪ ПРЯДУТЪ.

Пять овечекъ стогъ подѣ-
даютъ,
Пять овечекъ прочь отбѣга-
ютъ.

71) ТАВАКЪ.

Не пекутъ, не жууютъ,
Не глотаютъ, а всѣ вкусно
ѣдятъ.

72) КОЛОКОЛЪ.

Кричитъ безъ языка,
Поетъ безъ горла,
Радуетъ и бѣдуетъ,
А сердце не чувствуетъ.

73) РАКЪ.

Идетъ въ баню черенъ,
Выходитъ красенъ.

74) ТѢНЬ.

Ходитъ безъ ногъ,
Рукава безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.

75) ДЕНЬГИ.

Кругло, мало,
Всякому мило.

76) КОМАРЪ.

Остро, нековано,
Коснусь — поколано.

77) ВИШНЯ.

Сижу на теремѣ,
Мала какъ мышь,
Красна, какъ кровь,
Вкусна, какъ медъ.

78) ЭХО.

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякій слышитъ.

79) ШИПОВНИКЪ.

Сидитъ колюка на вилахъ,
Одѣта во багрянецъ,
Кто поидетъ
Того кольнетъ.

80) УМЪ.

Ни тѣло, ни духъ,
А съ крыльями вокругъ,
Къ кому подлечу,
Какъ разъ научу.

81) МУХА.

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ;
Кто взглянетъ,
Всякій угадаетъ.

82) ОРЪХИ.

Росло, повыросло,
Изъ куста повылѣзло,
По рукамъ покатилося,
На зубахъ очутилося.

83) СОЛНЕЧНЫЙ СВѢТЪ ИЗЪ
ОКНА.

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

84) РЫДВАНЪ СЪ ДЫШЛОМЪ.

Ѣдетъ орда,
Оглобля одна,
А дуги ни одной.

85) КОСА, ТРАВА, КОПНА
СѢНА.

Щука двинетъ,
Лѣсъ вянетъ,
Натомъ и ѣстъ городъ станетъ.

86) КОРОВА, НОГИ, РОГА,
ХВОСТЪ.

Четыре ходоста,
Два бодоста,
Седьмой хлебестунъ.

87) ВЕЗМЕНЬ.

Самъ худъ,
А голова съ пудъ.

88) ЩИ.

Дорогой капиталъ
Всѣ души напиталя.

89) РЪПА.

Кругла, да не дѣвка,
Съ хвостомъ да не мышъ.

90) ЛЮЛЬКА.

Безъ рукъ, безъ ногъ,
На всѣ стороны клонится.

91) ПТИЦА ВЪ КЛѢТКѢ.

Не грѣшна,
А повѣшена.

92) ЦЕРКОВЬ.

Клѣтъ плетена,
Она вверхъ сведена,
Сто рублей дана.

93) окошко.

Дерну, подерну
По бѣлому полотну.

94) мѣсяць.

Сивый жеребець
Подъ ворота глядитъ.

95) корзина.

Виситъ баба на грядяхъ
Вся въ заплатяхъ.

96) въ огородѣ рожь.

Косо, не прямо,
Куда ты идешь?
Тебя стерещи,
Зелено, кудряво,
Тебя стерещи.

97) игла.

Маленькій, сухенькій
Всѣхъ одѣваетъ.

98) задвижка.

У насъ, у васъ
Поросенокъ увязъ.

99) имя.

На водѣ не тонетъ.
На огнѣ не горитъ,
Въ землѣ не гниетъ.

100) вилы.

Бѣгуньки бѣгутъ,
Скрыпульки скрипятъ,
Роговатйки везутъ,
Маховатйки колотятъ.

101) рѣшето.

Дыръ много,
Вылѣзтъ некуды.

102) сопли.

Бѣдный на земь кидаетъ,
Богатый съ собой собираетъ.

103) почта.

Въ городахъ рубятъ,
Въ деревню щепки летятъ.

104) глаза.

Братъ съ братомъ
Черезъ дорожку живутъ,
Одинъ другого не видятъ.

105) ложки къ чашкѣ щей.

Бѣгутъ голубочки
Къ одной пролубочкѣ.

106) качанъ капусты.

Лаликъ на лапику,
А игла не была.

107) ПИСЬМО.

Бѣлое поле,
Черное сѣмя,
Кто его сѣетъ,
Тотъ разумѣетъ.

108) СЕРДЦЕВИНА ДРЕВЕС-
НАЯ.

Равенъ съ свѣтомъ,
А свѣту не видитъ.

109) ПЕРО.

Чего чрезъ избу не переки-
нешь?

110) ДОРОГА.

Чего къ избѣ не приставишь?

111) ВОДА ВЪ РѢШЕТѢ.

Чего кругомъ избы не обне-
сешь?

112) БЕРЕЗА: 1. ЛУЧИНА,
2. СОКЪ, 3. ВѢНИКЪ, 4. ВЕРЕ-
СТА ДЛЯ ОПЛЕТЕНІЯ ГОРШКА.

Съ одного дерева
Да четыре угодыя: [свѣтъ,
Первое — отъ темной ночи
Второе — некопаный коло-
дезь,

Третіе — старому здоровье,
Четвертое разбитому связъ.

113) СЕРПЪ.

Маленькій, горбатенькій
Все поле проскакалъ.

114) НОЧВЫ, ЛОТОКЪ.

Лежить свинья
О двухъ рылахъ.

115) ВѢНИКЪ.

Подъ лавкой гудокъ,
На полу гудокъ,
Наиграется гудокъ,
Сядетъ въ уголокъ.

116) ЛАПТИ.

Въ лѣсъ иду клѣтки,
Изъ лѣсу иду клѣтки.

117) ВИНО.

Стоитъ голенище,
Въ голенищѣ суслое масло.
Смѣлость, бодрость,
И смерть не далеко.

118) ВЛОХА.

Милый мой,
Спитъ со мной,
Въ траурѣ ходить,
Не знаетъ по комъ.

119) ЧУЖОЙ КЛЮЧЬ.

Стоитъ Сидора,
 Проситъ стоя,
 Мой куликъ великъ,
 А дыра-то мала.

120) ВЪДНОСТЬ.

Ни дровъ, ни свѣчей,
 Чѣмъ истопить печей,
 Въ правомъ сочельникъ,
 Въ лѣвомъ чистый понедѣль-
 никъ.

121) ВЛИНЫ.

По плѣшивому хлопну,
 На плѣшиваго капну,
 Выну сто холстовъ,
 На сто концовъ.

122) ЖЕРНОВА.

Два барашка грызутся,
 Промежъ ихъ пѣна валить.

123) МАСЛО КОРОВЬЕ.

Желтенькая собачка
 Въ промежуточкѣ лежитъ.

124) МОЛОКО.

Чиста да не вода,
 Клейна да не смола,
 Съ трудомъ его достаютъ,
 У кого нѣтъ раздають.

125) ЛУКЪ.

Возьму я зелье,
 Брошу въ землю,
 Какъ вверхъ побѣжить,
 Тутъ его буду косить.

126) ДЕРЕВО.

И лѣтомъ весело,
 И осенью сытно,
 И зимой тепло.

127) ПѢТУХЪ.

Не княженецкой породы,
 А ходить съ короной,
 Не ратный ѣздокъ,
 А съ ремнемъ на ногѣ,
 Не сторожемъ стоитъ,
 А всѣхъ рано будить.

128) КАША.

Черна, мала крошка,
 А угодня много въ ней,
 Въ водѣ поварятъ,
 Ребята съѣдятъ.

129) РУЖЬЕ.

Летитъ орелъ,
 Дышетъ огнемъ,
 По конецъ хвоста
 Человѣчья смерть.

130) ХРЯЩЪ.

Собою не органъ,
А въ зубахъ играетъ.

131) СОБАКА.

На дворѣ калачомъ,
А въ избѣ пирогомъ.

132) ПРОЗВАНІЕ.

Какъ ни брошу,
Ко всему льнетъ.

133) СНѢГЪ.

Зимою грѣтъ,
Весною тлѣтъ,
Лѣтомъ умираетъ,
Осенью оживаетъ.

134) ВЛОХА.

Мала, а проворна,
Гдѣ бываетъ
Тамъ повелѣваетъ;
Въ шатеръ взойдетъ,
Богатыря перевернетъ.

135) ПИРОГЪ.

Возьму пыльно,
Сдѣлаю жидко,
Врешу въ пламень,
Будетъ какъ камень.

136) СОЛНЦЕ.

Чего со стѣны не вырубить?

137) ЗВѢЗДЫ.

Взгляну въ окошко,
Стоитъ рѣпы лукошко.

138) ЯИЦО.

Кругла соловейка,
Кто тебя гладиль?
Я сама гладка.

139) МАТИЦА.

Лютая свекровь,
Семейство стережетъ,
Свекровь разсердится,
Все семейство разбѣжится.

140) ОГОНЬ ОТЪ СВѢЧИ.

Днемъ спитъ,
Ночью глядитъ,
Утромъ умираетъ.
Другой его смѣняетъ.

141) ХЛѢВЪ.

Временемъ разсѣваю,
Временемъ собираю,
Самъ сытъ бываю
И людей кормлю.

142) МИСА СЪ ЛОЖКАМИ.
 Полно корыто
 Людей набито.

143) ВОЧЕНОКЪ.
 Безъ души родился,
 Народу пригодился.
 Дамъ пить — пьетъ,
 Попрошу — отдаетъ.

144) СОБАКА.
 Собой не птица,
 Цѣть не поетъ,
 Кто къ хозяину идетъ,
 Она знать даетъ.

145) ПОДАРКИ КУМЪ НА ПРО-
 ЩЕННЫЙ ДЕНЬ.
 Семъ пересемъ,
 Семушку носилъ,
 Травушку купилъ,
 Кумушку дарилъ.

146) КВАСНАЯ КАДКА ВЪ
 ПОДВАЛЪ.
 Подъ полошъ полошъ
 Стоитъ бабушка съ котломъ.

147) ЗАСЛОНКА НЕЧНАЯ.
 Двое парятся,
 Третій толкается;

Когда открывается,
 Вся сласть подымается.

148) ГЛАЗА.
 Сидитъ птица Салоса,
 Безъ крыльевъ, безъ хвоста,
 И космата и горбата,
 Куда ни взглянетъ,
 Правду скажетъ.

149) ЯЙЦО.
 Что въ стѣну не воткнешь?

150) УХВАТЬ.
 Рогать да не быкъ,
 Хватаетъ да не сытъ,
 Людямъ отдаетъ,
 А самъ на отдыхъ идетъ.

151) САДИТЬСЯ ВЕРХОМЪ НА
 ЛОШАДЬ.

Лѣзу
 По желѣзу,
 На мягкую гору.

152) ВЕЗМЕНЪ.
 У дѣда подъ крыльцомъ,
 Виситъ дубина съ кольцомъ,
 Налита свинцомъ.

153) лень.

Били меня,
Колотили меня,
Во всѣ чины производили
И на столъ посадили.

154) чело у печки.

По сторону бѣлецъ,
По другую бѣлецъ,
По середки чернецъ.

155) рукоюйникъ надъ
лоханкою.

На морѣ невѣстка колыблется,
На небѣ деревья дивуются:
Какъ она, чортъ, не обор-
вется?

156) топоръ.

Въ лѣсѣ идетъ, свѣтитъ,
Изъ лѣсу идетъ, свѣтитъ.

157) дверь.

Елка смахнется,
Всѣ люди оглянутся.

158) корецъ.

Щука на морѣ,
Хвостъ на горѣ.

159) уголья въ жаровнѣ.

Полный засѣчекъ
Красныхъ ячекъ.

160) человекъ.

Стоять вилы,
На вилахъ бочка,
На бочкѣ кивало,
На кивалѣ зѣвало,
На зѣвалѣ мигало,
На мигалѣ островъ,
На островѣ козы ходять.

161) морозъ.

Самъ Самсонъ,
Самъ мостъ мостиль,
Безъ топора, безъ клинья,
Безъ подклинья.

162) озимь.

Подъ мостомъ,
Подъ ярустомъ,
Лежить сукно однорядошно.

163) комаръ.

Летить птица,
Не крылата,
Не горбата,
Носикъ долгій,
Голосъ тонкій,
Кто ее убьетъ,
Человѣчью кровь прольетъ.

164) ДОРОГА.

А се!
 Я разлеглася.
 Кабы я встала,
 Такъ небо достала,
 Кабы руки да ноги,
 Я бы вора связала,
 Кабы ротъ да глаза,
 Я бы все рассказала.

165) РОСА.

Заря заряница,
 Красная дѣвица,
 Къ церкви ходила,
 Ключи обронила, —
 Мѣсяць увидѣль,
 Солнце скрало.

166) РУКОМОЙНИКЪ.

Курица съ хохломъ
 Всякому поклонъ.

167) ГОДЪ.

Стоитъ дубъ,
 На немъ двѣнадцать гнѣздъ,
 Въ каждомъ гнѣздѣ
 По четыре яйца,
 Въ каждомъ яйцѣ
 По семи цыпленковъ.

168) ЛАСТОЧКА И ГНѢЗДО.

Шило,
 Мотрошило,
 Безъ угловъ избу сошпило.

169) РѢКА.

Между горъ,
 Бѣжить конь вороной.

170) ЗВѢЗДЫ НА НЕБѢ.

Разсыпался корабль
 По мхамъ, по морямъ,
 По всѣмъ городамъ;
 Не собрать того корабля
 Ни князьямъ, ни попамъ,
 Ни думнымъ дьякамъ.

171) ЗУБЫ.

Полно подполье,
 Бѣлыхъ лебедей.

172) ДОМЪ, БРЕВНА, МОХЪ.

На полѣ на Романовѣ
 Стоять кони отобранны,
 Пьютъ воду ключевую,
 Ъдятъ траву болотную.

173) ГЛАЗА.

Кругло, горбато,
 Около мохнато;

Придетъ бѣда,
Потечетъ вода.

174) САПОГЪ НА НОГЪ.

Кожана квашонка,
Мутовка мясна.

175) МУТОВКА.

Ходить баранъ по подполью,
Тычетъ рогожъ по уголью.

176) ГРУДИ И ДИТЯ.

Два кожка,
Третья лакомка.

177) ПРОРУВЬ.

Шуба нова,
На подолѣ дыра.

178) ШИТЬЕ САПОГЪ.

Сквозь коня и коровъ
Свиньи ленъ волочатъ.

179) ГОРОДЬБА.

Три брата,
За панибрата, [саны.
Однимъ кушакомъ подпоя-

180) ВОРОВА ДЛЯ РАЗМОТКИ
ПРЯЖИ.

Четыре сестры
Бѣгать шустры,

Одна за другой,
Не догонять одной.

181) СКОБА ВЪ ДВЕРЯХЪ.

Стару бабу,
За пубъ да за пупъ.

182) ГОРШОКЪ.

Вился, родился,
Мучился, кѣтился,
Пошелъ, запылся,
Весь миръ засмѣялся.

183) ДУГА.

Стану—такъ выше коня,
А лягу—такъ ниже кота.

184) МЕЛЬНИЦА.

Залаяла собачка
На Мурманскомъ,
Заревѣлъ медвѣдь
На Романскомъ,
Затопали кони
На Кириловомъ полѣ.

185) ХЛѢБЫ ВЪ ПЕЧИ.

Въ печурки
Двѣ чурки,
Два гуся, двѣ утки,
Два тетерева.

186) ВЪЮТЪ ВЕРЕВКИ.

У нашего Дениса,
Сломилась осьь,
И таратайка врозь.

187) ПРЯЖА СЪ КУДЕЛЬЮ.

По локоть горбато,
По локоть мохнато,
По локоть въ кулакъ ушло.

188) ГРОМЪ.

Мотовило,
Котовило,
По поднебесью
Ходило,
Всѣхъ устрашило.

189) ПТИЧЬЕ ГНѢЗДО.

Безъ рукъ, безъ топоренка,
Состроена избенка.

190) ОКОННИЦА.

Полосы оловячны,
А межи деревячны.

191) РУЖЬЕ.

Дудка, дуда;
На дудкѣ дыра;
Дуда затрещить,
Свинья убѣжить.

192) ХЛѢБЪ.

Комовато, поздревато,
И губато, и горбато,
И тяскло, и кисло,
И прѣсно, и вкусно,
И красно, и кругло,
И легко, и мягко,
И твердо, и ложко,
И черно, и бѣло,
И всѣмъ людемъ мило.

193) СНѢГЪ, ЗЕМЛЯ, ВѢТЕРЬ.

Отцова сундука не поднять,
Сестрина точива не сорвать,
Братнина коня не поймать.

194) ГЛАЗА.

Возжечки не долги,
Не коротки
Кругъ поля стали,
А кругъ головы не достали.

195) ОВОДЪ.

Летить по птичью,
Реветь по бычью.

196) НОЧЬ.

Не стукнетъ,
Не брякнетъ,
Ко всякому подойдетъ.

197) СЪНОКОСЪ И СТОГА.

Щука конура
По лѣса губила,
Лѣса пали,
Горы встали.

198) МѢСЯЦЪ.

Шель я мимо,
Видѣлъ диво:
Виситъ котель
О девяносто ведерь.

199) ВЪКЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

Стоитъ столбъ,
На столбѣ цвѣты,
Подъ цвѣтомъ котель,
Надъ цвѣтомъ орель,
Цвѣты срываеъ,
Въ котель бросаеъ,
Цвѣтокъ не убываетъ
И въ котлѣ не прибываетъ.

200) ВЕДРО СЪ КОРОМЫС-
ЛОМЪ.

Двое купаются,
Третій дивуется.

201) РУКОМОЙНИКЪ.

Сѣла уточка на вязъ,
Кто попроситъ, тому дастъ.
И. САХАРОВЪ. I.

202) БЕРЕГА И ЛЕДЪ.

Оглобли остались,
А дровни помчались.

203) ВЪНИКЪ.

Днемъ курица ребрится,
А къ ночи въ уголь садится.

204) ИГЛА.

Маленька боярынька
Весь міръ покручаетъ.

205) ЗМѢЙ И РУЖЬЕ.

Ползло зло;
Зло схватилось,
У зла жизнь прекратилась.

206) ГОДЪ, МѢСЯЦЪ, НЕДѢ-
ЛЯ, ДЕНЬ, НОЧЬ.

Выросъ кустъ изъ четырехъ
мѣсть,
На томъ кусту двѣнадцать
гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по че-
тыре синицы,
У каждой синицы по четыр-
надцать яицъ:
Семь бѣленькихъ, да семь
черненькихъ.

207) НЕВО И ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ
И МЯСЯЦЪ, ДЕНЬ И НОЧЬ,
ОГОНЬ И ВОДА.

Двое стоячихъ,
Да двое лежащихъ,
Да два зорника,
Да два разбойника,
Разорителя.

208) ВЪНИКЪ.

Маленькій, горбатенькій,
Весь полъ обѣгаль.

209) КИСЕЛЬ ГОРОХОВЫЙ.

Въ печь понесутъ жидко-го-
рячо,
Изъ печи несутъ густо-хо-
лодно.

210) ПЛОТИНА, ВОДА, РАБОТА.

Замокъ водяной,
Ключъ деревяной,
Зяцъ ушелъ,
Ловецъ утонулъ.

211) ПОСТЬ, МЯСОѢДЪ,
ПАСХА.

Поддуба сухова,
Поддуба сырова,
Да макушка золотая.

212) КВАШНЯ И ЗАТОРЪ.

Ступица рубленая,
Пестъ неокованный;
Толчетъ и пихаетъ,
А баба вздыхаетъ.

213) ЗУВЬЯ ВЪ ВЕРДЪ.

Въ нашемъ припасѣ
Сто полѣнъ на прекрасѣ,
А на истопѣль нѣтъ.

214) ПОМЕЛО.

Въ углу, за полицей
Сидитъ старъ съ бородой.

215) ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

У насъ намолоду
Скатерть бѣла
Весь миръ застлала.

216) ХМѢЛЬ.

На задворичкѣ
У Захарушки
Кудерочки трясуть.

217) КРЫША.

У сорока семи полъ
Одинъ подолъ.

218) СТРѢЛА.

Летитъ птица перната,
Безъ глазъ, безъ крылъ,
Сама свиститъ, сама бьетъ.

219) УШАТЬ.

У нашей туши
Выросли уши,
А головы нѣтъ.

220) ЛОДКА.

Ни рукъ, ни ногъ,
Ни очей, ни ушей,
Добра молодца везетъ
По круту бережку.

221) МЫШЬ.

Сивую буренушку
И дома не любятъ,
И на торгу не купятъ.

222) ГРУЗДИ.

А что таково:
Ни сѣяно, ни кошено,
Ни вѣяно, ни молочено,
Водой смочено,
Камнемъ придавлено,
На зиму припрятано?

223) РОСА.

Вечеромъ водой,
Ночью водой,
А днемъ въ небеса.

224) УЛЕЙ СЪ ПЧЕЛАМИ.

Во темной темницѣ
Красна дѣвица
Камку тчетъ
И узоромъ шьетъ
Безъ иглы, безъ шелка.

225) УЛЕЙ.

Въ пустошъ дуплу
По сту домовъ,
По сту котловъ,
Въ середи дупла ярмарка.

226) ИГЛА СЪ НИТКОЙ.

Нашъ звѣрокъ съ вершокъ,
А хвостъ съ локотокъ.

227) ХИМЪЛЬ.

Вокругъ тына
Повисла золота грива.

228) ВЕРЕЯ.

У нашего сосѣда

Конь саврасъ
По колъно увязъ.

229) ПОДЪ ПЕЧНОЙ.

У насъ во дому
Съро поле
Распахано, разглажено
Не сохой, не бороной,
А козлиной бородой.

230) ВЕДРА И КОРОМЫСЛА.

Два моря, два горя,

На крутыхъ горахъ
На дугѣ висятъ.

231) ПИЛА.

И ѣсть и жуеть,
Самъ не глотаетъ,
Другихъ надѣляетъ.

232) ГОРОДЬВА.

Наряженъ нарядъ
Изъ ста ребятъ,
Всѣ связаны стоятъ.

Варианты русскихъ народныхъ загадокъ.

для 14.

Шла коза изъ Питера,
Вся спина истыкана.

для 30.

Кругомъ гладко,
Въ середкѣ сладко,
На ту сласть
У всѣхъ есть снасть.

для 34.

Взойду я, взойду на гой, гой,
гой,
Ударю я, ударю во бирюль,
рюль, рюль,

Утѣшу я, утѣшу царя въ Мо-
сквѣ,
Царя въ Москвѣ, короля въ
Литвѣ.

Выду я, на гой, гой, гой,
И ударю я гой, гой, гой,
Разбужу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитю въ колыбели,
Попа въ терему.

для 36.

Штучка одноручка,
Носичекъ стальной,
А хвостикъ льняной.

для 37.

Загану загадку,
Кину через грядку,
Годъ я жду,
Годовикъ возьму.

для 58.

Стоитъ чудо
Въ семи углахъ,
Кто не взглянетъ,
Тотъ заплачетъ.

для 98.

Клѣтъ плетена,

Вверхъ ведена
На сто угловъ,
На полтретьяста рублевъ.

для 108.

Съ лѣсомъ равенъ,
А не видно его.

для 129.

Летитъ птица орель,
Несетъ въ зубахъ огонь,
Поперегъ хвоста
Человѣчья смерть.

Для сравненія русскихъ народныхъ загадокъ съ другими славянскихъ поволѣній, прилагаю загадки червоно-русскія и сербскія.

Загадки червоно-русскія.

Загадки червоно-русскія взяты изъ собранія Григорія Илькевича: Галицкіи приповѣдки и загадки. У Вѣдн. Напечатано Черенками О. О. Мехитаристовъ. 1841.

1) ТОВАРИНА.

Штыри тыки, два пазыки, семьѣй замахайло.

2) ТЕРЛИЦА.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ суха дзява (собака) бреше.

3) КУЛЬБАКА.

Больше водъ коня, меньше водъ свинѣ.

4) ЛАНЦЮХЪ.

Бери — квичить, клади — квичить, лиши — молвить.

5) КОЛЕСА.

Чотыре брата все бѣжутъ, а нѣкды негодни здогонитися.

6) ЯБЛОКО, ПОРОСЯ.

Виса висить, хода ходить; виса впала, хода взяла.

7) ВЛОХА.

Чорненьке, маленьке, що найбільшу колоду рушитъ.
Менше водъ пчоли, а найбільшу колоду переверне.

8) ГОРНЕЦЪ.

На подѣ ночовавъ, якъ упавъ, нѣхто костей не збиравъ
(лизавъ).

9) СЕРПЪ.

Кривенькое, маленькое, все поле счепурляе.

10) МЪСЯЦЪ.

Лѣсомъ иде, не трѣсне — водою иди, не плюсне.

11) СОНЦЕ.

За лѣсами, за горами золота дѣжа кисне.

12) ЗУВЫ.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ бѣли хуста высать.

13) ВОКНА — ДВЕРЬ — ПЪЧЬ.

Одно просить: свитай Боже, друге просить: смеркай Боже, трете мовить: менѣ все одно якъ въ день, такъ въ ноци.

14) РЫБА.

Шуварова сестра, шуваромъ ишла, семь сотъ сорочокъ на собѣ несла.

15) ДЫМЪ.

Нѣмъ ся отецъ уродить, вже сынъ по свѣтѣ ходить.

16) РЪПА.

Бѣле якъ мука — не мука, хвостъ мае якъ мышь — не мышь.

17) КАНЯ.

Шило-вило, мотовило, по подѣ небо ходило, по нѣмецки говорило, по турецки заводило.

18) СОБИРА.

Иде чоловѣкъ у лѣсъ — дивится въ село; иде чоловѣкъ до села — дивится въ лѣсъ.

19) ЛАСТОВКА.

Шило-вило мотовило, по подѣ небеса ся вило; въ лѣтѣ спѣвае, на зиму насъ покидае.

20) ЧОВЕНЬ.

Возъ безъ колѣсъ, дорога безъ песку, батогъ безъ тряску.

21) МОРОЗЪ.

Сивый волъ выпивъ воды повный доль.

22) ВОРОНА — СВИНЯ.

Скунда скаче, рында рне.

23) ЯГОДА.

Червоный корѣнь, винный смакъ — земля го зродила,
чому такъ?

24) ПЕРСИ ЖЕНСКІЯ.

Маленьке, кругленьке, на столѣ не бувало, а весь міръ
згодовало.

25) ДОРОГА.

Довга Гася (лася) простяглася, кобы встала, то бы не-
ба достала.

26) КИРНИЦЯ.

На середь села зарѣзано вола; въ кождей хатцѣ по бо-
катцѣ.

27) ВОРЩЪ КВАШЕННЫЙ.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ (бочка крови мокне; въ най-
бѣднѣйшій хатѣ мусать ю мати.

28) РЫВОЛОВЛЯ.

Иду — не берегомъ, кину — не деревомъ, иму — не
курье, скубу — не пѣрье.

29) КОТЬ — САЛО.

Виса висить, хода ходить, Бога просить, щобы виса
впала.

30) ДЫМЪ.

Безъ рукъ, безъ нозъ (ногъ), на подѣ вылѣзъ.

31) СИТО.

По подѣ конѣ лягае, до сусѣды бѣгае. Встанни ся кохало, на рукахъ сѣвало — хто буде знати, буде добре казати.

32) МАКОВКА.

Стоить при дорозѣ на одній нозѣ; головка мала, а въ ней тьма.

33) СОНЦЕ.

Стоить дерево середь села, а въ кождей хатцѣ по гилчцѣ.

34) СТОЛЪ НАКРЫТІЙ — ВЪ МЫСЦѢ КАПУСТА.

Стоить дубъ — на дубѣ липина, на липѣ конопля, на коноплѣ глина, на глинѣ капуста, а въ капустѣ свиня.

35) ВОРОНА.

Плахта-тарахта всьо поле збѣгае. Дѣраве рядно все поле вкрыло, Бога просило, щобъ ся зазеленѣло.

36) РОКЪ.

Стоить дубъ, а въ дубѣ двѣнадцять гилчкъ, въ кождей гилѣ по штыри гнѣздѣ, въ кождимъ гнѣздѣ по сѣмь птахъ.

37) ПИСЬМО.

Вѣлое поле, гусь на немъ оре, чорне насѣнье, мудрый го сѣе.

38) ВОЗЪ.

Чотыре идуть, дванадцать несутъ, де платити треба;
едень ся каже.

39) КАМЕНЬ.

Що росте безъ корѣня.

40) ПАПОРОТЬ.

Що цвите безъ цвѣту?

41) ВОДА.

Що бѣжить безъ повода.

42) МЫШЬ — КОТЪ.

Питалася швидка свѣрка; чи е ханко дома.

43) КОВВИЦЯ.

Е у насъ такій баранъ, що у него сорокъ ранъ.

44) ЖОРНА.

Е у насъ такій конь, що подъ себѣ мече гной.

45) ДЫМЪ.

Отець лежить въ повитью, а сынъ шовъ по свѣту.

46) РЪКА.

Конецъ села забито вола, до каждой хижки тягнутса
кышки.

47) КОСА.

Корова сива горы позбивала, пришла домовъ, тай за-
рычала.

48) ВЕЛИКДЕНЬ.

Сѣшь ниль мосту, а за тышь мостомъ цвѣтъ, радуе му ся
весь свѣтъ.

49) МѢТЛА.

По земли бѣгае, подъ лавовъ лѣгае.

50) СИТО.

Въ лѣсѣ росло, на полю ся пасло, на градцѣ схло, на
столѣ ся трясло.

51) СОРОКА.

Чорне якъ крукъ, бѣле якъ снѣгъ, просте якъ стрѣла,
криве якъ коса.

52) ЗВОНЫ.

Меже двома горами, бьются бараны золотыми рогами.

53) ИЛИНЪ.

Мой братъ Кундратъ, на горахъ, на водахъ, на желѣзѣ,
на телѣзѣ, на рачачій нозѣ.

54) ДВЕРЬ.

Иде — дѣдъ бабу за руку веде.

55) КОЛЫСКА.

Въ лѣсѣ росло, листокъ имѣло, теперь носить душу и
тѣло.

56) КОРОВЯЧИ ЦЫЦКИ.

Чотыре братя стрѣляютъ до одного пня, а не могутъ
выстрѣлити.

57) СТОЛЪ НАКРЫТЫЙ ЗО СТРАВОЮ.

Е у насъ бучокъ, а на бучку яворецъ, на яворци конопка, на конопцѣ глинка, а на глинцѣ млячка, а въ нѣй хвостачка.

58) ЛѢТА ЧОЛОВѢЧИ.

Двадцать красныхъ, тридцать сильныхъ, пятьдесятъ мудрыхъ, а сто дурныхъ.

59) ТѢЛО ЧОЛОВѢЧЕ.

Суть то росохи, на росохахъ кадобецъ, на кадовбци драбинка, на драбинцѣ горка, а на горцѣ жердь; по тимъ жердю дики пташки лѣтають, але крылецъ не мають.

60) ПЛУГЪ.

Стоить при дорозѣ, розложивъ обѣ нозѣ — прійшовъ хлопъ, меже ноги льопъ: Щасте дай Воже.

Загадки сербскія.

Загадки сербскія взяты изъ книги: Народне Српске приповиѣтке, написао В. В. У Бечу 1821. Въ этомъ собраніи загадки имѣють особенное надписаніе: народне Српске загонетке.

1) ПРЕКО ЛЕДА.

Безъ ивера наводи туприя.

2) ЛЕВЪ У ПЕЧЬ.

Безъ коже уде, съ кожомъ изиде.
Пунь брегъ дубрега.

3) ЗУБИ.

Бела кока исподъ стрее вири.

4) ПИСЬМО.

Бела нива, црно семе, мудра глава, коя сие.

5) ОВЦА И ЯГНЬЕ.

Бела белу тера преко бела поля: даі ми, бело! бела леба исподъ бела скута.

6) РОТКВА.

Бело іе, сиръ нііе; репато е, мишъ ніе; со лиже, во ніе.

7) МОСТЪ ПРЕКО ВОДЕ.

Божіе созданье, луцко створенье, змия оседлана.

8) ЖИТО.

Виное пои, на коплу стоіи, да ніе виполя, не би било никога.

9) ВРАШНО КАДЪ ПАДА ИСПОДЪ КАМЕНА.

Витомъ виси, витка зіа, витакъ вию! те у витку.

10) ЗВОНО ЦРКВЕННО.

Во буче, па пуну кошару набуче.

11) ПИЕВАЦЪ И РЕПЪ МУ.

Воіводъ воду пие, надъ ние се барякъ вие.

12) КАЗАНЪ.

Гвозденъ седи у лугу у гвоздену клобуку, сузе, му каплу узъ елову кацу.

13) ИГЛА.

Губицомъ рие а г.цомъ жиле вади.

14) ПАУНЪ.

Гуїнна глава, господско руо, арапске ноге.

15) КОСА.

Гурова кобила све поле побила.

16) СЕРПЪ.

Гураво прасе све поле опасе.

17) ТЕРАШЪ.

Дану клана, а ноту звезде броїи.

18) УШИ ОКО ГЛАВЕ.

Два локвана око пана.

19) ПСЕТО.

Два свиѣтле, четири стѣру, а единъ мисли да легне.

20) ВАТРА МЕДУ ПРИЕКЛАДИМА.

Два дола суподола, меду нима змиа лежи, де змиї лежи, та трава не расте.

21) ГРѢВЕНИ.

Два се брата преко плота заброде вуку.

22) ОЧИ.

Два ступца у небо ударяю.

Двие чавчице напоредо стое, а една друге не виде.

23) КОНОПЛЕ.

Двие горе упоредо расту; една цвати, а не роди; друга
роди, а не цвати.

24) УШТИНЦИ.

Деветъ баба по леду се плаза.

25) ЛЕПИНА.

Докъ се отаць роди, синъ покути оди.

26) ПРАТЛАЧА.

Дрвена кучка у потоку лае.

27) ТЕСТЕРЕ.

Дрвено тело, гвоздени зуби каменъ прегризе.

28) ГУСЛЕ.

Дрвенъ трбу, кожна леда, длакама говори.

29) ВАТРА.

Те нашъ црвенко лежи, онде никадъ трава не ниче.

30) СВРАКА.

Дужи иверъ одъ кладе.

31) КАНДИЛО.

Жуто маче предъ Богомъ плаче.

32) ОВЦЕ И ЯГАНЦИ.

Загриме велики громъ, а према нему мали громъ, де се састаше, ту се слапташе.

33) ГЛАВИЦА ВМЕЛОГА ЛУКА.

Закла вола бивола, изуди гана удите сваки удъ вола даде.

34) КОКОШЪ, ЕАДЪ СНЕСЕ ЯЕ.

Закла вола бика све село свинеа, а кадъ о оте да славн, нема шта да стави.

35) ГРИЛАВА.

Залолота лота са висока плота, далеко се чуе у незнану землу.

36) ЛУБЕНИЦА.

Зелена кошара, црна говеда, гвозденъ клучъ, кои от-клучава.

37) САОНИЦЕ.

Зими служи, а лете зубе кеси.

38) УЗДА.

Зоба гроздъ одъ мора до Дунава, нитъ та мою позобати, ни та мою прегорети.

39) ПЕРО.

Изъ меса изишло, а месо ние; млогу штету и асно починало, а томъ криво ние.

40) ЧОВАНИ КАДЪ ЗОВУ ЖЕНЕ, ДА ПОНЕСУ МУЗЛИЦЕ, ДА
МУЗУ ОВЦЕ.

Я подо по сопоту, а стадо на гријоту позва мрделаче;
донесъ те ми тудеде, е су дошле вазли траве.

41) ОГЊИЛО И КРЕМЕНЪ И ВАРНИЦА И ТРУДЪ.

Я удари гвозденимъ малемъ у каменъ градъ, изъ него
скочи девендука краљ и прими се узъ Мекишъ градъ.

42) КАЛУГЕРЪ ТРАЖИ СОЛИ.

Јаше родъ на нероду и тражи неникли.

43) СВРАКА НА КРМАЧИ.

Јаше тута на баури.

44) КАИШЪ НА ПОЗИ.

Еданъ прутъ све поле огради.

45) СУНЦЕ.

Една грудa воска циеломъ свиету доста.

Една чаша масла свему свиету доста.

46) КРЕВЕТЪ, ВРАТА И ДИРЕКЪ ВИШЕ ВРАТА.

Едно вели: свани, Боже; друго вели: смркни, Боже;
трете вели: како ми е, тако ми е.

47) ПЛУГЪ.

Кадъ у поле иде, куди окренуло рогове, а какъ куди
иде, у поле окренуло рогово.

И. САХАРОВЪ. I.

48) ПИЛЕ.

Кобила ождриеби кость, а кость ждриебе, на ждриебе
воли бабу кобило, него кость маяку.

49) ДЕВОИКА И ВИЕНАЦЪ.

Коя вотка само едномъ цвати, а у виекъ рада.

50) ПОПОВИ.

Ко шева, кадъ други луди плачу.

51) ЛУЛА И ЧИВУКЪ.

Крава рине одъ Босне, теле сиса одъ гараве.

52) ПУШКА.

Куди иде, а у гору гледа.
О клину виси, о злу мисли.

53) КАДЪ ЧОВЕКЪ ИДЕ У ВОДЕНИЦУ.

Куди идешъ, а Богу се молишь, да никога у куди не
надешъ.

54) ГЛИВА.

Кутица у горици на еднот пожици.

55) ОГЛЕДАЛО.

Лиеска тролиеска, у лиесци огонь гори, и у огню чо-
векъ стон.

56) ЗМІЯ.

Мастанъ ваши крозь землю проиде.

57) СИТО.

Медъ конѣма расло, медъ женами играло.

58) ПРСТЕНЪ НА ПРСТУ.

Месанъ ражанъ, Гвоздено пециво.

59) ТЕТАО И ЦРВ; ТИЧЕ ГНИЕЗДО И ЗМІЯ.

Млинъ меле наврѣ еле, шарено се вижле пене, да и оно меле.

60) ЧЕЛЕ.

Матовило вило, по гори се вило, кути долазило, соли не лизало.

Пилипилъ цара копа подъ липовъ панъ на Турдевъ данъ.

61) ЧЕТАЛЬ И УШИ.

Мртво живо изъ шуме вуче.

62) ІАІЕ.

На царевичу безъ узла кошула.

63) КОСА НА ГЛАВИ.

Наврѣ пласта шака шаша.

64) БРАДИ, УСТА, НОСЪ, ОЧИ, КОСА, ЧЕТАЛЬ.

Надо тите брадите, вишь брадита устотите, вишь устотита носочите, вишь носочита гледочите, вишь гледочита челочите, вишь челотича Гоіко кррке врата.

65) КРЕЪСТЪ.

Надо стеоно, а дану ялово.

66) ПИВЕЦЪ.

Одъ биела камена постало, алину има рукошъ негра-
дену, одъ гласа него мртви луди устаю, а послие смрти
крсте га.

67) КОНЪ.

Оздоль гвоздено, озгоръ дрвено, а у сриеди месано.

68) ЛУКЪ.

Озго трава, оздо брада, а у сриеди кметска часть.

69) ВО.

Наприедъ виле, у среди буре острагъ слинацъ.

70) СВРДАО.

Нашъ мрконъа у кошару уде, а рогови му не могоше.

71) САТЪ У КОШНИЦИ.

Ни брадвошъ брадвито, ни сврдлошъ сврдлито, а све
рупа до рупе.

72) КОЗИ РЕПЪ.

Ни одъ педао, ни одъ чеперакъ, а два дутано покрило.

73) НИТИ.

Нити мысли, ни говори, само ти се кожа.

74) МРАКЪ.

Нить шушну, нить бушну, а у куту доде.

75) КЛУПКО.

Одъ земле се диже, а не може се дигнути.

76) ЧОВОТЪ И ВИНО.

Отацъ у коливци, а синъ у сватовима.

77) ПРСТИ У ПРЕДЕ.

Петъ брате путемъ иду, а петъ подъ пластомъ стоје; коі путемъ иду, внесу покисли, а они подъ пластомъ покисли.

78) КАДЪ ПРСТИ СКИДАЮ МУЕ СА СКОРУПА.

Подиге се петелева войска, те ми отера по леду говеда, кадъ ми беже у киту вшеница.

79) ОВЦЕ И КУРЯКЪ И ПАСЪ.

Подигле се рогољаче, сусрете и рендесило, оташе и рендесати, неда бендешъ ни гледати.

80) ЧОВЕКЪ СЪ ГУВНА ПОРУЧУЕ ЖЕНИ ЗА ВРАТУ, КАДЪ СЕ НАОБЛАЧИ.

Поручуе домаръ домадарици: пошли мене тисли мисли пале су ми мрке челе на плешивацъ.

81) ЧОВЕКЪ ПОРУЧУЕ ЖЕНИ ИЗЪ ВОДЕНИЦЕ, ДА МУ ПОШЛЕ КАЛА, ДА НОСИ ВРАШНО.

Поручуе цицибанъ цицибаници: пошли мене шетлу петлу на магарици, покисе ми бела пена на загалици.

82) ВОДЕНИЦА.

Приспи чаре на мачаре, на панье деканье, на сене допоре.

83) ЖДРАЛОВИ.

Проде банъ ербанъ с мора на Дунаво коньскомъ врискомъ, юначкомъ викомъ; мало га ко виде, сватко га чу.

84) ВИДЪ ОЧИНИ.

Пружи платно одъ мора до Дунава, па га сави у ораву луску.

85) СВИЕЧА.

Пуна соба за крацару.

86) ЗВИЕЗДЕ.

Пуна тепсия златни кошчица.

87) СЕМЕ У ЛУВЕНИЦИ.

Пана црква дока, ни одъ куда врата.

88) СИРЪ У КАЦИ.

Пуно до иверя.

89) ПИСМО.

Пуче пушка на леду, оде пара чакъ до цара.

90) ТИКВЕНО СЕМЕ, И ВРИЕЖА, И ЦВИЕТЪ И ТИКВЕ.

Пушта штицу у море, а штица тракове, а тракови цветове, а цветови тумбеке, то се чуло у Млетке.

91) КОСА, ЧЕЛО, ОЧИ, УСТА, ЕЗИКЪ.

Расла честа шумица, подъ шумицомъ поланъа, подъ поланомъ гледура, подъ гледуромъ Гостуръ градъ, и у граду господарь.

92) ВИНО У ВУРЕТУ.

Растовъ трупъ, лесковъ прутъ, а у нему огненъ юнакъ
лежи.

93) ПИЕВАЦЪ.

Рогомъ пие, рогомъ еде, рогомъ Богу славу дае.

94) ВРАТА НА КУТИ.

Савъ мркона лежи, а пледи му оди-

95) ВРАТА КАДЪ СЕ ЗАПРЕТЕ.

Сави злато, разви злато, а то злато ко и злато.

96) ЛОНАЦЪ.

Создаде ме Богъ одъ шта и Адама, свакога напои и
нарани; а кадъ умриє, нити ми Богъ прими душе, ни
земля тела.

97) МРАВИНАКЪ.

Самъ лончитъ у нолу ври.

98) СИСЕ У КРАВЕ.

Све гора покисе, а четири прута не могоше.

99) ЛУЛА.

Све по кути изгоре, а кута оста.

100) МЕСЕЦЪ.

Сивацъ море прескочи, ни копита нескваси.

101) ОВИА У ТОРУ И КУРЯКЪ И ПАСЪ.

Седа седи у Седину граду, царь е проси, окованъ е
неда.

102) ЛАДА.

Седе на врага, оде безъ трага.

103) КОКОШЪ НА ГНИЕЗДУ.

Седи вила наврѣ вила, чека синова изъ биели градова.

104) РЕПА.

Седи госпа у двору, косе іоі на двору.

105) ВАТРА И ДИМЪ.

Седи мара на дно града, пустила косе доврѣ града.

106) ЗУБИ И ЕЗИКЪ.

Секутикъ секу, вукотики вуку, сама бата преврата.

107) ВАРНИЦА.

Скочи срна иза трна, де се свила, ту и умрла.

108) МЛАДА ПОДЪ ВИЕНЦИМА.

Сламна кута, гвоздени притисци.

109) ЖЕЛУДАЦЪ КОКОШИНИ.

Спода тело, а у нутра кошула.

110) ЛАСТАВИЦА.

Сприедѣ шело, стрига вило, оздолѣ артия, озгарѣ
мантія.

111) ГРОЗДЪ НА ЧОКОТУ.

Старацъ седи подъ воткомъ, покрито се обоікомъ, заложно брабонкомъ.

112) ГРУДА СИРА.

Сто орлова едно яе снесе.

113) ЧЕЛА У КОШНИЦИ.

Тавно нева у тавноі клети веръ везе танку гоіту плете.

114) ТРАГЪ КОНСКИ.

Таниръ до танира, чакъ до Варадина.

115) САНДУКЪ.

Тело му е дрвено, зуби су му гвоздено, срце му е пртено.

116) СУНЦЕ, КАДЪ ТОПИ СНИЕГЪ.

Тица безъ зуба, а свиегъ изеде.

117) ИГЛА.

Тица шаргизда све село нагизда, а себе не може.

118) СВИНЧА И ЖИРКА.

Трчи, трчи трчулакъ, виси, виси висулакъ; Бога моли трчулакъ, да отпадне висулакъ.

119) КАДЪ СЕ НОКТИМА УТУЧЕ ВУЕ, ИЛИ УШЪ.

Уби вола бивола, окрвави два дола.

120) МЕСЕЦЫ.

У едномъ брлогу дванаестъ назимаца лежи, а ни единъ
съ крае ние.

Русскія народныя притчи.

1) ГОРШОКЪ.

Взять отъ земли, яко Адамъ,
Вверженъ въ пещь, яко три отрока,
Посажень на колесницу, яко Фараонъ,
Повезень на торжище, яко рабъ,
Проданъ за двѣ лепты, яко хворость,
Пострадалъ отъ братій, яко Іосифъ,
Вывезень на дорогу, яко зеліе страдное,
И поверженъ въ ровъ на посмѣяніе, яко Даніилъ.
Шла нѣкая вдовица, зѣло убогая,
Подняла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и сталь жить.

2) ПРИТЧА ДАРІЯ, ЦАРЯ ПЕРСИДСКАГО.

И повѣда царь перскій притчу во всѣ страны:
«Стоитъ щитъ, на щитѣ сидитъ заяць; прилетѣлъ со-
коль и взялъ зайца; прилетѣла сова на щитъ и сѣла вмѣ-
сто зайца».

«Аще вгадаете, людіе, мою притчу, дамъ вамъ три кади злата и сребра». — И не вгада сію притчу ни единъ отъ чловѣкъ. Прииде бѣсъ о единомъ окѣ, повѣдая всѣмъ сущимъ на землѣ: «повѣдаю притчу вамъ, людіе, за кадъ сребра и злата». И приступиша людіе къ бѣсу. И глагола имъ бѣсъ о единомъ окѣ:

«Щитъ бо—естъ земля; на щитѣ сидитъ заяць, то естъ правда на землѣ; прилетѣль соколъ и взялъ зайца — то взята правда съ земли на небо; прилетѣла сова вмѣсто зайца на щитъ—то сѣла на землѣ кривда».

Послаша людіе къ Дарію, глагола: «Се отвѣтъ нашъ!» И присла Дарій людемъ три кади злата и сребра.

И почаша людіе дѣлити злато и сребро по кадамъ, а бѣсу здѣ предстоящу. Насыпаша людіе едину кадъ злата, и рекоша бѣсу: «Се наша кадъ естъ». — Добро естъ ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Насыпаша людіе другую кадъ злата и рекоша бѣсу: «Се наша кадъ естъ». — Добро естъ ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Насыпаша людіе едину кадъ сребра и рекоша бѣсу: «Се наша кадъ естъ». — Добро естъ ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Подѣлиша людіе добро: овъ злато взя, овъ сребро. И ничто же остана бѣсу. И обратиша людіе кадъ, сущу пусту, вверхъ дномъ, и насыпаша златомъ дно, и рекоша: «Се твое естъ добро». — Видя бѣсъ толику хитрость, отвѣщава: «Кривду дѣете, людіе». И рекоша людіе: «Кривой бѣсъ! самъ рекъ еси ты, что взята бысть правда на небо, а здѣ кривда остана».

3) ТРОЕ.

Батька съ сыномъ, да батька съ сыномъ, да дѣдушка со внукомъ. Много ли стало?

4) ЧЕТВЕРО.

Мать съ дочкой, мужъ съ женой, бабушка со внукомъ, отецъ съ сыномъ. Много ли стало?

5) кумъ.

Здравствуйте, братцы, моей жены дѣтки. Кланяйтесь своему отцу и моему отцу; скажите, что его жены мужъ пришелъ.

6) сынъ.

Шуриновъ племянникъ, какая зятю родня?

7) замыслы.

Звалъ Ячмень Пшеничку: «пойдемъ туда, гдѣ золото родится; мы тамъ будемъ съ тобою водиться». Пшеничка сказала: «У тебя, Ячмень, длиненъ усь, да умъ коротокъ; зачѣмъ намъ съ золотомъ водиться? оно къ намъ само привалится.

8) благоразуміе.

Шель мужикъ. На встрѣчу ему идутъ мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. Мужикъ мужикамъ поклонился, посередъ дороги становился. Послѣ того, мужикъ снялъ шапку доловъ, да и Вѣтру поклонъ. Солнце сказало: «постой, мужикъ, вотъ я-те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя не допущу». Морозъ промолвилъ: «постой, мужикъ, я те заморожу». А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя отдую».

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

Русскія народныя присловья.

Арзамасцы.

Гусятники.
Лукофды.

Архангельцы.

Моржефды.—Ивановичъ, Ивановичъ! Слѣзь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала.

Жена какого-то архангельскаго поселянина, соскучась по мужѣ, рѣшилась искать его въ Петербургѣ. Зная, что ея мужъ промышляетъ кровлею крышекъ, она не спрашивала его въ дворахъ и домахъ, а высматривала все по крышамъ. Вдругъ ей показалось, что на одной крышѣ стоитъ ея мужъ. Да, это онъ, точно онъ, какъ живой стоитъ, думаетъ она. «Ивановичъ, Ивановичъ! Слѣзь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала». Проходящіе будто едва могли увѣрить, что на крышѣ стоитъ не мужъ, а статуя.

Балахонцы.

Балахна стоитъ реть распахня.

и. САХАРОВЪ. I.

Волховитяне.

Рака съ звономъ встрѣчали. Вотъ воевода къ намъ ползеть, щетинку въ зубахъ несетъ.

Борисоглѣбцы.

Кислогнѣздые.

Большая часть жителей Борисоглѣбска состояла прежде изъ скорняковъ и клейщиковъ. Дома и дворы ихъ, наполненные сими фабричными заведеніями, издавали самый неприятный запахъ. Прохожіе, проходя Борисоглѣбскъ, съ досады говаривали: Кислогнѣздые! Нынѣ этотъ попрекъ совершенно уничтожился, и осталось одно преданіе.

Боровичи.

Луковники. Луку, луку зеленаго!

Поселяне Боровскаго уѣзда искони занимались огородною промышленностью, и осенью, проѣзжая по селеніямъ съ своими товарами, кричали во услышаніе всѣхъ: «Луку, луку зеленаго!»

Брянцы.

Куралесь. — Брянская коза.

Въ старину брянскіе поселяне считались странными людьми у нашихъ стариковъ. Бывало, поѣдутъ ли на торгъ, а пріѣдутъ или къ кружалу, или на гумно. Въ этомъ виноваты были ихъ лошадки, а поселянинъ, какъ выѣзжалъ изъ двора, такъ уже спокойно засыпалъ. Проѣзжіе, видя ихъ безпечность, прозвали ихъ куралесами.

Бѣжечане.

Колокольню рожкомъ подколотили.

Въ незапамятное время, по рассказамъ стариковъ, поселяне Бѣжецкаго уѣзда, были страстные охотники до та-

баку и держали его въ рогѣ. Когда же хотѣли нюхать табакъ, то вынимали рожокъ и били имъ о ладонь или сапогъ. Кажется, что этотъ попрекъ приписали бѣжечанамъ раскольники, гонители табака.

Бѣлозерцы.

Бѣлозерскіе сетки.

Извѣстные бѣлозерскіе сетки, продаваемые по русскимъ городамъ, доставили бѣлозерцамъ его прозваніе.

Буевцы.

Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ.—Буй городокъ, отбей кошелекъ.— Дожосѣды. Лѣсники.

Есть народное преданіе, что когда-то татары хотѣли разорить городъ Буй; но, не зная къ нему дороги, шатались изъ лѣса въ лѣсъ. Буевцы, смѣясь татарскимъ баскакамъ въ Москвѣ, говорили имъ: «Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ».

Валдайцы.

Колокольники.— Молодецъ, купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу.

Варнавинцы.

Медовики.

Ветлужане.

Санники.— Санникъ да телѣжникъ, а выѣхать не на чемъ.

Вильяно.

Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ.—Въ Вильнѣ семь дорогъ для жида, да три для поляка.

Витебцы.

Волынка и гудокъ, сбереги нашъ домокъ; соха и борона, разорили наши дома.

Вичуровцы.

Салфетошники.

Владимірцы.

Клюковники.— По клюкву, по клюкву, по красную клюкву.

Многіе изъ владимірскихъ поселянъ хаживали зимою по городамъ съ клюквою и причитывали разныя присказки о своей клюквѣ. Горожане подиѣтили ихъ слова и обрели въ попрекъ.

Собирались кулики, на болотѣ сидючи, они судальцы и володимірцы, и волынка и гудокъ.

Это присловье составилось изъ народной пѣсни въ селеніи Гуслицы про владимірцевъ.

Деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.

Есть народное преданіе, что владимірцы пріѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы володимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ вы, плотники! У васъ и всего де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви». Деревянная печь дѣйствительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ близъ Успенскаго собора; золотыя Владимірскія ворота получили свое названіе отъ золотой главы; желѣзная церковь, стоявшая тамъ близъ Рождественскаго монастыря, уничтожена была въ концѣ XVIII вѣка.

Вологжане.

На словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ.

Вологодцы.

Теленка съ подковой съѣли.—Толоконники.—
Толокномъ Волгу замѣсили.

Старинная сказка о вологодцахъ—какъ они толокно мѣсили въ Волгѣ—доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Говорятъ, что когда-то они собрались въ дорогу и взяли съ собой вмѣсто хлѣба — толокна. Подходятъ къ Волгѣ; время было обѣденное. Вотъ и расположились на берегу обѣдать. Кашеваръ вынулъ мѣшокъ съ толокномъ и сталъ разводить дежень въ Волгѣ. Мѣшалъ, мѣшалъ ложкой, и сталъ подчивать земляковъ. Взяли ложки дружно вологодцы, принагнулись и полѣзли въ Волгу за деженемъ. Попробуютъ вода-водой. Гдѣ дежень? Никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Пристали къ кашевару. Бѣдный, сколько ни увѣрялъ, а долженъ былъ, опустясь въ Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнетъ ни съ чѣмъ. Земляки не пускаютъ его на берегъ. Догадался кашеваръ, что дѣлать, а догадавшись сказалъ: водяной съѣлъ. На водяномъ не будешь отыскивать, сказали вологодцы и воротились обѣдать въ свою деревню. Вѣдь не голоднымъ же было идти въ путь?

Вязнички.

Прянишники.—Ковришка съ анисомъ.—Мы
люди неграмотные, вѣдимъ пряники неписанные.

Глухая Вязьма, безтолковый Дорогобужъ.

Вятичане.

Вятская баталія.—Слѣпороды.—Вятка всему
богатству matka.

Хлыновскіе бояре.—Свистоплясы.

Вятская баталія, говорятъ, происходила между вятича-

нами и морскимъ чудовищемъ. Неизвѣстно, кто эту бата-
лію перенесъ на лубочныя картинки.

Слѣпородами вятичанъ прозвали послѣ несчастной ихъ
битвы съ устюжанами. Это было въ 1480 году, когда къ
нимъ они пришли, какъ сосѣди, на помощь противъ та-
таръ. Вятичане открыли сраженіе противъ устюжанъ но-
чью, подъ предводительствомъ Михаила Разсохина, а устю-
жанами управлялъ новгородскій выходецъ Анеаль. Съ
разсвѣтомъ дня увидѣли они, что били своихъ сосѣдей, а
не татаръ.

Вытегоры.

Камзольники.

Галичане.

Що парь галуньки.

Корову на баню тащили. — Городъ Галивонь,
озеро Миронь, а люди кривичи. — Овчинники. — То-
локно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, а толокна не до-
стали.

Галичанъ наши дѣды называли кривичами, по ихъ хи-
трости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ. Сказка о то-
локнѣ почти одинаковая съ вологодскою.

Глуховцы.

Попушный табачекъ.

Даниловцы.

Любимые ловцы даниловцы невыдавцы. — Кош-
кодавы: кошку не купили, а на базарѣ задавали.

Дмитровцы.

Лягушечники.

Болота, окружающія Дмитровъ, всегда бывають напол-

нены лягушками. Прохожіе и пробѣзжіе, пробѣзжая чрезъ сей городъ, бывали оглушены кваканіемъ лягушекъ и въ негодованіи прозвали и самыхъ жителей лягушечниками.

Дѣдновцы.

Макары.

Есть народное преданіе, что дѣдновцы, Рязанской губерніи, отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ и солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе, спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: «хорошо». Потомъ спросилъ и другихъ объ имени. Дѣдновцы, будто, вообразили, что имя старосты ихъ понравилось царю, всѣ до одного назвались Макарами. Государь, смѣясь, сказалъ: «Будьте же вы всѣ Макарами». Съ тѣхъ поръ дѣдновцы слывутъ Макарами.

Егорьевцы.

Самъ ножъ точить, а говорить не бось! — Рудометы.

Ельчано.

Сычужники.— Радуга ушатъ воды выпила.— У насъ, въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втенка (утенка) вывела.

Одна ельчанка когда-то лѣтомъ поставила на дворѣ ушатъ воды, чтобы солнышко нагрѣло воду, а сама занялась хозяйствомъ. Въ это время, пришла корова и выпила воду. Приходитъ сынъ съ базара. Мать посылаетъ его посмотреть воду. Сынъ выходитъ на дворъ и видитъ: воды нѣтъ, а радуга распространилась надъ ушатою. Вотъ онъ

и кричить своей матери: «матушка, матушка! радуга ушатъ воды выпида».

Ефремовцы.

Въ кошелѣ кашу варили.

Ефремовцы зимою ходятъ съ обозами въ Москву и всю съѣстную провизію кладутъ въ лычные, плетеные кошелі. Когда-то у нихъ вышелъ весь запасъ каши, а безъ каши, извѣстное дѣло, мужику жить нельзя. Въ чемъ же варить? Гдѣ горшокъ взять?—думали мужики, собравшись въ кружокъ. Вотъ и придумала одна умная голова: будемъ же, ребята, варить кашу въ кошелѣ». Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Налиють воды въ кошель, засыпать крупъ, посмотреть: крупы цѣлы, воды нѣтъ. Снова нальютъ воды, а вода опять пропадетъ. Выбились ефремовцы изъ силъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «а що, ребята, неволить себя! будемъ варить кашу безъ воды?» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Разложили огонь, повѣсили надъ нимъ кошель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и всѣ пошли къ огню. Приходятъ—нѣтъ ни каши, ни кошеля—все сгорѣло.

Головоотяпы.

Задрипровцы.

Задрипанцы.

Такъ кіевляне въ старину величали запорожцевъ за ихъ неопрятность.

Ивановцы.

Богатъ и хвастливъ, какъ ивановскій мужикъ.

Кадуевцы.

Кадошники.

Казанцы.

Казань прогребли и орду прошли.

Калужане.

Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ такъ ляжетъ. — Шагольники: шаголь шаглуесть, на осиновои дубѣ, да воскогурнетъ: ткау! ткау! — Наша Калузя Москвы болѣй не болѣй, а калачами да квасомъ удалѣй. — Козла въ тѣстѣ соложеномъ утопили.

Говорять, что старые калужане, собираясь когда-то въ дорогу, дожидались благопріятной погоды. Сбираться русскому мужику недолго; другое дѣло бабьи сборы. Скоро собрались мужики калужане. Всякій гадалъ о погодѣ по-своему. Вотъ досталось одному по жеребью посмотрѣть: куда дуетъ вѣтеръ? Выходить на дворъ, вѣтра нѣтъ; идетъ на улицу, вѣтра нѣтъ; подходитъ къ погосту, сидитъ ворона на осиновои деревѣ и кричитъ. Тутъ мужикъ вспомнилъ примѣты старыхъ людей и бѣжить къ избѣ съ крикомъ: «О, ребята, буде, буде ведрышко. Шаголь шаглуесть на осиновои дубѣ, а воскогурнетъ: ткау! ткау!»

Калужинцы.

Свинью за бобра купили. У нашего Макарья по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Кашинцы.

Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Когда-то кашинцы собрались поохотиться. Сборы были долги: да за то собрались всѣмъ городомъ. Вотъ и спрашиваютъ другъ у друга: что бить? Что ловить? Миръ придумалъ, пригадалъ: бить волковъ. Далекое ходить было некуда; лѣсъ росъ подъ ногами. Стали по облавамъ и ждутъ

звѣря. Бѣжить звѣрь немудрый. Кашинцы вскрикнули, разомъ подняли дубину, да и давай мочалить звѣря. Лежить звѣрь убитый, а какой? Тутъ только мѣръ спозналъ, что убита воеводина собака. Съ воеводой даромъ не сладишь; собрали со всѣхъ дворовъ окупъ, да и помирились съ нимъ.

Каширцы.

Шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре.

Каширскіе поселяне, проѣзжая съ барщины по Каширской дорогѣ, повсюду встрѣчали избы съ трубами, ворота съ растворами, сани съ козырями, точь-въ-точь какъ на барскомъ дворѣ. Староста Артема отдалъ приказъ мужикамъ: «Когда въѣдутъ въ такую деревню, то снимать всѣмъ шапки». Староста былъ мужикъ смышленный и догадливый; онъ прежде слыхалъ, что въ такихъ деревняхъ живутъ только господа, и потому-то велѣлъ мужикамъ снимать шапки. Лишь только въѣдутъ въ деревню, мужики ужъ другъ другу кричатъ: «шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре». Послѣ открылось дѣло, что въ такихъ деревняхъ жили не бояре, а однодворцы.

Про каширскихъ однодворцевъ въ народѣ извѣстна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились передъ чортомъ. Чортъ, собравши виноватыхъ со всѣхъ деревень, положилъ ихъ въ рѣшето да и понесъ на базаръ продавать. Извѣстное дѣло, что онъ не ходитъ, не ѣздитъ, а только летаетъ. Поднялась буря. Чортъ давай разгонять бурю. Въ это время рѣшето повернулось, а однодворцы посыпались на каширскія поля. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, они живутъ тамъ цѣлыми селеніями.

Капорцы.

Крошевики.—Капорское крошево и кисло, и дешevo.

Баргопольцы.

Чудь бѣлоглазая.—Сыроѣды.

Бижане.

Золотую грамоту просили.

Бимряки.

Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ на чужую землю не перешель.

Кинешемцы.

Суконщики.—Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Сологда убытки платить.

Клиновцы.

Лапотники.

Костромичи.

Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.—Костромичи вкучу, ярославцы прочь; они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворамъ искали; было шесть, сыскали семь.

Кологривцы.

Дегтярники.

Коломенцы.

Чернонебые.

Крапивенцы.

Сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Прослышали крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились миряне въ праздничные кафтаны и сѣли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать вое-

воду, то послали десятскаго на колокольню, съ наказомъ: «какъ будетъ подъѣзжать воевода, звони». Заклубилась пыль по дорогѣ. Десятскій затрезвонилъ. Вышли миряне съ хлѣбомъ-солью. Глядятъ: ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему-то миряне и ударили челомъ.

Кромляне.

Живеть въ кромахъ въ разныхъ домахъ.

Ливенцы.

Саламатой мостъ обломили.

Въ какое-то незапамятное время пріѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили саламаты по горшку съ двора и повезли въ подарокъ воеводичу. Поѣхалъ обозъ съ саламатой по мосту, а мостъ, некрытый, нешитый, изъ тычинокъ собранный, хворостомъ прикрытый, подъ саламатой провалился.

Любимцы.

Козу пряникомъ кормили.—Водохлебы.—Не учи козу, сама стянеть съ воза, а пречиста рука все причистить. — Двѣнадцатый часъ, а матушка съ міру не бывала.

Въ старину любимскіе поселяне не живали дома, а переселялись въ подноски по кружаламъ и харчевнямъ, гдѣ они, какъ страстные любители чаю, получили прозваніе водохлебовъ и бухваловъ.

Въ незапамятную старину, двое любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обоихъ были одни сапоги, да и тѣ надѣли на разные ноги. Выѣхала лошадь. Дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь некормленая. Ёдутъ, да остановятся: будто конь изъ хомута вонъ, будто конь горячъ; а конь отъ го-

лоду ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнуты: подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы въ десять. Конь все стоитъ тутъ же.

Ладожане.

Щуку съ яицъ согнали.

Луговцы.

Разн осчки.

Лихвинцы.

Лихвинскія горы, да новосильскіе воры злѣе всѣхъ.

Лучане.

Въ Луцкѣ все не по-людски: на вколо вода, въ рединѣ бѣда.

Это старинное присловье о Луцкѣ произошло отъ жидовъ и унитовъ, наполнявшихъ городъ въ началѣ XVII вѣка.

Точно такое же присловіе и о Каменцѣ: Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, въ срединѣ бѣда.

Малороссіяне.

Мазепинцы.—Хохлы.—Чубы.—Хохоль глупѣе вороны, а хитрѣе чорта.—Москаль продалъ съ хохла поясъ на ярмаркѣ за три деньги, а хохоль въ придачу пошелъ ни за калачъ, ни за денежку.—Цапъ ведетъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ.—Что вы за люди? Мы бо не люди, а малороссіяне. Козакъ, коли ни пье, такъ воши бье, а всетаки не гуляе.

Можайцы.

Можайскій вѣтеръ.

Москвичи доселѣ такъ величаютъ можайскихъ поселянъ

людьми вѣтреными, въ торговыхъ дѣлахъ. Кажется, что это присловье дано было можайцамъ еще въ старину, когда они переходили отъ москвичей къ Шемякѣ и полякамъ противъ князя Василія Васильевича Темнаго.

Мосали.

Гуторы: гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу. — Матушка !Заугра! Не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосали отправили цѣлымъ міромъ своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву: почему православные принимаютъ людей на заработки? Староста выѣхалъ на саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрѣ. Время было на ростопели; рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ: сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, да и выѣхалъ прямо на льдину, а мосали провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ; икры пошли за икрами; старосту затерло во льдинахъ. Взахались мосали, припали къ берегу и стали голосить: «Матушка Заугра!» не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку».

Мецняне.

Амчинина бы те во дворъ!

Когда-то мецняне, обиженные лѣтомъ проѣзжими, вздумали зимой отыскивать виноватыхъ. Лѣтомъ было не до того имъ: то сѣнокосъ, то жатва. Зимой другое дѣло: съ печи да на полати, съ полатей да на печь. Собрались міромъ и стали толковать: гдѣ же искать проѣзжихъ? Известное дѣло: на постоялыхъ дворахъ. Долго не думали: собрались всѣмъ міромъ на однихъ саняхъ, да отправились въ дорогу. Куда ни приѣдутъ, вездѣ находятъ виноватыхъ. Расправа коротка: въ кнуты да въ дубины. Съ тѣхъ поръ

иценскіе дворники не могутъ равнодушно слушать, когда имъ говорятъ: «Амчина бы те во дворъ!»

Москвичи.

Рака съ звономъ встрѣчали.—Московскій часъ подожди. — Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи. — Москаль не великъ человекъ, да бя! (опасенъ). — Правда московская. — Москаля верти (обманывай).—Видь москаля, помы срижи, да втекай.—Мать: кто иде? Дочь: Чортъ. Мать: Добре, дочушка, а бы не москаль. — Отъ чорта открестись, а отъ москаля дубиной не отобьешься.— Въ Москвѣ толсто звонять, да тонко ѣдятъ.— Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.—Винъ какъ намоскалится, що изъ пидъ живаго пята рѣжитъ. — Видно великъ городъ, что семь воеводъ. Въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ. — Живетъ въ Москвѣ не въ малой тоскѣ.— Два брата съ Арбата, а оба горбаты.—Съ Москвы, съ посада, съ овощнаго ряда.

Многіе московскія присловья принадлежатъ временамъ историческимъ. Такъ присловье: Правда московская вышло отъ псковичей, когда москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности.— Видно великъ городъ, что семь воеводъ — указываетъ прямо на семибоярщину. Другіе же выдуманы малороссіянами. Такъ присловье: Московскій часъ подожди — произошло отъ медленности въ дѣлахъ. Поговорка москвичей: сейчасъ! — надоѣла малороссіянамъ.

Муромцы.

Калашники.—Вертячіе бобы.—Святогоны.

Послѣднее присловье осталось за муромцами съ того вре-

мени, когда они выгнали изъ своего города епископа Василія, въ XIII вѣкѣ.

Нерехонцы.

Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ наставить. — Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ. — Нерехонтскіе бѣгуны.

Нерехонтскіе поселяне получили прозваніе бѣгуновъ отъ того, что они зимою ходятъ съ безменомъ по селамъ покупать пряжу.

Новгородцы.

Долбежники. — Гущеѣды. — Упрямя, какъ новгородецъ. — Ты вѣдь не новгородской дворянинъ.

Долбежниками москвичи называли новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущеѣдами прозвали новгородцевъ за постное кушанье, во время поста приготовляемое изъ ободраннаго ячменя, свареннаго въ одной водѣ. Въ старину хлѣбосольные москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не новгородскій дворянинъ.

Нижегородцы.

Бородка нижегородка, а усъ макарьевскій.

Дома каменные, люди желѣзные. — Татинецъ да Слопинецъ ворами кормилецъ. — Нижегороды не уроды.

Селенія Татинецъ и Слопинецъ, находящіяся отъ Нижняго Новгорода въ 60 верстахъ, были въ старину опасными мѣстами для проѣзжающихъ. Сюда, по народнымъ преданіямъ, заѣзжали позабавиться волжскіе разбойники, о которыхъ нынѣ остались одни воспоминанія.

Другіе это присловье измѣняютъ иначе: усь макарьевскій—усь астраханецъ.

Новоторы.

Города Коростеня, владыче Олгино, народъ кривичи.

Въ Новоторжскѣ есть близъ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорятъ: «Мы люди старые; прежде были посадскіе города Коростеня, владыне Олгино, народъ кривичи».

Новоторы воры.

Такъ съ незапамятныхъ временъ новоторовъ величаютъ осташи, а новоторы отвѣчаютъ имъ тогда на этотъ попрекъ: «И осташи хороши!»

Олончане.

Олонцы—добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и молодець. — У насъ одинъ молодець съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все съ творогомъ. — Одинъ молодець ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатила, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку, почувалъ, что-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло? подумалъ. Глядитъ: брюхо цѣло, ремень лопнулъ! Голову нагнулъ и шапку надѣлъ. — Любезный олонецъ, бѣлые берега. — Кайваны въ Олонецъ не бывали.

Всѣ эти старинныя присловья остались только въ народныхъ преданіяхъ москвичей. Нынѣ только за олончанами осталось одно присловье: добры молодцы.

Онежане.

Прохоровы дѣти. Прохоряты.—Прохоръ письмо прислалъ, а лабодырному велѣлъ деньги собирать. — Во всей Онеги нѣтъ телѣги. — Лѣтомъ воеводу на саняхъ возили по городу. — На рогахъ анучи сушили.

Орловцы.

Проломленныя головы. — Орелъ да Кромы первые воры, да и Карачи на поддачу.

Одоевцы.

Молодецъ, молодецъ! Продай за грошъ постныхъ яицъ!

Когда-то одоевцы пріѣхали въ Москву за товарами. Пришло время обѣденное, вотъ они и нарядили молодца—купить все нужное къ обѣду. Молодецъ идетъ на рынокъ и видитъ огурцы. Дивится одоевецъ огурцамъ, а не знаетъ какъ ихъ назвать. Молодецъ! что то за товаръ!—спрашивалъ одоевецъ у москвича. Москаль догадался, что птица налетѣла заѣзжая, и давай говорить: «Постные яйца, снесли птицы заморскія, а къ намъ въ Москву приплыли по Москвѣ-рѣкѣ». Да! подумалъ одоевецъ, теперь Петровки; оно и встаети, куплю же ихъ. И сталъ торговать: «Молодецъ, молодецъ, продай за грошъ постныхъ яицъ?»

Осташе.

Волчьи обѣдки.—Ершеѣды.—Опозорили, опозорили. Да чѣмъ же? Ужъ и не говори!

Псковичи.

Небо кольями подпирали.

Когда-то во Псковѣ было долго ненастное время, тучи ходили низко, такъ низко, что православные думали небо

валится на землю. Собрались на мірскую сходку подумать—какъ бы отбыть бѣду? Три дня псковичи думали, а на четвертый приладили дѣло: «разобрать городьбы, да кольями подпереть небо. Разобрали городьбы и стали съ кольями по всѣмъ концамъ города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идетъ посадскій по городу, самъ бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, посередь площади становится, а самъ говоритъ: «Здорово-те, православные! отбыла бѣда; идите по домамъ».

Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу.

Вудто въ старину, когда просватывали невѣсту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередь полу, а невѣста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу». Если она соглашалась, то становилась въ кругъ; а если нѣтъ, то начинала плакать.

Пенежане.

Покупала по четыре денецки, продавала по два грошики. Барыша куца-куцей, а денегъ ни копиецки.

Одна пенежанская крестьянка пріѣхала когда-то изъ деревни въ городъ Пинегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда мужъ спрашивалъ у ней, что она дѣлала въ городѣ? жена ему отвѣчала вышеприведенными словами.

Пеняне.

Сура рѣчка у насъ важная, течетъ потихоньку, донышко у нея серебряное, круты бережка позолоченые.

Петроаводцы.

Качу лавочку, качу мытной дворъ, качу свой торжокъ.—Боску съѣли.—Боска, боска, на тебѣ костку!

Попехонцы.

Слѣпороды: въ трехъ соснахъ заблудились. — За семь верстѣ комара искали, а комаръ у попехонца сидѣлъ на носу. — На сосну лазили Москву смотрѣть.

О старинныхъ проказахъ попехонцевъ у насъ, на Руси, была издана особенная книга: «Анекдоты древнихъ попехонцевъ. Соч. Василя Березайскаго. Спб. 1798. Второе изданіе было напечатано въ 1821 году, съ прибавленіемъ словаря. Но это собраніе попехонскихъ анекдотовъ состоитъ большею частію изъ произвольныхъ вымысловъ, а часть даже переведена съ польскаго.

Ржевцы.

Батьку на кобеля промѣняли.

Романовцы.

Схорони концы.—Барана въ зыбкѣ качали.

Когда-то въ старину одинъ изъ романовскихъ поселянъ укралъ ягненка. Востосковался хозяинъ по ягненку! «Нельзя жить безъ него», всѣмъ онъ говорилъ.— Наложу руки на себя, кричала его жена. Сжалились православные надъ бѣдняками, ударили въ набать. Сошлись мѣряне на сходку. Вотъ мѣръ и придумалъ: идти съ повальнымъ обыскомъ по домамъ, а какъ виноватаго найдутъ — такъ безъ пощады въ рѣкѣ утопить. Приходятъ къ вору съ обыскомъ. Романовецъ, прослыша про мѣрской приговоръ, спеленалъ ягненка и положилъ въ колыбель. Входятъ мѣряне. Романовецъ

качаетъ барана, будто свое дитя. «А гдѣ, родимый, ты спряталъ-то барана?» говорили ему старики. «Вотъ вамъ правая рука! даю чрезъ милое дитя, и чтобы ему съ матерью на ножѣ поторчать», отвѣчалъ романовецъ старикамъ.

Ростовцы.

Вислоухіе. Лапшеѣды.— Озеро соломой зажигали.— У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, лука-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухими—старики прозвали ростовцевъ за зимнюю шапку съ длинными ушами; лапшеѣдами—за любимое ихъ кушанье, лапшу.

Когда-то въ Москвѣ понадобилось много рыбы. Послали батраковъ съ наказомъ по городамъ: свозить рыбу въ Москву. Такія прибыльные вѣсти дошли до Ростова. Въ то время на дворѣ стояли крещенскіе морозы. Озера всѣ замерзли. Думаютъ ростовцы: гдѣ же взять рыбы? Не стать изъ снѣгу валять. Думали день, не придумали; на другой собрались и порѣшили: снять съ крышъ солому, да соломой и растопить озеро. Снесли солому съ крышъ и принесли на озеро. «Ну, ребята, говоритъ староста, зажигай на счастливую!» — Запылала солома, что твой Ивановъ день. Озера не растопили, только деревню спалили.

Рязанцы.

Кособрюхіе.— Мѣшкомъ солнышко ловили.— Блинами острогъ конопатили.

Когда-то рязанцы воевали съ москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться никому не хочется. Вотъ москвичи и догадались: пустить солнышко на рязанцевъ: «ослѣпнуть-де они. Тогда и безъ бою одолѣемъ ихъ». Засвѣтило солнышко съ утра, а москвичи и стали махать шапками на рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце пово-

ротило свой ликъ на рязанцевъ. Догадались и рязанцы: высыпали изъ мѣшковъ толокно, и стали ловить солнышко. Поднимуть мѣшки вверхъ, наведуть на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглядятъ вверхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопаное. Не одобровать намъ, говорили рязанцы:—попросимъ миру у москвичей; пускай солнце возьмутъ назадъ. Сдумали и сдѣлали.

Когда-то прогнѣвался воевода на рязанцевъ и грозилъ имъ большой бѣдой. Проходить годъ, проходитъ два, а воевода все не выдумаетъ большой бѣды. Настушила масляница. Запировали рязанцы. Бьетъ воевода въ набать; собираются православные на базаръ. Идетъ воевода — не кланяется, а подошелъ къ людямъ, молвилъ: «Вы-де и забыли, что острогъ не замшенъ. Кононатить скорѣй». До того ли рязанцамъ было; у всѣхъ одно на умѣ: блины. Вотъ и придумали мужики: всѣхъ блиновъ не поѣдимъ; постъ на носу. Законопатимъ острогъ блинами. Сдумали и сдѣлали. Идетъ воевода смотрѣть острогъ. Смотрить: вездѣ крѣпко. «Давно бы такъ-то, говорилъ воевода рязанцамъ,—слушались меня».

Смольяне.

Якой губерни? Смоленской. Якого уѣзда? города Драгобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого барина? Про то не вѣдамъ.

Крупинники.—Хоть бейся о Малоховскія ворота.—Крѣпокъ какъ Малоховскія ворота.

Старичане.

Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ съ солью.

Прослышали старичане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозенъ посоль. Надо умиловить грознаго посла, го-

ворили старики на мірской сходкѣ. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь отъ васъ». Придумали старики: напечь пироговъ съ яйцами и идти за городъ съ поклономъ на встрѣчу къ послу. По сказанному, какъ по нисанному, все было сдѣлано. Прибѣжали ребята съ поля, повѣдали всѣмъ: пришелъ грозенъ посоль; стоитъ у города; шуба навыворотъ; самъ низенекъ, а поперегъ о пяти охватъ, словечка не молвить, а шипить только». То не грозенъ посоль подходитъ къ Старицѣ, а залетѣлъ индѣйскій пѣтухъ. Вышли старичане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали по старому, всѣ безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху: «Вотъ тебѣ пирогъ и яйца, не погуби нашъ городъ Старицы».

Возьми сорокъ алтынъ? — Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдамъ.

Спасцы.

Откуда ты, молодецъ? Спасскій купецъ. Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: сальными свѣщами и чистымъ дегтемъ.

Старорусцы.

Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Судиславцы.

Грибовики.

Солигаличане.

Бревенщики. — Известняки.

Суздальцы.

Мизенники. Мазалы. —

Въ Суздаль, да въ Муромъ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

Серпуховцы.

Дядя ѣдетъ изъ Серпухова, бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

Сибиряки.

Сибирь золотое дно.

Тамбовцы.

Молоканы. — Хрептуки степные.

Тверитяне.

Рапушники. — Забѣгай, забѣгай! А что? Не видишь, что куница бѣжитъ. Это собака съ Клементьева двора. Ну, такъ пускай себѣ бѣжитъ. — Но-воприведенная дѣвонька. — Цуканы.

Тихвинцы.

Свято то мѣсто, гдѣ тихвинца нѣтъ. — Козу на колокольню танчили.

Торопчане.

Таботеры. — Торопчанина обманетъ цыганъ, цыгана жидъ, жидъ грекъ, а грека чортъ.

Говорятъ старики, что такое новгородское присловье о торопчанахъ разошлось изъ Новгорода по всѣмъ городамъ, когда цыганъ вымѣнялъ лошадей на лапти во всемъ Торопцѣ.

Троицкые.

Поляки съ пушками, а мы съ клюшками.

Это относится въ осадѣ Троицкой Сергіевой лавры при тушинскомъ самозванцѣ.

Туляки.

Стальная душа.— Блоху на цѣпь приковали.— Бачика, присядь, присядь, чижи летятъ.— Хорошъ заяць, да тумакъ; хорошъ малой, да тулякъ.— Живетъ въ Тулѣ да ѣсть дули.— Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.

Очень-очень давно было, когда тульскіе оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всѣмъ разспросамъ, никто уже не помнитъ; тогда, говорятъ старожилы, они любили сидѣть подъ мостомъ и встрѣчать проѣзжихъ гостей. Въ эти-то времена они заслужили себѣ присловье: «хорошъ малой, да тулякъ».

Въ старину тульскіе оружейники бывали большіе охотники до чижей и соловьевъ. Съ начала весны они отправлялись ловить по лѣсамъ пѣвчихъ птицъ. Когда-то отецъ съ сыномъ долго бродили по лѣсамъ, безъ всякой удачи. Отецъ влѣзъ на дерево посмотреть, а сынъ разставлялъ тенета и сыпалъ для приманки сѣмячко. Вдругъ полетѣли чижи. Отецъ этого не видалъ. Сынъ кричитъ ему: «Бачика! присядь, присядь, чижи летятъ». Отецъ все поглядываетъ вдаль. Съ досады и отчаянія потерять чижей, сынъ беретъ дубинку и сталкиваетъ отца съ дерева.

Усольцы.

Огуречники.

Устюжане.

Красноязыки.—Черносеребрянники.—Мазы.

Угличане.

Не бось, не бось, батька! вѣдь это не наше.

Было время, говорятъ старики, котораго давно никто не помнитъ, ненастное и голодное; въ это-то время собрались угличкіе мужики, отецъ съ сыномъ, поворовать съ гора.

Ночь была темная, а отецъ на бѣду еще былъ и подслѣповать. Какъ вышли изъ двора, то и дорога пропала. Пропѣли третья пѣтухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. «Поди, батько, такъ говорилъ сынъ отцу, ты посмѣлѣй меня». Какъ на бѣду, отецъ, куда ни придетъ, вездѣ мерещится ему свой домъ. Сынъ указалъ отцу чужой домъ. Лѣзетъ старикъ на сыниныхъ плечахъ, и за что ни дотронется, все какъ будто свое беретъ, а сынъ ему кричить: «Не бось, не бось, батько! вѣдь это не наше!»

Холмогорцы.

Заугольники.

Какъ-то разъ Петръ Великій проѣзжалъ въ Архангельскъ; холмогорскіе старовѣры, изъ страха, боясь приблизиться къ государю, смотрѣли на него изъ-за угла. Съ тѣхъ поръ будто сосѣди стали ихъ называть заугольниками.

Чухломцы.

Чухломской рукосуй! Рукавицы за пазухой, а другихъ ищеть.

Шуапе.

Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

Бѣсавъ солдаты отдавали.—Въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.

Юрьевцы.

Китаешники.

Ярославцы.

Бѣлотельцы.—Ярославль городокъ, Москвы уголокъ.—Пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли. Красавцы.—Пѣсенники.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ.

Бѣляевъ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

Ванъ - день - Бергъ Краткая исторія Востока (египтянъ, ассириянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикиянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Переводъ съ французскаго. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи. Ц. 1 р. 50 к.

Есиповъ Г. В. Тяжелая память прошлаго. Разказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи и другихъ архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ; Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р., съ пересылкой 17 р.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по

8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

Карѣвъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи новаго времени. Съ дополненіями и примѣчаніями, съ указаніями на историческую литературу. Ц. 80 к.

Карѣвъ, Н. Моимъ критикамъ. Защита книги «Основные вопросы философіи исторіи». Ц. 80 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разказы и бытовые очерки съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Ц. 2 р.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школь, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунками. Переводъ Ѳ. И. Булакова. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ВЪ МОСКВЪ.

Лейкнеръ Отто. Нашъ Вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множествомъ портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большіхъ тома, 1552 стр. текста и 104 стр. указателей. Цѣна за 2 т. 18 р., съ пересылкой 20 р.

Мериме. Варооломеевская ночь. Историческая хроника. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Магаффи. Древне - греческая жизнь, переводъ съ англійскаго (съ примѣчаніями). М. Стратилатова. Съ 8 рисунками. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Масальскій Конст. Стрѣльцы. Историческій романъ. I. т. 548 стр. СПб. 1882. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878 г.). Изданіе второе, исправленное и

дополненное. 2 тома. Ц. каждому тому 2 р.

Пассенъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя (проектъ академика Витберга 1817 г.). Ц. 4 р.

П—ъ, С. Къ царекому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к., въ перепл. 80 к.

Русская портретная галерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Выходитъ выпусками каждый изъ 6-ти портретовъ, большаго формата, съ краткими біографіями. Ц. каждому выпуску 2 рубля.

Симеонъ Полоцкій. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Слб. 1882. Съ заставками (заглавныя въ вѣсколку красокъ) и др. украшеніями. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

Штернъ, А. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный бібліографическими указаніями. Ц. 2 р.

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОБРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

НАРОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ

ПРАЗДНИКИ И ОБЫЧАИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1885

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2

НАРОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ

Народный дневникъ.

Мѣсяцъ январь.

Слово: январь, или генварь, или іануарій, — не русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи, вмѣстѣ съ юліанскимъ календаремъ. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія, и эта разность принадлежала каждому поколѣнію. Наши предки называли его: просинецъ, малоруссы и иллирійцы: сѣчень, поляки: стычень, венды: новолѣтникъ, первникъ, зимецъ и прозимецъ, чехи и словаки: ледень, грудень, карніольцы: просинецъ, кроаты: просинецъ, малибожнякъ. Грамотные люди XI вѣка январь писали: еноуарь (по Остромирову евангелію), и какъ будто для поясненія чужого слова прибавляли: «рекомаго просинца». Всѣ эти названія книжныя; народъ забылъ, какъ его предки называли прежде январь. Время скрыло отъ насъ, какимъ мѣсяцемъ считался просинецъ у нашихъ отцовъ. Въ христіанской жизни русскаго народа совершились три перемѣны: 1) по старому русскому счету, когда годъ начинали съ марта, январь былъ одиннадцатъ

тымъ мѣсяцемъ; 2) когда годъ начинали съ сентября, онъ былъ пятымъ; 3) съ 1700 года онъ постоянно считается первымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ январѣ мѣсяцѣ.

1. Васильевъ день.—Васильевъ вечеръ.—Авсень.—Гаданія.—Проказы вѣдьмъ.

Васильевъ день у нашихъ поселянъ считается особеннымъ времясчисленіемъ. Такъ они, желая напомнить что нибудь бывшее, говорятъ: «а это было объ Васильевъ день»; или: «случилось на Васильевъ день»; или: «на ту пору былъ Васильевъ день»; или «онъ нанялся отъ Васильева дня до Евдокей», то есть съ 1 января по 1 марта.

Васильевъ вечеръ для русскихъ дѣвицъ былъ весьма важнымъ днемъ; онъ приходился на восьмой день святокъ, когда святочные гаданія были во всемъ разгулѣ. Наши бабушки думали, что святочные гаданія на Васильевъ вечеръ всегда сбывались и что въ этотъ вечеръ, что бы по гаданію ни вышло, ужъ всегда такъ и случится. Повѣрье старое, съ незапамятныхъ временъ соблюдается на Руси.

На Васильевъ день совершаются обряды какого-то непонятнаго народнаго праздника. Изъ словъ пѣсенъ и причитаній мы узнаемъ его названіе: это авсень, или овсень, усень, таусень, говсень. Былъ ли это дѣйствительно праздникъ, какая была цѣль его, или это только соединеніе нѣсколькихъ обрядовъ — рѣшительно отвѣчать невозможно. Изъ оставшихся обрядовъ мы видимъ нынѣ вареніе каши, засѣваніе зеренъ, обрядъ хожденія по домамъ. Ко всѣмъ этимъ обрядамъ присоединяются и пѣсни. Наши археологи считали авсень «земледѣльческимъ праздникомъ,

прообразовательнымъ обрядомъ обсѣванія»; отыскивали по обрядамъ сходство авсеня съ колядою. Могло ли быть на самомъ дѣлѣ, чтобы зимою на Руси праздновалъ народъ земледѣльческій праздникъ? Это предположеніе ученыхъ останется навсегда безъ доказательствъ. Однимъ только ученымъ могло взойти въ голову, что авсень и коляда указываютъ «на соединеніе мнѣшъ разноплеменныхъ народовъ на Руси». Мы уже не говоримъ о томъ, что объ авсенѣ нѣтъ помина ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ; не упоминаемъ о томъ, чтобы народъ помнилъ объ этомъ праздникѣ изъ преданій; скажемъ только одно: что нѣтъ ни одного мѣста въ русской землѣ, гдѣ бы всѣ обряды совершали вмѣстѣ. Въ одномъ мѣстѣ варятъ кашу, въ другомъ происходитъ засѣваніе зеренъ, въ третьемъ хожденіе по домамъ. Есть и обряды, но нѣтъ помина объ словѣ авсень. Кажется, что безъ пѣсенъ это слово навсегда могло бы исчезнуть изъ русскаго языка. Вотъ обряды, которые совершаются на Васильевъ день по разнымъ мѣстамъ.

1. Вареніе каши. Вареніе каши совершается до свѣта. Старшая въ домѣ изъ женщинъ, ровно въ два часа утра, приноситъ изъ амбара крупъ. Старшій изъ мужчинъ приноситъ воды изъ рѣки, или колодезя. Крупа и вода стоятъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока истопится печь; до нихъ никто не касается; иначе, это сочтется худымъ признакомъ. Когда нужно затирать кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитываетъ, размишывая кашу: «сѣяли, растили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и крупна и румяна; звали-позывали нашу гречу во Царьградъ побывать, на княжой пиръ пировать; поѣхала греча во Царьградъ побывать со князьями, со боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, до-

жидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый столъ пирь пировать; пріѣхала наша греча къ намъ гостевать». Послѣ сего всѣ встають изъ-за стола, а хозяйка съ поклонами ставитъ кашу въ печь. Потомъ снова садятся за столъ, въ ожиданіи каши. Когда поспѣетъ каша, тогда, вынимая горшокъ изъ печи, хозяйка говоритъ: «милости просимъ къ намъ во дворъ со своимъ доброю». Прежде всего осматриваютъ: полонъ ли горшокъ? Нѣтъ болѣе несчастія, если каша выльзетъ изъ горшка вонъ. Это явная бѣда всему дому. Худое предвѣщаетъ, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ ножомъ пѣнку: каша красная, полная, предвѣщаетъ счастье всему дому, будущій урожай и талантливую дочь. Каша мелкая, бѣлая, угрожаетъ бѣдами. Завтракъ изъ каши оканчивается добрыя предвѣстія: при худыхъ признакахъ кашу выбрасываютъ въ рѣку.

2. Засѣваніе зеренъ отправляется въ Великооруссіи и Малоруссіи съ различными обрядами.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи совершаютъ обрядъ засѣванія безъ пѣсенъ, съ одними приговорками. Дѣти, разсыпая зерна ярового хлѣба, говорятъ: «уроди, Боже, всякаго жита по закрому, что по закрому, да по великому, а и стало бы жита на весь міръ крещеный». Старшая женщина въ домѣ собираетъ на полу зерна и хранитъ до посѣва.

Въ Малоруссіи обрядъ засѣванія совершается съ приговорками и пѣснями. Тамъ дѣти поселянъ, передъ обѣденою, ходили по домамъ сѣять изъ рукава, другіе изъ мѣшка разныя сѣмена. Въ это время они пѣвали особенную засѣвальную пѣсню:

Ходитъ Илья
На Василья,

Носить пугу
 Житяную.
 Де замахне
 Жито росте,
 Житу пшеницю
 Всяку пашницю.
 У полѣ ядро,
 А въ домѣ добро.

Другіе при засѣваніи зеренъ говорятъ: «на счастье, на здоровье, на новое лѣто, роди, Боже, жито, пшеницю и всякую пашницю». Вѣроятно, что эта приговорка составилась изъ засѣвальной пѣсни. Тождество словъ доказываетъ это очевидно.

3) Обрядъ хожденія по домамъ мнѣ извѣстенъ только въ двухъ губерніяхъ, Костромской и Рязанской.

Въ Костромской губерніи для Васильева вечера варятъ свиныя ноги. Тамъ поселяне ходятъ въ этотъ вечеръ подъ окна, собирать пироги и свиныя ноги, приговаривая: «свинку да боровка выдай для Васильева вечерка». Въ Рязанской губерніи ходятъ толпами подъ окна просить пироговъ. Впереди всѣхъ идетъ дѣвица, называемая маханоскою; она-то несетъ кошель для пирожнаго сбора; она-то предводитъ толпу и распоряжаетъ дѣлежешъ сбора. Подходя къ окнамъ, толпа причитываетъ: «кишку да ножки въ верхнее окошко».

Въ великорусскихъ губерніяхъ наблюдательные старики и старушки говорятъ, что «на Васильевъ вечеръ день прибываетъ на куричій шагъ».

Въ Тульской губерніи есть преданіе, что на Васильевъ вечеръ вѣдьмы скрадываютъ мѣсяцъ, изъ опасенія, чтобы онъ не освѣщалъ ихъ ночныхъ прогулокъ съ нечистыми духами (см. подробности сего вѣрованія въ демонологіи).

2. Святотчныя гаданія.— Почетныя проходы гостей.—
Предосторожности.— Смываніе.

Старые люди въ Тульской губерніи считаютъ весьма важнымъ дѣломъ окуривать курники смолою съ девясилломъ; эта предосторожность, какъ они думаютъ, спасаетъ куръ отъ лихого домового. Обрядъ совершается старшею женщиною въ дождь, скрытно отъ всѣхъ, на разсвѣтѣ. Иначе предосторожность будетъ безъ успѣха.

Старушки, извѣстныя на Руси подъ именемъ бабушекъ-повитушекъ, справляютъ въ этотъ день смываніе лихоманокъ. Обрядъ и вѣрованіе заключается въ слѣдующемъ:

Въ селахъ думаютъ, что лихоманки выгоняются изъ ада морозомъ, ищутъ пристанища по теплымъ избамъ, гдѣ уже всегда есть люди виноватые. А лихоманки только и знаютъ, что искать людей виноватыхъ; а если уже и сыщутъ виноватаго, то съумѣютъ и потрясть, и познобить. Вѣдь на то она и лихоманка. Бабушки-повитушки увѣряютъ заподлинно, что онѣ видали ихъ сами и знаютъ ихъ въ лицо. Послушайте ихъ, и онѣ вамъ расскажутъ, что за штуки лихоманки. Отъ нихъ только вы узнаете, что наши лихоманки бываютъ тощія, слѣпныя, безрукія, уроды такіе, что хуже смерти; не умѣютъ ни войти въ избу, ни отворить дверей; если голодны, то смиренны и пошлы до того, что какъ сироточки стоятъ пригорюнясь у притолоки, выжидая, не выдетъ ли кто изъ виноватыхъ. Заботливыя бабушки, спасая людей отъ лихоманокъ, ходятъ по домамъ смывать притолоки. Все это дѣлается потихоньку отъ мужчинъ. Зоркій глазъ старика здѣсь считается опаснымъ, а молодымъ нѣтъ довѣрія. Рано, на зарѣ, бабушка является, по при-

глашенію, во дворъ. Съ нею всегда есть запасъ: четверговая соль, зола изъ семи печей, земляной уголь, выкапываемый на Ивановъ день изъ-подъ черныбыльника. Старшая женщина въ домъ встрѣчаетъ бабушку у воротъ, съ хлѣбомъ-солью, съ низкимъ поклономъ, съ ласковымъ словомъ «добро пожаловать». Не входя въ избу, бабушка начинаетъ обмывать своимъ снадобьемъ притолокъ, а послѣ вытираетъ чистымъ полотенцомъ. Подарки и угощенія оканчиваютъ обрядъ смыванія. Послѣ сего уже на цѣлый годъ остаются спокойными отъ посѣщенія лихоманокъ. Если случится съ кѣмъ нибудь бѣда, то уже за вѣрное полагаютъ, что она была напущена въ чужомъ домѣ, по ненависти злыхъ людей.

Святочныя гаданія продолжаются и въ этотъ день. Богатыхъ дѣвицъ провожаютъ подруги со всѣмъ почетомъ, предъ вечеромъ, до воротъ. Мать богатой дѣвицы должна у воротъ, при прощаніи, приглашать подругъ взойти въ домъ; дѣвицы должны выискивать причины, что онѣ теперь не могутъ быть по разнымъ дѣламъ. Это такъ изстари ведется, хотя бы были самые близкіе родные.

3. Святочныя гаданья. — Предосторожности. — Отчитыванія.

Между поселянами Калужской и Тульской губерній есть повѣрье, что въ этотъ день голодныя вѣдьмы, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ. Поселяне, для избѣжанія отъ такой бѣды, привязываютъ надъ воротами сальную свѣчу. Говорятъ, что будто въ старину тѣ только и были счастливы, которые принимали такія предосторожности. Это повѣрье существуетъ и въ Вѣлоруссіи.

Въ народныхъ повѣрьяхъ есть преданіе, что только въ этотъ день можно образумить каженника. Мои добрые земляки знаютъ и часто встрѣчаютъ каженниковъ съ сожалѣніемъ и боязнью. Они не то, чтобы ихъ боялись, а такъ, просто, робѣютъ только; видишь, имъ страшно смотрѣть на нихъ. Вѣдь всѣ человѣки. Раздумается и страшно станетъ глядѣть на человѣка. Кажись бы и бѣда не велика: всего-то на всего, лѣтомъ, въ лѣсу обошли лѣшіе. И тотъ же человѣкъ, да не тотъ; а посмотришь поближе, такъ онъ и вышелъ каженникъ. Всякій знаетъ, что каженникъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы грѣшныя; онъ и видитъ и слышитъ, какъ и всѣ добрые люди. Все это издали только. Подойдите поближе, и тотчасъ будетъ видно всякому, что каженникъ не то дѣлаетъ, чтò видитъ, и не то говоритъ, чтò слышитъ. Задумаетъ ли онъ чтò дѣлать, все выходитъ наоборотъ. Смотришь: начинаетъ дѣлать по умному, а къ концу ужъ вѣрно сведетъ дѣльцо, хоть брось. Попробуйте заговорить съ каженникомъ, то что твой грамотный: такъ слова рѣкой и льются. За то ужъ и не гнѣвайтесь послѣ, что въ его рѣчи нѣтъ ни смыслу, ни толку. Вѣдь за то-то и зовутъ его каженникомъ. Одного только не знаютъ: отчего каженнику не милъ бѣлый свѣтъ? отчего онъ не дорожитъ своею жизнью? Жить, или не жить — ему все равно. Нѣтъ ни тоски, ни кручины, а горюетъ обо всемъ. Живетъ между родными; есть, какъ и у добрыхъ людей, жена и дѣти; водится всякое добро больше другого, — а для каженника хоть ничего не будъ. Тужить обо всемъ горемычной сиротой. Знахари открыли тайну, какъ навести каженника на добрый путь, какъ научить его уму-разуму. Призванные исцѣлять каженника, они надѣваютъ бѣлую рубашку навыворотъ, сажаютъ его семь зоръ подлѣ верей, подѣ

вѣтеръ, поятъ травяной росой, окачиваютъ водой изъ нагорнаго студенца. Знахарь, какъ знахарь, и отчитываетъ каженника отъ лихости и болѣсти, и отыскиваетъ виноватаго по примѣтамъ между родными и чужими, и сулитъ здоровье и долголѣтіе, и обираетъ подарки. Попробуйте прислушаться къ заговорамъ знахаря: говоритъ онъ, какъ и всѣ мы русскіе говоримъ; а что онъ говоритъ, никто еще изъ поселянъ не успѣлъ понять. Въ деревняхъ правду говорятъ, на то онъ и знахарь, чтобы его никто не понималъ. Мнѣ случалось видѣть каженниковъ: это были люди, одержимые меланхоліею.

4. Последнія святочныя гаданія. — Примѣты. — Чертополохъ.

Любопытныя дѣвицы, желая испытать дѣйствіе своихъ гаданій, выходятъ вечеромъ на дворъ примѣчать звѣзды. Если увидятъ, что Сажары будутъ у нихъ съ правой руки, то остаются увѣренными, что гаданія сбудутся. Въ такомъ случаѣ, старшая и почетная дѣвушка, всегда дочь богатыхъ родителей, выходитъ впередъ съ пирогомъ, а другія, увиваясь вокругъ ея, скороговоркою причитываютъ:

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлорумыны вы
И дородливы.
Засылайте сватей
По міру крещеному;
Состряпайте свадебку
Для міра крещенаго,

Для пира гостинаго,
 Для красной дѣвицы,
 Свѣтъ родимой
 Анны Ивановны.

Когда же замѣтятъ, что впереди будутъ Дѣвичьи зори (линія звѣздъ по млечному пути), тогда съ горемъ отходятъ въ покои. По преданіямъ и рассказамъ, старушки завѣряютъ, что Дѣвичьи зори предвѣщаютъ еще годъ дѣвичьей жизни. Отчаяніе и грусть дѣвушекъ, что всѣ гада-нія были совершены напрасно — невыразимы.

Уваженіе нашего народа къ чертополоху основано на разныхъ повѣріяхъ. Старушки говорятъ, что онъ и врачуетъ болѣзни, и утоляетъ дѣвичьи зазнобы, и отгоняетъ бѣсовъ, и сохраняетъ въ цѣлости домашній скоть. Его вездѣ берегутъ, къ нему всѣ имѣютъ довѣріе. Чертополохъ, принесенный на сѣверъ съ кievскихъ полей, имѣетъ много чудеснаго и загадочнаго. Его приносятъ женщины переходницы. Не онъ ли занесли къ намъ, на сѣверъ, и разныя повѣрія? Чего добраго, народъ смышленный. Съ незапамятныхъ временъ ведется повѣріе, что если кто хочетъ быть цѣлъ въ дорогѣ, тотъ запасайся для этого вощанками, въ которыхъ сваренъ былъ чертополохъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ промышляютъ вощанками старушки-переходницы, исходившія всѣ пути и дорожки отъ Москвы рѣки до Иордана. Для совершенія обряда, чертополохъ предварительно кладется на семь дней и ночей подъ подушку. Его не долженъ никто ни видѣть, ни трогать. На восьмую ночь, послѣднюю на святкахъ, приносятъ чертополохъ къ старушкѣ-переходницѣ. Она варитъ его, съ особенными обрядами, съ воскомъ и ладономъ. Бывающая вощанка зашивается въ ладонку.

5. Крещенскій вечеръ. — Звѣзды. — Кольханіе воды въ полночь. — Крещенскій снѣгъ.

Снѣгъ великое дѣло для русской земли: онъ на все пригоденъ русскому человѣку. Уваженіе къ нему въ деревняхъ иногда переходитъ даже въ большія странности. Объ немъ есть особенное повѣріе (миѣ), преданія, обряды и обычаи. Обо всемъ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ деревняхъ, подъ Крещеніе, старушки собираютъ снѣгъ съ стоговъ, съ полною увѣренностью, что только онъ одинъ можетъ выбѣлить всякую холстину, чего такъ не сдѣлаютъ солнце и зола.

Снѣгъ, собранный въ крещенскій вечеръ, говорятъ поселяне, можетъ сохранить въ колодцахъ воду во весь годъ. Стоитъ только съ поля принести снѣга, опустить его въ колодезь, и тогда отъ него будетъ спорина и подспорье во весь годъ, хотя бы во все лѣто не было ни одной капли дождя.

Снѣгомъ, собраннымъ въ крещенскій вечеръ, поселяне исцѣляютъ недуги — онѣмѣніе въ ногахъ, головокруженія, судороги.

Въ Тульской губерніи есть повѣріе, что въ этотъ день гдѣ бы ни показался огненный змѣй, вездѣ найдетъ свою погибель. Извѣстно всѣмъ и каждому на Руси, что такое за диво огненный змѣй. Всѣ знаютъ, зачѣмъ онъ и куда летаетъ; но вслухъ объ этомъ никто не рѣшается говорить. Огненный змѣй не свой братъ; у него нѣтъ пощады: вѣрная смерть отъ одного удара. Да и чего ждать отъ нечистой силы! Казалось бы, что ему незачѣмъ летать къ краснымъ дѣвицамъ; но поселяне знаютъ, зачѣмъ онъ летаетъ, и говорятъ, что если огненный змѣй полюбитъ дѣ-

вицу, то ея зазноба неисцѣлима во вѣкъ. Такой зазнобы ни отчитать, ни заговорить, ни отпощить никто не берется. Всякій видитъ, какъ огненный змѣй летаетъ по воздуху и горитъ огнемъ неугасимымъ, а не всякій знаетъ, что онъ, какъ скоро спустится въ трубу, то очутится въ избѣ молодцомъ несказанной красоты. Не любя, полюбишь, не хваля, похвалишь, говорятъ старушки, когда завидитъ дѣвица такого молодца. Уиѣтъ оморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами; усладить онъ, губитель, рѣчью лебединою молоду молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную въ горючихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя на меду, на сахарѣ. Отъ его поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарей; отъ его привѣтовъ цвѣтеть красна дѣвица краснымъ солнышкомъ. Безъ змѣя красна дѣвица сидитъ во тоскѣ, во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на Божій свѣтъ; безъ него она сушитъ, сушитъ себя. Посудите же, добрые люди, какое горе для семьи — гость огненный змѣй! Неизвѣстно, когда и кѣмъ открыто средство — какъ погубить змѣя. Предъ тѣмъ часомъ, какъ быть змѣю, насыпаютъ на загнетку снѣгу, собраннаго въ крещенскій вечеръ. Говорятъ, что змѣй, когда будетъ опускаться въ трубу, погибаетъ отъ него навсегда.

Въ степныхъ селеніяхъ Тульской губерніи старики заиѣчаютъ, что если въ крещенскій вечеръ звѣзды блестятъ и горятъ, то предрекаютъ плодородіе ягнятъ. Тогда они говорятъ: «ярки звѣзды породятъ бѣлыя ярки».

6. Водокрещи.—Крещенскіе морозы.—Встрѣчи.—Предсказаніе.

Водокрещи — слово старое, осталось только между поселянами Московской, Тульской, Орловской и Кіевской губерній. Смыслъ словось они выражаютъ: 1) Время. «Отъ оспожинокъ до водокрещей минуло. — Отъ водокрещей до Евдокей пройдетъ семь недѣль съ половиной». 2) Праздникъ — когда совершается на рѣкахъ св. водосвященіе.

Крещенскіе морозы, извѣстные своею жестокостью, по преданію поселянъ, предвѣщаютъ плодородіе. Кіевляне, говоря о сихъ морозахъ, прибавляютъ: «трещи, не трещи, а минули водокрещи».

Въ великорусскихъ губерніяхъ дѣвушки пекутъ пироги и выходятъ съ ними, вечеромъ, окликать суженаго. Возрастъ, видъ, голосъ, имя, платье и разговорчивость — представляютъ имъ данныя угадывать будущаго суженаго.

Старики примѣчаютъ, что если въ этотъ день будетъ мятель, то то же самое будетъ и на масляницѣ.

8. Примѣты. — Обычай.

Въ Тульской губерніи старики примѣчаютъ, что если въ этотъ день будутъ сильные вѣтры отъ Кіева — съ юга, то будетъ лѣто грозное. Тогда говорятъ они: «коли на Амеляна подуетъ съ Кіева, то быть лѣту грозному».

Въ степныхъ мѣстахъ принято въ обычай на этотъ день угощать кума съ кумой. Поселяне думаютъ, что угощеніе кума съ кумой приноситъ здоровье дѣтямъ. Кумъ и кума, приходя въ званый домъ, приносятъ въ подарокъ: бру-

сокъ мыла и полотенце и, вручая его, говорятъ: «вотъ тебѣ, кума, мыльцо да бѣлое бѣлильцо для крестника».

10. Прижѣты.

Въ Тульской губерніи поселяне выходятъ смотрѣть на сѣнные стога и хлѣбныя скирды и если замѣтятъ, что на нихъ есть иней, то предрекаютъ, что лѣто будетъ сырое и мокрое.

16. Прижѣты.

Поселяне Костромской губерніи на день Петра Полукорма выходятъ осматривать сѣнники и амбары. Въ сѣнникахъ, осматривая сѣно и солому, замѣчаютъ, сколько вышло корму для скотины и сколько его осталось до весны. Поселяне думаютъ, что отъ этого дня ровно остается половина зимняго корма. Излишній остатокъ житнаго хлѣба въ амбарахъ предвѣщаетъ плодородіе.

Въ Псковской губерніи поселяне, сваряжая для продажи ленъ, говорятъ: «коли есть метла да костра, то будетъ хлѣба до Петра, а синець и звонецъ доведутъ хлѣбу конецъ». Въ этомъ выраженіи поселянъ заключаются свои прижѣты: метла, или метлина, и кострика, какъ предметы малоцѣнные въ льняной торговлѣ, не общають большихъ барышей, и что вырученныя деньги отъ такого льна достаточны только будутъ на покупку хлѣба до дня Петра Полукорма. Ленъ синій (синець) и издающій звукъ при трепаніи (звонецъ), — общааетъ худой торгъ, житье голодное и безхлѣбное.

18. Аванасьевскіе морозы. — Изгнаніе вѣдьмъ.

По приѣтамъ поселянъ, на день Аванасія Ломоноса всегда бывають сильные морозы. Обозники и ямщики, отправляющіеся изъ степныхъ мѣстъ въ Москву, часто подвергаются отмороживанію лица. Другіе, глядя на нихъ, говорятъ: «на Аванасья береги носъ».

Вѣрованіе поселянъ нашихъ въ вѣдьмъ есть явленіе незапамятное, и такъ глубоко укоренилось, что никакія убѣжденія не въ состояніи поколебать его. Тамъ, гдѣ пронеслась молва, что завелась вѣдьма, всѣ сосѣди въ страхѣ, всѣ ищутъ избавленія. Знахари и колдуны являются къ услугамъ, съ обѣщаніями изгнать и уничтожить вѣдьмъ. Избавителей принимаютъ съ радостью, съ подарками. Знахарь или колдунъ является ночью; одни только старшіе въ домѣ знаютъ о его прибытіи. Ровно въ полночь онъ начинаетъ заговаривать трубы — обыкновенный путь вѣдьмъ — забиваетъ клинья подъ князекъ, сыплетъ семипечную золу по загнеткѣ и, наконецъ, отправляется на край селенія, гдѣ снова, у изгородья, повторяются тѣ же проказы. По рассказамъ поселянъ извѣстно, что вѣдьмы, желая нанести кому нибудь вредъ, влетаютъ въ трубу; но какъ скоро будетъ труба заговорена, то весь домъ и дворъ уже свободны отъ ея проказъ. Вѣдьмы, отлетая вдаль, всегда летятъ прежде на югъ, по направленію къ Лысой горѣ, а возвращаются на западъ. Западное изгородье заговаривають знахари. Вѣдьма, подлетая къ очарованному изгородью, съ досады или убиваетъ себя, или отлетаетъ въ другое мѣсто. Есть изъ знахарей такіе доки, которые умѣютъ пересадить вѣдьму за тридевять земель; но такіе

знахари рѣдки, и труды ихъ оцѣниваются большими издержками — коровою или лошадыю. Знахари увѣрили поселянъ, что только на азанасьевскіе морозы можно изгнать вѣдьмъ; всякое другое время неудобно. Будто въ эти дни вѣдьмы летаютъ на шабашъ и тамъ теряютъ память отъ излишняго веселья.

20. Примѣты.

Если въ этотъ день будетъ мятель, то поселяне замѣчаютъ, что и вся масляница будетъ мятельная. Въ этомъ случаѣ они говорятъ: «помело мятлой, на масляницу; пріѣдетъ осударыня Масляница мятельная».

Если же въ полдень будетъ ясное солнце, то примѣчаютъ, что весна будетъ ранняя.

22. Тимофеевскіе морозы. — Полузимники.

Сильные морозы, бываемые въ этотъ день, получили названіе тимофеевскихъ, по дню, празднуемому въ этотъ день, св. Тимофею. Поселяне говорятъ: «пожди тимофеевскихъ морозовъ! — каковъ на дворѣ морозотъ! слышь, тимофеевскій».

Въ селеніяхъ Тульской губерніи говорятъ, что на этотъ день ровно приходится половина зимы. Тогда говорятъ они: «вотъ и пришли полузимники». Другіе же говорятъ: «ползимы стане на Тимофея полузимника».

24. Примѣты.

Въ этотъ день замѣчаютъ цѣны разными хлѣбамъ. Если цѣны на хлѣбъ повышаются, то поселяне увѣрены, что

будущій урожай будетъ скудный и на хлѣбъ дороговизна; если же цѣны на хлѣбъ понижаются, то они замѣчаютъ изъ этого будущій урожай съ избыткомъ. Наблюдательные старики говорятъ: «коли до Аксиньи полухлѣбницы жита хватить, то до новинъ станетъ половина, а до корма треть».

По замѣчаніямъ стариковъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, на этотъ день приходится ровно половина зимы. Тогда они говорятъ: «вотъ-те Аксиньи полужимницы».

На Вагѣ, Шенкурскѣ, Вельскѣ замѣчаютъ, что если въ этотъ день будетъ хорошая погода, то говорятъ, что будетъ и весна красная.

28. Кудесы.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи есть повѣрье, что въ этотъ день, если хозяйка не оставитъ на ночь гостинца для домового, то будто онъ изъ добраго превращается въ лихого. Съ этой переименованіемъ во дворѣ и избѣ все пойдетъ на изворотъ: спорина пропадаетъ, скотъ худѣетъ и чахнетъ, люди заболѣваютъ, бѣды летятъ со всѣхъ сторонъ. Суевѣрные люди твердо увѣрены, что болѣзнь и несчастья, появляющіяся съ этого дня, происходятъ отъ лихого домового. Колдуны и знахари, обольщающіе поселянъ, увѣрили простодушныхъ, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать въ смиреніи, то нужно ставить на ночь гостинцы.

Поселяне, для смиренія домового, послѣ ужина оставляютъ на загнеткѣ горшокъ каши, обкладывая его вокругъ горячими угольями. Будто ровно въ полночь домовый выходитъ изъ-подъ печи и ужинаетъ. Съ той поры онъ цѣлый годъ бываетъ смиренъ и услужливъ.

Кудесы, унимающія лихого домового, заключаются въ слѣдующемъ: колдунъ, призванный во дворъ, ровно въ полночь зарѣзываетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ. Этими-то голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и во дворѣ, вмѣстѣ съ причитаніемъ разныхъ заговоровъ. Все это совершается до пѣнія послѣднихъ пѣтуховъ. Колдунъ получаетъ подарки за свои кудесы, а хозяйка остается съ увѣренностью, что домовый смирился.

Мѣсяцъ февраль.

Слово: февраль, или февруарій — не русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ также изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: сѣчень (по тексту харатейнаго Вологодскаго Евангелія) и снѣженъ (по тексту Полотскаго Евангелія); малоруссы и поляки: лютый, илирійцы: вельяча, кроаты: свѣчень и сѣчень, карніольцы: свичанъ, венды: свѣчникъ, сѣчанъ, друиникъ, т. е. второй, сорабы: свѣчковній, чехи и словаки: уноръ. Названіе февраль въ старинныхъ святцахъ встрѣчается съ половины XI вѣка. Поселяне доселѣ его называютъ: бокогрѣй, основываясь на томъ, что скотина выходитъ въ февралѣ изъ хлѣвовъ обогрѣвать бока. Въ нашихъ лѣтописяхъ его называли: свадебнымъ, отъ зимнихъ свадебъ, совершаемыхъ отъ дня Богоявленія до масленицы. Это названіе доселѣ удержалось между поселянами Костромской губерніи. По новому счету русской годовщины февраль считается вторымъ, по старому, когда годъ считали съ марта, онъ былъ двѣнадцатымъ, а когда съ сентября, онъ былъ шестымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ февралѣ мѣсяцѣ.

1. Заклинаніе — крикѣты.

Есть старое преданіе у поселянъ Калужской и Московской губерній, что только на этотъ день можно заклинять губителей скирдовъ и стоговъ — мышей. По ихъ вѣрованію, заклятiе не только можетъ сгубить мышей, но и совсѣмъ искоренить ихъ изъ селенія. Призванный знахаръ вынимаетъ изъ середины скирда по снопу, со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ стоговъ беретъ по клоку сѣна. Все это сносится въ печь, зажигается раскаленною кочергою. Зола, оставшаяся отъ сожженія соломы и сѣна, высыпается въ тѣ мѣста, откуда были вынуты снопы и сѣно. Знахаръ во все время читаетъ заговоры и громко произноситъ заклятiя. Знахаря сопровождаетъ во всѣхъ продѣлкахъ хозяинъ съ хозяйкою съ хлѣбомъ-солью и чистымъ полотенцемъ. Возвращаясь съ гумна, знахаря угощаютъ и отдариваютъ. Для образца мы приводимъ здѣсь заклятiе знахаря:

«Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, сгинуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, въ адъ кровѣшный. Не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не видать вамъ травы муравой, не топтать вамъ росы медяной, не ѣсть вамъ бѣлоярой пшеницы, не таскать вамъ золотого ячменя, не грызть вамъ полнотѣлой ржи, не таскать вамъ пахнучаго сѣна. Заклинаю васъ, мышей, моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ. Слово мое ничѣмъ же порушится».

Старики прижѣчаютъ въ этотъ вечеръ: если покажется на небѣ много звѣздъ, то увѣряютъ, что зима еще долго продолжится и весна будетъ поздняя.

2. Срѣтенскіе морозы.—Примѣты.—Преданія.

Срѣтенскіе морозы въ Тульской губерніи считаются послѣдними, и послѣ ихъ поселяне не рѣшаются пускаться вдаль на санной ѣздѣ. Тамъ, по преданію, оттепель, появляющаяся въ этотъ день, предвѣщаетъ худую и гнилую весну.

Примѣты, наблюдаемыя поселянами въ этотъ день, бываютъ различны, смотря по мѣстности.

Въ Костромской губерніи, при появлении оттепели, говорятъ: «на Срѣтеньевъ день отъ воробья стѣна мокра». Съ этимъ вмѣстѣ они примѣчаютъ появленіе ранней весны.

Въ Рязанской губерніи, при выпаденіи снѣга, говорятъ: «на Срѣтеніе снѣжокъ, пригонитъ на весну дожжокъ». Если появится мятель, то говорятъ: «коли на Срѣтенье мятель дорогу перемететъ, то корма-тъ подберетъ». Съ этой примѣтою у нихъ соединяется понятіе о поздней осени, недостаткѣ корма.

Въ Тульской и Рязанской губерніяхъ есть повѣрье, что съ этого дня въ первый разъ появляется весенняя теплота. Для этого у нихъ есть поговорка: «на Срѣтенье зима съ лѣтомъ встрѣтилась».

Въ Тульской губерніи, когда середь дня появится солнце, говорятъ: «солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ».

Въ Каширскомъ уѣздѣ есть преданіе о погибшемъ семействѣ, предпринявшемъ въ этотъ день поѣздку вдаль, за рыбою, къ масляницѣ.

Жилъ когда-то, говорятъ они, старикъ съ семьєю сытно и богато. Всего было у него много и во всемъ ему была спорина. Наградилъ его Господь дѣтками умными и талантливыми. Чего самъ старикъ не додумаетъ, то дѣтки

домыслять, а чего дѣтки не съумѣютъ, то отецъ научить. Поженилъ старикъ всѣхъ дѣтей на одинъ день, а поженивши, задумалъ напоить, накормить всѣхъ сватовъ и сватей, а кормъ для нихъ порядилъ на широкой масляницѣ. Вотъ и вздумалъ старикъ на промыслъ: съѣздить вдаль за рыбою, заработать копѣйку и гостей удолить. Старикъ все собирался, ждалъ пути и дороги; глядь, поглядь и Срѣтенье на дворѣ, а тамъ и масляница на носу. И собрался старикъ всей семьей, опречь бабъ и ребятъ, а на поѣздъ снарядилъ семь подводъ. Какъ прочуяли бабы про нарядъ за рыбою, такъ и не вѣсть что вышло. И повоютъ и поплачутъ бабы вокругъ мужей: не тутъ-то было. Задумали бабы и свои хитрости: и сны-то имъ недобрые видѣлись, и тоска-то на нихъ не къ добру нападала, и домовою-то ихъ къ худу давилъ. Извѣстно, бабѣ дѣло: не споръ съ ними. Нѣтъ-таки, старикъ не слушаетъ ихъ. Поѣду-таки, поѣду за рыбою, накормлю объ масляницѣ сватовъ и сватей, говоритъ онъ имъ. Вѣдь не что сдѣлаешь съ мужикомъ: упряжь живеть и отродясь не слушаетъ. Какъ на бѣду, на самое Срѣтенье, началась оттепель. Взвыли бабы пуще прежняго отъ лихой примѣты. «Погляди-ко, родимый, на дворъ: какая стала оттепель? Вѣдь морозы-то минули; подуло съ весны». Не бывать добру, не видать мужей, голосать бабы. Старикъ-таки все думаетъ: поѣду да поѣду. Вотъ и поѣхалъ старикъ за рыбою на семи подводахъ, а на тѣхъ подводахъ посажалъ сыновей, да и самъ сѣлъ. Ждутъ бабы своихъ мужей недѣлю, а объ нихъ и слуху нѣтъ; ждутъ и другую, и никто вѣсти не кажетъ. Вотъ и пестрая недѣля наступила, а родимыхъ все нѣтъ. Подошли и заговинны, а съ ними и слухи пошли: вотъ тамъ-то мужикъ утонулъ, а тамъ-то двухъ мужи-

ковъ замертво нашли. Воютъ бабы пуще прежняго. Кому масляница, а бабамъ великій постъ. И прослышали бабы о бѣдѣ: на Волгѣ де ихъ мужья на льду подломились съ подводами. Никто-то не спасся. Вѣстимо дѣло, у того и бѣда на носу висить, кто не чететъ примѣтъ, да не слушаетъ старыхъ людей. А и на что было старику ѣхать на Срѣтенье, коли на дворѣ оттепель? Не слушался, такъ и поминай какъ звали. Сиротство-то, сиротство какое оставилъ!

3. Починки.—Повѣрье.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи, послѣ срѣтенской оттепели, рачительные хозяева начинаютъ починивать лѣтнюю сбрую, ѣздовую и пахатную. Съ ранней зари, помолясь всей семьей, выходятъ въ сарай и занимаются работой. Для починокъ варится въ этотъ день семейная саломата, дорогое и лакомое кушанье поселянъ. Тогда-то, говорятъ поселяне: «пріѣхала саломата на дворъ, расчиная починки».

Въ селеніяхъ Владимірской губерніи есть повѣрье, что въ этотъ день лихой домовой, ночью, заѣзжаетъ лошадей. Въ отвращеніе зла, поселяне, по чьимъ-то совѣтамъ, придумали привязывать на шею лошадиамъ кнутъ и онучи. Все это дѣлается для того, будто домовой тогда не смѣетъ дотронуться до лошади, воображая, что на ней сидитъ самъ хозяинъ.

5. Повѣрье.—Трубы.

Въ селеніяхъ Нижегородской губерніи есть повѣрье, что на этотъ день пробѣгаетъ по селамъ замореная коровья смерть. Поселяне наши чуму рогатаго скота олицетво-

ряли мною и разными сказаніями. Коровья смерть является людямъ въ видѣ старой, отвратительной женщины. Это не то, что старая вѣдьма съ хвостомъ; у коровьей смерти есть своя прижѣта: «руки съ граблями». Она сама никогда въ село не заходитъ, а всегда мужики завозятъ ее съ собой. За то ужъ какъ заберется куда эта дорогая гостья, то досыта натѣшится: переморить всѣхъ коровъ, изведетъ все племя до конца. Коровья смерть появляется болѣе въ концѣ или въ началѣ осени. Наши поселяне твердо увѣрены, что одно только опахиванье, совершенное съ таинственнымъ обрядомъ, изгоняетъ коровью смерть. Отъ этого обряда она скрывается по лѣсамъ и болотамъ, до тѣхъ поръ, пока скотина выдетъ на солнцѣ обогрѣвать бока. Тогда она, чахлая и замороженная, бѣгаетъ по селамъ, и съ горя скрывается въ степи, если не успѣетъ обратиться въ хлѣвы. Робкіе поселяне тогда запираютъ свои хлѣвы; а дальновидные и опытные убираютъ хлѣвы лаптями, обмоченными въ деготь, съ увѣренностью, что такіе лапти отгоняютъ отъ скота замороженую коровью смерть.

Въ зажиточныхъ селеніяхъ, гдѣ печи построены съ трубами, происходятъ въ этотъ день большія хлопоты. Съ вечера закрываютъ трубы крѣпко-на-крѣпко, замазываютъ глиною, на загнеткахъ покуриваютъ чертополохомъ; никто не спитъ ночью, отъ малаго до большого. И всѣ эти хлопоты для того, что будто въ этотъ день вылетаютъ изъ ада нечистые духи въ видѣ птицъ и заглядываютъ въ трубы. Гдѣ оплошаютъ, не примутъ предосторожностей, тамъ ужъ навѣрно поселятся нечистые. Выживай тогда ихъ, отыскивай знахарей. Сколько хлопотъ и заботъ съ ними. Все лучше, какъ заранѣе примешь мѣры, и послѣ живи, не тужи. Вотъ, если ужъ куда заберется нечистый, такъ весь домъ под-

ниметъ вверхъ дною. Все перебьетъ и переколотитъ; ничего не останется на мѣстѣ. Хозяева бѣги вонъ, если хотятъ быть живыми. Достается и сосѣдямъ, и прохожимъ. Такія бѣды бывали въ старину и въ городахъ. Спросите только, и вамъ, какъ по пальцамъ, расскажутъ, когда и гдѣ это было на самомъ дѣлѣ.

6. Жуколы.

Жуколами поселяне Костромской губерніи называютъ коровъ и телятъ, рождающихся въ февралѣ мѣсяцѣ. Тамъ есть поговорка: «на день св. Вукола—телятся жуколы».

11. Власьевскіе морозы.— Волосъ.— Опахиваніе.

Власьевскіе морозы въ Костромской губерніи считаются послѣдними. Напротивъ того, въ Тульской губерніи эти же самыя морозы называются въ числѣ семи крутыхъ утренниковъ. Отъ этого самаго тамъ говорятъ: «Власьевскіе утренники подошли, держи ухо востро!» Счетъ утренникамъ наблюдаютъ тамъ: «три до Власія, да три послѣ Власія, а седьмой на день Власія». Во многихъ мѣстахъ о послѣднихъ власьевскихъ морозахъ сохранилась народная поговорка: «Власій, сшиби рогъ съ зимы».

Набожные наши поселяне въ этотъ день служатъ молебны св. мученику Власію и молятъ его о покровительствѣ и защитѣ домашняго скота, особливо коровъ. Во имя его прихожане устраивали въ старину придѣлы и часовни. Прасолы, торгующіе скотомъ, въ Зарайскѣ и другихъ городахъ, предъ началомъ своего торгова, служатъ молебны св. Власію. Въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ Ракульскомъ погостѣ находится древняя церковь, выстроенная въ лѣсу,

во имя св. Власія. Сюда съѣзжаются поселяне для молитвы св. угоднику. Поселянки приносятъ въ храмъ коровье масло и кладутъ его предъ образомъ святаго угодника. Это масло называется въ Вельскомъ, Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ: воложнымъ. По окончаніи обѣдни, приходскій священникъ служитъ общій молебенъ, а потомъ, по усердію молебщиковъ, и частные. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ молебствіе совершается въ субботу предъ Св. Пятидесятницею. Тогда къ церквамъ приводятъ коровъ для окропленія св. водою. То же самое отправляютъ и во время скотскаго падежа.

Въ языческой жизни нашихъ отцовъ было поклоненіе Волосу, или Велесу, истукану скотія бога, находившемуся въ числѣ кievскихъ божествъ. Имя его извѣстно намъ еще по договорамъ русскихъ съ Царьградомъ. Такъ въ договорѣ Святослава съ греками сказано: «да имѣешь клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и Волоса, скотья бога». Постародавнему закону нашихъ отцовъ видимъ, что вѣрованіе въ Волоса, распространенное отъ Кіева до Новгорода и Ростова, позднѣе всѣхъ прекратилось. Св. Авраамій Ростовскій сокрушилъ идола Велеса въ Ростовѣ уже въ XII столѣтіи. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ онъ прекращенъ былъ великимъ Владиміромъ: «Волоса, его же именоваху скотья бога, повелѣ въ Почайну рѣку врещи» (Марьяевская великая Минея рукописная). Наши стародавніе поэты, по словамъ пѣвца Игорева слова, считались Велесовыми внуками. Имя Велеса сохранялось долго въ народныхъ памятникахъ. Въ Новгородѣ была Волосова улица. Въ Переяславлѣ-Залѣскомъ, при царѣ Василии Іоанновичѣ Шуйскомъ, находился Волосовъ камень (житіе Иринарха Ростовскаго въ рукописи). Въ южной Россіи, по рассказамъ отца Сабинина, передъ жнитвою старухи за-

вивали бороду Волосу (Журн. мин. народ. просв. 1837, № 11). Собравъ горсть колосьевъ, не вырывая жито изъ корня, онѣ завивали ихъ между собою и завязывали въ узелъ. Борода Волосова жнищами оставлялась неприкосновенною. Вѣрованіе въ Волоса существовало и между другими славянскими племенами. Имя его извѣстно у иллирійскихъ славянъ. Въ Богеміи есть гора Велесъ; на Вардарѣ есть урочище Велесъ; въ Кроаціи находятся мѣста: Велешевецъ, Велешковецъ, Велетня. На латинскомъ языкѣ Велесъ означаетъ тѣни усопшихъ, приходящихъ къ живымъ. И у насъ на Руси, есть созвучныя сему слову мѣста: Волотя, деревня близъ Тулы, Волоотово поле подъ Новгородомъ, Вольсница рѣка. Много существуетъ мнѣній о происхожденіи Волоса; но ни одно изъ нихъ не выражаетъ настоящаго значенія. Одни отыскиваютъ его въ скандинавской мѣологии, въ словахъ Vali-ass, Val-ass, и полагаютъ, что этотъ Вал-ассъ, покровительствовавшій земледѣлію и скотоводству, есть славянскій Волосъ. Другіе отыскиваютъ его въ языческомъ праздникѣ мордвы: Велъ-Оскъ, предполагая, что нынѣшняя мордва, какъ потомки ростовской мери, переселившейся за Оку, могла сохранить преданіе о Волосѣ. Оба эти мнѣнія можно только считать удачными предположеніями ученыхъ людей, и никакъ не болѣе. Третьи производили Волоса отъ ассирійскаго Ваала, и приписывали ему значеніе: бога земныхъ тварей. Само собою разумѣется, что это мнѣніе навсегда будетъ бесполезнымъ для славянской мѣологии. Страннѣе всего, что никто до сихъ поръ не хотѣлъ отличать кіевскаго Волоса отъ ростовскаго. Въ Кіевѣ жили славяне и могли вѣровать Волосу по-своему. Около Ростова жили мери, и могли вѣровать также по-своему.

Народный обряд опахиванія принадлежитъ къ остаткамъ древняго языческаго вѣрованія нашихъ отцовъ. Поселяне отправляютъ его для прекращенія коровьей смерти. Пораженные ужасными бѣдствіями, они, послѣ мірскаго совѣщанія, рѣшаются опахивать землю. Мужья, изъявивъ свое согласіе, предоставляютъ этотъ обрядъ своимъ женамъ. Повѣщалка, женщина старая, опытная въ подобныхъ продѣлкахъ, съ ранняго утра повѣщаетъ по всѣмъ домамъ: пора де унять лихость коровью. Входя въ избу, она сзываетъ къ себѣ женщинъ и открываетъ имъ на совѣтъ задуманное предпріятіе. Согласіе всегда бываетъ готово, а увѣренность въ обрядъ опахиванія придаетъ особенную рѣшимость. Въ знакъ согласія, женщины обмываютъ руки водой и утираютъ ихъ ручникомъ, который носитъ съ собой повѣщалка. Послѣ сего обряда, она строго приказываетъ всему мужескому полу, отъ мала до велика: «не выходить изъ избы ради бѣды великія». Ровно въ полночь повѣщалка, въ одной рубахѣ, выходитъ къ околицѣ и съ дикимъ воплемъ: «ай! ай!» бьетъ въ сковороду. На этотъ вызовъ выходятъ всѣ женщины съ ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами. Мужчины запираютъ ворота, загоняютъ скотъ въ хлѣва и привязываютъ собакъ. Повѣщалка, сбросивъ съ себя рубаху, со всевозможнымъ неистовствомъ, произноситъ клятвы на коровью смерть. Въ это время, другія женщины подвозятъ соху, надѣваютъ на нее хомуть и запрягаютъ. Съ зажженными лучинами, начинается троекратное шествіе вокругъ всего селенія. Впереди всѣхъ идетъ съ сохою повѣщалка и проводитъ борозду межеводную, за ней слѣдуютъ нѣсколько женщинъ на помелахъ, въ однѣхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами. Сзади ихъ идетъ толпа,

размахивая по воздуху кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, съ полною увѣренностью уничтожить сими дѣйствіями носящуюся надъ селеніями коровью смерть. Во время шествія они поютъ слѣдующую пѣсню.

Отъ Океанъ-моря глубокаго
 Отъ лукоморья ли зеленаго
 Выходили дванадесать дѣвъ.
 Шли путемъ, дорогой немалою,
 Ко крутымъ горамъ, высокіимъ,
 Ко тремъ старцамъ, старіимъ.
 Молились, печаловались,
 Просили въ упрось
 Дванадесать дѣвъ:
 Ой вы, старцы старые!
 Ставьте столы бѣлодубовые,
 Стелите скатерти бранныя,
 Точите ножи булатные,
 Зажигайте котлы кипучіе,
 Колите, рубите на-мертво
 Всякъ животь поднебесной. /

И клали великъ обѣтъ
 Дванадесать дѣвъ:
 Про животь, про смерть,
 Про весь родъ человѣчь.

Во ту пору старцы старые
 Ставятъ столы бѣлодубовые,
 Стелятъ скатерти бранныя,
 Колятъ, рубятъ на-мертво
 Всякъ животь поднебесной.

На крутой горѣ, высокой.
 Кипятъ котлы кипучіе
 Во тѣхъ котлахъ кипучіихъ
 Горитъ огнемъ негасимымъ
 Всякъ животь поднебесной.
 Вокругъ котловъ кипучіихъ
 Стоять старцы старые,

Поютъ старцы старые
 Про животъ, про смерть,
 Про весь родъ человѣчъ.
 Кладутъ старцы старые
 На животъ обѣтъ великъ,
 Сулятъ старцы старые
 Всему міру животы долгіе;
 Какъ на ту ли злую смерть
 Кладутъ старцы старые
 Проклятыце великое.
 Сулятъ старцы старые
 Вѣковѣчну жизнь
 На весь родъ человѣчъ.

Съ окончаніемъ сего обряда всѣ женщины расходятся по домамъ съ полною увѣренностью, что за обведенную черту вокругъ селенія не можетъ пробраться коровья смерть. Горе тому животному, которое попадется въ это время на встрѣчу неистовымъ женщинамъ: его убиваютъ безъ пощады, предполагая, что въ образѣ его скрывалась коровья смерть.

Въ великорусскихъ и малорусскихъ селеніяхъ есть старыя преданія, что для истребленія коровьей смерти обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную цѣлымъ міромъ въ злыхъ умыслахъ. Женщинъ, обреченныхъ на смерть въ великорусскихъ селеніяхъ, завязывали въ мѣшокъ съ кошкою и пѣтухомъ и живыхъ зарывали въ землю. Напротивъ того, малоруссы такихъ женщинъ топили въ озерахъ и рѣкахъ. Оба преданія едва ли могли когда нибудь существовать на самомъ дѣлѣ.

15. Окличка. — Сѣменное. — Зорить пряжу.

Въ Тульской губерніи есть преданіе, что въ этотъ день овчары должны окликать звѣзды, для обильнаго пло-

дородія овецъ. Заботливые хозяева заранее уговариваютъ овчаровъ на сей подвигъ. Вечеромъ, когда появятся звѣзды, выходятъ оба за околицы и кладутъ на всѣ четыре стороны по три поклона. Овчаръ становится на руно и произноситъ слѣдующія слова: «засвѣтись, звѣзда ясная, по поднебесью на радость міру крещеному; загорись огнемъ негасимымъ на утѣху православнымъ. Ты заглянь, звѣзда ясная, на дворъ къ рабу такому-то. Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлояровыхъ овецъ у раба такого-то. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то уродилось овецъ болѣе того». Послѣ сего окликанія, хозяинъ приводитъ овчара къ себѣ въ избу, угощаетъ его виномъ и надѣляетъ подарками.

Въ селеніяхъ Рязанской и Тульской губерній былъ обычай изстари собирать въ амбарахъ разныя сѣмена, выставить ихъ на три утреннія зори на морозъ и потомъ откладывать ихъ къ будущему посѣву. Этотъ обычай, называемый ими сѣменное, производился съ надеждою на обильный урожай.

Руководѣльныя женщины, оканчивая пряжу льна и конопель, отбирали первый мотокъ, лучшій изъ всей пряжи, и въ этотъ день выставляли его на утреннюю зорю, съ увѣренностью, что вся пряжа будетъ бѣла, чиста и крѣпка. Этотъ обычай они называютъ: зорнить пряжу.

20. Маньякъ. — Прижѣты.

Изстари ведется на Руси преданіе, что въ этотъ день не должно смотрѣть на падающія звѣзды съ неба. Худая прижѣта залажетъ на душу того, кто завидитъ падающую звѣзду; она предвѣщаетъ неизбѣжную смерть ему, или кому нибудь изъ его семейства. Простодушные, пренебре-

гающіе старыми примѣтами, увидѣвши падающую звѣзду, говорятъ: «маньякъ полетѣлъ». Опытные люди всегда чуждаются такихъ людей и даже имѣютъ объ нихъ худое понятіе. Старушки, опытныя въ житейскихъ дѣлахъ, замѣчаютъ, что если кто заболитъ на этотъ день, то или долго проболитъ, или навѣрно умретъ. Не довольствуясь этимъ наблюденіемъ, онѣ кладутъ подъ мышки больного по локтю хлѣба, и замѣчаютъ: если къ утру хлѣбъ засохнетъ, то больной непременно умретъ.

25. Примѣты. — Кумаха.

Поселяне замѣчаютъ, что съ этого дня опасно спать вечеромъ. Недальновиднымъ они тогда говорятъ: «кто спитъ подъ вечеръ въ февралѣ, тотъ наспитъ кумаху».

За великую бѣду считаютъ наши поселяне, если въ этотъ день сорвется съ крючьевъ дверь избяная. Эта примѣта всегда предвѣщаетъ домашнюю бѣду, или смерть какого нибудь изъ домочадцевъ, или пожаръ, или моръ оспенный.

Кумаха. Такъ поселяне Костромской губерніи называютъ лихорадку, появляющуюся въ концѣ февраля. Живетъ кумаха въ дремучемъ лѣсу, въ непокрытой губѣ; живетъ она не одна, а съ сестрами. Всѣхъ сестеръ счетомъ двѣнадцать. Ростомъ и дородствомъ сестра въ сестру. Что взглянешь на одну, то увидишь и на другой. Нѣтъ примѣтъ, почему спознать сестру отъ сестры. Надъ всѣми надъ ними есть наибольшая — старшая сестра; она-то посылаетъ своихъ сестеръ въ міръ — людей знобить, грѣшное тѣло мучить, бѣлы кости крушить. Поселяне открыли противъ кумахи удивительное средство: страждущіе ку-

нахою выходятъ на то мѣсто, гдѣ будто поселилась въ нихъ кумаха, обсыпаютъ вокругъ себя ячневою крупю и, раскланиваясь на всѣ стороны, говорятъ: «прости, сторона, мать сыра-земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!» Снова раскланиваются на всѣ стороны и идутъ домой съ увѣренностью, что они непремѣнно будутъ здоровы. Въ Тульской губерніи поселяне увѣрены твердо, что 25 февраля она не смѣетъ нападать на людей: «въ этотъ день де стережетъ кумаху домовой».

28. Капельникъ.— Овечья одышка.

Съ этого дня, по замѣчаніямъ поселянъ, будто начинаетъ таять снѣгъ на крышахъ. Поселяне, обрадованные появленіемъ солнечной теплоты, говорятъ: «посмотри на Васильевъ день, на капельники, и капель пойдетъ».

Дѣти, страдающіе водяною болѣзью, имѣютъ опухлый животъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно получаютъ тяжелое дыханіе. Поселяне, глядя на нихъ, говорятъ: «бѣда наша на ребятъ: растутъ въ брюхо». Эту болѣзнь они называютъ: овечью одышкою. Дѣтей, страдающихъ этою болѣзью зимою, они придумали 28 февраля избавлять слѣдующимъ средствомъ: больное дитя, окутавъ въ овчинный тулупъ, мать кладетъ подлѣ порога, а отецъ въ это время загоняетъ овецъ въ избу, и потомъ опять изъ избы. Простодушные поселяне думаютъ, что овцы, переходя чрезъ больное дитя, уносятъ съ собою дѣтскую болѣзнь.

29. Опасенія.

Изстари заведено на Руси считать высокосный годъ опаснымъ и приписывать ему многія, небывалыя бѣды.

29 число февраля высокоснаго года, по ихъ замѣчанію, есть самый бѣдственный день для всѣхъ возможныхъ несчастій. Тогда, будто, и скоть падаетъ, и деревья засыхаютъ, и повальные болѣзни появляются, и семейные раздоры заводятся. Изъ благоговѣнія къ нашей религіи, мы умалчиваемъ о суевѣрныхъ прииѣтахъ нашего народа; предаемъ забвенію и самую легенду.

Мѣсяць мартъ.

Слово: мартъ — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: сухой, сухой, малоруссы: березозоль, чехи и словаки: бржезень, поляки: марзецъ, сорабы: позижскій, карніольцы, венды и кроаты: сушець, третникъ, грегурчакъ. Съ марта мѣсяца начиналось русское пролѣтіе (слово, вышедшее нынѣ изъ книжнаго употребленія). Чехи первый день марта называютъ доселѣ: лѣтницы; а наши простолюдины: новичокъ. Въ старой русской жизни мартъ считался первымъ мѣсяцемъ въ году, и этотъ счетъ измѣнился только въ княженіе в. к. Василія Димитріевича, въ началѣ XV столѣтія. Когда годъ начали считать съ сентября, мартъ былъ уже седьмымъ. Съ 1700 года онъ приходится по счету уже третьимъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ мартѣ мѣсяцѣ.

1. Наблюденія.—Окличка весны.—Плюшкина.—Сроки.—Снѣгъ.

Съ Евдокеи въ стоячь собаку заноситъ снѣгомъ.— Откуда на Евдокеи повѣтъ вѣтеръ, от
И. САХАРОВЪ. П.

туль онъ подуетъ весной и лѣтомъ.—Коли на Евдокеи новичокъ съ дождемъ, то быть лѣту мокрому.—На Евдокей погожо, все лѣто пригожо.—И мартъ на носъ садится, коли на Евдокеи морозъ прилучится.—Ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы.—Февраль воду подпускаетъ, а мартъ подбираетъ.

Поселяне замѣчаютъ, что со дня Евдокии начинаютъ вѣтры дуть и свистать. Тогда они говорятъ: «вотъ те на! прѣехала свистунья».

Въ селеніяхъ Смоленской губерніи, въ день св. Евдокии кличутъ весну. Женщины, дѣвицы и дѣти взлѣзаютъ на кровли амбаровъ, или на пригорки и поютъ:

Весна красна!
 Что ты намъ принесла?
 Красное лѣгичко.

Плюшниха, плюшки. Такъ поселяне называютъ черты, раздѣляющія ледъ и снѣгъ на клочки—плюшки. Эти плюшки появляются послѣ оттепели. Солнце, пригрѣвая снѣгъ, образуетъ ручьи, которые въ мартовскіе утренники, замерзая, оставляютъ на снѣгу и льду особенныя черты. Тогда старики говорятъ: «плюшниха провела плюшки». Въ иныхъ мѣстахъ мнѣ случилось слышать, что старушки, припоминая какое нибудь событіе, говорили: «а то было на плюшнихи».

Первымъ числомъ марта оканчиваются у нашихъ поселянъ сроки зимнихъ наймамъ. Съ марта начинаются наймы весенніе. При новыхъ срокахъ они говорятъ: «съ Евдокей до Егорья» или «Евдокей по Петровъ день, по Аспасовъ день».

У русских гусятниковъ съ перваго марта начинаются совѣщанія о гусиной охотѣ и о назначеніи дней, когда спущать гусей на бой.

Нашъ народъ думаетъ, что съ перваго марта снѣгъ получаетъ особенную цѣлительную силу. Для больныхъ собираютъ снѣгъ съ пригорковъ и поятъ ихъ снѣговой водой отъ разныхъ недуговъ.

4. Грачевники. — Кикиморы.

По наблюденіямъ поселянъ извѣстно, что въ этотъ день прилетаютъ съ теплыхъ странъ на русскую землю грачи, первыя весеннія птицы. Опытные люди замѣчаютъ, что если грачи прилетятъ прямо на гнѣздо, то весна будетъ дружная.

Наши поселяне увѣрены, что на грачевники кикиморы дѣлаются смиренными и ручными и что только въ этотъ день можно ихъ уничтожить. Вѣрованіе въ кикиморъ нашего народа началось съ незапамятныхъ временъ и принадлежитъ къ особенному мнѣю русской демонологіи. По понятіямъ нашего народа, кикиморы представляютъ собою мнѣю чисто физическій, особенный родъ духовъ, населяющихъ воздухъ, ужасныхъ для семейной жизни, невидимыхъ и мстительныхъ. Вотъ рассказы нашего народа о происхожденіи кикиморъ.

«Живетъ на бѣломъ свѣтѣ нечистая сила сама по себѣ; ни съ кѣмъ-то она, проклятая, не роднится; нѣтъ у ней ни родного брата, ни родной сестры; нѣтъ у ней ни родимаго отца, ни родимой матери; нѣтъ у ней ни двора, ни поля, а пробивается, бездомовая, гдѣ день, гдѣ ночь. Безъ привѣту, безъ радости глядитъ она, нечистая, на добрыхъ

людей: все бы ей губить, да крушить, все бы ей на зло идти, все бы міромъ мутить. Есть между ними молодые молодцы, зазорливые. А и тѣ-то, молодые молодцы, прикидываются по-человѣчью и по-змѣиному. По поднебесью летять они, молодые молодцы, по-змѣиному, по избѣ-то ходять они, молодцы, по-человѣчью. По поднебесью летять, на красныхъ дѣвушекъ глядять; по избѣ-то ходять, красныхъ дѣвушекъ сушатъ. Полюбитъ-ли красну дѣвицу-душу, загорить онъ, окаянный, змѣемъ огненнымъ, освѣтитъ онъ, нечистый, дубровы дремучія. По поднебесью летить онъ, злодѣй, шаромъ огненнымъ; по землѣ разсыпается горючимъ огнемъ, во теремъ красной дѣвицы становится молодымъ молодцомъ несказанной красоты. Сушить, знобить онъ красну дѣвицу до истомя. Отъ той ли силы нечистыя зарождается у дѣвицы дѣтище некошное. Со тоски, со кручины надрывается сердце у отца съ матерью, что зародилось у красной дѣвицы дѣтище некошное. Клянуть, братья они дѣтище некошное клятвой великою: не жить ему на бѣломъ свѣтѣ, не быть ему въ уростъ человѣчь; горѣть бы ему вѣкъ въ смолѣ кипучей, въ огнѣ негасимомъ. Со той ли клятвы, то дѣтище зачатое, безъ поры безъ времени, пропадаетъ изъ утробы матери. А и его-то, окаянаго, уносятъ нечистые за тридевять земель въ тридцатое царство. А и тамъ-то дѣтище зачатое ровно чрезъ семь недѣль нарекается Кикиморой. Живетъ, растетъ Кикимора у кудесника въ каменныхъ горахъ; поить-холить онъ Кикимору медяпой росой, парить въ банѣ шелковымъ вѣникомъ, чешетъ голову золотымъ гребнемъ. Отъ утра до вечера тѣшитъ Кикимору котъ баюнъ, говоритъ ей сказки заморскія про весь родъ человѣчь. Со вечера до полуночи заводитъ кудесникъ игры молодецкія, веселить

Кикимору то слѣпымъ козломъ, то жмурками. Со полуночи до бѣла свѣта качаютъ Кикимору во хрустальчатой колыбелькѣ. Ровно черезъ семь лѣтъ вырастаетъ Кикимора. Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малышъ-малешенька со наперсточекъ, а туловища не спознать съ соломиной. Далеко видитъ Кикимора по поднебесью, скорѣй того бѣгаетъ по сырой землѣ. Не старѣется Кикимора цѣлый вѣкъ; безъ одежды, безъ обуви бродитъ она лѣто и зиму. Никто-то не видитъ Кикимору ни середь дня бѣлаго, ни середь темной ночи. Знаетъ-то она, Кикимора, всѣ города съ пригородками, всѣ деревни съ приселочками; вѣдаетъ-то она, Кикимора, про весь родъ человѣчь, про всѣ грѣхи тяжкіе. Дружить дружбу Кикимора со кудесниками, да съ вѣдьмами. Зло на умѣ держитъ на людѣ честной. Какъ минутъ годы уреченные, какъ придетъ пора законная, выбѣгаетъ Кикимора изъ-за каменныхъ горъ на бѣлый свѣтъ ко злымъ кудесникамъ во науку. А и тѣ-то кудесники люди хитрые, злогадливые; опосылаютъ они Кикимору ко добрымъ людямъ на пагубы. Входитъ Кикимора во избу никѣмъ не знаючи, поселяется она за печку никѣмъ не вѣдаючи. Стучить, гремитъ Кикимора отъ утра до вечера; со вечера до полуночи свиститъ, шипитъ Кикимора по всѣмъ угламъ и полавочной; со полуночи до бѣла свѣта прядетъ кудель конопельную, сучитъ пряжу пеньковую, снуетъ основу шелковую. На зарѣ-то утренней, она, Кикимора, собираетъ столы дубовые, ставитъ скамьи кленовыя, стелитъ ручники кумачные для пира неряженаго, для гостей незваныхъ. Ничто-то ей, Кикиморѣ, не по сердцу: а и та печь не на мѣстѣ, а и тотъ столъ не во томъ углу, а и та скамья не по стѣнѣ. Строитъ Кикимора печь по-своему, ставитъ столъ

по-нарядному, убираетъ скамью залонами шидяними. Выживаетъ она, Кикимора, самого хозяина, изводитъ она окаянная, всякъ родъ человѣчь. А и послѣ того, она, лукавая, мутитъ міромъ крещенымъ: идетъ ли прохожій по улицѣ, а и тутъ она ему камень подъ ноги; ѣдетъ ли посадскій на торгъ торговать, а и тутъ она ему камень въ голову. Со той бѣды великія пустѣютъ дома посадскіе, заростають дворы травой-муравой».

Если гдѣ поселится Кикимора, то поселяне на Грачевники призываютъ знахарей, которые за великіе посулы рѣшаются только изгнать нечистую силу. Въ этотъ день, съ утра, поселяется знахарь въ опустѣлый домъ, осматриваетъ всѣ углы, обмечаетъ печь и читаетъ заговоры. Къ вечеру объявляетъ въ услышаніе всѣхъ, что Кикимора изгнана изъ дома на времена вѣковѣчныя.

9. Сорокъ сороковъ.—Окличка весны.

На Сороки — сорокъ утренниковъ.— Во что Сороки, во то и Петровки.— На Сороки прилетаетъ куликъ изъ-за моря, приноситъ воду изъ неволья.— На Сороки прилетаютъ жаворонки.

По замѣчаніямъ стариковъ, съ 9 марта начинаются утренники — утренніе морозы — и продолжаются ровно сорокъ дней. Если эти утренники будутъ продолжаться постоянно, тогда они говорятъ: лѣто будетъ теплое.

Изстари ведется обычай на Руси на день сорока мучениковъ печь изъ хлѣбнаго тѣста жаворонки. Затѣйливья старушки пекутъ эти жаворонки съ особенными вычурами; золотятъ всю птичку сусальнымъ золотомъ, голову обмазываютъ медомъ и посылаютъ ихъ по роднымъ,

въ гостинцы дѣтямъ. Съ ранняго утра торговки продають хлѣбныя жаворонки на торгахъ и около церквей.

По замѣчанію поселянъ, будто съ 9 марта наступаетъ весна. Поселяне Смоленской губерніи выходятъ на этотъ день окликать весну, какъ дѣлають перваго марта. Предвѣстниками весны, по ихъ словамъ, бываетъ полетъ жаворонковъ. Это повѣріе встрѣчаютъ весну по прилетанію птицъ перешло къ намъ отъ грековъ, съ тою только разницею, что они встрѣчали весну при появленіи соловьевъ (Вѣст. Европы 1827 г., № 5, стр. 64). Эта ранняя встрѣча весны, вѣроятно, есть только преданіе, занесенное къ намъ изъ южныхъ странъ. Москвичи говорятъ: «одна ласточка весны не дѣлаеть».

18. Прииѣты.

Наши поселянки замѣчаютъ, если утромъ появится туманъ, то въ этотъ годъ будетъ большой урожай на ленъ и конопли. А чтобы прииѣта ихъ сбывалась, то они бросаютъ по двору нѣсколько сѣмянъ конопляныхъ и льняныхъ для угощенія птицъ. Рачительные хозяева прилагають особенную заботливость къ лошадямъ. По ихъ замѣчанію, если на этотъ день заболитъ лошадь, то она никуда не годится для лѣтней работы.

17. Замѣчанія.

Съ горъ вода пролети.—Съ горъ потоки.—Пролей кувшинъ.—Покинь сани, снаряжай телѣгу. Поселяне замѣчаютъ: что если на этотъ день появятся большіе ручьи, то полая вода будетъ большая и широко

разольется по лугамъ. Въ Тулѣ на эти дни бывали сборные гусиные бои, оканчивавшіеся пирушками.

19. Прии́ты.

Дарьи грязныя пролублицы. — Оклады пролубли. — Стелы красны по замерзамъ. Съ увеличеніемъ солнечной теплоты, на пролубяхъ рѣкъ и прудовъ дѣлается грязно. Тогда поселяне говорятъ: «вотъ пришли и Дарьи грязныя пролублицы».

22. Заи́чанія.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи поселяне выходятъ утромъ смотрѣть вокругъ солнца красныхъ круговъ. Эти круги, по ихъ заи́чанію, общають всегда плодородіе.

25. Освобожденіе птицъ. — Капуста. — Сожиганіе постелей. — Прии́ты.

На Благовѣщеніе и воронъ гнѣзда не свищаетъ. — На Благовѣщеніе на суровую пряжу не глядятъ. — Каково Благовѣщенье, таково и Свѣтлое Воскресенье. — На Благовѣщеніе дождь, родится рожь. — На Благовѣщеніе весна лѣто поборала. — До Благовѣщенія зимнимъ путемъ либо недѣлю не доѣдешь, либо переѣдешь.

Изстари на Руси заведено, чтобы въ этотъ день освобождать птицъ на волю. Въ Москвѣ этотъ обрядъ доселѣ совершается противъ Охотнаго ряда. Сюда съ утра приходитъ народъ, покупаетъ птицъ и своими руками выпускаетъ ихъ изъ клѣтки на волю. Прежде на исполненіе

этого обычая стекались со всѣхъ сторонъ, и только одна темная ночь прекращала сборище.

Подъ Благовѣщенскій вечеръ наши поселяне приходятъ въ подвалы съ кочаномъ капусты и кладутъ на землю, скрытно отъ всѣхъ. Этотъ кочанъ долженъ быть первый, сорванный осенью съ гряды. На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, рассматриваютъ кочанъ. Говорятъ, что будто счастливыцы находятъ въ немъ сѣмена, отъ которыхъ родившуюся капусту никакой морозъ не убиваетъ.

Во многихъ селеніяхъ Тульской губерніи осталось вѣрованіе въ огонь. Поселяне подъ Благовѣщеніе, ночью, сожигаютъ свои соломенные постели, скачутъ черезъ огонь и окуриваютъ свои платья. Постелю, говорятъ они, будто для того сожигаютъ, чтобы истребить болѣзни; скачутъ черезъ огонь для того, чтобы избавить себя отъ призора; окуриваютъ платья для того, чтобы предостеречь себя отъ обоянія. Съ сего вечера молодые поселяне переселяются съ новыми постелями въ холодныя клѣтки; въ избахъ остаются старики, больные и дѣти.

Пожилыя женщины находятъ нужнымъ въ этотъ день пережигать соль въ печи. Эта соль, по ихъ мнѣнію, оказываетъ чудеса въ разныхъ болѣзняхъ. Съ этою солью онѣ изъ хлѣбнаго тѣста пекутъ башки, небольшія булки, назначаемыя ими для излеченія скота.

Если на Благовѣщеніе будетъ день красный, то наши поселяне предполагаютъ, что этотъ годъ будетъ пожарный. Если пойдетъ дождикъ, поселяне думаютъ, что годъ будетъ грибной, а рыболовы надѣются на удачный ловъ рыбы. Если на этотъ день будетъ морозъ, то они ожидаютъ нѣсколько утренниковъ. Въ Шенкурскѣ и Вагѣ насчитываютъ отъ сего мороза еще сорокъ утренниковъ.

У нашихъ поселянъ есть странное понятіе о птицахъ, свивающихъ гнѣзда въ сей день. Они полагаютъ, что такія птица за свой поступокъ теряютъ силу въ крыльяхъ и въ наказаніе осуждаются ходить по землѣ. Не отсюда ли произошло замѣчаніе: «на Благовѣщеніе и воронъ гнѣзда не свиваетъ».

26. Прижѣты.

Поселяне замосковныхъ селеній, замѣтивъ на этотъ день свѣтлый восходъ солнца, убираютъ всю санную сбрую, и говорятъ: «выверни оглобли». Между тѣмъ женщины на этотъ день оканчиваютъ послѣднюю пряжу. Если же которыя продолжаютъ еще прясть послѣ сего дня, тѣмъ говорятъ: «не пойдетъ въ прокъ».

27. Наставицы. — Полурѣшницы.

Слово: наставицы имѣетъ двойное значеніе. Пиголки, птицы, прилетающія къ этому дню въ Нерехту и Кострому, называются тамъ наставицами. Поверхность снѣга, замерзаемая утренниками послѣ большихъ оттепелей, называется: на стъ. Въ это время поселяне наши говорятъ: «пойдемъ по настамъ — иди по наставицѣ».

Въ селеніяхъ Рязанской губерніи этотъ день называется: полурѣшницы. Въ этотъ день они отбираютъ годныя рѣпы для сѣмянъ, что составляетъ у нихъ отдѣльную, неприкосновенную половину.

30. Вѣды съ домовыхъ.

Многіе изъ нашихъ суевѣрныхъ поселянъ, вѣрующіе въ домовыхъ, боятся въ этотъ день и вечеромъ ходить по

двору. Они думаютъ, что домовой въ тѣ поры бѣсится и не узнаетъ своихъ домашнихъ. Съ заходомъ солнца запираютъ весь домашній скотъ и птицъ, а сами боятся уже подойти и къ окну во всю ночь. Вотъ ихъ рассказы объ этомъ странномъ положеніи домового.

Домовой, какъ и всякая нечистая сила, съумѣетъ со-творить бѣду православнымъ людямъ, если противъ него не будутъ приняты предосторожности. Ровно цѣлый годъ, онъ, окаянный, живетъ смиренно, радѣетъ о хозяйскомъ добрѣ, пуще заботливаго мужика, бережетъ скотъ, холить лошадей, смотритъ за огородомъ, не дастъ потѣ-шиться въ саду лѣшему, не дастъ въ обиду злой вѣдьмѣ коровъ изуродовать. У добраго домового все въ домѣ ис-правно, во всемъ спорина, отъ всего прибыль, всѣмъ сыт-но. Вдругъ встоскуется онъ, окаянный, невѣсть почему. Въ тѣ поры онъ на всѣхъ злится, всѣхъ бы радъ извести, готовъ сокрушить весь домъ. Одного только за нимъ не водится: не наложить рукъ на себя. За то ужъ всѣмъ до-машнимъ отъ него приходится жутко: лошадей забьетъ подъ ясли, у коровъ отобьетъ охоту отъ ѣды, перекусаетъ со зла всѣхъ собакъ, раскидаетъ по всему двору сани и телѣги, хозяину подкатывается подъ ноги. И все это бы-ваетъ 30 марта, съ ранней утренней зари, до полуночи, какъ запоютъ пѣтухи. Много ходитъ толковъ по міру кре-щеному о такой бѣдѣ съ домовымъ. Одни говорятъ, что у него въ началѣ весны спадаетъ старая шкура, и отъ этой боли онъ бѣсится. Другіе думаютъ, что на него находить чума, вотъ хотъ бы какъ на собакъ, или на коровъ, и оттого онъ такъ проказитъ по всему двору. Третьи знаютъ навѣрное, что въ этотъ день бываетъ имъ расправа отъ нечистой силы за цѣлый годъ. Хотъ онъ и домовой, а все-

таки набьютъ ему спину не хуже виноватаго мужика. Вѣдуть нечистая сила не даетъ пощады и своему брату: отвалаетъ на обѣ корки по-своему. А иначе, отчего бы и взбѣситься домовому? Четвертые рассказываютъ за тайну, что хозяинъ когда-то поссорился съ знахаремъ не шутя, и что за такую обиду знахарь и удружилъ ему лихимъ домовымъ. Бываютъ же такіа бѣды съ мужикомъ: все ладить съ знахаремъ, такъ вдругъ и завеличается: «я, дескать, и самъ не хуже его съумѣю сдѣлать». Извѣстное дѣло, гдѣ мужику стоять противъ знахаря? Хоть бы онъ былъ и посадскій человѣкъ: такъ развѣ достанетъ силы тягаться съ знахаремъ? Пятыя, люди дальніе и посторонніе, увѣряютъ со всею правотою, что въ этотъ день приходитъ домовому смертная охота жениться на вѣдьмѣ. Извѣстное дѣло на Руси, что нечистая сила весь свой вѣкъ живетъ неженатая; да и гдѣ имъ, бездомовымъ, будетъ поселиться съ своей семьей, когда шатаются гдѣ день, гдѣ ночь? Ужъ и по всему видно, что это неправда. Вотъ какъ думаютъ и поговариваютъ мои земляки объ этой бѣдѣ съ домовымъ; а вы, люди православные, потрудитесь сами добиться правды, если у васъ есть охота заниматься съ домовымъ.

Мѣсяцъ апрѣль.

Слово: апрѣль, или апрілій нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки назвали его: березозоль, малоруссы и поляки: квѣтень, цвѣтень, чехи и словаки: дубень, сорабы: налѣтній, ячманъ, венды: чтерникъ (четвертый) малъ-травень,

кровать: травень и джюджревчакъ (Юрьевъ день), илирійцы: травяной. Въ старой русской жизни апрѣль считался вторымъ пролѣтнимъ мѣсяцемъ; а когда годъ стали считать съ сентября, то онъ былъ восьмымъ. Съ 1700 года онъ приходится по счету уже четвертымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне говорятъ: съ апрѣля земля прѣветъ. — Ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы. — Апрѣль всѣхъ напоить. — Дождались полой водицы, ай да батюшка апрѣль. — Апрѣль сипить да дуетъ, бабамъ тепло сулить, а мужику что-то будетъ. — Играй, матушка Ока, пока апрѣль на дворѣ. — Не ломай печи, еще апрѣль на дворѣ.

1. Пришѣты.

Въ замосковскихъ селеніяхъ замѣчаютъ, что если на этотъ день разольется полая вода, то будетъ большая трава и ранній покосъ.

«Захотѣлъ ты въ апрѣлѣ кислыхъ щей». Зимній запасъ капусты у нашихъ поселянъ всегда оканчивается въ мартѣ. Апрѣльскія щи у нихъ называются пустыми. Почему они и говорятъ тогда: «пришли на Марью пустыя щи».

3. Пришѣты. — Угощеніе водяного.

Рыболовы на Окѣ замѣчаютъ: если ледъ не пройдетъ въ этотъ день, то рыбный ловъ будетъ самый худой.

Многіе суевѣрные рыболовы приходятъ въ полночь полакомить гостинцами водяного дѣдушку. Это угощеніе водяного происходитъ у нихъ слѣдующимъ порядкомъ.

Покупають у цыганъ самую негодную лошадь, не торгуясь, ровно за три дни. Въ эти три дни они стараются откормить ее хлѣбомъ и коноплянными жемухами. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вплетаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ. Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣка очистилась отъ льда, то сами, сядя на лодки, стараются утопить лошадь середь рѣки. Въ то время, старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несчастье бываетъ для рыболововъ, если водяной не желаетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію, водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ 1-го апрѣля онъ просыпается голоднымъ, сердитымъ. Съ досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрымъ гостинцемъ, лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу, переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ бури и потопленія, не рветъ неводовъ и бредней. Во время своего гнѣва и голода, водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣднюю усадьбу. Желаніе водяного получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлятъ водяного гостинцемъ, то старшій рыболовъ, выливая въ рѣку масло, говоритъ: «вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби

да жалуй нашу семью». Возвращаясь съ этой тризны, рыболовы съ радостью проводятъ всю ночь въ пьянствѣ.

5. Пришѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, въ этотъ день начинаютъ дуть теплые, весенніе вѣтры. Тогда они говорятъ: «пришелъ Ѳедуль, теплый вѣтеръ подуль». Или «на Ѳедула растворяй оконницу».

Съ первымъ весеннимъ вѣтромъ, говорятъ поселяне, прилетаютъ сверчки и расселяются по огородамъ.

8. Пришѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи есть старинная пришеѣта, что на этотъ день солнце встрѣчается съ мѣсяцемъ. По ихъ замѣчаніямъ, эти встрѣчи бывають добрыя и худыя. Хорошая встрѣча обозначается яснымъ солнцемъ и свѣтлымъ днемъ. Изъ этого выводятъ они предположенія о хорошемъ лѣтѣ. Худая встрѣча обозначается туманнымъ и пасмурнымъ днемъ и остается худымъ предзнаменованіемъ на все лѣто. По разсказамъ поселянъ, солнце и мѣсяцъ съ перваго мороза расходятся въ дальнія стороны: одинъ на востокъ, другой на западъ, и съ той поры не встрѣчаются другъ съ другомъ до самой весны. Солнце не знаетъ, не вѣдаетъ, гдѣ живетъ мѣсяцъ и что онъ дѣлаетъ; а мѣсяцъ не болѣе того знаетъ о солнцѣ. Когда же они весною повстрѣчаются, то долго разсказываютъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, гдѣ были, что видѣли, что подѣлывали. Часто случается, что мѣсяцъ съ солнцемъ на этой встрѣчѣ доходятъ до ссоры; а это всегда оканчивается землетрясеніемъ. Наши поселяне въ этой ссорѣ обвиняють болѣе всего мѣсяцъ, называя его гордымъ и задорнымъ.

11. Водополы.

Въ замосковной сторонѣ полагають, что съ этого дня должны рѣки вскрываться и вода выходить изъ береговъ. Изъ этого наблюденія они выводятъ свои замѣчанія: вскрытіе рѣкъ къ этому дню обѣщаетъ хорошій урожай, благополучное лѣто. Позднее вскрытіе—всегда обѣщаетъ худое.

12. Прижѣты.

Наблюдательные поселяне говорятъ: на день св. Василія весна землю парить.—На день св. Василія выверни оглобли, закинь сани на повѣты.

Охотники утверждаютъ, что на этотъ день медвѣдь выходитъ изъ берлоги и прячется въ кустахъ. Между тѣмъ объ зайцахъ говорятъ: «заяць, заяць, выскочи изъ куста».

14. Прижѣты.

По прижѣтамъ охотниковъ, на этотъ день будто лисицы переселяются съ старыхъ гнѣздъ на новыя, и что въ первые три дня своего переселенія онѣ бываютъ слѣпы и глухи. Онѣ пробуждаются изъ этого усыпленія не иначе, какъ вороны начнутъ ихъ клевать. Слепота лисицъ, по рассказамъ поселянъ, происходитъ отъ куричьей слѣпоты.

На этотъ день старожилы изъ поселянъ замѣчаютъ, что воронъ купаетъ своихъ дѣтей и отпускаетъ въ отдѣлъ, на особое семейное житье.

15. Нчелы.

Пчельники на этотъ день осматривають пасеки и амшеники. Когда бываетъ ранняя весна, то они вынимають

ульи изъ амшеника. Нашъ народъ сохранилъ поговорку, вѣроятно занесенную съ юга: «на день св. Пуда, вынимай пчель изъ-подъ спуда».

16. Разсадицы.

Поселяне Московской и Ярославской губерній на этотъ день сѣютъ разсаду на особенныхъ приготовленныхъ насадахъ, или срубахъ. Между тѣмъ на сѣверѣ этотъ посѣвъ, въ Шенкурской, Вельской и Важской областяхъ, совершаютъ 5 мая.

По замѣчанію сибиряковъ, на этотъ день вскрывается Иртышъ рѣка.

17. Пчелы.

Вынутыхъ пчель изъ амшеника пчельники разставляютъ въ пасѣкахъ; а набожные наши поселяне иначе не принимаютъ за это дѣло, какъ по совершеніи молебствій св. Зосимѣ и Савватію.

18. Посѣвы.

Рачительные поселяне засѣваютъ на этотъ день морковь и свеклу. Предъ посѣвомъ они выходятъ утромъ къ обѣднымъ студенцамъ для смачиванія сѣмянъ и, въ надеждѣ на будущій урожай, бросаютъ мѣдные деньги на дно студенца. Другіе считаютъ болѣе приличнымъ смачивать сѣмена рѣчной водой въ продолженіе трехъ утреннихъ зорей. Въ такомъ случаѣ скрытность есть важное дѣло: иначе урожай будетъ худой. Завистливый глазъ здѣсь много вредитъ.

19. Новинки.

Поселянки на этотъ день, откавши свои холсты, выходятъ съ обѣтнымъ концомъ въ поле, раскланиваются на всѣ стороны и, обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка-весна, новая новинка!» Послѣ сего разстилаютъ конецъ холстины по лугу, кладутъ на него пирогъ и уходятъ домой съ надеждою, что матушка-весна одѣнется въ новину и за хлѣбъ-соль уродитъ въ изобилии ленъ и конопля.

20. Окликаніе родителей.

По какому-то непонятному предчувствію наши поселяне догадываются, что ихъ покойники въ этотъ день скорбятъ о прежней своей жизни и желаютъ повидаться съ родными. Это предчувствіе находитъ только на пожилыхъ женщинъ и старухъ. Рано утромъ онѣ выходятъ на могилы и съ причитаніемъ окликаютъ родителей. Вотъ два причитанія:

«Родненькія наши батюшки! не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежите очей горючей слезой. Али вамъ, родненькимъ, не стало хлѣба-соли, не достало цвѣтна платья? Али вамъ, родненькимъ, востосковалось по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горе мычемъ на семь бѣломъ свѣтѣ. Безъ васъ-то, наши родненькіе, опустѣлъ высокъ теремъ, заглохъ широко дворъ; безъ васъ-то, родимые, не цвѣтно цвѣтутъ въ широкомъ полѣ цвѣты лазоревы, не красно растутъ дубы въ дубровушкахъ. Ужъ

вы, наши родненькіе, взгляните на насъ, сиротъ, изъ своихъ дождковъ, да потѣшите словомъ ласковымъ».

«Родимые наши батюшки и матушки! Чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужъ ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горячихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй со полуночи, ты принеси вѣсть радостную нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились, что по нихъ ли всѣ дѣтушки изныли во кручинушкѣ, что по нихъ ли всѣ невѣстушки съ гореваньица надсадились».

23. Наблюденія.— Обряды.— Угощенья.

Наблюдательные поселяне говорятъ: «Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ. — Сѣй разсаду до Егорья, будетъ щей вдоволь. — Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ. — Коли на Егорьевъ день листъ въ полушку, на Ильинъ день влады хлѣбъ въ кладушку.—Пришелъ бы на Егорій морозъ, а то будетъ просо и овесъ.—Коли весенній Егорій съ кормомъ, то Никола осенній будетъ съ мостомъ. — Выгоняй скотъ на Юрьеву росу. — Егорій съ водой, а Никола съ травой. —

На Руси два Егорья, холодный да голодный, а вездѣ Божья благодать.—Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.—Онъ сытъ, какъ Юрьева гора,—говорятъ перехонцы про богатаго мужика. — Святыи Юрій коровъ запасаетъ, а Никола коней, — говорятъ бѣлоруссы. — Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ. Въ Чухломскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ говорятъ: въ поле стадо сгонять и Егорья окликать».

Въ день святого Георгія выгоняютъ скотъ на траву вербою, оставленной отъ Вербной недѣли. Рано утромъ служатъ молебны на студенцахъ, рѣкахъ, или лугахъ отъ всего міра, и послѣ благословенія отъ священника, провожаютъ всю деревню скотину въ поле. Здѣсь угощаютъ пастуховъ сытною мѣрскою яшницею, надѣляютъ холстомъ и деньгами. На этомъ праздникѣ пастуховъ веселятся всѣ поселяне.

Въ Тульской губерніи выходятъ на засѣянные поля служить молебны съ водоосвященіемъ, окропляютъ нивы св. водой. Послѣ сего мужчины и женщины катаются по полямъ, въ надеждѣ быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса. Въ Курскѣ, на Юрьевъ день бываетъ ярмарка, гдѣ продаютъ деревянныя, глиняныя коровки. Въ Муромскомъ уѣздѣ бывали прежде крестные ходы вокругъ пашень; а въ другихъ мѣстахъ вокругъ селъ и всѣхъ полей. Въ Малоруссіи 23 апрѣля бываетъ крестный ходъ на жито. Вятчане, въ память ихъ предковъ, хлыновцовъ, одержавшихъ побѣду надъ чудью и вотяками, на Юрьевъ день, изъ села Волкова приносили въ Вятку образъ св. Георгія вмѣстѣ съ желѣзными стрѣлами.

На Юрьевъ день начинаются сельскія гулянья. Въ Шен-

курскѣ и Вельскомѣ округѣ разыгрываются вечерніе хороводы. Въ Солигаличѣ и Буѣ выходятъ поселяне ночью пѣть пѣсни, которыя всегда оканчиваются припѣвами о сохраненіи стада. Смоленскіе жители выходятъ за городъ освѣжаться на горахъ, и гуляютъ до поздней зари.

Между знахарками и колдуньями есть тайное преданіе, что ранняя юрьевская роса бываетъ чрезвычайно вредна для животныхъ. Для этого самаго онѣ выходятъ на поле собирать росу. Сборъ росы производятъ напитываніемъ холстины въ утренней росѣ. По ихъ припѣтамъ, юрьевская роса сушитъ рогатый скотъ, у коровъ отнимаетъ молоко, телятъ ослѣпляетъ. Стоитъ только этой холстиной покрыть рогатый скотъ, и тогда всѣ бѣды польются на нихъ рѣкой. Одно только можетъ не вредить скотинѣ, если поселяне выгоняютъ ее на Юрєвъ день вербой.

Съ Юрєва дня поселяне начинаютъ производить всѣ торговныя сдѣлки, назначаютъ сроки. Работники, по старому обычаю, нанимаются: «съ весенняго Юрѣя по Семень день, или по Покровъ». Торговцы говорятъ: «выставь къ Юрєву дню—доспѣю къ Юрєву дню». Для нихъ этотъ день служить указаніемъ событій: «а это было до Юрєва дня — кажись, случилось на Юрєвъ день».

Нашъ народъ сохранилъ древнее сказаніе о Георгіи Храбромъ — искоренителѣ басурманства и поборникѣ свѣтлой Руси. Приводимъ здѣсь это сказаніе.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прозваньюцу Храброй.

Возростаеть Георгій Храброй
 Промежь трехъ родныхъ сестерь,
 Отъ добра дѣла не отходячи,
 Святымъ словомъ угрожаючи,
 Міру крещеному угрожаючи.
 Какъ и сталъ онъ, Георгій Храброй,
 Во матеръ возрастъ приходити,
 Умъ-разумъ сознавати,
 И учаль онъ во тѣ поры
 Думу крѣпкую оповѣдати
 Своей родимой матушкѣ,
 А и ей ли, премудрой Софіи:
 „Созволь, родимая матушка,
 Осударыня, премудрая Софія,
 Ъхатъ мнѣ ко землѣ свѣтло-Русской
 Утверждать вѣры христіанскія“.
 И даеть ему родимая матушка,
 Она ли, осударыня премудрая Софія,
 Свое благословеніе великое:
 Ъхатъ ко той землѣ свѣтло-Русской,
 Утверждать вѣры христіанскія.
 Ъдетъ онъ, Георгій Храброй,
 Ко той землѣ свѣтло-Русской,
 Отъ востока до запада побѣждаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
 Назъжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣ лѣса, на темные,
 На тѣ лѣса, на дремучіе;
 Хочеть онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочеть онъ, Храброй, туто проторити:
 Нельзя Георгію туто проѣхати,
 Нельзя Храброму туто подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеть:
 „Ой вы, лѣса, лѣса темные!
 Ой вы, лѣса, лѣса дремучіе!
 Зароститесь, лѣса темные,
 По всей землѣ свѣтло-Русской,

Раскиньтєся, лѣса дремучіе,
 По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
 По Божьему все велѣнію,
 По Георгієву все моленію,
 По его слову, Георгієву,
 По его ли, Храброго, моленію!^а
 Заростали лѣса темные
 По святой землѣ свѣтло-Русской,
 Раскидались лѣса дремучіе
 По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй
 На тѣ горы, на высокія,
 На тѣ холмы на широкіе;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити;
 Нельзя Георгію туто проѣхати,
 Нельзя Храброму туто подумати.
 И Георгій Храбрый проглаголетъ:
 „Ой вы, горы, горы высокія!
 Ой вы, холмы, холмы широкіе!
 Разспитєся, горы высокія,
 По всей землѣ свѣтло-Русской,
 Становитєся, холмы широкіе,
 По степямъ, полямъ зелєннымъ,
 По Божьему все велѣнію,
 По Георгієву все моленію!^а
 По его ли слову, Георгієву,
 По его ли, Храброго, моленію,
 Разспыпалися горы высокія
 По всей землѣ свѣтло-Русской,
 Становилися холмы широкіе
 По степямъ, полямъ зелєннымъ.
 Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣ моря, на глубокія,
 На тѣ рѣки, на широкія;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити:
 Нельзя Георгію туто проѣхати,

Нельзя храброму тутю подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеть:
 „Ой вы, моря, моря глубокія!
 Ой вы, рѣки, рѣки широкія!
 Потеките, моря глубокія,
 По всей землѣ свѣтло-Русской,
 Побѣгите, рѣки широкія,
 Отъ востока да и до запада,
 По Божьему все велѣнію,
 По Георгіеву все моленію!“
 По его ли слову, Георгіеву,
 По его ли, Храброго, моленію,
 Протекали моря глубокія
 По всей землѣ свѣтло-Русской,
 Пробѣгали рѣки широкія
 Отъ востока да и до запада.
 Наважаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
 На тѣхъ звѣрей, на рогатнихъ;
 Хочетъ онъ, Георгій, тутю проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, тутю проторити:
 Нельзя Георгію тутю проѣхати,
 Нельзя Храброму тутю подумати.
 И Георгій Храброй проглаголуеть:
 Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
 „Ой вы, звѣри, звѣри рогатне!
 Заселитесь, звѣри могучіе,
 По всей землѣ свѣтло-Русской,
 Плодитесь, звѣри рогатне,
 По степямъ, полямъ безъ числа,
 По Божьему все велѣнію,
 По Георгіеву все моленію!“
 И онъ, Георгій Храброй, заповѣдуетъ
 Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
 Всѣмъ звѣрямъ рогатымъ:
 „А и есть про васъ на съѣдомое —
 Во поляхъ трава муравчатая,
 А и есть про васъ на поїлино —

Во рѣкахъ вода студеная".
 По его ли слову, Георгіеву,
 По его ли, Храброго, моленію,
 Заселялися звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-Русской;
 Плодились звѣри могучіе
 По степямъ, полямъ безъ числа;
 Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, заповѣданное
 Отъ его, Георгія Храброго.
 Назъжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На то стадо, на змѣнное,
 На то стадо, на лютое;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.
 И стадо змѣнное возговоритъ
 Ко тому ли Георгію Храброму:
 „А ли ты, Георгій, не вѣдаешь,
 А ли ты, Храброй, не знаешь:
 Что та земля словомъ заказана,
 Словомъ заказана, заповѣдана.
 По той землѣ, заповѣданной,
 Пѣшь человекъ не проѣживалъ,
 На коню никто не проѣживалъ.
 Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
 Воротися ты, Храброй, самъ назадъ".
 Вынималъ Георгій саблю острую,
 Нападалъ Храброй на стадо змѣнное.
 Ровно три дня и три ночи
 Рубить, колетъ стадо змѣнное;
 А на третій день ко вечеру
 Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
 Назъжаетъ онъ, Георгій Храброй,
 На ту земю свѣтло-Русскую,
 На тѣ поля, рѣки широкія,
 На тѣ высоки герема, златоверхіе.
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.

Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
 Выходать на встрѣчу красны дѣвицы,
 Какъ и тутъ ли ему, Храброму, проглаголюють:
 „А и тебя ли мы, Георгій, ожидаючись,
 Тридцать три года не вступаючи
 Съ высока терема, златоверхаго,
 А и тебя ли мы, Храброго, ожидаючись,
 Держимъ на роду великъ обѣтъ:
 Отдать землю свѣтло-Русскую,
 Принять отъ тебя вѣру крещеную“.
 Принимаетъ онъ, Георгій Храброй,
 Ту землю свѣтло-Русскую
 Подъ свой великъ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ свѣтло-Русской.

Подобная легенда отыскана была Колляромъ и напеча-
 тана въ собраніи Чермно-Русскихъ пѣсенъ, въ которой
 воспѣвается побѣда надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы.
 Нѣмцы сохранили старинную рыцарскую пѣсню о сраже-
 ніи Бернскаго Дидриха съ дракономъ — Dieterichs Dra-
 chenkampf.

Въ Кологривскомъ уѣздѣ сохранилось Егорьевское окли-
 канье:

Мы вокругъ поля ходили,
 Егорія окликали,
 Макарья величали.
 Егорій ты нашъ Храбрый...
 Ты спаси нашу скотинку
 Въ полѣ и за полемъ,
 Въ лѣсу и за лѣсомъ,
 Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Отъ волка отъ хищнаго,
 Отъ медвѣдя лютаго,
 Отъ звѣря лукаваго.

Благоговѣніе къ св. Георгію Побѣдоносцу принадлежитъ всѣмъ христіанамъ; но славянскій міръ болѣе всѣхъ ознаменовалъ себя. Сербы на Юрьевъ день купаются до восхожденія солнца и выгоняютъ скотину въ поле вербою. Они говорятъ: «нѣтъ лѣта безъ Юрева дни». Сербянки въ своихъ пѣсняхъ поютъ: «о праздникъ св. Георгія, приди и найди меня замужемъ!» Булгары на Юрьевъ день закалываютъ агнца, безъ пролитія крови на землю. Этою кровью они мажутъ у дѣтей чело, ланиты и бороду. Барашка жариваютъ при собраніи всѣхъ домашнихъ и родныхъ неженатыхъ мужчинъ. Послѣ совершенія молитвы священникомъ, начинается пиршество. Вечеромъ всѣ косточки барашка зарываютъ въ землю. Жареніе барашка совершаютъ сербы, боснійцы и герцеговинцы. Въ Галиціи отправляютъ на Юрьевъ день праздникъ пастуховъ съ конскими ристаніями и пѣснями.

Въ старину, у нашихъ отцовъ было преданіе, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые 26-го ноября умираютъ, а 23-го апрѣля оживаютъ. Предъ смертью будто они сносили свои товары въ одно мѣсто, гдѣ зимою сосѣди могли ихъ брать за извѣстную цѣну, безъ всякаго обмана. Съ безсвѣстными покупателями они разсчитывались весною, при своемъ оживленіи. (Кар. Ист. Т. VII, стр. 233). Это преданіе, извѣстное еще Геродоту, вѣроятно, было занесено на Русь съ востока.

25. Прилѣты.

Заботливые поселяне выходятъ утромъ въ поле и смотрятъ: если птицы летятъ на конопляное поле, то ожидаютъ хорошаго урожая конопли. Въ такомъ случаѣ они

бросають по двору конопляное сѣмя для домашнихъ и за-
летныхъ птицъ.

Въ замосковныхъ селеніяхъ бывало прежде, что посе-
ляне на этотъ день отправлялись ловить тенетами чижей.
Въ Тулѣ, на оружейной сторожѣ, продолжается этотъ
обычай и доселѣ. Онъ часто измѣнялся временемъ и появ-
леніемъ самой веспы; но старики всегда были неизмѣнны
ему, не смотря ни на какую погоду.

28. Прижѣты.

Больныхъ, страдающихъ весенними лихорадками, въ
Тулъской губерніи начинали поить съ этого дня березо-
вымъ сокомъ. Предъ этимъ временемъ всегда ихъ купали
въ дождевой водѣ, а другіе вытирали сбереженнымъ мар-
товскимъ снѣгомъ. День ясный и теплый всегда предвѣщалъ
больнымъ здоровье. Въ туманные и холодные дни никто
не прибѣгалъ къ этому средству. Суевѣрныя старушки и
здѣсь находили себѣ дѣло: съ обѣтными ладонками выхо-
дили на перекрестки и дожидались попутнаго, теплаго
вѣтра съ юга. По ихъ понятію, вѣтеръ южный приносилъ
съ собою здоровье и поселялся въ обѣтную ладонку, ко-
торую послѣ надѣвали на больного. Увѣренность въ сред-
ство и простая жизнь были лучшими цѣлителями ихъ
болѣзней.

30. Наблюденія.

Въ замосковныхъ селеніяхъ въ этотъ день замѣчали:
если вечеромъ взойдутъ звѣзды и подуетъ съ юга теплый
вѣтеръ, то оставались съ полною увѣренностью, что лѣто
будетъ грозное и теплое, плодородіе изобильное. Старики
всегда ручаются за эту примѣту.

Въ Тулѣ было преданіе, что на этотъ день никогда не должно выѣзжать въ дальній путь, не искупавшись напередъ въ водѣ изъ мартовскаго снѣга. Старушки увѣряли, что съ этого дня будто въ чужихъ сторонахъ начинаютъ бродить тощія, замореныя, весеннія болѣзни, и что безъ мартовской воды будто заѣзжему нѣтъ отъ нихъ спасенія. По ихъ понятіямъ, весеннія болѣзни на зиму запираются въ снѣжныя горы, гдѣ сидятъ всю зиму до оттепелей. Когда солнце отогрѣетъ землю, растаетъ снѣгъ, тогда весеннія болѣзни разбѣгаются по бѣлому свѣту и нападаютъ на неосторожныхъ. Одинъ только мартовскій снѣгъ будто спасаетъ отъ ихъ нападеній.

Наши чадолюбивые старики съ этого дня прекращали всякое сватовство. По ихъ понятіямъ, наступающій май мѣсяцъ очень невыгоденъ бываетъ для новобрачныхъ. Всякое предложеніе о сватовствѣ считалось дѣломъ обиднымъ и даже зазорнымъ. Худая бы молва пронеслась о томъ семействѣ, когда прослышатъ сосѣди, что есть люди, помышляющіе въ это время о свадьбѣ. Въ старину строго держались этой примѣты.

Въ селеніяхъ Рязанской губерніи наблюдали въ этотъ день восходъ солнца. Если оно восходило на чистомъ, ясномъ небѣ, то ожидали, что все лѣто будетъ ясное и ведреное.

Май мѣсяцъ.

Слово: май, или май — не-русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: травень, травный; чехи и словаки: кветень или цвѣ-

тень; кроаты: розоцвѣтъ, рознякъ, великъ травень, шебой или швибанъ; сербы: рожелони, майскій; карніольцы: великъ травень, венды: майникъ, пятникъ, желтопушникъ, цвѣтичникъ; иллирійцы: швибанъ, швибанный. Въ старой русской жизни май считался третьимъ пролѣтнимъ мѣсяцемъ; а когда годъ считали наши отцы съ сентября, онъ былъ тогда девятымъ. Съ 1700 года, по счету, онъ приходится уже пятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ маѣ добрые люди не женятся. — Радъ бы жениться, да май не велить. — Кто въ маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться. — Захотѣлъ ты въ маѣ добра. — Живи, веселись, да каково-то будетъ въ маѣ. — Нашъ пономарь понадѣялся на май, и безъ коровы сталъ. — Коли мартъ сухъ, да мокоръ май, такъ будетъ каша и каравай. — Майская трава и голоднаго кормить. — Сѣй и холь яровое въ маѣ, такъ будетъ зимой добро. — Понадѣялся на май, да на сладимой вѣтерокъ, вотъ тебѣ и хлѣбецъ. — Даромъ, что соловей птица малая, а знаетъ когда май. — Захотѣлъ ты у мужика да въ маѣ перепутья. — Ай, ай, осударь май, тепель да холоденъ.

1. Посѣвы. — Гулянья.

Майское гулянье заведено жителями въ позднее время; наши поселяне не знаютъ и не вѣдаютъ объ немъ. Этотъ западный праздникъ переселился въ наши загородныя

рощи и раскатывается только въ экипажахъ со всѣми заморскими причудами. Русскіе любятъ гулять пѣшкомъ, безъ всякихъ затѣй, въ кругу своего семейства. Московское майское гулянье отправляется въ Сокольницкой рощѣ, гдѣ прежде наши цари потѣшались охотами звѣриною и соколиною. Простой народъ сокольницкое гулянье называетъ нѣмецкими станами. Есть преданіе, что здѣсь когда-то были поселены заѣзжіе нѣмцы, и что-этотъ праздникъ выдумали они на поминъ своей землѣ. Въ Петербургѣ первое майское гулянье отправляется въ Екатерингофѣ и заведено съ недавнихъ временъ. Наши старыя, школьныя майскіе праздники перешли къ намъ изъ Польши и Литвы. Тамошніе *małowki*, *geskreacie małowe* поселились въ прежней Кіевской академіи и оттуда распространились по духовнымъ и свѣтскимъ училищамъ въ XVIII столѣтіи. Въ рекреационный день, т. е. перваго мая, въ Кіевѣ выходили на гору Скавыку, при урочищѣ Глубочица. Здѣсь ученики меньшаго возраста забавлялись играми, студенты пѣли канты, разыгрывали комедіи и произносили діалоги. Комедіи для рекреационнаго дня сочиняли учителя поэзіи, а діалоги писали учителя философіи и риторики. Здѣсь былъ зародышъ нашего театра.

Наши поселяне съ первой майской росы выходятъ на посѣвы. Тогда они говорятъ: подымай сѣтево—лукошко съ сѣменами. Въ старину они прихаживали въ церковь, служивали молебны св. пророку Іереміи и потомъ выходили въ посѣвъ. Вступая въ поле, засѣвальщики молятся на всѣ три стороны, кромѣ сѣверной, бросаютъ на каждую сторону по горсти жита, съ низкими поклонами, и потомъ уже засѣваютъ.

Наблюдательные старики, по своимъ замѣчаніямъ, увѣ-

ряютъ: если этотъ день будетъ погожій, то все время для хлѣбной уборки будетъ хорошее. При худой погодѣ говорятъ они: «всю зиму будемъ маяться».

Воспомяная объ этомъ днѣ, они обыкновенно говорятъ: «посѣвъ-то былъ на Іеремію запрягальника». Опытные наши поселяне иначе не сѣвали хлѣбъ, какъ при теплой погодѣ, клали объ руки на землю и замѣчали, что если земля тепла, то уже нѣтъ никакой опасности для посѣва. По ихъ замѣчаніямъ, холодная земля сама сказывается, что она въ глубинѣ еще не оттаяла, и что будущій ростъ легко уничтожится въ самомъ зародышѣ. Знатоки увѣряютъ, что это замѣчаніе никогда не обманывало наблюдателей. Посѣвъ съ перваго мая не вездѣ принять поселянами. Въ Вологодской губерніи начинаютъ его съ Юрьева дня; въ другихъ мѣстахъ, костромичи и владимірцы, за три дни до пророка Іереміи. Двухнедѣльный посѣвъ есть общій въ цѣлой Россіи. Объ немъ говорятъ старики: «сѣи недѣлю послѣ Егорья, да другую сѣи послѣ Іереміи».

О посѣвѣ овса и другого ярового хлѣба поселяне сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: Раннее яровое сѣи, когда вода сольетъ, а позднее, когда цвѣтъ калины будетъ въ кругу. — Лягушка квачетъ, овесъ скачетъ. — Когда на дорогѣ грязь, тогда овесъ князь. — Овесъ сквозь лапоть прорастаетъ. — Яровой хлѣбъ сѣи съ одышкой и поглядкой. — Рожь говоритъ: сѣи меня въ золу, да въ пору; а овесъ говоритъ: топчи меня въ грязь, а я буду князь. — Сѣи овесъ хоть въ воду, да въ пору.

2. Примѣты.

Наши поселяне говорятъ, что съ этого дня начинаютъ пѣть соловьи. Въ Нерехтѣ 2 мая называютъ соловьиный день. Тульскіе оружейники въ старину отправлялись въ этотъ день на соловьиною охоту въ Носильскіе и Курскіе лѣса, съ надеждою поймать бѣлаго соловья. Странствіе ихъ по лѣсамъ обыкновенно продолжалось по мѣсяцу и оканчивалось путешествіемъ въ Москву для продажи наловленныхъ птицъ.

5. Разсадицы.

Въ замосковныхъ селеніяхъ въ этотъ день начинаютъ разсаживать погрядамъ разсаду. Предпріимчивыя старушки съ вечера еще выносятъ на гряды горшокъ, кладутъ въ него крапиву съ корнемъ и ставятъ вверхъ дномъ на средовую гряду. При сажаніи разсады приговариваютъ: «не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика».

6. Горошники.

Съ этого дня поселяне начинаютъ сѣять горохъ. Этотъ день слыветъ у нихъ подъ именемъ Горошника; а въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «приходи работать на бѣлые горохи».

Въ Тульской губерніи сѣянье гороха сопровождалось особеннымъ приговоромъ: «сѣю, сѣю бѣлъ горохъ; уродися, мой горохъ, и крупень, и бѣлъ, и самъ тридесять, старымъ бабамъ на потѣху, молодымъ ребятамъ на веселье».

Огородники въ этотъ день замѣчаютъ росу: если будетъ большая роса, то ожидаютъ большого рода огурцамъ. Этотъ день извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Росенника.

8. Посѣвъ.

Въ степныхъ мѣстахъ съ этого дня начинаются ранніе посѣвы пшеницы, а въ Костромской губерніи еще только оканчиваютъ паханіемъ подъ пшеницу. Зажиточные поселяне на этотъ день пекли обѣтные пироги и угощали ими бѣдныхъ сосѣдей и прохожихъ людей. Старики для встрѣчи прохожаго человѣка vyhаживали на большія дороги и перекрестки. Худая примѣта западала на сердце старика, когда онъ возвращался назадъ съ пирогомъ; съ отчаяніемъ встрѣчали его всѣ домочадцы. До обѣтнаго пирога никто не касался: его отдавали птицамъ на съѣденіе. Замѣчательны и слова тоскующаго старика надъ обѣтнымъ пирогомъ: «прогнѣвилъ я Господа Создателя при старости лѣтъ; не послалъ мнѣ добраго человѣка раздѣлить хлѣбъ трудовой; не въ угоду Его святой милости было накормить мнѣ горемычнаго, при истомѣ усладить мнѣ стараго старика въ безвременьицѣ. А и какъ-то будетъ мнѣ на мѣрѣ Божій глядѣть, на добрыхъ людей смотрѣть! А и какъ-то мнѣ будетъ за хлѣбъ приниматься!» Такъ крѣпко блюлись завѣтные обычаи нашей родной старины.

9. Примѣты.

Наши наблюдательные поселяне сохранили свои примѣты объ этомъ днѣ въ поговоркахъ: «Никола осенній лошадь на дворъ загонить, а Никола весенній лошадь откормить. — Егорій съ ношей, а Никола съ возомъ. — Никола

вешній съ тепломъ.— До Николы крѣпись, а съ Николы живи, не тужи.— Пропелъ бы Николинъ день, а то будетъ тепло.— Города городьбу послѣ Николина дня.— Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травой.— Велика милость мужику на Николинъ день, когда поле польетъ дождичкомъ».

Въ замосковныхъ селеніяхъ съ этого дня выгоняють лошадей на ночнину. Для этого вечера изъ cadaго семейства снаряжаются холостые ребята и всѣмъ селомъ провозжаютъ ихъ до поля. Для этого дня пекутся пироги съ грешневой кашей. Ребята всю ночь проводятъ въ играхъ. Въ бѣлорусскихъ селеніяхъ бываетъ на этотъ день праздникъ конюховъ. Конюхи съ подарками и пирогами, послѣ угощеній, ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь проводятъ въ гуляніи.

10. Посѣвъ.

Въ селеніяхъ Смоленской и бѣлорусскихъ губерніяхъ сѣять на этотъ день пшеницу. Тамошніе поселяне говорятъ: «кто сѣетъ пшеницу на день св. Симона Зилота, у того родится пшеница аки золото».

11. Замячаніа.

Въ селеніяхъ Костромской губерніи замѣчаютъ, если этотъ день будетъ мокрый, то и все лѣто будетъ мокрое. Въ Тульской губерніи, по замѣчаніямъ поселянъ, случившіеся въ этотъ день туманы означаютъ также сырое лѣто. Тамъ же замѣчаютъ: если солнце восходитъ въ этотъ день на красношъ небѣ, то ожидаютъ лѣта грознаго и пожарнаго.

13. Комарницы.

Въ Рязанской губерніи въ этотъ день, говорятъ поселяне, появляются комары вмѣстѣ съ теплымъ вѣтромъ. Этотъ день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ комарницы. Наши поселяне думаютъ, что комары предъ осенью уносятся вѣтрами на теплыя моря и весною опять приносятся на Русь, гдѣ всего урожается вдоволь на всѣ души.

Въ Москвѣ на этотъ день, въ старину, было гулянье на Дѣвичьемъ полѣ.

14. Прилетаніе птицъ.

Въ Тульской и другихъ смежныхъ губерніяхъ утверждаютъ поселяне, что на этотъ день прилетаютъ изъ-за теплыхъ морей стрижи и касаточки, а съ ними приносится тепло.

Въ селеніяхъ: Московской, Ярославской и Костромской губерній полагаютъ, что съ этого дня прекращаются сѣверные вѣтры. Тамъ говорятъ: «на день св. Исидора отойдутъ всѣ сиверы», или: «какъ пройдетъ Исидоровъ день, такъ пройдутъ и сиверы».

18. Прикѣты.

По медленному развертыванію дубовыхъ листовъ въ Тульской губерніи замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ ярового хлѣба. Тамъ говорятъ: «сѣй овесъ, когда дубъ развернется въ заячье ухо. — На дубу листь въ пятакъ, быть яровому такъ. — Коли на день св. Фодота на дубу макушка съ опушкой, будешь жѣрять овесъ кадушкой. — Не сѣй пшеницу прежде дубоваго листа». Поселяне на этотъ день,

увидѣвши совершенно развернутый дубъ, предполагаютъ, что земля принялась за свой родъ.

20. Огуречники.

Въ Рязанской губерніи на день св. Филиппа начинаютъ садить огурцы. Тамъ эти дни извѣстны подъ именемъ огуречниковъ.

21. Посѣвъ льна.

На день св. Елены поселяне начинаютъ сѣять ленъ. Этотъ день они называютъ: длинныя льны. Въ надеждѣ на хорошій урожай льна, старушки съ каждой бабы собираютъ по парѣ печеныхъ куриныхъ яицъ и кладутъ ихъ тихонько въ мѣшокъ съ сѣмонами. Мужикъ-сѣяльщикъ, хотя бы и зналъ объ этомъ заранѣе, но долженъ молчать— иначе ему не будетъ житья отъ бабъ, и на все село прослыветъ озорникомъ. Выѣзжая на поле, онъ прежде всего принимается за завтракъ, и домой привозитъ одни только скорлупки.

Въ Костромской губерніи поселяне говорятъ: «ленъ съ ярью не ладитъ». Потому-то самому они никогда на льнищахъ не сѣютъ яроваго хлѣба, будто другое ничто не родится на нихъ.

22. Прищѣты.

Въ Тульской губерніи на день св. Леонтія сажаютъ огурцы. Тамъ наблюдаютъ, чтобы первую посадку никто не видалъ, и потому всегда скрываютъ первую гряду и первый выросшій огурецъ. Этотъ первенецъ тутъ же зарывается. Огородники думаютъ, что по его только милости могутъ расти огурцы. Вѣтви желтыя, поблекшія на грядахъ счи-

таютъ зазорѣнными отъ посторонняго глаза, подсмотрѣвшаго на росту первый огурецъ.

25. Пришѣты.

Поселяне замѣчаютъ, что съ этого дня будто появляются худыя, вредныя росы. Заболить ли скотина, и они говорятъ: «вѣрно напали на мѣдную росу». Заблкнуть ли на сухомъ деревѣ листья, считаютъ, что завелась мѣдная роса. Заболить ли ребенокъ, думаютъ навѣрное, что онъ бѣгалъ по мѣдной росѣ. Отъ мѣдной росы не скоро избавляется больной: надобно знахаря, да знахаря. Въ этотъ день замѣчаютъ рябину. Если на ней бываетъ много цвѣтовъ, то полагаютъ, что будетъ хорошій урожай овса. При маломъ цвѣтѣ, говорятъ: «знать рябину на цвѣту, что идетъ къ мату».

29. Колосяницы.

По замѣчанію поселянъ, на день св. Θεодосіи начинается рожъ колоситься. Отъ этого самаго и сей день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ колосяницы. Старики поселяне говорятъ: рожъ двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ. Въ Архангельской губерніи говорятъ: «хлѣбъ поспѣваетъ изъ закрома въ закромъ въ восемь недѣль».

Съ этого дня начинаютъ скотину кормить печеными сочнями и хлѣбными баранками, съ надеждою, чтобы она болѣе плодилась.

30. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи замѣчаютъ, что съ этого дня будто бродятъ змѣи по лѣсамъ станицами и что ихъ тогда убивать очень опасно. Поселяне думаютъ, что змѣи тогда идутъ поѣздомъ на свои свадьбы и что каждому встрѣчному готовы мстить безъ милосердія, и что отъ укушенія змѣи въ этотъ день ни одинъ колдунъ не можетъ заговорить.

На этотъ день начинаютъ садить бобы. Дальновидныя старушки иначе не приступаютъ къ сажанію бобовъ, какъ напередъ не вымочивши ихъ въ озимой водѣ. Озимую воду для этого собираютъ въ лѣсныхъ оврагахъ, гдѣ долго лежитъ снѣгъ. При сажаніи бобовъ, онѣ приговариваютъ: «уродитесь, бобы, и крупны и велики, на всѣ доли, на старыхъ и малыхъ, па весь міръ крещеный».

Мѣсяцъ іюнь.

Слово іюнь, или іуній — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: изокъ, поляки: червецъ, чехи и словаки: червень, иллирійцы: липань, кроаты: розенцвѣтъ, иванчакъ, клисень, сорабы: смазникъ, розовой, карніольцы: розенцвѣтъ, кресникъ, венды: шестникъ, прашникъ, кресникъ. Въ старой русской жизни мѣсяцъ іюнь былъ четвертымъ. Когда годъ начинали считать съ сентября, онъ былъ десятымъ; а съ 1700 года онъ приходится, по счету, шестымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ іюнѣ мѣсяцѣ.

1. Прикѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи замѣчаютъ старики восходъ солнца. Если солнце восходитъ на чистомъ небѣ, ясно освѣщаетъ поля, то полагаютъ, что будетъ хорошій наливъ ржи. По дождливому и мрачному дню старушки угадываютъ о добромъ урожаѣ льна и конопель.

3. Наблюденія.

Въ Владимірской, Ярославской и Тверской губерніяхъ поселяне наблюдаютъ теченіе вѣтровъ: вѣтеръ московскій, или южный приноситъ съ собою скорый ростъ яровымъ хлѣбамъ; вѣтеръ сѣверо-западный предвѣщаетъ сырую погоду и приноситъ болѣзни; вѣтеръ восточный, по ихъ замѣчаніямъ, всегда уже влечетъ за собою наносныя болѣзни.

Въ Тульской губерніи поселяне болѣе всего опасаются сѣверо-восточнаго вѣтра, который, будто бы, приноситъ съ собою непрерывные дожди, вредные при наливаніи ржи.

8. Наблюденія.

Грозь и молнія, появляющіеся съ этого дня, по замѣчанію поселянъ Тульской губерніи, предвѣщаютъ худую уборку сѣна. Старушки съ этого дня наблюдаютъ восходъ льна и конопель по утреннимъ росамъ. Онѣ замѣчаютъ, что если утренниками появляются большія росы, хотя бы лѣто было и сухое, урожай будетъ хорошій и выгодный для сбыта.

Колодезники, особенный классъ народа на Руси, выво-

дѣшїе начало своего искусства изъ Вологодской и Пермской губерній, считаютъ сей день важнымъ въ своихъ работахъ. Съ вечера подъ этотъ день, они кладутъ сковороды на мѣста, назначенныя для колодезей. На другое утро, при солнечномъ восходѣ, они снимаютъ ихъ и, по отпотѣвшей сковородѣ, выводятъ свои наблюденія: сковорода, покрытая водяными струями, указываетъ на обильныя водяныя жилы; сковорода, слегка отпотѣвшая, общааетъ маловодный колодезь; сковорода, совершенно сухая, ничего не общааетъ хорошаго; сковорода, облитая дождемъ, предвѣщаетъ всѣ невыгоды ихъ лѣтнихъ занятій.

10. Повѣрья.

По замѣчаніямъ поселянъ, будто къ голодному году на этотъ день бывають разныя знаменія: то по гумнамъ бѣгають вереницами мыши, что никакой глазъ сосчитать ихъ не можетъ; то по полямъ во все утро бродятъ голодные волки стадами, что ужасъ нападаетъ и на самаго безстрашнаго; то вороны стадами летятъ изъ-за лѣсовъ, что и свѣту Божьяго не видно; то будто самая земля стонетъ, и такъ жалобно, что у крѣпкаго мужика текутъ слезы отъ насады; то будто яровой и озимый хлѣбъ играетъ отъ межи до межи, что православному человѣку и глядѣть страшно на такія ужаси; то будто весь скотъ ходитъ по полю избитымъ и изломаннымъ, что у мужика опускаются съ горя руки. Всего этого вдругъ будто въ одномъ мѣстѣ не бываетъ: одно знаменіе покажется въ одномъ мѣстѣ, другое въ другомъ. За то въ селахъ знаютъ все, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Стоитъ только одному мужику съѣздить на базаръ, такъ ужъ къ вечеру

вѣрно будутъ знать въ десяти деревняхъ, что дѣлается и было добраго и худого у сосѣдей.

12. Пришѣты.

Наблюдательные поселяне говорятъ, что на день св. Петра Аеонскаго солнце укорачиваетъ свой ходъ, а мѣсяцъ на прибыль идетъ. Это будто происходитъ оттого, что солнце поворачивается на зиму, а лѣто на жары.

Огородники производятъ на этотъ день послѣдній посѣвъ огурцамъ и разсаживаютъ послѣднюю рассадку. Этотъ день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ: запоздалаго капустника.

13. Гречишницы.

Въ степныхъ губерніяхъ поселяне начинаютъ сѣять гречиху, смотря по погодѣ. Обыкновенный срокъ сѣянія гречихи, по ихъ замѣчаніямъ, наступаетъ «или за недѣлю до Акулинъ, или спустя недѣлю послѣ Акулинъ». Наши поселяне сохранили о гречихѣ свои наблюденія въ поговоркахъ: гречиху сѣй, когда рожь хороша. — Или: не ровна гречиха, не ровна и земля: въ иную и возъ бросишь, да послѣ зерна не сберешь. — Или: холь гречиху до посѣва, да сохни до покоса. — Или: осударыня гречиха ходитъ боярыней, а какъ хватитъ морозу, веди на калѣчій дворъ. — Не вѣрь гречихѣ на цвѣту, а вѣрь закрому.

По старому русскому обычаю наши степные поселяне варили въ этотъ день мірскую кашу для нищей братіи. На такой радушный привѣтъ сходились нищие и слѣпые со всѣхъ сторонъ. Послѣ небогатаго, но сытнаго стола,

нищія братія благодарила хозяевъ ласковымъ словомъ: «спасибо вамъ, хозяинъ съ хозяйшкой, со малыши дѣтками и со всеѣмъ честнымъ родомъ — на хлѣбѣ, на соли, на богатой кашѣ! Уроди Боже вамъ, православнымъ, гречи безъ счету. Безъ хлѣба да и безъ каши ни во что и труды наши».

Наши слѣпцы изъ нищей братіи сохранили народную сказку о переселеніи гречи на Русь. Вотъ она:

«За синими морями, за крутыми горами, жилъ-былъ царь съ царицей. На старость послалъ имъ Господь на утѣху единое дѣтище, дочь, красоты несказанныя. Вотъ они, царь съ царицей, и думаютъ думу крѣпкую: какъ бы имъ назвать свое нарощенное дѣтище? И молвить царь: а кабы такъ назвать? А царица молвить: а и то-то имя есть у боярина. И молвить царь на инако? А царица молвить: а и то-то имя есть у княжича. И молвить царь: ну инъ такъ звать? А царица молвить: а и то-то имя есть у посадскаго. — Думали, думали и придумали: пошлемъ де посла на встрѣчнаго спрошать по имени и по изотчеству, и во то имя наречемъ нарощенное дѣтище. И ту свою думу крѣпкую оповѣдали князьямъ и боярамъ. И князья и бояре приговорили: быть дѣлу такъ! Снарядили посла.

«По слову царскому, по приговору боярскому идетъ посолъ искать встрѣчнаго, спрошать его по имени и по изотчеству, чѣмъ бы можно наречи нарощенную дочь у царя съ царицей. Сидитъ посолъ на перекресицѣ день, сидитъ и другой. На третій день ко вечеру идетъ на встрѣчу старая старуха во Кіевъ градъ Богу молитися. Вотъ и молвить ей посолъ думу царскую: «Богъ на помощь старъ человекъ! Скажи всю правду, не утай: какъ тебя звать по имени, да и какъ величать по изотчеству?» И молвить

въ отповѣдъ ему старая старуха: осударь, ты мой бояринъ милостивой! Какъ народилась я волею Божьею на бѣлый свѣтъ, и туто де отецъ съ матерью нарекли меня: Крупеничкою, а какъ звали батюшку родимаго, то она во своемъ сиротствѣ не помянуть. — И учаль посоль пытать старую старуху; «али ты, старая, изъ ума выжила, али на те, старую, дурь нашла — что не вѣсть, что говоришь? Да такого имя слухомъ не слыхать, видомъ не видать, какъ бѣлый свѣтъ стоитъ. Буде ты, старая, на правду не идешь, ино не ходитъ тебѣ на сырой землѣ. Спокайся и молви безъ утайки». И взмолилась старая старуха: осударь, ты мой бояринъ милостивой! Не вели казнить, вели слово вымолвить. Оповѣдала я тебѣ, боярину, всю правду со истиной, молвила все дѣло безъ утайки. А во всемъ во томъ кладу порукою всѣхъ святыхъ и угодниковъ. Умилосердись, осударь, ты мой бояринъ милостивой! Пусти душу на покаяніе, не дай во грѣхахъ умереть. И думаетъ бояринъ самъ съ собой: а и что? Никакъ старая правду молвила? А и что старую до пытки доводить? Быть дѣлу такъ, какъ молвила старая. Отпускалъ бояринъ старую старуху во Кіевъ градъ Богу молитися, а на отпускъ надѣлялъ золотой казной, да и крѣпко наказывалъ: молитися за царя съ царицей, да и за ихъ нарощенное дѣтище. Съ диву дивовалася старая, что съ нею содѣялось, а со того дива еле душа во тѣлѣ осталася.

«Идетъ посоль ко князьямъ и боярамъ оповѣдати содѣянное. Входитъ онъ, посоль, во палату боярскую, посередь пола становится, на всѣ стороны поклоняется, а самъ и молвить имъ, боярамъ, рѣчь посольскую: по слову царскому, по приговору боярскому, правилъ я посольство на перекресицѣ на встрѣчнаго, а на томъ посольствѣ было

дѣло такъ: сидѣлъ я на перекрестцѣ три дня съ мѣста не сходячи, ни едину ночь не всыпаючи, а на третій день идетъ встрѣчная старая старуха, а ей-то молвилъ: скажи всю правду, не утай: какъ звать тебя по имени, да и какъ величать по изотчеству? И на ту рѣчь посольскую молвить въ отвѣдъ старая старуха: какъ народилась она волею Божьею на бѣлый свѣтъ, и туто де отецъ съ матерью нарекли ее: Крупеничкой, а какъ звали ея батюшку родимаго, про то она, старая, во своемъ сиротствѣ, не помянуть. И онъ де, посолъ, выслушавши такія рѣчи небывалыя, пыталъ старую старуху крѣпко-на-крѣпко, да и съ угрозою. И она де, старая, крѣпко стояла на своемъ словѣ: оповѣдала де всю правду со истиной, молвила де все дѣло безъ утайки. И онъ де, посолъ, принялъ тѣ рѣчи за правдивыя, отпустилъ старую старуху во Кіевъ градъ Богу помолитися, а на отпускѣ надѣлялъ золотой казной да и крѣпко наказывалъ: молитися за царя съ царицей, да за ихъ наруженное дѣтище. А опослѣ того онъ, посолъ, влалъ на столъ статьи писанныя, что дѣялось во посольствѣ. Отъ тоя рѣчи посольскія всѣ князья и бояре съ диву дивовалися, что содѣялось. И приговорили бояре: оповѣдать царю все дѣло посольское, а на челобитѣ поднести статьи писанныя всему дѣлу посольскому.

«Идутъ князья и бояре во теремъ княженецкой со словомъ посольскимъ, со статьями писанными. Какъ взошли они, князья и бояре, во теремъ ко своему осударю царю, били челомъ, о сыру землю кланялись, а на челобитыицѣ молвили всю рѣчь и подносили статьи писанныя всему дѣлу посольскому. Служааетъ осударь царь рѣчь посольскую, читаетъ статьи писанныя всему дѣлу посольскому,

да и возговорить опослѣй того: быть дѣлу тому такъ, какъ содѣялось.

«И нарекали царь съ царицей свое нарощенное дѣтище, во имя встрѣчнаго, Крупеничкой. Выростаетъ та царская дочь Крупеничка не по днямъ, а по часамъ, спознаваетъ всякую мудрость книжную болѣе старыхъ стариковъ, а на возрастѣ печаловалась о старомъ и о маломъ. Вотъ и задумали царь съ царицей: кабы свое дѣтище замужъ отдать? И опосылаютъ пословъ во всѣ царства и государства, да и по веѣмъ королевствамъ искать себѣ зятя, а своему дѣтищу мужа.

«Не дувано, не гадино подымалась золота орда бесерменская на его, осударя царя, войной воевать, его царство полономъ полонить, его слугъ вѣрныхъ сгубить. Выходилъ осударь царь на золоту орду бесерменскую войной воевать со всѣми князьями и боярами, со всѣмъ своимъ царствомъ, опричь бабъ и ребятъ и старыхъ стариковъ. На той войнѣ ему, осударю царю, не посчастливилось: положилъ онъ, осударь царь, свою голову со всѣми князьями и боярами, со всѣмъ своимъ воинствомъ. А и та золота орда бесерменская полонила полономъ всѣхъ бабъ и ребятъ, всѣхъ старыхъ стариковъ. А и того царства кабы не бывало.

«Доставалась та царская дочь Крупеничка злому татарину во полонъ. И онъ ли, злой татаринъ, нудилъ Крупеничку во свою вѣру бесерменскую. Я де тебя, Крупеничка, молвить онъ, собака, за то наряжу во нарядъ оксамитной, во монисто съ ожерельицею. Будешь ты, Крупеничка, молвить онъ, окаанной, ходить въ чистомъ золотѣ, будешь спать на хрустальчатой кровати, будешь ѣсть яства лебединыя, будешь пить питья медвяныя. Его-то

рѣчамъ бесерменскимъ она, Крупеничка, вѣры нейметъ; его-то словажъ окаяннымъ она, Крупеничка, и отповѣди не даетъ. А и думаетъ онъ, злой татаринъ: ай постой ты, Крупеничка, ай погоди ты, упрямая! А я те во работу отдамъ, а я те во неволю пошлю. И мучаль онъ, окаянной, Крупеничку работою великою, неволю тяжкою ровно три года; а на четвертый годъ нудить сталъ во свою вѣру бесерменскую. И стояла она, Крупеничка, крѣпко на своей православной вѣрѣ.

«Во тѣ поры проходила старая старуха изъ Кіева черезъ золоту орду бесерменскую. Вотъ и видитъ она, старая, Крупеничку въ работѣ великой, во неволѣ тяжелой. И стало жаль ей, старой, Крупеничку. И оборачиваетъ она, старая, Крупеничку во гречневое зернышко и кладетъ то гречневое зернышко во свою калиту. Идетъ она, старая, путемъ, дорогою немалою на святую Русь. И въ тѣ поры возговорить ей Крупеничка: сослужила ты для меня службу немалою, спасла меня отъ работы великія и тяжкія; сослужи еще службу послѣднюю: какъ придеши на святую Русь, на широки поля, привольныя, схорони меня въ землю.—Старуха по сказанному, какъ по писанному, все сдѣлала, что заповѣдала ей Крупеничка. Какъ схоронила она, старуха, гречневое зернышко на святой землѣ русской, на широкомъ полѣ, привольномъ, и учало то зернышко въ ростъ идтить, и выросла изъ того зернышка греча о семидесяти семи зернахъ. Повѣяли вѣтры со всѣхъ со четырехъ сторонъ, разнесли тѣ семьдесятъ семь зернъ на семьдесятъ семь полей. Съ той поры, на святой Руси расплодилась греча. А то старина, а то и дѣянье добрымъ людямъ во услышанье».

Поселяне Нерехотскаго уѣзда день 13 іюня называютъ:

бызы. По ихъ замѣчаніямъ, въ этотъ день нападаютъ мухи на скотину, которая съ безпокойствомъ отмахивается отъ нихъ хвостомъ и бѣгаетъ назадъ и впередъ. Глядя на тревогу скотины, они говорятъ: «пошли бызы на скотину».

16. Примѣты.—Толока.

Поселяне думаютъ, съ этого дня начинаютъ затихать пѣвчія птицы, кромѣ соловья, который, будто, только поетъ до Петрова дня.

Въ бѣлорусскихъ селеніяхъ на этотъ день отправляется толока, пирь для тружениковъ, собранныхъ на помочь унавоживать поля. Избранныхъ охотниковъ угощаютъ обѣдомъ, виномъ и брагою; пѣсни и игры оканчиваютъ пиршество толоки. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ удобреніе полей начинается съ Петрова дня. Тамъ вмѣсто толоки весь сборъ рабочихъ называется помочи. Смоленскія толоки описалъ Кельхенъ въ своей Лифляндской исторіи и говоритъ, что слово толоки происходитъ отъ древняго эстскаго слова: Talek, означающаго работу за питье и кушанье. Русскія помочи заведены съ другою цѣлью — обезпечить бѣдныхъ семейства, и самыя увеселенія, отправляемыя рабочими, называются: въ назъмы играть.

20. Примѣты.

Съ этого дня перепелиные охотники наблюдаютъ примѣты объ удачномъ ловѣ. По ихъ замѣчаніямъ, если надъ озимымъ хлѣбомъ носится паутина, летаетъ мушкара, то здѣсь-то болѣе всего будутъ собираться перепела. Каждый охотникъ старается для будущаго счастья непременно въ этотъ день поймать хоть одну птичку. Другіе наблюдаютъ,

что тамъ, гдѣ болѣе слышно перепелинаго свиста, всегда менѣе можно ожидать успѣха. Охотники заранѣе пріучаются къ свистку и другимъ инструментамъ, завлекающимъ подражательнымъ звукомъ къ сбору перепеловъ. И у нихъ есть своя страсть: поймать совершенно бѣлаго перепела, предводителя птицъ своего рода, общающаго всегдашній успѣхъ въ ловлѣ. Записные охотники странствуютъ во ржахъ по цѣлому мѣсяцу.

23. Купальницы. — Обряды.

Наши поселяне лупальницею называютъ особенную траву, извѣстную подъ именемъ: кошечьей дремы (*trifolium europaeus*). Другіе это имя относятъ къ лютику (*galinulus*). Этой травѣ приписываютъ разныя цѣлебныя дѣйствія. На Вагѣ и въ Вологодской губерніи собираютъ утромъ траву купальницу, когда она бываетъ еще въ ростѣ, и сохраняютъ въ стеклянкахъ для леченія. Въ селахъ изъ этой травы взрослые дѣлаютъ вѣнки и парятся ими въ баняхъ. Дѣти изъ нея плетутъ вѣнки, колпаки, шапки и надеваютъ ихъ на головы во время игръ.

На Руси изстари велось париться въ сей день, утреннею порою въ баняхъ, а днемъ купаться въ рѣкахъ, или прудахъ. Поселяне Рязанской губерніи этотъ день называютъ: лютые коренья. Смышленные старые люди, моясь въ банѣ, парились лютыми кореньями въ надеждѣ помолодѣть. Въ степныхъ селеніяхъ вмѣсто соломы набрасывали въ печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это дѣлалось для испѣленія болѣзней. По выходѣ изъ бани, сажались за столъ завтракать, гдѣ заранѣе становилась обѣтная каша. Больныхъ старухъ и хворыхъ людей

выносили въ баню на жгучей крапивѣ и паривали цѣлебными травами. Купанье въ рѣкахъ начиналось съ поддня и продолжалось до вечеренъ. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ купались въ озерѣ Клещинѣ съ пѣснями и играми. Тамъ, пока одни купались, другіе на берегу пѣли пѣсни. Въ Зарайскѣ выхаживали купаться на рѣку Осетръ, къ бѣлому колодцу. Здѣсь между купаньемъ происходили игры и пиршества. Въ Тулѣ прежде купанье дѣтей происходило въ прудѣ (нынѣ уничтоженномъ), на Ивановскомъ монастырѣ. Пожилыя старушки выходили съ дѣтьми умываться къ студенцамъ. Здѣсь онѣ, умывая дѣтей, бросали въ студенцы мѣдныя деньги, старыя сорочки или дарили нищей братіи, или сжигали въ лѣсу.

Купальницкая обѣтная каша отправлялась съ разными обрядами. Поселяне Нерехотскаго уѣзда предоставляли это дѣло краснымъ дѣвицамъ. Тамъ онѣ собирались къ одной изъ своихъ подругъ съ вечера: толокчи въ ступѣ ячмень. Пѣснями и веселыми играми сопровождается толченіе ячменя. Рано утромъ варили изъ этого ячменя кашу, которую съѣдали во время полуденъ, съ масломъ. Послѣ полудника, вывозили изъ сарая передовой станокъ отъ телѣги, на улицу. Однѣ изъ нихъ садились на ось, другія, схватясь за оглобли, возили ихъ по селенію съ пѣснями, потомъ выѣзжали на поле, гдѣ, при появленіи вечерней росы, умывались для здоровья. Въ степныхъ селеніяхъ обѣтную кашу варили пожилыя женщины. Изъ разныхъ семействъ сносились крупа, оставляемая для сего обряда отъ перваго рушенія. На эту кашу сзывались почетные старики и старушки послѣ баннаго мытья. Въ селеніяхъ Тульской губерніи въ старину извѣстна была еще мірская каша. Зажиточныя семейства варивали эту кашу

для нищей братіи. Увѣчные, безпріютные люди заранѣе приглашались въ баню и послѣ угощаемы были мірскою кашею. Многія семейства считали это дѣло за необходимую обязанность въ жизни. Усердные и сострадательные люди сами нашивали эту кашу по домамъ къ бѣднымъ больнымъ и по тюремнымъ заведеніямъ къ колодникамъ. Все это дѣлалось по обѣщанію, въ память какого нибудь избавленія отъ бѣды или болѣзней.

Во многихъ мѣстахъ имя Купальницы усвоивалось вмѣсто названій. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, бываемая въ этотъ день ярмарка, при Владимірской церкви, называется Купальницею. Другіе называли этимъ именемъ поляны, гдѣ они собирали цѣлебныя травы. Иные называли самые студенцы купальницами.

Въ старину слѣицы и нищая братія, послѣ баннаго мытья и угощенія мірскою кашею, воспѣвали стихеры про убогую вдовицу Купальницу.

«Какъ во старомъ городѣ, во Кіевѣ, какъ у богатаго князя-боярина, у Неупокоя Мироновича жила во сиротствѣ убогая вдовица Купальница. Какъ у того ли у князя боярина, у Неупокоя Мироновича, было всякаго богатства на всѣ доли убогія. Золотой казной одѣлялъ онъ, князь-бояринъ, храмы Божіи, чистымъ серебромъ питалъ убогое сиротство. Къ его ли столамъ бѣлодубовымъ, къ его ли скатертямъ бранымъ сходились калики переходіе со всѣхъ сторонъ. Всего было у князя-боярина вдоволь, одного только — не было желаннаго дѣтища. Скорбитъ князь-бояринъ о своей бѣдѣ, не знаетъ, не вѣдаетъ въ своемъ гореваньицѣ ни малой утѣхи. А и во той скорби дожилъ онъ и до старости. Во едину ночь видитъ онъ, князь-бояринъ, чудный сонъ: а кабы за городомъ за Кіе-

вомъ, подалѣй перевѣсища, лежитъ никѣмъ не знаема убогая вдовица во хворости и болѣсти. А и тутъ ему, князю-боярину, послышался голосъ невѣдомой: возьми ты, князь-бояринъ, тую убогую вдовицу къ себѣ во дворъ, пои и корми до исхода души. А и за то тебѣ будетъ во грѣхахъ отрада. Просышается князь-бояринъ на утренней зарѣ, выходитъ за Кіевъ градъ, ко тому ли перевѣсищу, и видитъ онъ туто на яву убогую вдовицу во хворости и болѣсти. И спрашаетъ князь-бояринъ ту убогую вдовицу: а и скажи ты по правдѣ и по истинѣ, откуда родомъ ты, да и какъ тебя величать по имени и по изотчеству?—И молвить ему убогая вдовица: родомъ де я изъ Новагорода, а и зовуть де меня Купальницей; а опричь того за старостию де своего роду и племени не помню.—И нудилъ онъ, князь-бояринъ, тую убогую вдовицу на житье къ себѣ во дворъ, а самъ возговорить: а и буду те поить, кормить до исхода души.—И въ отвѣдъ молвить ему та убогая вдовица: спасибо те, князь-бояринъ дорогой, на ласковомъ словѣ, на великомъ жалованьѣ. А сзови ты напередъ того нищую братію, всѣхъ каликъ переходжихъ, да напой и накорми сытой медовой, кашей грешневою. Идетъ бояринъ къ себѣ во дворъ, опосылаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ по всѣмъ дорогамъ и перепутьицамъ кликать кличь на нищую братію, каликъ переходжихъ. Сходилася нищая братія, всѣ калики переходжіе ко князю-боярину на широкъ дворъ. А и тутъ къ нему опослѣй всѣхъ приходила убогая вдовица Купальница, а садилась съ нищей братіей за столы бѣлодубовые, за скатерти браныя. И выходилъ туто къ нимъ князь-бояринъ дорогой, билъ челомъ всей нищей братіи, каликамъ переходжихъ, поилъ, кормилъ ихъ сытой медовой, кашей грешневою. Со той поры поселилась у князя-боярина

во дворѣ убогая вдовица Купальница; съ той поры строилъ онъ кормы ежегодъ про всю нищую братію, про всѣхъ каликъ переходящихъ; а на тѣхъ кормахъ была сыта медовая, да каша грешная. И жила та убогая вдова Купальница у князя-боярина во дворѣ до исхода души».

24. Ивановъ день. — Купало. — Обряды.

Народное празднество, отправляемое на Руси въ Ивановскую ночь, извѣстно во всемъ славянскомъ мірѣ. Отличительные обряды этого празднества составляютъ: зажженные костры, пѣсни, игры, перепрыгиваніе чрезъ огонь и крапивные кусты, купанье ночью въ росѣ, а днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева маринны и погруженіе его въ воду, зарываніе травъ, повѣрье о полетѣ вѣдьмъ на Лысую гору. Купало и Купальскіе огни извѣстны болѣе въ Великой Россіи, Малороссіи и Бѣлороссіи. Новѣйшіе мнеографы включили Купало въ число славянскихъ божествъ; но его не было ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ славянскихъ земляхъ. Объ немъ не говорятъ ни Несторъ, ни другіе писатели; это слово извѣстно въ нашихъ письменныхъ памятникахъ съ XVII столѣтія.

Русское Ивановское празднество извѣстно у чеховъ, сербовъ, моравовъ, карпато-россовъ, болгаръ и поляковъ. Тамъ Ивановская ночь извѣстна подъ именемъ Соботокъ. Самое величественное торжество этого дня совершается славянами въ Силезіи и чехами. Тамъ ивановскіе огни горятъ на Карпатскихъ горахъ, Судетахъ и Корнопошахъ на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Гулевой народъ опоясывается перевязями изъ цвѣтовъ, на головы надѣваютъ вѣнки изъ травъ, составляютъ хоро-

воды, поютъ пѣсни, старики добываютъ изъ деревь живой огонь. Послѣ перепрыгиванія чрезъ костры огней, купаются въ росѣ. Поляки, по описанію Кохановскаго, отправляли этотъ день въ черномъ лѣсу въ Сендомирскомъ воеводствѣ. Въ пѣснѣ купальской они поютъ тамъ, что это празднество передали имъ матери:

Takto matki nam podaly,
Same takze z drugich mialy
Ze na dzien Swietego Iana
Zawzdy Sobotka palana.

Годембовскій говоритъ, что польскіе поселяне, опоясанные чернобыльникомъ, цѣлую ночь прыгаютъ около огней. Ивановскія празднества въ Краковѣ отправлялись на Креміонкахъ, въ Варшавѣ на берегу Вислы и на островѣ Саксонскомъ. Огіерь, путешествовавшій по Польшѣ въ 1635 г., говоритъ, что огни изжигались на площадяхъ, около лѣсовъ и въ разныхъ окрестностяхъ, въ дома сносились цвѣты, травы. Ивановскій огонь назывался тогда у нихъ: kresz. Польскій писатель Мартинъ свидѣтельствуетъ объ участіи поляковъ XVI вѣка въ этомъ торжествѣ: «съ вечера Иванова дня женщины зажигали огни, плясали кругомъ ихъ, пѣли пѣсни, воздавая честь и мольбы демону. Сего языческаго обычая доселѣ не оставляютъ въ Польшѣ, приносятъ жертвы изъ травы чернобыльника, зажигаютъ костры огнемъ, полученнымъ чрезъ треніе дерева объ дерево». Сербы думаютъ, что Иванъ данъ столь великъ, что для него солнце на небѣ трижды останавливается. У Вука Стефановича находимъ сербскія Ивановскія пѣсни: «Иваньско цвѣдье, Петровско» и проч. Литовцо-руссы называютъ Ивановское празднество — праздникомъ росы. Съ вечера, подъ Ивановскую ночь они собираются на избран-

ночь мѣстѣ, на полянѣ ставятъ шалаши, разводятъ огни, поютъ пѣсни, пляшутъ съ факелами и перескакиваютъ черезъ огонь. Рано утромъ отправляются въ лѣсъ—на росу. Утренніе сборы называются у нихъ стадомъ, а пляска коркодономъ. Утромъ собирались травы для врачеванія и чарованія. Литовцо-руссы вѣрятъ и въ папортниковъ цвѣтъ.

Въ письменныхъ памятникахъ великорусскіе ивановскіе обряды извѣстны не ранѣе XVI вѣка. О псковскихъ обрядахъ говоритъ игуменъ Памфилъ въ своемъ посланіи къ псковскому намѣстнику: «егда приходитъ великій праздникъ день Рождества Предтечева, исходятъ огньицы, мужіе и жены чаровицы по лугамъ, и по болотамъ, и въ пустыни, и въ дубровы, ищущи смертныя отравы и привѣтрочрева, отъ травнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; тутже и дивіи коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ. Сія вся творятъ дѣйствомъ діаволиимъ въ день Предтечевъ съ приговоры сатанинскими. Егда бо придетъ самый праздникъ Рождество Предтечево, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ возматется, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны, и въ сонели, и гуденіемъ струннымъ и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвкамъ и главами киваніемъ и устнами ихъ непріязненъ кличь, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихлянія и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; что же бысть во градѣхъ и въ селѣхъ». На Стоглавомъ соборѣ говорили: «противъ праздника Рождества великаго Иоанна Предтечи, и въ ночи на самый праздникъ, и въ весь день и до ночи, мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицамъ ходя и по водамъ глумы творятъ всякими играми, и всякими скомрашествы, и пѣсни сатанинскими и плясками, гуслими и иными многими виды и скаредными

образованіи. И егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рощѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсы омываются росю». Въ указѣ 1721 года, 17 апрѣля сказано: «къ тому-жъ будто бы воспоминають мерзкихъ идоловъ, въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же на Великъ день приносили жертву онымъ купаніемъ; о чемъ пространно зрится въ Лѣтописцѣ Кіевскомъ». О малорусскихъ обрядахъ Ивановской ночи, Гизель, въ своемъ Синописисѣ писалъ по своему: «пятый идолъ Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестію бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы въ началѣ жнивъ приношаху. Того же Купало бога, истинны бѣса, и доселѣ по нѣкіимъ странамъ російскимъ еще память держится; наипаче же въ навечеріи Рождества св. Іоанна Крестителя, собравшеся ввечеру юноши мужеска, дѣвическа и женска пола сплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще на томъ бѣсовскомъ игрищѣ кладутъ и огонь, и окрестъ его емшеся за рудѣ нечестиво ходять и скачутъ, и пѣсни поють, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь прескачуще, самихъ себя тому же бѣсу Купалѣ въ жертву приносятъ». Въ Потребникѣ 1639 года находимъ: «нѣцми пожаръ запаливъ предскакаху по древнему нѣкому обычаю». Таковы извѣстія, сохранившіяся въ нашихъ письменныхъ памятникахъ. Перейдемъ теперь къ описанію народнаго праздника, отправляемаго въ разныхъ мѣстахъ. Слѣды обрядовъ ивановскаго праздника, сохранившагося въ новгородскихъ окрестностяхъ, суть слѣдующіе:

Въ старой Ладогѣ ивановскіе огни совершаются на горѣ Побѣдищѣ, при впаденіи рѣчки въ Волховъ. Тамъ сей огонь, добытый при треніи изъ дерева, извѣстенъ подѣ

именемъ: живого, лѣснаго, царя огня, лекарственнаго. Тихвинцы купаются въ озерѣ, находящемся близъ Антоніева Дымскаго монастыря. Послѣ купаютъ тамъ и лошадей хворыхъ. Въ окрестностяхъ Петербурга, по рижской дорогѣ бывали въ XVIII вѣкѣ ивановскіе огни, гдѣ участвовали вмѣстѣ съ русскими и ижорцы. Послѣдніе это игрище называли: кокуемъ. Въ Лужскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Лугѣ, ивановское празднество извѣстно болѣе подъ именемъ Соботокъ. Вѣроятно, что это названіе занесено изъ Литвы.

Въ Парголовѣ ростовскіе переселенцы справляютъ ивановскіе огни со всѣми обрядами. Зажженные костры, игры, пѣсни и купанье тамъ одинаковы со всѣми другими обычаями, встрѣчаемыми въ московскихъ окрестностяхъ.

Въ московскихъ окрестностяхъ ивановскіе огни зажигались на горахъ, поляхъ и по берегамъ рѣкъ. Черезъ эти огни перескакивали мужчины и женщины, перегоняли скотъ. Игры и пѣсни продолжаются до утренней зари. Замѣтимъ важное обстоятельство: великоруссы не поютъ пѣсенъ съ именемъ Купало, какъ это находимъ у малоруссовъ. Москвитяне Ивановъ день празднуютъ на трехъ горахъ. Въ Тулѣ это празднество отправлялось близъ Щегловской засѣки. Вечеромъ 23 іюня крестьяне выходятъ въ поле въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, составляютъ костры изъ хворосту; другіе приносятъ съ собою дегтярныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ черезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ, сухихъ деревьевъ. Кругомъ ихъ всѣ стоятъ въ глубокомъ молчаніи. Едва показался огонь, все ожило, запыло и завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ, старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о

старинѣ и отъ радости попиваютъ вино. Часто случалось видѣть, какъ надъ этимъ костромъ старушки-матери сжигали сорочки, взятыя съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Нашъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ очарованія. Въ купаньи утренней росой они полагаютъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней. Другихъ повѣрій мнѣ не случилось слышать. Напрасно я доискивался повѣрить на мѣстѣ остроумныя замѣчанія нашихъ изыскательныхъ археологовъ, которые въ празднествахъ Купалы и Купальницы отыскиваютъ многы физическіе и астрологическіе, видятъ въ нихъ почитаніе солнца и луны, находятъ благоговѣніе къ стихіямъ природы — огню и водѣ. Нашъ народъ этого не знаетъ и не понимаетъ. Можетъ быть, или самое время истребило эти понятія въ народѣ, или гг. археологи слишкомъ умствуютъ въ идеяхъ водопоклоненія и травоволхвованія. По крайней мѣрѣ остается одно вѣрнымъ, что въ этихъ идеяхъ не участвуетъ великорусскій народъ.

Въ малорусскихъ селеніяхъ ивановскіе огни соединяются съ особенными обрядами, которыхъ нѣтъ у великорусскаго народа. Здѣсь видимъ: крапивный кустъ, куклу, пированіе около дерева марины; здѣсь слышимъ пѣсни съ именемъ Купало. Въ Харьковской губерніи поселяне собираются въ назначенное мѣсто и перепрыгиваютъ чрезъ крапивный кустъ. Въ старину перепрыгиваніе бывало чрезъ зажженную солому съ пѣснями купальскими. Другіе срубаютъ дерево марину, украшаютъ его вѣнками изъ цвѣтовъ и относятъ его въ отдаленное мѣсто. Здѣсь подъ деревомъ сажали куклу, изукрашенную разными уборами. Подлѣ дерева ставили столъ съ горѣлкой и закусками.

Молодые, схватясь руками, ходили вокругъ дерева и пѣли пѣсни. По окончаніи игръ, снимали дерево съ пѣснями и относили къ рѣкѣ. Во время сего поѣзда пьютъ горѣлку и ѣдятъ закуски. Съ приходомъ къ рѣкѣ начинали всѣ купаться. Дерево марину потопляли въ рѣкѣ. Въ другихъ мѣстахъ куклу дѣлали не болѣе трехъ четвертей аршина, украшали цвѣточнымъ вѣнкомъ и съ ней перепрыгивали черезъ огонь. Иные дѣлали куклу изъ соломы въ ростъ человѣка, одѣвали въ женскую рубашку, голову убирали лентами и наместами. Кукла съ именемъ Купала ставилась подлѣ дерева марины, черноклена. Жѣнщины одѣвались въ праздничное платье, вѣнки для головы сплетались изъ цвѣтовъ и перевивались кануферомъ и другими душистыми травами. Вѣнками закрывали лица до половины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда приносили дерево и куклу къ рѣкѣ, то прежде снимали съ себя вѣнки, которые или прямо бросали въ воду, или надѣвали на куклу. Другіе тайно уносили съ собой вѣнки и вѣшали ихъ въ сѣняхъ, для предохраненія отъ бѣдъ и напастей. Въ селеніяхъ Подольской и Волынской губерній, поселяне, приходя въ назначенное мѣсто, приносили съ собой вѣтвь вербы, убранной цвѣтами. Эта верба, называемая у нихъ Купайло, утверждалась въ землю, вокругъ ея ходили и пѣли купальскія пѣсни. Послѣ пѣсенъ, дѣвицы становились подлѣ вербы, а мужчины отходили въ сторону. Потомъ вдругъ мужчины нападали на дѣвицъ, похищали вербу и обрывали ее въ клочки.

Зарываніе травъ на Ивановъ депъ производится великоруссами и малоруссами. Повѣрье о цвѣтѣ папоротника или кочедыжника, цвѣтущаго огненнымъ цвѣтомъ въ Ивановскую ночь — есть общее въ народѣ. Знахарки отыски-

вають разрывъ-траву, терличъ и архилинъ. О послѣдней говорятъ, что «она растетъ при большой рѣкѣ, срывать ее должно чрезъ золотую или серебряную гривну, а кто носить на себѣ, и тотъ не будетъ бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человѣка». Народъ собираетъ свои травы: купаленку; медвѣжье ушко, богатеньку. Эту послѣднюю траву поселяне Новгородской губерніи вѣшаютъ на стѣну на имя каждаго человѣка. Чей цвѣтъ завянетъ, тотъ или умретъ, или заболѣетъ на этотъ годъ. Тихвинцы и ладожане въ истопленную баню приносятъ вѣники съ травой Иванъ-да-Марья и парятся ими на здоровье. Въ муравьиныхъ кочкахъ отыскиваютъ цѣлебное масло. Въ садахъ, подъ корнемъ чернобыльника, отыскиваютъ земляной уголь, исцѣляющій черную немочь и падучую болѣзнь. Въ Малоруссіи собираютъ: голубыя сокирки, красныя пахучіе васильки, пунцовыя черевички, панскій макъ, желтый звѣробой, ноготки, разноцвѣтъ, мяту, кануперъ, колокольчики, полынь. Изъ этихъ травъ свиваютъ: купальскій вѣнокъ, а полынь носятъ подъ мышками, въ предохраненіе отъ обаянія нечистой силы. Въ Бѣлоруссіи есть народное преданіе о мужикѣ, которому цвѣтъ папоротника попалъ въ лапоть. Этотъ счастливецъ зналъ, гдѣ закопаны были клады, гдѣ лежали деньги; но онъ его какъ-то подъ хмѣлькомъ потерялъ, а съ нимъ исчезло и все знаніе о кладахъ.

Народное преданіе о полетѣ вѣдьмъ на Лысую гору извѣстно по всей Руси. Народъ твердо увѣренъ, что онѣ въ Ивановскую ночь летаютъ на эту гору на помелахъ. Малоруссы знаютъ, что они слетаются на Чортово Беремище подъ Кіевомъ. У поляковъ эта Лысая гора извѣстна

подъ Сендоміромъ. Бѣлоруссы говорятъ, что сборище вѣдьмъ бываетъ на горѣ Шатріи, гдѣ могила Альциса и гдѣ угощаетъ ихъ чародѣйка Яусперита. Подробности о вѣдьмахъ будутъ изложены въ демонологіи. Бѣлоруссы изъ предосторожности запираютъ въ Ивановскую ночь лошадей, боясь, чтобы на нихъ не поѣхали вѣдьмы на Лысую гору. Малоруссы для защиты отъ вѣдьмъ вѣшаютъ на окнахъ и порогахъ дверей жгучую крапиву. Велико-руссы думаютъ, что съ этой ночи появляются свѣтляки—ивановскіе червячки. Дѣти, кладя ихъ на ладонь, говорятъ: Иванушка, Иванушка! полетай за Волгу, тамъ тепленько, а здѣсь холодненько. Наши огородники по обильной ивановской росѣ угадываютъ о большомъ урожаѣ огурцовъ.

26. Признѣты.

Въ замосковныхъ селеніяхъ полагаютъ, что съ этого дня начинается поспѣвать земляника. Пчельники твердо увѣрены, что тогда же пчелы вылетаютъ изъ ульевъ за медовымъ сборомъ.

27. Признѣты.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ замѣчаютъ въ сей день о погодѣ. Если на день св. Самсона будетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое до бабьяго лѣта. Въ Сибири сей день называется: Никола обыденный. Въ Тобольскѣ приводятъ на этотъ день лошадей къ церкви Рождества Богородицы, служатъ молебны и послѣ кропятъ лошадей св. водою.

29. Признѣты.—Обряды.—Играніе солища.

Поселяне всѣ свои наблюденія сохранили объ этомъ въ поговоркахъ: на Петровъ день и солнышко играетъ.—

Съ Петрова дни красное лѣто, зеленой покось. — Женское лѣто по Петровъ день. — Съ Петрова дни барашка въ лобъ. — Съ Петрова дни зорница зорить хлѣбъ. — Петръ и Павелъ два часа прибавилъ. — Утѣшили бабу Петровскіе жары голодухой. У мужика то и праздникъ, что Петровъ день. — Строй косы и серпы къ Петрову дню, такъ будешь мужикъ. — Не хвались, баба, что зеленъ лугъ, а смотри каковъ Петровъ день.

Въ старину Петровъ день былъ срокомъ судовъ и взносовъ дани и пошлинь. Извѣстна еще Петровская дань, въ которой «тянули попы». По зазывнымъ грамотамъ прїѣзжали въ Москву ставиться на судъ. Петровскіе торги, извѣстные съ XVI вѣка, составляли особенныя мѣстныя ярмарки по селамъ.

На Петровъ день бывають обѣтныя угощенія. Такъ на Вагѣ и въ Вельскомъ уѣздѣ тещи приносятъ почетный сыръ своимъ зятямъ, во второй годъ бракосочетанія. Зять угощаетъ тещу при сборѣ всѣхъ родныхъ. Въ степныхъ селеніяхъ бывало въ старину провѣдываніе крестниковъ. Кумы принашивали своимъ крестникамъ пшеничные пироги. Въ Тульской губерніи сваты со стороны жениной родни угощали сватовъ ужиномъ, что называлось у нихъ отводнымъ столомъ.

Поселяне Тульской губерніи выходятъ подъ Петровъ день караулить солнце, какъ оно будетъ играть на небѣ при восходѣ. Это вѣрованіе, извѣстное исландцамъ, сохранилось только въ одной Тульской губерніи. Поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. Едва начинается восходить солнце, всѣ

испускают радостные клики. Старики наблюдают как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдет вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цвѣтами—голубымъ, розовымъ и бѣлымъ, то засияетъ ясно, что ничьи глаза не стерпятъ. Молодые поютъ пѣсню: «Ой, ладо! на курганѣ».

Петровскія гулянья отправляются почти во всей Великой Россіи съ пѣснями, хороводами и релыными качелями. Въ Тулѣ гуляютъ на оружейной сторонѣ, и самое гулянье слыветъ Облупою. Тамъ говорятъ: «пойдемъ на Облупу.— Былъ ты на Облупѣ?» Въ Тулѣ къ этому дню окрашиваютъ яйца въ желтую краску пупавками и продаютъ ихъ на гуляньяхъ. Въ Кашинѣ бываетъ гулянье у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, подлѣ родника. Старики умываются изъ родника для здоровья, молодые веселятся. Тамъ прежде бывало ночное гулянье съ особеннымъ обрядомъ: холостые парни прогуливались съ закрытымъ лицомъ, а дѣвицы съ полуоткрытымъ. Въ это время дѣвицы должны были угадывать мужчинъ. Часто отъ соперничества и за нескромное слово гулянье обращалось въ побоище. Въ Старицахъ народъ выходилъ на три ключа, за четыре версты отъ города, пить воду изъ родниковъ и веселиться. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ бываютъ гулянья на разныхъ мѣстахъ: у села Веськова на Гремячемъ ключѣ, на Александровской горѣ около села Городища, на берегу озера Клещина. Въ Ярославлѣ въ Таборахъ, близъ Петропавловской церкви, гдѣ, по преданію, стоялъ князь Пожарскій со своими дружинами въ 1612 году.

Поселяне замѣчаютъ, что если на Петровъ день пойдетъ

дождь, то сѣнокосы будутъ мокрые. Въ Тульской губерніи говорятъ, что сего дня перестаютъ пѣть соловьи.

30. Провожаніе весны.

Провожаніе весны принадлежитъ къ сельскимъ обрядамъ. Въ степныхъ губерніяхъ въ этотъ день поселяне, собираясь на сѣнной покосъ, одѣваются во все лучшее платье и веселятся весь вечеръ. Это называется у нихъ: проводы весны. Въ Саратовской губерніи дѣлаютъ соломенную куклу, убираютъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ —чуплюкъ — кокошникъ съ цвѣтами, на шею подвязываютъ ожерелье. Эту куклу носятъ по селу съ пѣснями и потомъ, раздѣтую, бросаютъ въ рѣку. Кажется, что этотъ обрядъ занесенъ изъ Польши. Тамъ соломенная кукла, убранная въ видѣ женщины, называется маржаною и съ обрядами потопляется въ рѣкѣ. Въ Сибирской и Пензенской губерніяхъ провожаніе весны отправляется на заговѣнье Петровскаго поста. Въ селеніяхъ Тульской губерніи бываетъ послѣдняя окличка весны. Поселяне, при солнечномъ закатѣ, выходятъ на пригорки играть въ хороводы и поютъ пѣсни: «Весна красна, ты когда, когда пришла, когда проѣхала». Потомъ садятся въ кружки, разбиваются яйцами, окрашенными въ желтую краску, угощаются брагою и всѣ расходятся навеселѣ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ угощаютъ пастуховъ вечеромъ яшницами и на отходѣ надѣляютъ желтыми яйцами.

Мѣсяць іюль.

Слово іюль, или іюлій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: червень, малоруссы и поляки: липецъ, чехи и словаки: червенецъ и сѣчень, карніольцы: серпанъ, венды: седникъ, серпанъ, иллирійцы: шерпенъ и шарпанъ. Поселяне Тульской губерніи сей мѣсяць называютъ: сѣнозорникъ, Тамбовской: макушка лѣта. Въ старой русской жизни онъ былъ пятымъ мѣсяцемъ, а когда начали считать годъ съ сентября, онъ приходился одиннадцатымъ. Съ 1700 года его считаютъ седьмымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Наблюденія поселянъ о іюлѣ мѣсяцѣ сохранились въ поговоркахъ: въ іюлѣ хоть раздѣнься, а все легче не будетъ. — Въ іюлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо. — Не топоръ кормить мужика, а іюльская работа. — Сбилъ сѣнозорникъ у мужика мужицкую спѣсь, что некогда и на печь лечь. — Знать мужикъ доможилъ, что на сѣнозорникъ не спитъ. — Плясала бы баба, да макушка лѣта настала. — Макушка лѣта устали не знаетъ, все приближаетъ. — Всѣмъ лѣто пригожо, да макушка тяжела.

1. Наблюденія.

Поселяне Тульской губерніи выходятъ съ этого дня на покосы. Огородники начинаютъ полоть гряды и вырывать

корневые овощи для продажи. Въ окрестностяхъ московскихъ и степныхъ мѣстахъ собираютъ красивыя растенія.

4. Примѣты.

Въ степныхъ мѣстахъ замѣчаютъ, что съ этого дня озимый хлѣбъ вполне наливаются. Тогда поселяне говорятъ: озимы въ наливахъ дошли. Объ овсѣ: батюшка овесъ до половины уросъ. О гречихѣ: овесъ въ кафтанѣ, а на гречѣ и рубахи нѣтъ. — Озимы въ наливахъ, а греча на всходѣ.

5. Примѣты.

Въ за-московныхъ селеніяхъ вечеромъ выходятъ смотрѣть на играніе мѣсяца. Если мѣсяцъ при всходѣ своемъ виденъ, то онъ будто кажется перебѣгающимъ съ мѣста на мѣсто, или измѣняетъ свой цвѣтъ и прячется за облака. Все это, по ихъ замѣчаніямъ, будто происходитъ оттого, что у мѣсяца бываетъ свой праздникъ. Играніе мѣсяца обѣщаетъ хорошіе урожаи.

8. Наблюденія.

Поселяне замѣчаютъ, что если съ этого дня начинается поспѣвать черника, то озимый хлѣбъ бываетъ готовъ къ жатвѣ.

Есть странное повѣрье у поселянъ, что на этотъ день является сама собою камаха, краска червецъ. Они думаютъ, что камаха заносится вѣтрами на наши поля съ теплыхъ странъ, свивается въ клубокъ и первому счастливцу, который ей встрѣтится, подкатывается подъ ноги. Находка камахи предвѣщаетъ счастливцу благополучіе на

цѣлый годъ. Въ старину бывали страстные охотники отыскивать камаху. Неудачные искатели говорятъ, что она достается тѣмъ только, кому написано на роду такое счастье. Въ Тулѣ бываетъ на этотъ день ярмарка, куда съходятся поселяне для продажи холста и нитокъ и возвращаются домой съ глиняными куклами.

12. Прижѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, будто съ этого дня наступаютъ большія росы. До этого дня они спѣшатъ высушивать сѣно грядущками. Большія росы будто загнаиваютъ сѣно. Старушки-лечейки собираютъ большія росы для очнаго врачеванія. Этой де водицей, говорятъ онѣ, изводится очной призоръ.

16. Жатва.

Въ Тульской губерніи съ этого дня начинаютъ жать рожь. Тульскіе жители праздновали сей день въ селѣ Высокомъ. Первый сжатый снопокъ называется имениннымъ. Въ старину бывало, что вечеромъ именинный снопокъ приносили съ пѣснями на гумно. Впереди шелъ хозяинъ съ снопомъ, за нимъ всѣ рабочіе. Когда наши бояре живали въ деревняхъ, именинный снопокъ приносился на барскій дворъ. Его, какъ дорогого гостя, встрѣчалъ бояринъ со всей семьей, и за приносъ угощалъ крестьянъ виномъ. Именинный снопокъ въ старину имѣлъ много чудеснаго: съ него начинали молотбу, соломой кормили больную скотину, зерны ржи считались цѣлебными въ болѣзняхъ для людей и птицъ. Безъ имениннаго зерна не бывало посѣва. Все время жнитвы хлѣба наши поселяне называютъ: рабо-

чая пора, страдная пора, страда. Они говорят тогда: пойдёмъ на жнивы — умаялся на жнитвѣ. Въ Костромской губерніи при началѣ жнитвы оставляють на полянѣ клокъ несжатого хлѣба, что называется у нихъ: Волотка на бородку. Волоткою называютъ они верхъ снопа, а колось волоконю. Въ Малоруссіи старухи предъ жатвою завиваютъ бороду Волосу. До этой бороды во все жнитво не касается рука жницъ.

19. Мокриды.

Поселяне по погодѣ сего дня замѣчаютъ и о будущей осени. Хорошій день предвѣщаетъ сухую осень; если идетъ дождь, то осень будетъ мокрая и сырая. Этотъ день они называютъ Мокриды. Тогда они говорятъ: смотри осень по Мокридамъ. — Прошли бы Мокриды, а то будешь съ хлѣбомъ. — Коли на полѣ Мокриды, а ты свое смекай.

20. Наблюденія.

Поселяне свои наблюденія объ этомъ днѣ сохранили въ поговоркахъ: на Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень. — На Ильинъ день и камень прозябаетъ. — До Ильина дни подъ кустомъ сушить, а послѣ Ильина дни и на кустѣ не сохнетъ. — Илья пророкъ три часа приволокъ. — До Ильина дня сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть. — Богатъ какъ ильинскій сотъ. — Ильинская соломка деревенская перинка. — Новый хлѣбъ на Ильинъ день. — Знать осень на Ильинъ день по снопамъ. — До Ильина дня мужикъ купается, а съ Ильина дня

съ рѣкой прощается. — То и веселье Ильинскимъ ребятамъ, что новой хлѣбъ. — У мужика та обновна на Ильинъ день, что новинкой сытъ. — Знатъ бабу по наряду, что на Ильинъ день съ пирогомъ.

Въ этотъ день на Руси совершаются многіе ѣстные обряды. Въ Тульской губерніи, въ Шенкурской и Вельской округахъ пекутъ изъ новой ржи хлѣбъ и приносятъ для благословенія въ церковь. Въ старину, безъ благословенія священника, никто не дотрогивался до новины. Въ Новгородской и Тульской губерніяхъ поселяне устраиваютъ себѣ постели изъ новой соломы, о которой они говорятъ: «Ильинская соломка деревенская перинка». Пчельники на этотъ день осматриваютъ свои ульи и запродають прасоламъ соты. Отъ этого возшло у нихъ въ поговорку про богатыхъ пчельниковъ говорятъ: «богатъ какъ ильинской сотъ». Къ Ильину дню стараются скошенное сѣно высушить и убрать въ стоги. Здѣсь-де, говорятъ поселяне, сладкая яства въ цвѣтахъ для скотинки. И о такомъ душистомъ сѣнѣ въ Костромской и Владимірской губерніяхъ говорятъ: «до Ильина дни сѣно сметать, пудъ меду въ него навласть». Изъ мірскихъ складчинъ устраиваютъ на Ильинъ день обѣды. Такъ видѣлъ Лепехинъ въ селѣ Обыченскомъ, Пермской губерніи, что поселяне, на мірскую складчину, приводили съ собою быка, другіе теленка, убивали ихъ и съѣдали всею деревнею. Въ старину въ Тульской губерніи на мірскую складчину поселяне пекли новый хлѣбъ и раздавали нищей братіи отъ всей деревни. По наблюденіямъ поселянь, съ Ильина дня начинается осень, появляются холодные утренники. Отчего у нихъ возшло въ поговорку: «на Ильинъ день и камень прозябаетъ»: Съ этого дня они перестаютъ купаться. Старинные наши

охотники выѣзжали въ сей день съ собаками въ отъѣзжее поле травить волковъ. У нихъ была своя примѣта: если они затравятъ тогда звѣря, то весь годъ будутъ счастливы. Поселяне увѣрены, что волки выходятъ изъ своихъ норъ послѣ покосовъ; а до тѣхъ поръ, будто никто не можетъ открыть волчьихъ выходовъ.

Суевѣрные наши поселяне увѣрены, что въ сей день звѣри и гады выходятъ изъ своихъ норъ и бродятъ по лугамъ и лѣсамъ. Скотина, выпущенная на лугъ, бываетъ растерзана звѣрями, или ужалена змѣями. Они думаютъ, что нечистые духи поселяются тогда въ звѣрей и гадовъ, мстятъ домашнему скоту и людямъ и что только одинъ громъ въ состояніи разогнать этихъ враговъ. Безстрашные знахари, не смотря на всѣ опасности, отваживаются собирать змѣй и вытаскивать изъ нихъ сало на свѣчи. Поселяне увѣрены, что въ рукахъ знахаря змѣинныя свѣчи производятъ непостижимыя чудеса. Другіе изъ непонятнаго страха отгоняютъ отъ себя кошекъ и собакъ. Недовѣрчивость поселянъ и въ нихъ находятъ своихъ враговъ. По замѣчаніямъ ворожеекъ, дождь, собранный на Ильинъ день, избавляетъ отъ очнаго призора и всякой вражей силы. Въ старину, въ засѣкахъ Тульской губерніи поселяне отыскивали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ они сдирали кору, вымачивали ее въ ключахъ, а потомъ привѣшивали себѣ на ладонки — въ предохраненіе отъ зубной боли.

22. Примѣты.

Поселяне Тульской губерніи съ разсвѣтомъ солнца замѣчаютъ появленіе росы на льпахъ. Если роса будетъ обильная, то ожидаютъ сѣраго льна. По ихъ наблюде-

ніямъ, роса уничтожаетъ бѣлизну льна и укоротываетъ самый ростъ. Тогда они говорятъ: «коли на день св. Марьи росы, то льны будутъ сѣры и косы».

24. Поликонины.

Малоруссы говорятъ: «на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися». Въ Рязанской губерніи говорятъ: «на Борисъ и Глѣбъ поспѣваетъ хлѣбъ». Въ Бѣлой и Черной Руси называютъ сей день: поликопомъ. У поселянъ Тульской губерніи онъ извѣстенъ подъ именемъ: поликопны. По замѣчанію стариковъ, будто въ старину на этотъ день бывали большія грозы и спаливали копны у тѣхъ, которые работали въ полѣ.

26. Пришѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, если на этотъ день наступитъ холодный утренникъ, то зима будетъ ранняя и холодная. Тогда они говорятъ: «на день св. Анны зима припасаетъ холодные утренники».

29. Наблюденія.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ полагаютъ, что появляющіеся съ сего дня морозы убиваютъ на жнивяхъ хлѣбъ. Отчего въ Архангельской губерніи говорятъ: пронеси, Господи, калиники морокомъ. Слово морокъ у нихъ значить: туманъ сырой. Въ Тульской губерніи говорятъ поселяне: коли на калиники туманы, припасай косы про овесъ съ ячменемъ.

30. Повѣрья.

Между поселянами есть старое повѣрье, что на этотъ день обмирають вѣдьмы. Все это будто происходитъ отъ того, что онѣ опиваются молокомъ. Кому неизвѣстно, что вѣдьмы умѣють задаивать коровъ до смерти, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ онѣ приходятъ въ такое состояніе. Ужъ если обомретъ вѣдьма, говорятъ поселяне, то ее ничѣмъ не пробудишь. Жги скорѣй пята соломою; все дѣло пойдетъ на ладъ. Наши поселяне были бы очень рады видѣть ихъ всѣхъ мертвыми, да то бѣда: умирають страшно. Страшнѣй того смотрѣть на вѣдьму, когда она обомретъ: подъ ней и земля трясется, и въ полѣ звѣри воютъ, и отъ воронъ па дворѣ отбою нѣтъ, и скотъ нейдетъ на дворъ, и въ избѣ все стоитъ не на мѣстѣ. Отъ такой напасти поневолѣ примешься за солому, да жечь пята. Говорятъ старухи, что вѣдьмы, послѣ такого пробужденія, пикогда уже не дотрагиваются до коровъ и не смотрятъ на молоко. Услужливые знахари снабжаютъ нашихъ поселянокъ разными снадобьями, спасающими коровъ отъ нападенія вѣдьмъ. Мужики знаютъ, что такіа снадобья не всегда помогаютъ. Хитрыя вѣдьмы умѣють ихъ отгаживать назадъ пятами.

Мѣсяцъ августъ.

Слово августъ — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки пазывали его: заревъ, малоруссы, поляки, чехи и словаки: серпень, сорабы: женчь, жнейска, прашникъ, яцменски, карніольцы:

великъ серпенъ, венды: осемникъ (осьмой), госпож-
никъ, кроаты: великошешнякъ, кимовець, иллирій-
цы: коловоць. — Народное названіе: зорничникъ. Въ
старой русской жизни августъ былъ шестымъ мѣсяцемъ,
съ XV вѣка двѣнадцатымъ. Съ 1700 года онъ счи-
тается восьмымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ августѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне объ августѣ сохранили въ поговоркахъ
свои наблюденія: батюшка августъ крушить, да
послѣ тѣшить. — У мужика въ августѣ три за-
боты: и косить, и пахать, и сѣять. — Кому работа,
а нашимъ бабамъ и въ августѣ праздникъ. —
Овсы да льны въ августѣ смотри.

1: Наблюденія.

Наши поселяне говорятъ: во что Маккавей, во то
и розговины. — Съ перваго Спаса и росы хоро-
ши. — Олень обмакиваетъ лапу въ воду.

Съ этого дня въ селахъ начинаютъ защипывать го-
рохъ, выѣзжаютъ пахать подъ озимы, заламываютъ въ
ульяхъ соты, отдѣлываютъ овины, очищаютъ гумны.

Поселяне увѣрены, что съ этого дня пчелы перестаютъ
вырабатывать медъ. Если пчельникъ не заломаетъ сота,
то они говорятъ, что сосѣднія пчелы вытаскаютъ весь
медъ.

Неизвѣстно откуда зашло къ нашимъ поселянамъ стран-
ное понятіе о розахъ. Они думаютъ, что когда перестаютъ
цвѣсть розы, тогда происходитъ переимѣна и въ росахъ.
Общее мнѣніе ихъ, что съ 1 августа выступаютъ росы

хорошія и безвредныя — извѣстно повсюду. Перенесеніе розъ въ русскую землю послѣдовало въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно, это повѣрье нестарое. На этотъ день бывають народныя гулянья. Въ Москвѣ сходятся гулять подъ Симоновымъ; въ Тулѣ бываетъ собраніе на Поповомъ болотѣ, за городомъ.

2. Повѣрье.

Многіе поселяне поятъ въ сей день лошадей чрезъ серебро. Искупавши лошадей, они проводятъ ихъ къ студенцамъ, бросаютъ въ воду мелкую серебряную монету и потомъ поятъ лошадей изъ шапки, гдѣ также лежитъ монета. Поселяне думаютъ, что отъ этого обряда лошади добръютъ, не боятся лихого глаза, приходятъ въ милость у домового. Серебряную монету берутъ изъ шапки и кладутъ, скрытно отъ всѣхъ, въ конюшню подъ яслями. Такая монета въ старину часто переходила отъ отца къ сыну.

3. Приѣты.

Поселяне замѣчаютъ, что если въ сей день будетъ вѣтеръ съ юга и появятся вихри, то ожидаютъ зимою большихъ снѣговъ. Отчаянные люди выходятъ на перекрестки допрашивать вихрь о зимѣ. Для сего они заранѣе запащаются ножомъ и пѣтухомъ. Выходя на перекрестокъ, они сторожатъ вихрь. Едва онъ появится, отважный втыкаетъ въ самый вихрь ножъ и, въ то же время, держитъ за голову пѣтуха. Послѣ сего допрашивается вихрь. Люди, испытывшіе это на самомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что вихрь имъ сказывалъ всю правду. Замѣтимъ одно: всѣ такіе рассказы основаны на преданіяхъ. Подробности такихъ подвиговъ будутъ изложены въ русской демонологіи.

4. Сѣногнойки.

По замѣчанію сибиряковъ, съ этого дня начинаютъ идти дожди, вредные для сѣна. Эти дожди называютъ сѣногнойками.

5. Живы.

Рачительные домоводцы изъ нашихъ поселянъ находятъ нужнымъ заклинять живы. Это, говорятъ они, будто нужно для того, чтобы нечистая сила не поселилась на жнивахъ и не выжила съ пажитей скоть. Для сего они, раннею зарею, выходятъ на живы съ масломъ коноплянымъ. Обращаясь на востокъ, говорятъ: «мать сыра-земля! уйми ты всяку гадину нечистую отъ приворота, оборота и лихого дѣла». Проговоривши, выливаютъ на землю масло. Потомъ, обращаясь на западъ, говорятъ: «мать сыра-земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую». Послѣ сего выливаютъ масло на землю. Обращаясь на югъ, говорятъ: «мать сыра-земля! утоли ты всѣ вѣтры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью». И здѣсь опять выливается масло. Обращаясь на западъ, говорятъ: «мать сыра-земля! уйми ты вѣтры полуденные со тучами, содержи морозы со мятелями». Здѣсь бросаютъ стекляницу на землю. Есть люди, которые увѣряютъ васъ, что такое дѣло необходимо должно исполнять всякое лѣто. Многіе изъ робости не рѣшаются на такой подвигъ, не смотря на свое непреодолимое желаніе.

6. Наблюденія.

Во всей Великой Руси съ этого дня начинаютъ ѣсть плоды и фрукты. Люди, имѣвшіе сады, въ старину принашивали въ храмы плоды для освященія. Здѣсь они, изъ

рукъ священника, раздавались всѣмъ прихожанамъ. Кромѣ того, наши предки поставляли себѣ въ обязанность надѣлать всѣхъ бѣдныхъ плодами, а больнымъ посылать въ домъ. Неисполнившіе сего стараго обычая почитались людьми недостойными общенія. Объ нихъ говаривали наши старики: «а не дай-то Боже съ нимъ дѣла имѣть! Забылъ онъ стараго и сираго, не удѣлил имъ отъ своего богатства малаго добра, не призрѣлъ своимъ добромъ хвораго и бѣднаго». Къ сожалѣнію должно замѣтить здѣсь, что заморскія новизны вытѣсняють этотъ старыи обычай. Со слезами смотрять старики на равнодушіе молодыхъ людей.

Во многихъ мѣстахъ на этотъ день бываютъ народныя гулянья. Въ Москвѣ гулянье бываетъ у Новаго Спаса, въ Тулѣ въ городомъ, въ селѣ у Спаса на Рогожни.

Поселяне наблюдаютъ въ этотъ день захожденіе солнца. Выходя вечеромъ на пригорки, они съ пѣснями и плясками проводятъ время. Едва начнетъ скриваться солнце на западъ, они поютъ:

Солнышко, солнышко, подожди!
 Приѣхали господа бояре
 Изъ Велика де Новагорода
 На Великъ день пировать.
 Ужь и вы ли, господа бояре,
 Вы, бояре старые, новгородскіе!
 Стройте пиръ большой
 Для всего міра крещенаго,
 Для всей братіи названой.
 Строили господа бояре пиръ,
 Строили бояре новгородскіе
 Про весь крещеный міръ.
 Вы сходитесь, люди добрые,
 На великъ званый пиръ;

Есть про васъ медь, вино,
 Есть про васъ яства сахарныя.
 А и вамъ, крещенный миръ,
 Бьемъ челомъ и кланяемся.

10. Прииѣты.

Въ Тульской губерніи поселяне на этотъ день прииѣ-
 чаютъ въ полдень колебаніе воды. Если рѣки, озера и бо-
 лоты не волнуются вѣтромъ, лодки стоятъ покойно, то
 ожидаютъ, что осень будетъ тихая и зимой не будетъ мя-
 телей.

11. Повѣрье.

Въ Рязанской губерніи, въ селеніяхъ, расположенныхъ
 на берегахъ рѣкъ Вожи и Быстрицы, есть преданіе, что
 на могилкахъ Перекольскихъ бываетъ чудо чудное, диво
 дивное. Тамъ, на болотѣ Ермачковомъ, бываетъ свистъ,
 слышны пѣсни. Кто свиститъ, кто поетъ—никто не вѣдаетъ.
 Изъ болота выбѣгаетъ на могилки бѣлая лошадь. Эта бѣ-
 лая лошадь обѣгаетъ всѣ могилки, прислушивается къ
 землѣ, раскапываетъ землю и жалобно плачетъ надъ по-
 койниками. Зачѣмъ она бѣгаетъ, чтò слушаетъ, о чемъ
 плачетъ, никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Ночью надъ мо-
 гилками появляются огни и перебѣгаютъ на болото. А эти
 огни не то, что въ городахъ бываютъ на свѣчахъ, а въ
 деревняхъ на лучинѣ; нѣтъ эти огни горятъ по-своему,
 свѣтятъ иначе. Какъ загорятъ они, такъ видно каждую
 могилку, а какъ засвѣтятъ, то видно, что и на днѣ болота
 лежитъ, да ужъ такъ видно, что въ избѣ лавка. Пытались
 добрые люди поймать бѣлаго коня, дознать кто свиститъ, кто
 поетъ, поймать огонь на могилкахъ и на болотѣ. Не тутъ-то

было. Конь никому въ руки не дается, отъ свисту и отъ пѣсней только глохнуть, а про огонь и нечего говорить. Вѣстимо дѣло: кто огонь поймаетъ? Поселяне говорятъ, что здѣсь когда-то было побойще. Сражались русскіе князья съ татарами, бились не на-животъ, а на-смерть. Татары начали одолѣвать князей, какъ ни отсюда, ни оттуда выѣзжаетъ на бѣломъ конѣ невѣдомый богатырь съ своими сотнями. Бьетъ и колетъ татаръ, направо и налѣво и добилъ ихъ чуть не всѣхъ. Тутъ подоспѣлъ окаянный Батый; онъ убилъ богатыря, а бѣлаго коня загналъ въ болото. Съ тѣхъ поръ бѣлый конь ищетъ своего богатыря; а его сотня удалая поетъ и свищетъ, авось откликнется удалый богатырь.

15. Обычай.

Во многихъ селеніяхъ Великой Руси, съ приходомъ Оспожинокъ, празднуютъ окончаніе жатвы. Этотъ праздникъ слыветъ у народа Успенщиною. Поселяне на мирскую складку варятъ пиво, убиваютъ барана, пекутъ пироги и сзываютъ родныхъ и сосѣдей на пиръ пировать. Наши старые бояре угощали на этотъ день своихъ крестьянъ и праздновали съ ними окончаніе жатвы. Поселянки выходятъ въ поле, обвязываютъ послѣдней соломой всѣ серпы, потомъ катаются по жнитвѣ, приговаривая: «жнивка, жнивка! отдай мою силку на пестъ, на колотило, да на молотило и на криво веротіоно». Послѣ сего послѣдній снопъ, именинный, наряжаютъ въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ на гостинный дворъ. Здѣсь ихъ бояре встрѣчаютъ и угощаютъ обѣдомъ и виномъ. Снопъ во весь обѣдъ стоитъ на столѣ. Въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, къ именинному снопу придѣ-

лывають руки, на кичку надѣвають бѣлую насовку. Именинный снопъ двѣ бабы несутъ на рукахъ на господскій дворъ, а другія бабы вокругъ ихъ поютъ и пляшутъ. Приходя на дворъ, одна изъ бабъ выходитъ съ вѣникомъ и сѣчетъ снопъ съ припѣвами. Мужчины въ старое время прихаживали отъ всего міра съ караваемъ на барскій дворъ ударить боярину челомъ на новой новинѣ. Бояринъ угощалъ челобитчиковъ и всему міру крещеному посылалъ подарки. Въ Гродненской губерніи, по Украинѣ, Подоліи и Волиніи, съ сжатіемъ послѣдняго снопа, сплетали съ пѣснями вѣнокъ и клали на голову почетной дѣвицѣ. Послѣ сего всѣ отправлялись на боярскій дворъ ударить челомъ своему боярину. Дѣвица на дворѣ вручала боярину вѣнокъ, а бояринъ, принимая вѣнокъ, цѣловалъ дѣвицу и угощалъ поселянъ. Такъ въ старину праздновалися на Руси Дожинки. Все это было воочію и былъемъ поросло. Старина, старина! Какъ была ты мила нашимъ предкамъ, и какъ мы, ихъ потомки, успѣли скоро промѣнять тебя на заморскія причуды!

Съ 15 августа начинаются осенніе хороводы въ городахъ и селахъ. Въ селахъ съ этого дня въ старину начиналось молодое бабье лѣто и продолжалось до 29 августа, до Ивана постнаго.

16. Посѣвы.

Степные поселяне посѣвъ озимаго хлѣба начинаютъ за три дня до Успеньева дня и продолжаютъ еще три дня послѣ. Все это зависѣло отъ погоды и скорой уборки. Были времена, говорятъ старики, что въ старину наши отцы отсѣвались къ Преображенію, а къ Успенію весь хлѣбъ стоялъ на гумнѣ. Предъ посѣвомъ, вся семья приносила

усердныя моленія ко Господу, женщины провожали мужей съ хлѣбомъ и солью, на телѣгу клали три снопа, а на нихъ въ мѣшкахъ укладывали рожь. На полѣ встрѣчали засѣвальщика ребята съ грешневой кашей. Послѣ отсѣванія, пирогъ и каша съѣдались всей семьей. До сѣвки въ старину отправлялись цѣлымъ миромъ и въ складчину. Въ городахъ съ этого дня начинаются великоденскія гулянья. Въ Тулѣ сходбище бываетъ на кладбищѣ, за оружейной стороной.

18. Пришѣты.

Въ старину къ этому дню оканчивали поселяне посѣвъ. О лѣнивыхъ они говаривали: «кто сѣетъ рожь на Флоровъ день, у того родятся флорки». Въ Костромской губерніи говорятъ: «Съ Флорова дня засиживаютъ ретивые, а съ Семена лѣвивые».

Наши поселяне этотъ день празднуютъ съ своими лошадками. Покупаютъ ихъ въ рѣкѣ, для корма даютъ овса, гривы убираютъ лентами, приводятъ къ церкви, гдѣ, послѣ молебна, кропятъ ихъ св. водой.

Въ степныхъ губерніяхъ съ этого дня начинаются помочи, работы, предпринимаемыя крещенымъ миромъ въ пользу вдовъ и сиротъ. Нашъ народъ говоритъ: на вдовій дворъ хотъ щепку брось. На такихъ сходкахъ косятъ сѣно, сжинаютъ хлѣбъ, удобряютъ поля, рубятъ дрова, молотятъ снопы. Всѣ эти работы имѣютъ свои названія: полотушки, потрепушки, супрядки, назмы, дровяницы, сѣновницы. Помочи у зажиточныхъ людей сопровождаются угощеніями. Для рабочихъ тогда выставляются на дворѣ столы съ хлѣбомъ-солью, пирогами,

или калачами, кадки съ брагой, сулейки съ виномъ. Такое угощеніе продолжается во все время работы.

19. Наблюденія.

Поселяне степныхъ мѣстъ наблюдаютъ въ это время теченіе вѣтра. Если дуетъ вѣтеръ съ юга, тогда они говорятъ: пошли овсы на спѣхъ. — Батюшка югъ пустилъ вѣтеръ на овесъ.

Въ Москвѣ на этотъ день бываетъ народное гулянье подь Допскимъ монастыремъ; въ Тулѣ веселятся у Николы за валомъ.

22. Повѣрье.

Въ Тульской губерніи поселяне выходятъ ночью осматривать снопы и караулить ихъ отъ потѣхи лѣшаго. Они увѣрены, что въ эту ночь лѣшій выходитъ на дуга и гумны потѣшиться надъ соложкой. Потѣхи лѣшаго заключаются въ раскидываніи сноповъ съ одного гумна на другое, или въ развязываніи ихъ. Если хозяинъ караулить свое гумно, то будто лѣшій тогда не смѣетъ подойти къ загороди. Поселяне, собираясь въ ночную, надѣваютъ тулупъ навыворотъ, голову обвязываютъ полотенцемъ, для обороны берутъ кочергу. Приходя на гумно, они кочергою обводятъ кругъ и садятся въ него. Съ этими предосторожностями никакой лѣшій не смѣетъ подойти къ полю и гумну.

24. Наблюденія.

Поселяне замѣчаютъ въ этотъ день: если поспѣла брусника, то и овесъ созрѣлъ. Другіе говорятъ, что на этотъ день льны лупятся. По ихъ наблюденіямъ: ленъ двѣ

недѣли цвѣтеть, четыре недѣли спѣетъ, а на седьмую сѣмя летитъ. Въ Сибири появляются съ этого дня первые морозы. Объ осеннихъ морозахъ тамъ говорятъ: морозы лупенскіе, покровскіе, екатерининскіе, михайловскіе.

26. Овсяницы.

Съ этого дня начинаютъ косить овесъ. Поселяне, въ первый день покоса, скосивши пукъ овса, вяжутъ снопы, несутъ его съ пѣснями на боярскій дворъ, или въ свои избы. Снопъ ставятъ въ большой куть, подъ образа, въ сутки. Хозяинъ съ своими работниками садится за столъ. Здѣсь хозяйка начинаетъ угощать ихъ деженемъ — толокномъ, замѣшаннымъ на кисломъ молокѣ, или на водѣ съ медомъ, потомъ овсяными блинами. Гости, вставая изъ за стола, благодарятъ хозяевъ: за сладкій деженъ и за сытые блины, спасибо, хозяинъ съ хозяйшкой! Въ старину угощеніе на боярскомъ дворѣ за овсяный снопъ состояло мужикамъ изъ дежена и браги, а бабамъ изъ грешневой каши. Во все время овсянаго покоса, за паужиною — полдникомъ, поселяне лакомятся толокномъ.

Въ Москвѣ на этотъ день бываетъ народное гулянье у Срѣтенскаго монастыря; въ Тулѣ веселятся у Георгія на Ржавцахъ.

28. Скирдицы.

Съ этого дня степные поселяне начинаютъ убирать сжатый хлѣбъ въ скирды. Тамъ изъ 13 сноповъ складываются прежде на поле: крестцы, изъ крестцовъ дѣлаютъ одонья и копны, изъ копенъ и одоней уже уби-

раютъ скирды. Въ сѣверныхъ губерніяхъ вмѣсто хрестцовъ дѣлаютъ суслоны, изъ озимаго хлѣба въ 13, изъ ярового въ 6 сноповъ. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто скирдовъ дѣлаютъ городки. Эти городки складываются въ три большихъ стѣны, а четвертая вполонину; или треугольникомъ въ три стѣны, или длинною полосою съ углами. Число сноповъ въ одоньяхъ и копнахъ соразмѣряется мѣстными обычаями.

29. Наблюденія.

Въ Тульской губерніи поселяне наблюдаютъ полеть птицъ. Если журавли летятъ на Кіевъ, къ югу, тогда говорятъ: скоро наступятъ холода. Вообще, всѣ наблюденія о птицахъ они сохранили въ поговоркахъ: лебедь летитъ къ снѣгу, а гусь къ дождю. — Лебедь несетъ на носу снѣгъ. — Ласточка день начинается, а соловей вечеръ оканчиваетъ. — Сколько разъ бухало (филинъ) будетъ бухать, по столько кадей хлѣба будетъ молотить съ овина. — Одна ласточка весны не дѣлаетъ. — Пѣтухъ не человекъ, а свое все скажетъ и бабъ научитъ. — Чай, примѣчай, куда чайки летятъ. — Прилетѣла бы чайка, а то будетъ весна. — Видна птица, что журавль, коли летитъ на югъ. — У журавля та и дорога, что на теплыя воды летѣть.

Мѣсяць Сентябрь.

Слово: сентябрь, или септемврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки назы-

валиего: рюинъ и рюенъ, малоруссы: вресень, поляки: вржесень, чехи: заржи, словаки: грудень, сорабы: назимскій, карніольцы: кимовцъ, венды: деветникъ, лѣсеникъ и косаперскъ, кроаты: маломешнякъ, ми-холчакъ и рюянъ, иллирійцы: рюянъ. Народное названіе сентября: ревунъ. Первая недѣля сентября у народа извѣстна подъ именемъ семенской, вторая михайловской, третья никитской, четвертая дмитріевской. Въ старой русской жизни сентябрь былъ седьмымъ мѣсяцемъ; а когда годъ начали считать съ Семена лѣтопроводца, онъ былъ первымъ. Съ 1700 года онъ считается девятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Наблюденія поселянъ о сентябрѣ мѣсяцѣ сохранились въ поговоркахъ: батюшка сентябрь не любитъ баловать. — Въ сентябрѣ держись крѣпче за кафтанъ. — Считай баба осень съ сентября по шапкамъ да по лаптямъ. — Понеслись вѣтерки съ полуночи, айда сентябрь! — Хвалилися бабы да бабынмъ лѣтомъ на Семень день, а того бабы не вѣдали, что на дворѣ сентябрь. — Зажигай огонь съ сентября въ избѣ и на полѣ. Въ сентябрѣ одна година, да и та горькая рябина. — Въ сентябрѣ и листь на деревѣ не держитъся. — У мужика въ сентябрѣ только тѣ и праздники, что новыя новины.

1. Обычай.

Первое сентября въ замосковныхъ селеніяхъ называется: бабынмъ лѣтомъ. Тамъ говорятъ: бабѣ лѣто восемь

дней. Это лѣто извѣстно у чеховъ, сербовъ, малоруссовъ и поляковъ. Малоруссы справляютъ свое бабыно лѣто. У чеховъ бабѣ лѣто слыветъ подь именемъ паутиннаго, и отъ чего даже произошла у нихъ поговорка: «бабѣ лѣто летаетъ (babj leto ljta)». У карпаторуссовъ есть преданіе, что бабинъ морозъ заморозилъ на Полонинныхъ горахъ (Альпійскихъ) бабу чародѣйку. Бабѣ лѣто въ другихъ мѣстахъ начинается съ 8 сентября. Въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ этотъ день называется: пасиковымъ. Тамъ въ это время убираютъ улья. Въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ тотъ же день называется луковымъ днемъ. Тамъ въ это время вырываютъ съ грядъ лукъ и чеснокъ. Въ Рязанской губерніи онъ слыветъ Аспосовымъ днемъ. Тамъ говорятъ: бабѣ лѣто по Аспосовъ день.

По погодѣ бабьяго дня судятъ поселяне объ осени. Въ Тульской губерніи замѣчаютъ: если первый день бабьяго лѣта будетъ яснымъ, то вся осень выдетъ теплая и ведряная. Въ Костромской губерніи есть свои примѣты. Тамъ, если на бабѣ лѣто луга будутъ опутаны тенетникомъ, гуся гуляютъ стадами, скворцы не летать, то осень будетъ протяжною и ведряною. Въ московскихъ окрестностяхъ по вечерней зарѣ также замѣчаютъ о теплой осени.

Въ Московской и Тульской губерніяхъ поселяне подь Семень день тушатъ огонь, кромѣ тепла лампаднаго. Едва только начнетъ заниматься утренняя заря, вздуваютъ новый огонь. Въ старину новый огонь добывали изъ сухого дерева. Старики и старухи садились среди двора и терли сухое дерево объ дерево. Молодая невѣстка или дѣвица, или сынъ зажигали спицею новый огонь. Этимъ огнемъ топиди печи въ избахъ и баняхъ, на засидкахъ зажигали свѣчи и лучину.

Въ селахъ съ Семена дня зачинались бабьи работы. Дневная работа начиналась съ пеньки и льна. Съ ранняго утра мнутъ и треплютъ пеньку, ленъ моютъ въ водѣ и стелятъ по лугамъ. На этотъ же день затыкаютъ красна. Вечеромъ садятся за пряслицы и веретены. Въ селахъ съ бабьяго лѣта начинаются осенніе хороводы.

Въ городахъ на Семень день отправляются игры, хороводы и обряды. Въ Тулѣ и Серпуховѣ дѣвушки хоронятъ мухъ и таракановъ. Серпуховскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ морковныхъ и свекловичныхъ гробахъ. Въ это время выходятъ женихи смотрѣть невѣсть. Тульскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ садахъ въ рѣпныхъ гробахъ, а таракановъ въ щепкахъ. Это повѣрье основано на томъ, что будто отъ такого погребенія погибаютъ мухи и тараканы. Матушки, приглашая красныхъ дѣвушекъ, родныхъ и сосѣднихъ, позабавиться со своими дѣтками, приказывали чрезъ своихъ зватыхъ объявить гостямъ: у насъ де пироги напечены и медъ наваренъ. Въ старину богатые посадскіе люди ставили у воротъ ушаты съ брагой и нивомъ. Хороводники подходили къ воротамъ, гдѣ хозяйка угощали ихъ.

Съ перваго августа начинаются у рабочихъ засидки, или Семенинскіе вечера. На этихъ засидкахъ зажигаются свѣчи, хозяйка угощаютъ рабочихъ, и весь вечеръ проводится въ пѣсняхъ. Въ Кіевѣ объ этихъ засидкахъ говорятъ: женить Семена.

Семень день, бывшій прежде первымъ днемъ новаго года, отправлялся на Руси со всѣми веселіями. Московское празднество преимуществовало передъ всѣми. Москвичи, собравъ у себя гостей, проводили съ ними встрѣчный вечеръ до пѣтуховъ. Эти вечера бывали семейные: молодые

и старыя сходились на Семеновы посидѣлки къ старшему въ родѣ, съ тишиною и скромностію встрѣчать новое лѣто. Съ посидѣлокъ отправлялись къ заутрени въ церковь Симеона Столпника. Въ полночь ударяла въ Кремль вѣстовая пушка, гудѣлъ колоколъ на Иванѣ Великомъ и городскія ворота растворялись настезь. Такъ новый годъ возвѣщался на Руси. Съ разсвѣтомъ дня москвичи спѣшили въ Кремль, гдѣ патріархъ и царь встрѣчали новый годъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ книгѣ: глаголемой Потребникъ мірской, 1639 г. находимъ: «чинъ препровожденію лѣту», или «начало индикта, еже есть новое лѣто». Патріархъ Филаретъ совершалъ этотъ обрядъ на Ивановской площади, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. У Благовѣщенскаго собора устраивалось царское шатерничье мѣсто съ паволоками, а патріаршеское съ коврами. Патріархъ выходилъ, послѣ утренней службы, изъ Успенскаго собора въ западныя двери со святыми образами и духовенствомъ и на дворѣ, предъ вратами, совершалъ молитвословіе. Послѣ сего царь подходилъ къ евангелію и принималъ благословеніе отъ патріарха. Осѣнивши государя животворящимъ крестомъ, спрашивалъ о царскомъ здравіи. Потомъ отправлялись на Ивановскую площадь, гдѣ совершалось молебствіе съ водоосвященіемъ. Въ это время государь и патріархъ стояли на своихъ мѣстахъ. По окончаніи чина, патріархъ подходилъ къ государю и привѣтствовалъ его рѣчью:

«А государь боговѣнчанный, и благочестивый и христоролюбивый царь и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, и многихъ государствъ государь и обладатель и всея Русіи самодержецъ! Въ нынѣшній и настоящій день праздника

начало индикту, сирѣчь новаго лѣта, соборнѣ молили все-милостиваго, и всещедраго и челоуѣколюбиваго, въ Троицѣ славимаго Бога и пречистую Его Матерь, и всѣхъ святыхъ о вселенскомъ устроеніи святыхъ Божіихъ церквей, и о вашемъ государевѣ многолѣтнемъ здравіи, Богомъ вѣнчанаго, и благочестиваго и христоролюбиваго государя нашего, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и о боярѣхъ, и о христоролюбивомъ воинствѣ, и о добротѣхъ, и о всѣмъ православному христіанствѣ, чтобы всемилостивый, въ Троицѣ славимый Господь Богъ нашъ, въ нынѣшній и въ настоящій годъ, и въ предбудущія многія лѣта, вамъ, великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, умножилъ лѣтъ живота вашего и даровалъ бы Господь Богъ вамъ, великому государю, и христоролюбивому нашему воинству свыше побѣду, и крѣпость, и храбрость, и одолѣніе на вся видимые и невидимые враги, и возвысилъ бы Господь Богъ вашу царскую десницу надъ бесерменствомъ, и надъ латинствомъ, и надъ всѣми иноплеменными языки, иже бранемъ хотящая; и покорилъ бы Господь Богъ подъ нозѣ ваша всякаго врага и супостата, и царство бы ваше устроилъ мирно и немятежно во благоденствіи и во изобиліи плодовъ земныхъ. Дай Господи, чтобы вы, государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ, здоровъ былъ съ своею государевою царицею и великою княгинею, а съ нашею великою государынею, и съ своими государевыми благородными чады, и съ своими государевыми богомольцы, съ преосвященными митрополиты, съ архіепископы и еписконы, и со архимандриты и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ христоролюбивымъ воинствомъ, и съ доброты, и со всѣми православными христіаны. Здравствуй, госу-

дарь, нынѣшній годъ и въ предбудущія многія лѣта въ родъ и родъ и во вѣки».

Послѣ сего, патриархъ, осынивъ государя крестошъ и окропивъ его св. водою, возвращался въ Успенскій соборъ. Государь привѣтствовалъ весь народъ своимъ милостивымъ словомъ. На его царскія рѣчи народъ восклицалъ: «здравствуй, здоровъ будь на многія лѣта, надежа государь». Изъ царской казны въ этотъ день раздавалась милостыня бѣднымъ и нищимъ — молитъ о многолѣтнемъ здравіи государя царя. Послѣднее торжество лѣтопровожденія было въ Москвѣ 1699 года. Здѣсь великій Петръ справлялъ старый обычай своихъ предковъ, сидя на престолѣ, въ царской одеждѣ. Въ 1689 году патриархъ Іоакимъ, отправляя чинъ лѣтопровожденія, поздравлялъ государя и говорилъ рѣчь по письму. Вѣроятно, эта рѣчь была одна и та же, что говорилъ патриархъ Филаретъ.

Въ старину, на Семень день пріѣзжали въ Москву ставиться на судъ предъ государемъ и его боярами. Невзвившіеся на этотъ срочный судъ считались виноватыми. Челобитчикъ получалъ правую грамоту и по суду считался правымъ. Судебная формула: копиться жалобнымъ людямъ на судебный день въ Москву извѣстна со временъ великаго князя Іоанна Васильевича. Для монастырскихъ слугъ и крестьянъ были три срока въ году ставиться на судъ: Рождество Христово, Троицынъ и Семень дни. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій въ 1607 году уложилъ: «если не подадутъ челобитья по первое сентября о крестьянахъ, то, послѣ того срока, написать ихъ въ книги за тѣмъ, за кѣмъ они нынѣ живутъ».

Семень день считался срочнымъ днемъ для взноса оброковъ, даней и пошлинъ. Съ него начинались и оканчива-

лись всё условія между поселянами и торговыми людьми; съ него отдавались въ наемъ земли, рыбныя ловли и другія угодья. Въ условіяхъ писали: «платить оброкъ ежегодно на срокъ по Семень день лѣтопроводца».

Въ старину наши бояре выѣзжали на Семень день поохотиться за зайцами. Выѣзды бывали сборные, отъ богатаго боярина. У нихъ было повѣріе, что отъ Семенинскаго выѣзда лошади смѣлѣютъ, собаки добрѣютъ и не болятъ, первая затравка наводитъ зимою большія добычи. Выѣзды барскіе продолжались отъ одной недѣли до двухъ и болѣе, объѣзжали по всёмъ островамъ (лѣсамъ). Для выѣздовъ готовились запасныя кушанья, наливки, меды и романы, для ночлеговъ бирались шатры. Выходя на дворъ, бояре садились на коней, а псаря, держа на сворахъ собакъ, кричали: восяй! Здѣсь-то раздавались завѣтныя, охотничьи слова: бери, бери, улю, лю, лю! Ту тутъ былъ, тутъ игралъ, тутъ сметку далъ.

Съ Семенина дня начинались запашки, особенное празднество поселянъ при опахиваніи полей. Для этого пиршества на мірскую складчину варилась брага, пекли пироги, убивался баранъ. Въ Костромской губерніи говорятъ: на Семень день до обѣда паши, а послѣ обѣда пахаря и валькомъ погоняй. Въ Тверской и Новгородской губерніяхъ говорятъ: на Семень день съ головней на поstattъ (пахатная полоса земли) ходи. Костромичи говорятъ: на Семень день сѣмена выплываютъ долой изъ колосьевъ.

Наши предки на Семень день перебирались въ новыя дома. Для сего сзывали родныхъ и почетныхъ гостей. На такое новоселье хаживалъ сзывать гостей самъ хозяинъ. Первыми гостями считались тестъ съ тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости напередъ присылали на новоселье хлѣбъ-

соль, по усердію и состоянію. Тесть прислалъ коня любимому зятю, а теща корову для внучатъ. Коня встрѣчалъ зять у воротъ съ поклонами и почетами изъ полы, у крыльца кормилъ ячменемъ и пшеницей изъ рукавицы, а въ конюшнѣ поилъ сытой медовой чрезъ серебро, изъ ковша. Корову провожала сама теща до зятиня двора. Хозяинъ съ хозяйкой встрѣчали корову на дворѣ съ поклонами и ласковымъ словомъ, у крыльца кормили хлѣбомъ и съ радостью провожали всѣ свою буренушку до сарая. Кумъ съ кумой приносили на новоселье мыло и полотенцо. Встрѣча имъ была въ сѣняхъ, гдѣ угощали чаркою вина. Сваты приносили домашнюю птицу, и новыхъ переселенцевъ кормили на дворѣ овсомъ и гречихою. Всѣ званые сходились праздновать новоселье къ обѣду, и пиршество оканчивалось вечеромъ, съ большими проводами гостей.

Перейдемъ теперь къ тайной сторонѣ новоселья, раскроемъ повѣрье нашихъ отцовъ и ихъ заботу съ новымъ домою. Домъ готовъ, все отдѣлано, все припасено, все убрано; но не сдѣлано важнаго, не исполнено нужнаго. Это важнаго, это нужнаго не продается, не покупается. Объ немъ всѣ старшіе въ домѣ со страхомъ вспоминаютъ. А безъ этого нужнаго, какъ перейти въ новый домъ? Какъ будетъ жить? Давно ли были примѣты у сосѣдей, что въ новомъ домѣ пропадало и счастье, и богатство, и веселье? Если вы знаете завѣтные тайны нашихъ отцовъ, вы уже догадались, что въ новый домъ нельзя перейти безъ домового дѣдушки. Онъ въ старомъ домѣ берегъ все хозяйское добро, холилъ домашній скотъ, радѣлъ и заботился о дворѣ пуце хозяйскаго глаза. И его ли оставить, бросить на старомъ попелищѣ? Можетъ быть, на новомъ дворѣ заведется лихой и грозный домовой? И вотъ хозяева рѣшаются пере-

весть съ собою и домового дѣдушку. Свекровь, или бабка, или старшая нянька отправляетъ съ стараго попелища молодую хозяйку, а сама топить печь въ послѣдній разъ. Весь жаръ выгребаютъ она изъ печи въ печурку и дожидается полдня. У ней уже заранѣе приготовленъ горшокъ съ скатертью. Ровно въ полдень, по солнцу, свекровь кладетъ въ горшокъ горячія уголья и накрываетъ его скатертью. Потомъ растворяетъ двери и, обращаясь къ заднему куту, говоритъ: милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жильё. Послѣ сего отправляется изъ стараго пепелища на новый дворъ. Здѣсь хозяинъ съ хозяйкой, у растворенныхъ воротъ, ожидаютъ уже дѣдушку съ хлѣбомъ-солью. Подходя къ воротамъ, свекровь стучится въ верёку и спрашиваетъ: рады ли хозяева гостямъ? Ей отвѣчаютъ молодые хозяева съ низкими поклонами: милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое мѣсто. Свекровь идетъ въ новые покои; впереди несетъ хозяинъ хлѣбъ-соль; сзади провожаетъ хозяйка. Входя въ избу, свекровь ставитъ горшокъ на загнетку, беретъ скатерть и трясетъ ее по всѣмъ угламъ, какъ будто выпуская домового; потомъ высыпаетъ всѣ уголья въ печурку. Съ восторгомъ и радостью садятся всею семьею за столъ и ѣдятъ хлѣбъ-соль. Горшокъ разбиваютъ и зарываютъ ночью подъ передній уголь дома. Для предосторожности, чтобы злые люди не напустили на дворъ лихого домового, вѣшаютъ въ конюшню медвѣжью голову. Все это дѣлается будто для того, чтобы лихой не вступалъ въ борьбу съ добрымъ за жилое и не обезсилилъ бы его.

Въ старину, на Семень день бывали постриги и сажаніе на коня. Постриги совершались въ однихъ семействахъ на каждомъ сынѣ, а въ другихъ на одномъ пер-

венцѣ. Этотъ древній русскій обычай нынѣ прекращается. Въ нашихъ лѣтописяхъ, мы находимъ его въ 1191 г. едва ли не въ первый разъ. Онъ тогда былъ совершенъ надъ Ярославомъ, сыномъ великаго князя Всеволода (Книгсбер. списокъ лѣтоп., стр. 286). Великій Всеволодъ III постригалъ сына своего Георгія: «быша постриги у великаго князя Всеволода Юрьева сына Долгорукаго сыну его князю Юрію въ градѣ Суздаль; того-же дни и на конь всадиша его (лѣт. по Никон. сп. т. III, стр. 226 подъ годомъ 6699). Въ 1230 году, «князь Михайлъ сотвори постриги сынови своему, Ростиславу въ Новѣгородѣ у святой Софіи; и у я власъ архіепископъ Спиридонъ» (полн. собр. русск. лит. т. III, стр. 46). Константинъ Всеволодовичъ постригалъ сыновей своихъ, Василия и Михаила, въ 1213 году (лѣт. по Никон. сп. т. II, стр. 314). Возрастъ, для постригъ не имѣлъ опредѣленнаго времени. Такъ Георгій Всеволодовичъ, рожденный въ 1189 г., былъ постриженъ въ 1191 г., слѣдственно на третьемъ году. Василий Константиновичъ родился 1209 г., а постриги его были въ 1213 г.,—на 4 году. Всеволодъ Константиновичъ родился въ 1210 г., а постриги его были въ 1213,—на 3 году. Древній обрядъ постриженія надъ великокняжескими дѣтьми совершался въ церкви, отъ руки епископа. Всѣ подробности этой старой жизни нашихъ отцовъ остаются въ неизвѣстности. Историкъ Татищевъ передалъ намъ о своихъ современникахъ, и послѣ него всѣ стали утверждать, что постриги на Руси прекратились. Въ 1840 году М. Н. Макаровъ въ «Русскихъ преданіяхъ» (кн. 3, стр. 52), рассказывалъ, что въ родѣ Писаревыхъ сохранялись постриги и сажаніе на коня, и что онъ самъ то же испыталъ на себѣ. Замѣтимъ здѣсь: древнія постриги, вѣроятно, разнились въ

обрядохъ съ новыми, современными намъ. Нынѣ совершаются постриги между старообрядцами и простымъ народомъ болѣе по старой привычкѣ, нежели въ воспоминаніе древняго обряда. Казаки совершали постриги послѣ сорока дней отъ рожденія. Простой народъ совершаетъ постриги на Семень день, а другіе въ именинный день. Для сего созываютъ родныхъ, приглашаютъ кума съ кумой. Послѣ мольбствія, отецъ подаетъ куму ножницы, а кумъ выстригаетъ у крестника гуменцо. Выстриженные волосы кума передаетъ матери. Волосы зашивали въ ладонку. Кумъ и кума выводили своего крестника на дворъ, гдѣ отецъ ожидалъ ихъ съ конемъ, а мать разстилала для нихъ коверъ. Здѣсь кумъ, на коврѣ, передавалъ своего крестника отцу съ ласковымъ словомъ, а отецъ, принимая своего сына съ поклонами, сажалъ на коня. Послѣ сего кумъ водилъ коня по двору за узду, а отецъ придерживалъ сына. У крыльца, отецъ снималъ сына съ коня и передавалъ его куму; кумъ отдавалъ его изъ-полы своей кумѣ съ поклонами; кума съ ласковымъ словомъ вручала его матери. Наконецъ отецъ съ матерью одаривали кума съ кумой, а они крестника. Подарки кума почти всегда состояли изъ коня, а кума дарила подпоясъ и галицами. За обѣдомъ, на головѣ крестника, разламывали кумъ съ кумой именинный пирогъ, съ пожеланіемъ всякаго богатства и счастія. Наши поселяне ранѣе семи лѣтъ не приступаютъ къ постригамъ. Первенца постригаютъ кумъ съ кумой, а всѣхъ другихъ сыновою отецъ съ матерью, по прошествіи трехъ лѣтъ, безъ всякихъ обрядовъ. Выстриженное гуменцо сохранялось до самой смерти. Въ старину, на боярскія постриги прихаживали крестьяне съ челобитьемъ и подарками. Челобитчиковъ угощали виномъ и имениннымъ пирогомъ.

Въ Новгородской губерніи, въ селеніяхъ около Валдая, есть повѣріе, что на Семень день рыба угорь утренней зарей выходитъ изъ воды и прогуливается лугомъ на три версты по росѣ. Эта рыба будто тогда смываетъ съ себя всѣ болѣсти. Наши поселяне считаютъ угорь въ числѣ непозволенныхъ яствъ. Одна только крайность заставляетъ мужика покуситься на эту рыбу, но и то съ условіемъ: обойди напередъ семь городовъ, и если не сыщешь никакой яствы, тогда можно ѣсть угорь, не касаясь головы и хвоста. Они считаютъ его за водяного змѣя, хитраго и злобнаго, но, за какіе-то грѣхи, лишеннаго жалить людей и звѣрей. При всемъ томъ колдуны употребляютъ его въ своихъ кудесахъ, когда нужно знать о пропажѣ. Тогда они кладутъ угорь на горячія уголья и по прыжкамъ и движеніямъ гадаютъ, гдѣ скрыта пропаша.

8. Аспосовъ день.

На Аспосовъ день нашъ народъ встрѣчаетъ: осенины играми и пѣснями. Рано утромъ женщины выходятъ къ берегамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ встрѣчать матушку осенину съ овсянымъ хлѣбомъ. Старшая женщина стоитъ съ хлѣбомъ, а молодыя вокругъ ея поютъ пѣсни. Послѣ сего разламываютъ хлѣбъ на куски по числу народа и кормятъ имъ домашній скотъ.

Въ Тульской губерніи къ новобрачнымъ сходились всѣ родные и знакомые. Такихъ гостей позыватый приглашалъ: навѣстить молодыхъ, посмотрѣть на ихъ житье-бытье и поучить ихъ уму-разуму. Послѣ сытнаго обѣда, молодая хозяйка показывала въ домѣ все свое хозяйство. Гости, по обыкновенію, должны были хвалить и учить уму-разуму. Хозяинъ водилъ гостей на дворъ, пока-

зываетъ имъ въ амбарахъ жито, въ сараяхъ лѣтнюю и зимнюю упряжь, а въ саду угощаль пивомъ изъ боченка.

12. Пришты.

Въ селеніяхъ Московской губерніи есть повѣріе, что змѣи съ этого дня перебираются изъ полей въ лѣса и уходятъ въ землю.

14. Пришты и обычаи.

Поселяне Рязанской, Тамбовской и Тульской губерній сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: шуба за кафтаномъ тянется. — Гадъ и змѣя не движется, а хлѣбъ съ поля сдвинется. — Вздвиженскія зазимки мужику не бѣда. — Смекай баба про капусту, на Вздвиженъевъ день. — У добраго мужика на Вздвиженъевъ день и пирогъ съ капустой.

Съ сего дня въ городахъ начинаются дѣвичьи вечеринки — капустницы. Это народное торжество, отправляемое горожанками, извѣстно во многихъ мѣстахъ. Въ Алексинѣ, уѣздномъ городѣ Тульской губерніи, дѣвушки, въ богатыхъ уборахъ, ходятъ съ пѣснями изъ дома въ домъ рубить капусту. Въ домахъ, гдѣ приготовлена для гостей капуста, убирается особенный столъ съ закусками. За дѣвицами является молодежь съ своими гостинцами высматривать невѣсть. Вечеромъ по всему городу разыгрываются хороводы. Въ Сибири на капустенскіе вечерки приглашались сосѣдки. Тамъ капустницы, входя въ домъ, поздравляли хозяевъ съ капустой, какъ съ праздникомъ. Для добрыхъ гостей варилось пиво, приготовлялся обѣдъ и ужинъ, гдѣ все торжество хозяйки составлялъ пирогъ

хлѣбальный. День оканчивался плясками и играми. Капустницы на Руси продолжались двѣ недѣли.

15. Наблюденія.

Гусиные промышленники и охотники празднуютъ сей день съ особенными обрядами. Въ старину охотники хаживали по дворамъ съ пшеницей въ рукахъ. Входя на дворъ они стучали въ притолоку и вызывали хозяина показать свою охоту. Хозяинъ встрѣчалъ гостя на крыльцѣ и вводилъ его на загородъ, гдѣ содержались гуси. Здѣсь хозяинъ угощалъ гостя чаркою вина, а гость разсыпалъ гусямъ пшеницу. Такія посѣщенія продолжались во весь день и оканчивались вечеромъ пирушками. Друзья охотники дарили другъ друга лучшими гусями. Гусь передавался изъ полы въ полу, съ особенными пожеланіями и проводами до воротъ, гдѣ чарка съ виномъ скрѣпляла будущія увѣренія въ дружбѣ. Вечернія угощенія происходили въ домѣ богача охотника. Здѣсь круговыя чаши съ виномъ и медомъ стояли съ самаго утра на столѣ. Гость, входя въ домъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, угощался изъ этой чаши виномъ или медомъ и клалъ на столъ калачъ на новоселье гусямъ. Послѣ сбора всѣхъ гостей, хозяинъ вносилъ въ комнату пару гусей-бойцовъ на похвальбу своей охоты. Гуси-бойцы украшались красными лентами. Надъ головами этихъ красавцевъ всѣ гости пили изъ круговой чаши вино, или медъ. Хозяинъ сбрызгивалъ гусей-бойцовъ медомъ. Нерѣдко бывало, что ретивые охотники на веселой пирушкѣ заводили споры и побоища.

Поселяне сей день называютъ: гусепролетъ, гусари, рѣпорѣзы. По ихъ замѣчаніямъ, съ этого дня дикіе гуси

улетаютъ стадами на теплыя моря. По крику гусей и полету они заключаютъ о наступленіи скорыхъ холодовъ. Огородники начинаютъ на этотъ день вырывать въ поляхъ рѣпу. Тогда они говорятъ: ужъ видно мужика по рѣпѣ, что подошли рѣпорѣзы.— Не дремли баба на рѣпорѣзовъ день. Гусиные промышленники съ этого дня начинаютъ скупать по селамъ гусей. Въ селахъ бой гусей прежде начинался съ 15 сентября. Когда наши бояре живали въ деревняхъ, имъ подносили старики на челобитье гуся съ гусыней отъ всего міра. Гусыню накрывали кумачной ширинкой, а на шею гуся надѣвали льняную плетенку въ видѣ кольца. Челобитчиковъ бояре одаривали ширинками и угощали виномъ.

Наши поселяне сохранили странное повѣрье о гусахъ: будто они все лѣто живутъ подъ надзоромъ водяного дѣдушки. Чтобы задобрить сего неумолимаго дѣдушку, они ночью, подъ 15 сентября, отрываютъ гусю голову и бросаютъ туловище въ воду. Водяной за такіе поминки стережетъ гусей и никому не даетъ ихъ въ обиду. Въ противномъ случаѣ, онъ мучитъ гусей, или изводитъ ихъ. Оставшуюся голову относятъ на птичій дворъ изъ опасенія, чтобы домовый по убыли не узналъ о продѣлкахъ мужика. Извѣстное дѣло, что заботливый домовый ведетъ счетъ по головамъ. Есть голова на-лицо, онъ покоенъ; нѣтъ головы, мужикъ виноватъ.

Во многихъ городахъ на этотъ день бываютъ гулянья, а въ селахъ ярмарки. Въ Ярославлѣ бываетъ гулянье на Никитской улицѣ, въ Москвѣ близъ Никитскаго монастыря. Наши поселяне въ старину пріѣзжали съ своими новинами на ярмарки, не то чтобы для продажи, а такъ за-просто, чтобы допытаться: какія цѣны установятся на хлѣбъ?

18. Прижѣты.

Наши поселяне замѣчаютъ о послѣднемъ полетѣ журавлей на теплыя моря. Если въ сей день полетятъ журавли, то на Покровъ будетъ первый морозъ. Если не случится замѣтить имъ полета журавлей, то ожидаютъ перваго мороза не ранѣе 20 октября. Тогда дѣти и взрослые, замѣтивши издали журавлей, кричатъ: колесомъ дорога! колесомъ дорога! Они твердо увѣрены, что сей крикъ разстраиваетъ журавлей; отвращаетъ ихъ отъ полета на теплыя моря, а съ ними вмѣстѣ возвращается и зима назадъ. Въ Тулѣ очень часто мои земляки спорили о возможности этимъ средствомъ отдалить зиму.

20. Наблюденія.

Поселяне въ сей день замѣчаютъ теченіе вѣтровъ. Такъ на Онегѣ шелоникъ вѣтеръ, дующій съ югозапада, производитъ бури. Рыбаки о немъ говорятъ: вѣтеръ шелоникъ на Онегѣ разбойникъ. Другіе вѣтры называютъ тамъ: зимнякъ, сѣверикъ, подсѣверный, меженецъ. Галицкіе рыбаки вѣтеръ, дующій вдоль озера, называютъ продольнымъ; второй восточный отъ столбища, гдѣ когда-то, близъ княжескаго дворца, стоялъ столбъ; третій среднимъ, когда онъ дуетъ съ сѣвера; четвертый ребровскимъ, когда онъ дуетъ отъ села Реброва. Средній вѣтеръ, дующій при началѣ ловли, по ихъ замѣчаніямъ, приноситъ съ собою стужу и дождь. Сѣверный вѣтеръ почитается у нихъ самымъ опаснымъ, а въ окрестности называется: галицкими ершами. О немъ рыбаки говорятъ: подули галицкіе ерши. На озерѣ Селигерѣ есть свои названія. Тамъ попутный вѣтеръ называютъ: повѣ-

теръ, сѣверо-восточный: межникъ, меженецъ, противный: противень, боковой, покачень, боковикъ. Южный вѣтеръ волжскіе рыбаки называютъ: хилокъ, и считаютъ его предвѣстникомъ ведра. Наши степные поселяне имѣютъ свои названія. Сладимые вѣтры, дующіе съ юга, при началѣ посѣва, общають плодородіе. Вѣтеръ веснякъ, дующій съ юго-востока, разбиваетъ почку у деревъ. О вѣтрахъ полуденномъ и полуночномъ они имѣютъ свои повѣрья. Всѣ подробности о вѣтрахъ съ ихъ олицетвореніями будутъ изложены въ Русской народной символикѣ. Свѣжій, юго-восточный вѣтеръ на Волгѣ называется: моряно, моряна. Когда тамъ говорятъ: «дуетъ моряна», то это значитъ, что вѣтеръ дуетъ съ моря. Тамъ онъ всегда поднимаетъ воду въ Волгѣ, что рыбаки называютъ нагономъ. Перекатомъ называютъ пережѣнный, благопріятный вѣтеръ, дующій на Каспійскомъ морѣ. При перекатахъ идетъ рыба на ловлю. Перекатомъ дошелъ — у нихъ значитъ: проплылъ пережѣнными, попутными вѣтрами въ морѣ. Сорочикомъ или соровчкомъ называется въ Каспійскомъ морѣ вѣтеръ, дующій съ сѣверо-восточной стороны. Вѣтры на Байкальскомъ озерѣ имѣютъ свои названія. Востокъ есть вѣтеръ восточный, шелоникъ—юго-восточный, полуденикъ—южный, глубникъ—юго-западный, горный—сѣверо-западный, обетонъ—дующій прямо, битезъ—наискось, колышень—зыбленіе воды подъ вѣтромъ, пурга—вьюга и метелица съ вѣтромъ и снѣгомъ, толкунцы — бурные вѣтры со шквалами. На Бѣломъ морѣ зводнями называются валы, обѣдникомъ — юго-восточный вѣтеръ, шелоникомъ—юго-западный, полудникомъ — сѣверо-западный, полунощникомъ — сѣверо-восточный, голымя — вѣтеръ, дую-

щій въ открытое море. Въ Тулѣ московскимъ вѣтромъ называютъ сѣверо-западный; онъ, по мнѣнію ихъ, приноситъ съ собою холодъ и дожди. Кіевскимъ величаютъ южный; объ этомъ думаютъ, что онъ приноситъ съ собою теплую погоду. Можетъ быть, современемъ, успѣемъ привести въ извѣстность всѣ мѣстныя названія вѣтровъ, успѣемъ ими замѣнить нашу морскую технику. Всѣ эти ожиданія скорѣе исполнятся нашими потомками. Мы слишкомъ спѣсивы.

21. Заревницы.

Съ этого дня наши бояре въ старину начинали замолотки. Съ вечера топились овины, около ихъ собирались молотильщики и всю ночь проводили съ пѣснями и играми. Съ полуночи зажигались костры — заревницы и начинались замолотки. Первый овинъ наши поселяне называютъ имениннымъ. Для имениннаго овина варятъ молотильщикамъ кашу. Садясь за завтракъ, они говорятъ: хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ. Вечеромъ бояре угощали на своемъ дворѣ молотильщиковъ пирогами и брагою.

25. Пришты.

Наши поселяне по погодѣ сего дня замѣчаютъ объ установленіи зимы. Первый снѣгъ, по ихъ наблюденіямъ, выпадаетъ за 40 дней до зимы. О первомъ снѣгѣ они говорятъ: если выпадетъ первый снѣгъ на Сергіевъ день, то зима установится на Михайловъ день. Они думаютъ, что первый снѣгъ выпадаетъ отъ Сергіева дня въ продолженіе четырехъ семинъ (недѣль). На основаніи этихъ данныхъ выводятся всѣ ихъ расчеты. Числа: 5, 11 и 21

ноября и 6 декабря принимаются за основныя указанія установки зимы. Впрочемъ, эти правила принадлежать мѣстностямъ и имѣютъ свои исключенія.

30. Наблюденія.

Вечеромъ молодыя бабы въ степныхъ селеніяхъ сжигаютъ свои соломенные постели — однѣ въ печахъ, другія въ овинахъ. Все это дѣлается будто отъ призора недобраго глаза. Съ этой ночи онѣ уже спятъ на новыхъ постеляхъ. Между тѣмъ, старушки сжигаютъ только одни лапти. Дѣтей купаютъ на порогѣ изъ рѣшета. И это все дѣлается въ избѣжаніе будущихъ болѣзней.

Мѣсяцъ октябрь.

Слово октябрь, или октоврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки, кرواتы и иллирійцы называли его: листопадъ, поляки и малоруссы: паздерникъ (паздерыкострики), сорабы: винскій, карніольцы: косаперскъ, чехи и словаки: ржіенъ, венды: оброчникъ, десетникъ, косоперць. Народное названіе сего мѣсяца: грязникъ. Въ старой русской жизни октябрь былъ восьмымъ мѣсяцемъ, съ XV вѣка вторымъ. Съ 1700 года считаютъ его десятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне объ октябрѣ сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: мни и топчи льны съ половины грязника. — Зпать осень въ октябрѣ по грязи. —

Въ октябрѣ та бабамъ и работа, что льны при-
спѣвать. — Всѣмъ бы октябрь взялъ, да мужику
ходу нѣтъ. — Охъ ты, батюшка октябрь! только и
добра въ тебѣ, что пивомъ взялъ. — Въ октябрѣ и
изба съ дровами и мужикъ съ лаптями, а спорины
все нѣтъ. — Въ октябрѣ только и ягодъ, что ряби-
на. — Въ октябрѣ мужикъ живетъ съ оглядкой.

1. Наблюденія.

Въ Сибири говорятъ: Покровъ не лѣто, а Срѣ-
тенье не зима. Въ сѣверныхъ губерніяхъ поселяне гово-
рятъ: на Покровъ первое зазимье. Въ Тульской губер-
ніи замѣчаютъ: Если на Покровъ вѣтеръ подуетъ
съ востока, то зима будетъ холодна.

1 октября у нашихъ поселянъ бываетъ срокомъ работъ
и наймовъ. Этотъ срокъ у нихъ заключается въ выраже-
ніяхъ: отъ Покрова до Евдокей. — Отъ Покрова до Кре-
щенья. — Прислѣй товарищъ къ Покрову. — Сдамъ на По-
кровской ярмаркѣ. — Подожди до Покрова: весь долгъ вы-
плачу.

Съ 1 октября въ селахъ начинаются свадьбы. Наши
старушки выпадене снѣга на этотъ день считаютъ сча-
стливымъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ. Тогда дѣ-
вицы говорятъ: Батюшка Покровъ, покрой сыру
землю и меня молодую. Иные говорятъ: бѣлъ снѣгъ
землю прикрываетъ, не меня ли молодую замужь
снаряжаютъ?

Покровское гулянье считается послѣднимъ игрищемъ у
поселянъ и горожанъ. Гулянье въ селѣ Покровскомъ доселѣ
напоминаетъ москвичамъ объ окончаніи войны 1613 года.

4. Повѣрье.

Наши поселяне думаютъ, что съ сего дня перестаютъ бродить по лѣсу лѣшіе. Разставаясь съ лѣсомъ, они, будто съ досады, ломаютъ деревья какъ тросточки, въ полянахъ вырываютъ землю на семь пядей, загоняютъ всѣхъ звѣрей по норахъ, а сами проваливаются сквозь землю. Во весь день вѣтеръ воетъ по лѣсамъ, птицы не смѣютъ прилетать къ деревьямъ. Объ мужикѣ и говорить нечего: ни за что изъ доброй воли не пойдетъ въ лѣсъ. Лѣшій не свой братъ — переломаетъ всѣ косточки не хуже медвѣдя. Между поселянами существуетъ преданіе объ удаломъ мужикѣ, желавшемъ подсморгнуть, какъ лѣшій будетъ проваливаться сквозь землю.

«Жилъ когда-то въ деревнѣ мужикъ, не въ нашей, а тамъ, въ чужой, собой не мудрой, но за то такой проворной, что всегда и вездѣ успѣлъ первый. Поведутъ ли хороводы, онъ первой впереди; хоронятъ ли юго, онъ и гробъ примѣряетъ и на гору стащить; просватаютъ ли кого, онъ поселится отъ рукобитья до самой свадьбы, и поетъ и пляшетъ, обновы закушаетъ и бабъ наряжаетъ. Отродясь своей избы не ставилъ, городьбы не городилъ, а живалъ въ чуждй избѣ, какъ у себя во дворѣ. Хлѣбалъ молоко отъ чужихъ коровъ, ѣлъ хлѣбъ изъ всѣхъ пчей, выѣзжалъ на базаръ на барскихъ коняхъ, накупалъ гостинцевъ для всѣхъ деревень. Въ деньгахъ счету не зналъ. У кого нѣтъ избы, онъ дастъ денегъ на избу; у кого нѣтъ лошадки, онъ дастъ денегъ на пару коней. Одного только не знали православные: откуда къ нему деньги валятся? Старики поговаривали, что онъ продалъ свою душу неистому за деньги, и утверждали за правду, что трудовая копѣйка не велика

и для своей нужи. А у него, отчего же завелись деньги для всѣхъ? Съ работы де не будешь богатъ, а только горбатъ. Бабы говорятъ свое: старики никогда правды не скажутъ. Ну, кто бабъ переспорить? Молодые судили по-своему: онъ де кладъ нашель съ золотомъ и серебромъ. Вотъ отчего и богатство. Бабы и тутъ стояли на своемъ: что молодые знаютъ? Молодо зелено. Поди, увѣрь ихъ, что молодые не дураки, такъ послѣ и бѣги самъ съ бѣла свѣта. Старушки увѣряли своихъ кумушекъ, что удалой таскаетъ свои деньги изъ вороньяго гнѣзда. Тамъ де никогда денегамъ перевода нѣтъ. Вотъ затѣмъ-то онъ и въ лѣсъ ходитъ всякій день. Бабы и тому не вѣрили: гдѣ де старухамъ знать? Давно изъ ума выжили! А скажи бабамъ, что старухи умнѣ ихъ, такъ и въ избѣ мѣста не дадутъ. Одинъ только староста говаривалъ подъ хмѣлькомъ, что онъ знаетъ всю правду. Старостѣ можно было бы повѣрить: мужикъ онъ богатый, нонть стариковъ брагой, кормитъ ребятъ пирогами. Все это говорятъ мужики; а бабы думаютъ другое: староста де все дѣлаеть по женину велѣнью. Что скажетъ его баба, такъ тому и быть. А съ бабынжъ умомъ далеко ли уйдешь? Послушайте-ка, что сосѣди говорятъ про старосту. Разъ случилась на него, старосту, бѣда: недочетъ вышелъ въ подушныхъ. Вотъ онъ и началъ спрашивать бабу издалека: хвалишься ты, баба, что умнѣй тебя нѣтъ, а знаешь ли ты, баба, сколько у насъ въ селѣ дворовъ? — Знать, не знаю, а сочту поузнѣй твоего. И начала баба всѣхъ тридцать дворовъ. — Староста сидитъ за столомъ, бороду поглаживаетъ, на бабу поглядываетъ, да и молвить: дворовъ-то было тридцать еще до тебя, когда я не женился, а ты, баба, замужь не шла. А знаешь ли ты, баба, сколько подушнаго съ мужиковъ идетъ? — Вотъ еще чего не

знать! Съ Петрова по рублю, съ Евдочей по рублю, съ Радунецъ по рублю; а сколько всего, ты самъ смежи, умная голова. — Сидитъ мужикъ и думаетъ: нѣтъ эдакъ и въ годъ не сочтешь! Есть дворы вдовьи, есть и въ пустѣ. Въ приказѣ уряжено со вдовьяго двора не брать, а съ пустого нечего взять. И пошелъ староста къ удалому мужику на совѣтъ, ума-разума набратъся. А пошелъ было онъ не просто съ поклонами, а съ дорогими посулами: съ виномъ и пряникомъ. Дозналась баба, что у мужа на умѣ сидитъ, такъ и не вѣсть что было: и была-то его, и бранила-то его, и на недѣлю въ амшеникъ заперла. Ну сами вы, православныя, народъ толковый, посудите поумнѣй: можно ли вѣру дать старостѣ, что онъ говоритъ? Другое дѣло удалой мужикъ: ума палата. Все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается: какъ на торгу купецъ торгуетъ; какъ въ городѣ воевода судить-рядить; какъ бояре живутъ въ каменной Москвѣ. Кажись, мужику чего бы больше и знать? Такъ нѣтъ: давай то, что не знаю, говори то, что не вѣдаю. Нашъ удалой одного только не зналъ: какъ лѣшїе проваливаются сквозь землю. Задумалъ мужикъ самъ собой посмотрѣть на лѣшаго, да и былъ таковъ. Ну что бы ему попросить совѣта у бабъ? Все бы лучше присудили: какъ миновать бѣды? Старики прежде насъ говаривали, что бабы на это дѣло умнѣй мужиковъ. Вотъ и ходитъ мужикъ по лѣсу, а тутъ навстрѣчу ему лѣшїй. Онъ и тутъ не сбѣлъ: шапку долой, да и ему-жъ челомя. Извѣстное дѣло, что лѣшїй не говоритъ, а только смѣется. Удалой себя на умѣ молвитъ: нѣтъ, братъ, меня этижъ не проведешь, смѣйся себѣ, сколько хочешь. Лучше попытаю: гдѣ его жилье? И началъ пытать его, вотъ такъ: а есть ли у тебя, Иванычъ, хата да жена баба? — И повелъ лѣшїй мужика къ своей

хатѣ, по горамъ, по доламъ, по крутымъ берегамъ. Шли, шли и пришли прямо къ озеру. — Не красна же твоя изба, Иванычъ, молвилъ удалой. У насъ, братъ, изба о четырехъ углахъ, съ крышкой да съ поломъ. Есть въ избѣ печь, гдѣ ребята лежать, есть полати, гдѣ съ женой спать, есть лавки, гдѣ гостей сажать. А у твоей хаты, прости Господи, ни дна, ни покрышки. — Не успѣлъ мужикъ дожолвить слова, какъ бухъ лѣшій о землю: земля-то разступилась, туда и лѣшій попалъ. Съ тѣхъ поръ удалой сталъ дуракъ дуракомъ: ни слова сказать, ни умомъ пригадать. Такъ дуракомъ померъ. Зачѣмъ было ему смотрѣть на лѣшаго? Хотѣлъ умнѣй всѣхъ быть. Да и чего набраться у него, лѣшаго? Важное дѣло: смотрѣть, какъ будетъ опъ сквозъ землю проваливаться! Небось, весною опять выскочитъ изъ земли, какъ ни въ чемъ не бывало. Вишь ихъ такая порода».

10. Примѣты.

Поселяне выходятъ смотрѣть на мѣсяцъ: куда онъ смотритъ? Если золоты рога у мѣсяца на полночь, то оттуда повѣютъ метели со снѣгомъ и зима ляжетъ по суху; если рога на полдень, то прежде наступятъ грязи и зима долго не станетъ.

12. Наблюденія.

Въ степныхъ селеніяхъ съ сего дня наблюдаютъ появленіе звѣздъ съ полудня и полуночи. Наша народная астрономія очень мало извѣстна грамотнымъ людямъ, и многіе даже не вѣрятъ ея существованію. Всѣ подробности, мнѣ извѣстныя, будутъ изложены въ Русской символикѣ; здѣсь предлагаю однѣ примѣты о звѣздахъ.

Чигирь звѣзда. Такъ поселяне называютъ Венеру. Преданіе о сей планетѣ заключается въ томъ, что она показываетъ человѣку счастье и несчастье, что дѣлать и чего нѣтъ. Наши грамотные старики записали о ней слѣдующее: «сія бо звѣзда едина именовъ Чигирь есть, межъ всѣми звѣздами 10 мѣстъ во всякомъ мѣсяцѣ имѣеть, а по трижды приходитъ на всякое мѣсто коегождо мѣсяца. Сіе есть великая мудрость. Аще кто добръ гораздъ и разумѣеть мѣсячному народженію, той видитъ и кій кругъ вѣдаетъ сія звѣзда Чигирь. Аще кому ѣхати, или идти куда, или сесть, смотри, на которую сторону та звѣзда стоитъ: аще она станетъ противу, и ты противу ея не ѣзди ни куды. Во дни 1, 11 и 21, стоитъ Чигирь на востоцѣ, и ты хранины не ставь, на дворѣ главы своей не голи. Во дни 2, 12, 22 стоитъ Чигирь межъ востокомъ и полуднемъ, и ты съ женою не спи; ино рожденное будетъ курча и бесплодно. Во дни 3, 13, 23 стоитъ Чигирь на полудни, и ты въ тѣ дни въ полдни не купайся, въ баню не ходи: изойдешъ лихомъ, или учинится переполохъ».

Сажаръ звѣзда. Сажаромъ поселяне называютъ Медвѣдицу. Они думаютъ, что это созвѣдіе благоприятствуетъ охотникамъ отыскивать звѣрей и что медвѣди живутъ подъ ея защитой. За воровство и кражу Сажары наводятъ сонъ на медвѣдей во всю зиму. Когда Сажары глядятъ на землю, тогда медвѣди бываютъ смиренны и не нападаютъ на человѣка. Основываясь на этомъ преданіи, охотники пускаются въ лѣсъ только при появленіи Сажаръ.

Гнѣздо утиное звѣзда. Такъ поселяне называютъ Плеяды. Они думаютъ, что Гнѣздо населено духами, въ послѣдній день новолунія горитъ яркимъ огнемъ и что то-

гда тамъ бываетъ праздникъ. По яркому свѣту поселяне угадываютъ о погодѣ всего мѣсяца.

Кигачи звѣзда. Такъ поселяне называютъ Орионовъ поясъ. Въ Костромской губерніи по этому созвѣздію поселяне узнаютъ время. Въ степныхъ селеніяхъ говорятъ, что Кигачи ѣздятъ впятеромъ по небу на колесницахъ, по тысячѣ верстъ на часъ. Гдѣ они станутъ на небѣ на постой, на землѣ поютъ пѣтухи. Кигачи такіе же люди, какъ и мы; только ростомъ и дородствомъ непохожи на насъ.

Желѣзное колесо. Такъ поселяне называютъ Арктической поясъ. Они думаютъ, что тамъ заключены татары и что ихъ избавленію не будетъ конца. Заключены они, татары, въ желѣзный дощъ; а дощъ тотъ стоитъ отъ земли до неба, на желѣзномъ колесѣ.

Дѣвичьи зори. Такъ поселяне называютъ три звѣзды подлѣ Млечнаго пути. Они рассказываютъ: «жили когда-то на бѣломъ свѣтѣ три родныя сестры; а были тѣ три сестры родствомъ и дородствомъ сестра въ сестру; что глядѣть на одну, то увидишь и на другой. Жили тѣ три сестры въ одномъ дощѣ, безъ отца и безъ матери, сами правили дощомъ, сами пахали, сами хлѣбъ продавали. Приходили сваты и свахи сватать тѣхъ сестеръ за молодыхъ ребятъ; придутъ сваты къ воротамъ, ворота сами растворяются; пойдутъ къ избѣ, двери сами отойдутъ настежь, взойдутъ въ избу, въ избѣ нѣтъ ни живого, ни жертваго, какъ послѣ мора. Постоятъ, постоятъ, такъ и пойдутъ ни съ чѣмъ. Выйдутъ на улицу, посмотрятъ на окна, а у оконъ сидятъ три сестры вмѣстѣ, прядутъ одну кудель. Вотъ и придумали бабы сжить тѣхъ трехъ сестеръ; онѣ де повѣдмилась, оттого и живутъ врозь отъ народа кре-

щеннаго. Сдумано и сдѣлано. Пойдутъ ночью зажигать городьбу, глядятъ — городьбу и огонь не беретъ. Зажгутъ избу, и изба не горитъ. Пытались бабы достать и живой огонь въ Ивановскую ночь; и тотъ огонь не беретъ ихъ. Ходили по знахарямъ и колдунамъ; и тѣ ума не приложить, что съ тремя сестрами дѣлать. Ужъ какіе кудесы не строили надъ ними? Имъ все ничего. Вотъ разъ и видятъ бабы: летитъ огненный змѣй по селу и прилетѣлъ прямо въ избу къ тремъ сестрамъ. Чтожъ, скажите, змѣй въ избу влетѣлъ? Не тутъ-то было: побѣгалъ, побѣгалъ вокругъ избы, да и прочь полетѣлъ. Вотъ, такъ народецъ, думаютъ бабы — и змѣй не беретъ ихъ. Ну, гдѣ тутъ сладить бабамъ? Дознались бабы, что померли тѣ три сестры. Хочется бабамъ поглядѣть на тѣхъ трехъ сестеръ, да какъ войти въ избу? Страшно и подумать, кому идти напередъ. Всякому своя жизнь дорога. Сжалились мужики надъ бабами, да и пошли сами впередъ. Подходятъ къ городьбѣ, городьба разступилась на четыре стороны; подходятъ къ избѣ, изба рассыпалась на мелкія щепки. Тутъ-то мужики догадались, что тѣ три сестры были прокляты на роду. Да и послѣ смерти имъ худое житье: досталось весь вѣкъ горѣть зорями. Вотъ ихъ ужъ немножко осталось: только три красныхъ пятнышка. Ништо имъ проклятымъ: таковская и честь».

Косари. Такъ поселяне называютъ голову Млечнаго пути. Они думаютъ, что у Млечнаго пути голова состоитъ изъ четырехъ косарей. Эти косари сѣкутъ и рубятъ всякаго встрѣчнаго на пути.

Становище. Такъ поселяне называютъ Млечный путь. Они думаютъ, что Становище наполнено старыми служивыми, басурманскаго отродья. По тому-то Становищу хаживали татары на святую Русь прямо отъ желѣзныхъ

горь. Въ Тульской губерніи старики рассказываютъ, что татары хаживали на Русь по Комаринской дорогѣ. Это самое записано и въ древней Русской Идрографіи. Неподалеку отъ Тулы есть и Комаринскій бродъ чрезъ Упурѣку. Чрезъ этотъ бродъ татары прихаживали къ сему городу. О самомъ Млечномъ пути нашъ народъ рассказываетъ: «когда-то на Становищѣ басурманка мать кормила свое дитя груднымъ молокомъ. Басурманское отродье не умѣло сосать молока, которое будто бы разлилось по небу. Потомъ изъ этого молока развелись по Становищу старые служивые. А эти служивые до того дожили, что не владѣютъ отъ старости ни руками, ни ногами. Зато вмѣсто нихъ поставлены насторожѣ четыре Косаря, которые сѣкутъ и рубятъ всякаго».

Маньякъ. Такъ поселяне называютъ падающія звѣзды. Наши грамотные дѣды этотъ Маньякъ величали Бѣлымъ путемъ. О Маньякѣ наши поселяне рассказываютъ разные преданія. Одни говорятъ, что Маньякъ всегда падаетъ съ неба на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность. Другіе утверждаютъ, что въ его видѣ летаютъ нечистые духи посѣщать одинокихъ бабъ, когда ихъ мужья пускаются въ дальній путь на заработки. Тогда они, при видѣ Маньяка, говорятъ: «аминь! рассыпся!» Третьи со страхомъ увѣряютъ, что это блуждаютъ проклятые люди и что они сгоняются съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока будутъ прощены.

14. Грязнихи.

Такъ поселяне привыкли называть осеннія грязи. Въ этомъ днѣ у нихъ сосредоточены свои наблюденія. Если 14 октября будетъ полная, осенняя грязь, то они насчи-

тываютъ четыре седмины до появленія зимы. Грязники извѣстны и въ Сибири.

23. Наблюденія.

Поселяне сохранили объ этомъ днѣ свои наблюденія въ поговоркахъ: коли на Казанскую дождь пойдетъ и всѣ луночки нальетъ, то и зима пойдетъ (другіе говорятъ: то и зиму приведетъ).— На Казанскую добрые люди вдаль не ѣздятъ.— Пошелъ бы на Казанскую дождь, а то будетъ зима на дворѣ съ сугробами.— Ранняя зима и объ Казанской на санкахъ ѣздить.— Наряжали бабъ изъ Захарьева села съ блинами становиться объ Казанской на судъ, а нашихъ бабамъ то и на-руку.

26. Пришѣты.

Въ Сибири говорятъ: Дмитріевъ день перевоза не ждетъ. Поселяне Тульской губерніи замѣчаютъ: если Дмитріевъ день будетъ по голу (безъ снѣга), то и Пасха будетъ теплая.

28. Льяницы.

Поселянки Костромской губерніи празднуютъ сей день съ началомъ уборки льна. Съ вытрепанными опышками льна выступаютъ на улицу напоказъ добрымъ людямъ. Пожилыя старушки ходятъ въ церковь служить молебны и съ усердіемъ испрашиваютъ благословеніе своимъ начаткамъ. Въ Тульской губерніи съ этого дня начинаютъ мять и трепать льны.

29. Овчарь.

Съ этого дня поселяне начинаютъ стричь овецъ. Въ степныхъ селеніяхъ для овчаря пекутъ пироги и угощаютъ пастуховъ.

30. Юровая.

Такъ въ Сибири называется праздникъ рыбаковъ: онъ совершается при отправленіи ихъ по Иртышу за ловлею красной рыбы.

Въ Тульской губерніи охотники, собираясь на охоту за зайцами, сходятся пировать въ одну избу. Если на этотъ день выпадеть снѣгъ, то они, вмѣсто пирушки, разгуливаютъ по порошамъ, и тогда уже именинный заяцъ довершаетъ ихъ пирушку на другой день.

Въ замосковныхъ селеніяхъ замѣчаютъ: если появятся на этотъ день волки по полямъ, то будто они предвѣщаютъ имъ моръ, или голодъ, или войну. По большей части, всѣ эти примѣты основаны на преданіяхъ и разсказахъ. Кумушки и бабушки бывають первыми участницами въ этихъ разсказахъ. А кто болѣе всѣхъ знаетъ примѣтъ, какъ не кумушки и бабушки? Только въ городахъ не вѣрятъ, что такія примѣты сбываются, что сельскія кумушки знаютъ меньше всѣхъ.

Мѣсяць ноябрь.

Слово: ноябрь, или ноемврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его:

и. сахаровъ. и.

10

грудень. Поляки, малоруссы, чехи и словаки: листопадъ, иллирійцы: студеный, сорабы: млошный, подзимный, карніольцы: листогной, венды: гнилецъ, единаистникъ (одиннадцатый), кроаты: вшешвечакъ. Въ старой русской жизни ноябрь былъ девятымъ мѣсяцемъ, съ XV вѣка считали третьимъ. Съ 1700 года онъ числится одиннадцатымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

1. Замѣчанія. — Обычай.

Поселяне Тульской губерніи полагаютъ, что съ этого дня начинаются морозы. Объ этомъ морозѣ они сохранили свое наблюденіе въ поговоркѣ: Козьма и Даміанъ съ гвоздемъ.

Поселянки въ сей день справляютъ курьи именины. Этотъ старый обычай извѣстенъ былъ въ Москвѣ. Тамъ, въ Толмачевскомъ переулкѣ, за Москвою рѣкою, женщины собирались вокругъ церкви Козьмы и Даміана съ курами. Усердныя старушки послѣ обѣдни служили молебны. Богатые люди разсылали куръ въ подарки по своимъ роднымъ. Въ селахъ женщины прихаживали съ курами на боярскій дворъ и съ челобитьемъ подносили ихъ своей боярынь на красное житье. Боярыни отдаривали поселянокъ лентами на убрѣсникъ. Такія челобитныя куры содержались въ почетѣ: ихъ кормили овсомъ и ячменемъ и никогда не убивали. Яйца, выносимыя ими, считались цѣлебными: ими кормили больныхъ, страждущихъ желчною болѣзнью.

Въ Тульской губерніи къ этому дню изготовлялись боярынями обѣтныя работы. Деньги, выручаемыя отъ прода-

жи своихъ издѣлій, онѣ употребляли на милостыню нищимъ и на свѣчи.

Въ селеніяхъ Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи поселяне убиваютъ кочета въ овинахъ. Старшій въ домѣ выбираетъ кочета и самъ отрубаетъ ему голову топоромъ. Ноги кочетиныя бросаютъ на избы, для того, чтобы водились куры. Самого кочета варятъ и за обѣдомъ съѣдаютъ всей семьей.

Въ селеніяхъ Валдайскаго уѣзда варятъ козьмодемьянское пиво для честныхъ гостей.

Поселяне Ярославской губерніи управляются на этотъ день съ дворовымъ. Такъ они называютъ домового, имѣющаго попеченіе за домашнимъ скотомъ. Если въ чьемъ дворѣ заведется лихой, то они берутъ помело, садятся на лошадь, которую не любитъ дворовой, и ѣздить на ней по двору. Во время сихъ разъѣздовъ, они машутъ по воздуху помеломъ и кричатъ: «батюшка дворовой! Не разори дворъ и не погуби животину». Послѣ сего остаются покойными и думаютъ, что лихой унялся. Другіе помело обмакиваютъ въ деготь съ намѣреніемъ: отиѣтитъ на лысинѣ дворового зазубрину. Съ этой зазубриной будто лихой сбѣгаетъ съ двора.

8. Наблюденія.

Наши поселяне имѣютъ разныя наблюденія объ этомъ днѣ. Одни и тѣ же лица будутъ вамъ рассказывать о Михайловскихъ грязяхъ и о томъ, что день Архангела Михаила бываетъ съ мостомъ; другіе, что съ Михайлова дня зима не стоитъ, земля не мерзнетъ, что со дня Михаила Архангела зима куетъ моро-

зы. И эта видимая разность имѣетъ свои основанія. Признаки, по которымъ они судятъ о появленіи зимы, основаны на наблюденіяхъ 25 сентября. Здѣсь ключъ къ сельскимъ, метеорологическимъ замѣчаніямъ.

9. Пришѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи полагаютъ, что съ Матрены зимней зима встаетъ на ноги и морозы прилетаютъ отъ желѣзныхъ горъ.

10. Пришѣты.

Если послѣ михайловскаго мороза появится на деревьяхъ иней, то поселяне ожидаютъ большихъ снѣговъ. Если день начинается большимъ туманомъ, то ждутъ оттепели.

11. Пришѣты.

Въ селеніяхъ Калужской губерніи говорятъ: со дня св. Θεодора Студита прилетаютъ зимніе вѣтры, отъ которыхъ бываетъ студено на дворѣ и морозно на землѣ.

12. Пришѣты.

Если на этотъ день выпадетъ снѣгъ, то замѣчаютъ, что оттепели продолжатся до 21 ноября, до Введенія.

15. Повѣрья.

Наши суевѣрные поселяне думаютъ, что съ этого дня всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ и зимы. По ихъ замѣчаніямъ, зима пріѣзжаетъ на пѣрой кобылѣ и разгоняетъ всѣхъ нечистыхъ.

21. Наблюденія.

Въ Тульской губерніи говорятъ: Введенье ломаетъ леденье, а въ Рязанской: на Введенье толстое леденье. Въ замосковныхъ селеніяхъ замѣчаютъ, что Введенскіе морозы не ставятъ зимы. Общее народное замѣчаніе, что появляющіяся оттепели съ 21 ноября разстроиваютъ зимній путь, основано на многолѣтнихъ наблюденіяхъ. Со дня Введенія начинались зимніе торги. Въ Москвѣ первый зимній торгъ съ санями бывалъ на Лубянкѣ. Здѣсь были лубяные и санные ряды. Сюда привозились расписанныя сани разными красками изъ разныхъ мѣстъ. Галицкія сани съ позолотой красовались на Лубянкѣ, какъ особенная рѣдкость.

22. Обычай.

Пермской губерніи въ селѣ Обыченскомъ, на день св. Прокопія бывалъ мірской праздникъ. Поселяне въ складчину убивали мірского барашка и съѣдали его съ зваными гостями. Этотъ обычай существовалъ и въ Олексинскомъ уѣздѣ, гдѣ вмѣсто барашка угощали гостей караманной рыбой.

24. Обычай.

Съ сего дня начинаются въ городахъ зимнія гулянья на саняхъ. Въ старину, къ этому гулянью бывали особенныя приглашенія. Въ домъ богатаго и зажиточнаго семьянина, гдѣ была осенняя свадьба, сходились всѣ родные смотрѣть, какъ поѣдутъ новобрачные. За молодыми снаряжался длинный поѣздъ всѣхъ родныхъ. Здѣсь впервые показывалась молодая послѣ свадьбы и, по старому обычаю,

должна была раскланиваться всѣмъ сосѣдямъ. Сани новобрачныхъ всегда отличались предъ другими: ихъ или расписывали красками съ выводами, или позолачивали сусальнымъ золотомъ. Боярскія сани украшали волчи и медвѣжьи шѣха. Поѣздомъ новобрачныхъ управляли самые близкіе родственники. Свекоръ и свекровь, отправляя свою неvěстку на гулянье, просили провожатыхъ беречь молодую отъ всякой бѣды, а болѣе всего отъ лихого глаза. Подлѣ порога, въ сѣняхъ, постилали овчинную шубу на выворотъ. Когда прїѣзжали съ гулянья, на этой шубѣ свекоръ и свекровь встрѣчали свою неvěстку. Здѣсь провожатые сдавали съ рукъ на руки молодыхъ. Вечерняя пирушка оканчивала торжество.

Маленькимъ дѣтямъ, именинницамъ, посылали въ подарокъ козырные санки съ куклами. Эта обязанность лежала на тещахъ и крестныхъ матеряхъ.

26. Юрьевъ день.

Поселяне объ этомъ днѣ сохранили свои воспоминаія въ поговоркахъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — Наряжалась баба на Юрьевъ день погулять съ боярскаго двора. — Верстался мужикъ на Юрьевъ день радѣть о боярскомъ добрѣ. — На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. — Судила Маланья на Юрьевъ день на комъ справлять проторы. — Мужикъ не тумакъ, знаетъ, когда живетъ Юрьевъ день. — Позываль дьякъ мужика судиться на Юрьевъ день, а мужикъ и былъ таковъ. — Крѣпки рады Юрьевымъ днемъ. — Мужикъ болитъ и сохнетъ по Юрьевъ день. Мало-

руссы сохранили объ Юрьевѣ днѣ свою поговорку: вотъ, тыбѣ, бабо, и Юрьевъ дещь! Сербы имѣють свое воспоминаніе о Юрьевѣ днѣ: данъ по данъ шать додье, и Дѣурдьевь день, аль е много недѣля, баба говорила (день за день, придетъ и Юрьевъ день, но еще не скоро, баба говорила).

Юрьевъ день осенній былъ временемъ перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Въ Судебникѣ этотъ срокъ онредѣлялся: «за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ». Въ Стоглавѣ (глава 97) было уложено: «а въ которыхъ старыхъ слободахъ дворы опустѣють, и о тѣ дворы называти сельскихъ людей пашенныхъ и непашенныхъ по старинѣ, какъ преже сего было. А отказывати тѣхъ людей о сроцѣ Юрьевѣ днѣ осеннемъ, по цареву указу и по старинѣ. А изъ слободъ митрополичьихъ, и изъ архіепископльихъ, и епископльихъ, и монастырскихъ, которые христіане похотятъ ийти во градъ на посадъ, или въ села жити, и тѣмъ людемъ ийти волно о сроцѣ Юрьевѣ дни съ отказомъ по нашему царскому указу»: Крестьяне, переходя на помѣщичью землю, обязывались подчиняться помѣщикамъ, исполнять условныя повинности и платитъ подати за владѣніе ихъ вотчиною. Обязанные условіями, они не могли отойти прежде срока, уложеннаго законами; не могли подняться съ своими животами, не разсчитавшись за пожилое. Помѣщикъ не могъ брать и требовать лишняго; сдѣлки бывали при свидѣтеляхъ и послухахъ; онъ не могъ удержатъ его на своей землѣ: законъ ограждалъ и мужика, и владѣльца. Переходы совершались послѣ предварительнаго объявленія помѣщику и при свидѣтеляхъ. Сбѣжавшій тайно считался бѣглецомъ и наказывался пенями. По Судеб-

нику видимъ, что семь дней назначались для объявленій и сдѣлокъ, и семь дней для сборовъ. Царь Борисъ Теодоровичъ первый остановилъ бродяжничество крестьянъ и укрѣпилъ ихъ за владѣльцами. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, указомъ 1607 г. марта 9, рѣшительно запретилъ крестьянскіе переходы. Царь Михаилъ Теодоровичъ, введеніемъ Писцовыхъ книгъ и всеобщю переписью, опредѣлилъ права помѣщичьи и оставилъ крестьянъ навсегда при землѣ владѣльца.

Помѣщичьи сборы съ крестьянъ доселѣ называются въ Костромской и другихъ губерніяхъ Юрьевскимъ оброкомъ. Воспоминаніе крестьянъ о переходахъ совершенно исчезло въ народѣ; но доселѣ сохранился обычай у крестьянъ при отъѣздѣ служить на этотъ день молебны объ успѣхѣ въ пути.

30. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи выходятъ вечеромъ на рѣки, озера и колодцы прислушиваться къ водѣ. Если вода стоитъ спокойно, то это означаетъ, что зима будетъ теплая, безъ метелей. Если вода гудеть и стонетъ, то это предвѣщаетъ бури, большіе морозы и бѣды.

Декабрь мѣсяць.

Слово: декабрь, или декемврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: студень, поляки: грудзень и грудень, чехи и словаки: просинець, сорабы: зимскій, волчій, или-

рійцы: просцинецъ, карніольцы: груднь, венды: грудень и дванаистникъ (двѣнадцатый), кроаты: грудень и великобожничакъ. Въ старой русской жизни декабрь былъ десятымъ мѣсяцемъ, а съ XV вѣка четвертымъ. Съ 1700 года его считаютъ двѣнадцатымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ декабрѣ мѣсяцѣ.

1. Обычай.

Съ 1 декабря наши предки начинали учить своихъ дѣтей грамотѣ. Для сего заранѣе условливались съ приходскимъ дьячкомъ, или другимъ лицомъ. Все семейство отправлялось въ церковь, гдѣ, послѣ обѣдни, служили молебень, испрашивая благословеніе на отрока. Учитель являлся въ назначенное время въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю съ просьбами научить уморазуму и за лѣтность учащать побоями. Мать, по обыкновенію, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всея околоткѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, обязанъ былъ сотворить ему три земныхъ поклона. Такъ установлено было нашими предками. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сажала сына за столъ, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывалъ азбуку и начиналось велемудрое ученіе: азъ-земля-еръ-азъ. Мать усугубляла свой плачь и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ азѣ оканчивалось первое ученіе. Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками. Отецъ награждалъ

учителя платьемъ, или хлѣбомъ, мать полотенцомъ отъ своихъ трудовъ. Проводы и угощенія продолжались до воротъ. На другой день ученика отправляли къ учителю съ азбукой и указкой. Матушка снаряжала съ сынкомъ огромный завтракъ и подарокъ для учителя, который состоялъ изъ домашнихъ птицъ.

4. Пришѣты.

Въ Кіевѣ есть пришѣта, что на этотъ день устанавливается зимняя погода. Тамъ говорятъ: на день св. Варвары зима мосты мостить. Между тѣмъ въ Орловской губерніи говорятъ: къ Варварину дню зима дорогу заварить.

5. Пришѣты.

Въ южныхъ губерніяхъ объ этомъ днѣ ведется изстари поговорка: на день св. Саввы зима гвозди вострить. Въ Орловской губерніи говорятъ: на день св. Саввы зима рѣки засалить.

6. Наблюденія.

Наблюденія поселянъ объ этомъ днѣ сохранены въ разныхъ поговоркахъ: на день св. Николая зима ходитъ съ гвоздемъ. — Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ. — Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ. — Провезли зиму на санкахъ до Николы, вотъ тебѣ и оттепель. — Коли зима до Николина дня слѣдъ замечаетъ, дорогѣ не стоять. — Хвали зиму послѣ Николина дня. — Цѣны на хлѣбъ строитъ Николь-

скій торгъ. — Никольскій обозъ для боярской казны дороже золота. — Веселилась Маланья на Николинъ день, что мирскую бражку пьютъ, а того Маланья не вѣдаетъ, что за похмѣлье мужиковъ бьютъ. — Никольщина красна пивомъ да пирогами. — Звали бабы Никольскихъ ребятъ брагу варить, а того бабы не вѣдали, что ребята только брагу пьютъ. — На Никольщину ѣдутъ мужики съ поглядкой, а послѣ Никольщины валяются подъ лавкой. — Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится. — Никольщина не ходитъ съ поклономъ на барскій дворъ. — Для кума Никольщина бражку варитъ, для кумы пироги печетъ. — На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будутъ друзья. — Гореваль мужикъ по Никольщинѣ, зачѣмъ она не цѣлый вѣкъ живетъ. — У добраго мужика и на Никольщину торгъ стоитъ. — Никольскій торгъ всему указъ. — Городская Никольщина на санкахъ по улицамъ бѣжитъ, а деревенская въ избѣ сидитъ, да бражку пьетъ. — Позывала Никольщина барщину въ гости пировать, а того Никольщина не вѣдала, что на барщину заказъ положенъ.

12. Солоноротъ.

Поселяне говорятъ, что съ этого дня солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Вотъ отчего этотъ день они называютъ: солоноротомъ, поворотникомъ, поворотомъ. Въ народныхъ повѣрїяхъ находимъ особенныя преданія о солнцѣ и зимѣ. Солнце будто съ этого дня наряжается въ праздничный сарафанъ и ко-

кошникъ, садится въ телѣгу и ѣдетъ на теплыя страны. Зима ходитъ съ сего же дня въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и будитъ бабъ ночью топить печи. Если зима ходитъ по полю, то за ней вереницами ходятъ метели и просятъ дѣла. Если ходитъ по лѣсу, то сыплетъ изъ рукава иней. Если по рѣкѣ идетъ, то подъ слѣдомъ своимъ куетъ воду на три аршина.

Въ Тульской губерніи существуетъ повѣрье, что на солонороты медвѣдь ворочается въ берлогѣ съ одного бока на другой, что солнышко на прощанье нагрѣваетъ коровамъ бочокъ.

Старики замѣчаютъ: съ какой стороны на этотъ день подуеетъ вѣтеръ, съ той стороны будетъ дуть онъ до весенняго равноденствія.

16. Примѣты.

Поселяне замѣчаютъ: если на этотъ день будетъ на деревьяхъ иней, то святки будутъ теплыя. Если будетъ утромъ большой морозъ, то онъ продлится до Крещенія.

27. Коляда.—Обычай.

Въ русскомъ коледованіи участвуютъ нынѣ одни только дѣти. Древняя Коляда и всѣ старинные обряды совершенно исчезли: нѣтъ ни воспоминаній, ни рассказовъ. Дѣти ходятъ подъ окнами величать богатыхъ хозяевъ съ Колядою и виноградьемъ. За коледованіе награждаютъ ихъ деньгами и съѣстными припасами. Виноградье напоминаетъ намъ о какомъ-то старомъ обрядѣ славянъ южныхъ странъ. Въ селеніяхъ Шенкурскаго и Вельскаго округа сохранился старый обычай готовить къ этому дню изъ пшеничнаго

тѣста животныхъ: коровъ, быковъ, овецъ и домашнихъ птицъ. Животныя выставлялись на окна для показа проходящимъ, на столѣ они съ утра красовались для семейства и уже вечеромъ разсылались въ подарокъ роднымъ. Для вечерней трапезы готовится доселѣ изъ крупъ каша, а изъ пшена и ячменя кутья сочельницкая. Малоруссы варятъ также свою особенную кутью. Въ одномъ горшкѣ изготавляютъ пшеницу, а въ другомъ варенныя въ меду яблоки, груши и сливы; оба горшка ставятся на покути, въ переднемъ углу. Въ старину, въ замосковныхъ селеніяхъ въ саняхъ возили Коляду — дѣвицу, одѣтую, сверхъ платья, въ бѣлую рубашку. Коледовщики пѣли пѣсню: «уродилась Коляда наканунѣ Рождества». Въ другихъ мѣстахъ пѣли: «шла Коляда изъ Новгорода». Въ Муромскомъ уѣздѣ прибавляли: «Коляда Таусень». Наши затѣйливыя мнѳографы, по слѣдамъ Гизеля, въ Колядѣ находятъ особенное славянское божество. Карпаторуссы нашу Коляду называютъ: Керечунъ, а румыны Кречуномъ. Наши простолюдины рождественскій постъ называютъ: Корочуномъ. Въ Валахіи и Болгаріи родившихся 25 декабря называютъ Крачунами. Въ спискѣ Воскресенской лѣтописи мы находимъ: Корочуновъ камень. Сохранившаяся у насъ поговорка: Карачунъ дать — выражаетъ рѣшительную погибель. Въ Шелонской пятинѣ въ XVII вѣкѣ упоминался въ грамотахъ: Карачуницкій погостъ. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ читать догадки нашихъ археологовъ о Колядѣ. Такъ одни въ ней находятъ празднество въ честь Перуна; другіе видятъ въ ней связь съ солнцестояніемъ зимнимъ и лѣтнимъ; третьи, словопроизводы, отыскиваютъ Коло, символъ солнечнаго оборота и колдоватности судьбы чело-

вѣческой; четвертые находятъ сходство съ египетскимъ Озирисомъ. И все это, въ XIX вѣкѣ, называется критическими, учеными изслѣдованіями!

25. Святки. — Обряды.

Съ вечера 25 декабря начинаются на Руси святки, веселое время для всѣхъ возрастовъ. Утро дѣти проводятъ въ славленіи и виршеваніи.

Славленіе на Руси заключается въ хожденіи съ вертепомъ, звѣздою, рацеями и виршами. Вертепъ въ Сибири прежде устраивался въ видѣ ящика о двухъ ярусахъ. Здѣсь помѣщались деревянные фигуры. Въ верхнемъ ярусѣ изображалась смерть Ирода, а въ нижнемъ Иродіадины пляски. Въ вертепѣ горѣли свѣчи. Славельщики ходили съ ними по домамъ. За пѣніе награждали деньгами и пирогами. Для сбора пироговъ одинъ носилъ кузовъ, а для денегъ другой хаживалъ съ тарелкой. На разсвѣтѣ къ нимъ присоединялись гудочники и участвовали въ дѣлежѣ.

Хожденіе со звѣздою есть общее во всей Руси. Звѣзда дѣлается изъ бумаги величиною въ аршинъ, раскрашивается красками и освѣщается свѣчами. Мальчики, ходя по улицамъ, для важности, вертятъ звѣзду во всѣ стороны. За свое пѣніе славельщики получаютъ разные подарки. Рацеи и вирши завелись сначала по бурсамъ. Славельщики хаживали до обѣдни къ своимъ патронамъ и милостивцамъ и привѣтствовали ихъ виршами. Рацеи переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и остались только у малоруссовъ.

Славленіе у взрослыхъ начиналось около полудня. Въ старину въ этомъ участвовали всѣ сословія. Корнелій Брю-

инъ описалъ намъ московское славленіе. Впереди всѣхъ появлялись двое съ барабанами и ударили въ нихъ палочками; за ними въ саняхъ ѣхалъ царь съ князьями, боярами и придворными. Входя въ домъ, пѣли стихеры и поздравляли хозяина. Хозяинъ подносилъ царю въ подарокъ деньги и угощалъ всѣхъ славельщиковъ. Великій Петръ участвовалъ въ славленіи. Съ великолѣпнымъ поѣздомъ, 1702 года, сей государь славилъ у Бранса и Лупса. Славельщиковъ записывали въ списки и за небытіе наказывали плетями. Такъ, по словамъ Желябужскаго, наказанъ Григорій Камынинъ. Нынѣ, вмѣсто славленія, взрослые ѣздятъ съ поздравленіемъ по роднымъ и знакомымъ.

Въ Малоруссіи съ 25 декабря начинаются Колядки. Въ нихъ участвуютъ взрослые и дѣти. Колядовщики поютъ Колядки — пѣсни, въ которыхъ величаютъ хозяина со всѣмъ семействомъ и получаютъ въ награду разные подарки, въ томъ числѣ и свиныя кишки. Покойный Гнѣдичъ отъ этихъ кишокъ производилъ Коляду.

Поселяне Рязанской губерніи говорятъ: темныя святки — молочныя коровы. — Свѣтлыя святки — носкія куры.

26. Гаданія. — Повѣрія.

Съ этого вечера на Руси начинаются гаданія и переряживанія. Всѣ подробности о вышеизложенныхъ гаданіяхъ были изложены въ первомъ томѣ.

Общее повѣрье существуетъ у нашихъ поселянъ, что съ этого вечера начинаются бѣсовскія потѣхи и что нечистые прилетаютъ тогда на землю. Вѣдьмы будто сдружаются съ духами, летаютъ на шабашъ, скрадываютъ съ

неба мѣсяцъ и звѣзды. Подробности объ этихъ повѣрьяхъ будутъ изложены въ Русской Демонологіи.

30. Наблюденія.

Наши поселяне на этотъ день бьютъ свиней и по печени и селезенкѣ судятъ о зимѣ. Если селезенка будетъ ровная и гладкая, то ожидаютъ зимы суровой; если она къ спинѣ будетъ толще, то думаютъ, что зима придетъ съ холодами въ концѣ. Толстая печень въ серединѣ означаетъ, что стужи начнутся съ половины зимы. Широкая сторона печени къ брюху обѣщаетъ морозы съ перезимья. Въ Костромской губерніи варятъ на этотъ день свиной желудокъ, отчего и самый день называется у нихъ: желудочницы.

31. Щедрый вечеръ.

Малоруссы вечеромъ подъ новый годъ ходятъ по домамъ щедровать и поютъ щедровки—пѣсни, въ которыхъ величаютъ хозяина. За щедровки награждаютъ подарками.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБЫЧАИ.

И. САХАРОВЪ. II.

11

Народные праздники и обычаи.

Замѣчанія старыхъ людей по днямъ и недѣлямъ.

НЕДѢЛИ:

Свадебныя недѣли.

Такъ изстари называются на Руси тѣ недѣли, которыя начинаются съ 6 января и продолжаются до масляницы. Въ эти недѣли производятся: сватовство, разыгрываніе свадебъ, княжіе и отводные столы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебными недѣлями называются дни съ 1 сентября до 15 ноября.

Пестрыя недѣли.

Пестрыми недѣлями называются на Руси послѣднія недѣли предъ постами; онѣ обыкновенно слѣдуютъ послѣ всеѣдныхъ недѣль. Богатые люди, одни изъ тщеславія, другіе по старымъ примѣтамъ, не рѣшаются играть свадьбу на этихъ недѣляхъ. Въ народѣ распространены поговорки: на пестрой недѣлѣ женится голь да бѣ-

да.—На пестрой жениться—съ бѣдой породниться. — Отъ того и баба пестра, что на пестро й замужь шла.

Масляница.

Русскій народъ свою масляницу величаетъ: честная масляница — широкая масляница — веселая масляница. Въ нашихъ церковныхъ книгахъ масляница называется: сырною недѣлею.

Всѣ дни масляной недѣли имѣютъ свои особенныя названія: встрѣча — понедѣльникъ, заигрыши — вторникъ, лакомка—среда, разгуль, переложъ, широкой четвергъ—четвертокъ, тещины вечерки — пятница, золовкины посидѣлки — суббота, проводы, прощанья, цѣловникъ, прощеной день—воскресенье.

На первый день масляницы нашъ народъ справляетъ встрѣчу честной масляницы, широкой боярыни. Дѣти съ утра выходятъ на улицу строить снѣжныя горы. Здѣсь они, устроивши горы, скороговоркою причитываютъ: «звалъ, позывалъ честной семикъ широкую масляницу къ себѣ въ гости во дворъ. Душа-ль ты моя, масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣльцо, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь! Пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшаться. Ужь ты-ль, моя масляница, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка! Пріѣзжай ко мнѣ во тесовой домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Выѣзжала честная масляница, широкая боярыня на семидесяти семи саняхъ ко-

зырныхъ, во широкой лодочкѣ, во великѣ городѣ пировать, душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Какъ навстрѣчу масляницѣ выѣзжалъ честной семикъ на салазочкахъ, въ однихъ протяночкахъ безъ лапотокъ. Пріѣзжала честная масляница, широкая боярыня, къ семику во дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшиться. Ей-то семикъ бьетъ челомъ на салазочкахъ, въ однихъ протяночкахъ, безъ лапотокъ. Какъ и тутъ ли честная масляница на горахъ покаталася, въ блинахъ повалялася, сердцемъ потѣшалася. Ей-то семикъ бьетъ челомъ, кланяется, зоветъ во тесовой теремъ, за дубовый столъ, къ зелену вину. Входила честная масляница, широкая боярыня, къ семику во тесовой теремъ, садилася за дубовый столъ къ зелену вину. Какъ и она-ль, честная масляница, душой потѣшалася, умомъ повеселялася, рѣчью наслаждалася».

Послѣ этой встрѣчи, дѣти сбѣгаютъ съ горъ и кричатъ: «Пріѣхала масляница! Пріѣхала масляница!» Встрѣча оканчивается кулачнымъ боемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть, какъ дѣти приготовляли утромъ соломенную куклу — масляницу. На масляницу надѣвали кафтанъ и шапку, опоясывали кушакомъ, ноги обували въ лапти. Эту масляницу — куклу на салазкахъ ввозили на гору съ причитаніемъ встрѣчи. Неизвѣстно, когда и кѣмъ позываніе масляницы перенесено было на лубочныя картинки.

Нашъ степенный народъ, люди зажиточные, встрѣчу масляницы начинали посѣщеніемъ родныхъ. Съ утра свекоръ съ свекровью отправляли невѣстку на день къ отцу съ матерью, а вечеромъ сами приходили къ сватамъ въ гости. Здѣсь, за круговой чашей, условливались: когда и

гдѣ проводить время? кого звать въ гости? когда кататься по улицамъ?

Къ первому дню масляницы устраиваются общественныя горы, качели, висляя и кругля, балаганы для скожороховъ (паяцовъ и комедіантовъ), столы съ сладкими яствами: здѣсь народъ торговый собираетъ дань съ праздности и лѣни; здѣсь копѣйка ставится па ребро. Не ходитъ на горы, не качаться на качеляхъ, не потѣшаться надъ скожорохами, не отвѣдать сладкихъ яствъ — значило въ старину: жить въ горькой бѣдѣ, и то при старости, лежать на смертномъ одрѣ, сидѣть калѣвкой безъ ногъ. Въ старину, москвичи масляницу справляли у Красныхъ воротъ. Здѣсь Петръ Великій открывалъ масляницу съ понедѣльника и качался на качеляхъ съ офицерами.

Богатые люди съ понедѣльника начинаютъ печь блины, а бѣдные съ четверга, или пятницы. Въ старину первый блинъ отдавался нищей-братіи на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. Старухи, кладя блинъ на это окно, приговариваютъ: «честные наши родители! вотъ для вашей души блинокъ». Прежде печенія блиновъ, наши женщины-стряпухи изготовляютъ опару съ особенными обрядами. Однѣ опару готовятъ изъ снѣга, на дворѣ, когда взойдетъ мѣсяць. Здѣсь онѣ причитываютъ: «мѣсяць, ты мѣсяць, золотые твои рожки! Выглянь въ окошко, подуѣ на опару». Онѣ остаются въ полной увѣренности, что мѣсяць выглядываетъ изъ окошка и дуеетъ на опару. Отъ этого, будто, блины бываютъ бѣлые, рыхлые. Другія выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды. Приготовление первой опары содержится въ величайшей-

тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ. Малѣйшая неосторожность стряпухи наводитъ на хозяйку тоску въ продолженіе всей недѣли. Гдѣ нѣтъ свекра и свекрови, гдѣ молодые встрѣчаютъ первую масляницу, тещи приходятъ къ зятьямъ въ домъ учить своихъ дочекъ печь блины. Въ старину, зятя и дочери приглашали заранѣе такихъ гостей поучить уму-разуму. Это призваніе считалось нашими бабушками за великую честь; объ немъ говорили всѣ сосѣди и родные. Званная теща обязана была прислать съ вечера весь блинной снарядъ: таганъ, сковороды, дежники, половникъ и кадку, въ чемъ ставить блины. Тестъ присылалъ: мѣшокъ манной грешневой муки и коровьяго масла. Неуваженіе зятя къ сему обычаю считалось безчестіемъ и обидой и поселяло вѣчную вражду между тещей и зятемъ.

На заигрыши съ утра приглашаются дѣвицы и молодцы покататься на горахъ, поѣсть блиновъ. Въ богатыхъ домахъ къ этому дню братцы устраивали горы для сестрицъ среди двора. Матушки посылали позыватокъ звать по роднымъ и знакомымъ дочекъ и сынковъ, съ наказомъ: у насъ де горы готовы и блины испечены — просимъ жаловать. Позыватокъ встрѣчали съ почетомъ и привѣтомъ, угощали виномъ и блинами и отпускали съ наказомъ: «кланяться хозяину и хозяйкѣ съ дѣтками, со всѣми домочадцами; а дѣтокъ своихъ пришлемъ къ вечеру». Отказъ всегда объявлялся условленнымъ, общимъ выраженіемъ: «у насъ де сстроены у самихъ горы и прошены гости». Сосѣди толковали такіе отказы по своему: «здѣсь де начинается разладъ и дочку прочать за другого». Гостей принимали съ встрѣчами у воротъ, крыльца и образной. Послѣ нѣсколькихъ угощеній, гостей отпускали

потѣшиться на горы. Здѣсь братцы высматривали невѣсть, а сестрицы поглядывали украдкой на суженыхъ. Нянюшки, матушки, бабушки все это знаютъ; съ ними встарь то же бывало; теперь онѣ радуются на веселости своихъ дѣтокъ, воображая ихъ будущее счастье.

На лакомки, въ среду, тещи приглашали своихъ зятьевъ къ блинамъ, а для забавы любимаго зятя сзывали всѣхъ своихъ родныхъ. Въ Тулѣ тещи для зятя пекутъ еще блинцы, оладьи и творожнички. Въ Нерехтѣ бываетъ съѣздъ изъ деревень дѣвиць, молодыхъ и пожилыхъ, гдѣ онѣ, въ праздничныхъ платьяхъ, катаются отдѣльно отъ мужчинъ. Насмѣшливый русскій народъ составилъ нѣсколько пѣсенъ о заботливости тещи при угощеніи зятя. Эти пѣсни вечеромъ поютъ холостые, съ разными олицетвореніями. Здѣсь наряженный медвѣдь играетъ разные фарсы, «какъ теща про зятя блины пекла — какъ у тещи головушка болитъ — какъ зять-то удалъ тещѣ спасибо казаль».

Въ широкій четвергъ начинается масляничный разгулъ: катанье по улицамъ, разные обряды и кулачные бои.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, Юрьевѣ, Польскомъ и Владимірѣ возятъ по улицамъ мужика. Для поѣзда выбираютъ огромныя сани, утверждаютъ въ срединѣ столбъ, на столбѣ привязываютъ колесо, на колесо сажаютъ мужика съ виномъ и калачами. За этими санями тянется поѣздъ съ народомъ, который поетъ и играетъ. Въ старину, въ Зарайскѣ возили на саняхъ дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками въ сопровожденіи народа. Въ Архангельскѣ прежде мясники возили быка по городу на огромныхъ саняхъ, къ которымъ прицѣплялся поѣздъ съ народомъ.

Въ Ярославлѣ съ четверга начинаютъ колядовщики

пѣть Коляду. Тамъ фабричныя ходять по домамъ съ бубнами, рожками и балалайками для поздравленія съ праздникомъ: «прикажи, сударь-хозяинъ, Коляду пропѣть». За колядскія пѣсни колядовщиковъ угощаютъ пивомъ и награждаютъ деньгами. Въ Сольвычегодскѣ на мирскую складчину варять пиво. Братчина, разгульный народъ, сходится въ назначенное мѣсто пить пиво и пѣть пѣсни. Въ Сибири масляница возится на нѣсколькихъ саняхъ, на которыхъ устраивается корабль съ парусами и снастями. Здѣсь усаживаются люди, медвѣдь и честная Масляница. Сани, запряженные въ 20 лошадей, возятъ Масляницу по улицамъ въ сопровожденіи поѣзда пѣсенниковъ и шутовъ. Кулачныя бои начинаются съ утра и продолжаются до вечера. Сначала начинаютъ бои самъ на самъ, одинъ на одинъ, а потомъ уже стѣна на стѣну. Въ кулачныхъ бояхъ прежде принимали участіе всѣ возрасты; но нынѣ они находятъ рѣдкихъ поборниковъ и только одни мальчики напоминаютъ о старыхъ потѣхахъ.

Въ XVIII столѣтіи Москва видѣла три царственныя увеселенія на масляницѣ. Въ 1722 году, послѣ Нейштадтскаго мира, Великій Петръ снарядилъ масляничный поѣздъ изъ Всесвятскаго села чрезъ Тверскія ворота прямо въ Кремль. Празднество продолжалось четыре дня. Императрица Елисавета Петровна открывала масляницу въ селѣ Покровскомъ. Императрица Екатерина II, послѣ своей коронаціи, справляла на масляницѣ трехдневный маскарадъ на городскихъ улицахъ.

На тещины вечерки зятя угощаютъ своихъ тещей блинами. Приглашенія бывають почетныя со всею роднею къ обѣду, или запросто, на одинъ ужинъ. Въ старину

зять обязанъ былъ съ вечера лично приглашать тещу, а потомъ, утромъ, присылать нарядныхъ зватыхъ. Чѣмъ болѣе бывало зватыхъ, тѣмъ тещѣ болѣе оказывалось почета. Дружко или свать приглашались къ такимъ наряднымъ позывамъ, и за свои хлопоты съ обѣихъ сторонъ получали подарки.

На золовкины посидѣлки, молодая невѣстка приглашала своихъ родныхъ къ себѣ. Если золовки были еще въ дѣвушкахъ, тогда невѣстка сзывала старыхъ своихъ подругъ - дѣвицъ; если онѣ были выданы замужъ, тогда она приглашала родню замужнюю и со всѣмъ поѣздомъ развозила гостей по золовкамъ. Новобрачная невѣстка обязана была дарить своихъ золовокъ подарками.

Въ Тульской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ субботу дѣти строятъ на рѣкахъ, прудахъ и поляхъ снѣжный городокъ съ башнями и воротами. Послѣ своей работы, они раздѣляются на двѣ стороны, одна принимаетъ на себя охранять городокъ, другая должна отбоемъ занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда порядятся взять городокъ, тогда вдругъ нападаютъ на охранителей, и послѣ битвы врываються въ ворота и разрушаютъ городокъ. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападаютъ на городокъ. Послѣ взятія городка, взрослые воеводу купаютъ въ проруби. Послѣ сего начинается всеобщее угощеніе и съ пѣснями возвращаются по домамъ.

Проводы масляницы и прощаніе отправляются на Руси съ разными обрядами.

Проводы честной масляницы въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губерніяхъ состояли въ поѣздѣ по го-

роду и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дровень и саней. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Вмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ его пѣли, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившіе изъ деревень забавляться съ городскими весельчаками. Прощальный поѣздъ въ Ярославлѣ называется: околка, въ Нерехтѣ: обозъ, въ Тулѣ: кругъ и конецъ. Въ Нерехтѣ на проводахъ сожигаютъ Масляницу. Вечеромъ, послѣ всѣхъ гуляній и забавъ, выходитъ молодой народъ, мужчины, женщины, дѣвицы и дѣти, изъ своихъ дворовъ съ соломою. При пѣніи пѣсень сожигается солома.

Прощаніе бываетъ съ живыми и покойниками. Въ Тулѣ и Зарайскѣ выходятъ на кладбища утромъ и на могилахъ просятъ прощенія у покойниковъ. Съ кладбищъ заходятъ прощаться къ священникамъ. Въ Нерехтѣ сей обрядъ отправляется вечеромъ.

Новобрачные ѣздятъ по своимъ роднымъ отдаривать тестя съ тещею, сватовъ и друзей за свадебные подарки. Здѣсь, кромѣ подарковъ, приносились и пряники, испеченные узорами и надписями: кого люблю, того дарю. — Отъ милаго подарокъ дороже золота. — Чинъ чина почитай, и подарокъ не забывай. — Милости просимъ нашей хлѣба-соли. — За всѣ благи наше низкое челобитье. Тульскіе пряники, бѣлевскіе медовики, вяземскія коврижки считались у нашихъ отцовъ дорогими подарками.

На прощенный день ѣздятъ отдаривать кума съ кумой. За ризки и зубокъ, привозятъ соотвѣтственные подарки

равнымъ по состоянію, щедрые бѣднымъ. И здѣсь пряники составляютъ необходимую принадлежность. Въ деревняхъ самый почетный подарокъ для кума состоитъ изъ полотенца, для кумы изъ бруска мыла.

Прощаніе между родными и знакомыми происходитъ вечеромъ. Прощаться приходятъ родные къ старшему въ родѣ, бѣдные къ богатымъ. Въ старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили по обыкновенію другъ другу: «прости меня, пожалуй, буде въ чемъ виновать предъ тобою». Прощаніе заключалось поцѣлуемъ и низкимъ поклономъ. Прощаніе между домашними бывало послѣ ужина, предъ сномъ. Здѣсь дѣти кланялись въ ноги своимъ родителямъ и просили прощенія. Послѣ ихъ приходили всѣ находящіеся въ услуженіи и справляли свое челобитье.

Въ XVII столѣтіи государи хаживали на прощанье къ патріарху съ боярами, окольными и думными людьми. Патріархъ угощалъ дорогихъ гостей медами и романею. Маржереть, очевидецъ русской масляницы, описалъ только одно прощаніе. Неизвѣстный сочинитель книги: *Anhang von der Russischen oder Moskowitischen Religion*, бывший въ Москвѣ, описалъ нашу масляницу съ самой невыгодной стороны; выдумалъ, что будто патріархъ хотѣлъ уничтожить этотъ праздникъ, но не успѣлъ, и только сократилъ его на 8 дней, тогда какъ прежде онъ продолжался 14 дней; сравнивалъ нашу масляницу съ итальянскимъ карнаваломъ.

О русской масляницѣ между народомъ сохранились поговорки: не житье, а масляница. — Не всегда коту масляница. — Масляница семь дней гуляетъ. — Милости просимъ къ намъ объ масляницѣ съ своимъ

добромъ, съ честнымъ животомъ. — Сваталась Маланья на масляницѣ, думала-гадала замужъ пойти, а того Маланья невѣдала, что масляница только ставитъ молодыхъ на показъ. — Пируй и гуляй баба на масляницѣ, а про постъ вспоминай. — Выпили пиво объ масляницѣ, а съ похмѣлья ломало послѣ радуницы.

Средокрестная недѣля.

Такъ на Руси называется четвертая недѣля Великаго поста. Въ народѣ есть повѣрье, что будто бы въ среду на этой недѣлѣ переламывается постъ въ переднемъ углу. Нянюшки и бабушки, забавляя дѣтей, садятся въ передній уголъ, за столъ, и стучать подъ лавкой. Этотъ стукъ, какъ увѣряютъ онѣ дѣтей, будто происходитъ отъ ломанья поста. По замѣчанію старушекъ, будто съ этого дня щука разбиваетъ хвостомъ ледъ.

Святая недѣля.

Святая недѣля называется у народа: великоденскою, славною, великою и радостною. Первый день Пасхи они называютъ: великъ день, утро вторника: купалищемъ, пятницу: прошенный день, субботу: хороводницы. Поселяне Черниговской губерніи эту недѣлю называютъ: гремяцкою.

Съ Святой недѣли начинаются городскія и сельскія гулянья, разыгрываніе хороводовъ и окликаніе весны. Въ Тулѣ гулянье называется тюльпою.

Въ первый день Святой недѣли поселяне Тульской губерніи выходятъ смотрѣть на играніе солнца. Взрослые

мужчины выходятъ смотрѣть на колокольни, какъ будетъ играть солнце; а женщины и дѣти наблюдаютъ появленіе его на пригоркахъ и крышахъ домовъ. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко, ведрышко,
 Выгляни въ окошечко!
 Твои дѣтки плачутъ,
 Сыръ колупаютъ,
 Собакажъ бросаютъ;
 Собаки-то не ѣдятъ,
 А куры-то не клюютъ.
 Солнышко, покажись,
 Красное, снарядись!
 Ёдутъ господа бояре
 Къ тебѣ въ гости во дворъ,
 На пиръ пировать,
 Во столы столовать.

По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старики расчесываютъ тогда же свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ волосковъ, столько бы было и внучатъ.

Въ понедѣльникъ Святой недѣли въ Тулѣ и другихъ мѣстахъ выходятъ на кладбища похристоваться съ своими и погоревать о житьѣ-бытьѣ. Здѣсь вдовушки, помышляющія о замужествѣ, часто находятъ себѣ жениховъ. Въ старину на могилки выхаживали всей семьей и пировали до вечера. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ хожденіе на кладбище называется на горы итить.

Во вторникъ Святой недѣли утромъ народъ исправляетъ

купалище. Молодые и старики обливают холодной водой тѣхъ, которые просыпаютъ заутреню. Въ указѣ Правительствующаго Синода 1721 г. апрѣля 17, находимъ строгое запрещеніе сего обычая: «въ Россійскомъ государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно, во всю Свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, таковаго, аки бы штрафуя, обливаютъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ: и хотя простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здравію, но и животу человѣческому тщета; ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ, или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапно обліаніемъ ума лишаютъ».

Въ Бѣлоруссіи на Святой недѣлѣ поютъ великоденныя пѣсни подѣ окнами, ходятъ играть съ музыкою по домамъ. Такихъ пѣсенниковъ называютъ: волочечниками, а запѣвалъ: починальниками. Въ Минской губерніи и окрестностяхъ мѣстечка Юрьевичи пляшутъ на игрищахъ: метелицу и завѣйницу.

На прошеный день въ Тульской губерніи сзываютъ тестя и тещу зятниныхъ родныхъ на молодое пиво. Въ Костромской губерніи варятъ моленое пиво, козьмодемьянское, въ складчину. При сливаніи пива въ лагуны сходятся молодые и старые распивать остатокъ. Каждый изъ нихъ, отвѣдывая пиво, обязанъ говорить: «пиво не диво, и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорога». Царь Іоаннъ Васильевичъ дозволялъ народу пировать на Святой недѣлѣ въ кабакахъ. Въ уставной Пермской грамотѣ 1555 года дозволено было народу на великоденной недѣлѣ варить питья и пить ихъ.

Съ Святой недѣли начинаютъ повсемѣстно разыгрывать хороводы. Соберемъ всѣ преданія объ нихъ, объ ихъ введеніи въ жизнь нашихъ отцовъ и времени ихъ дѣйствія.

Хороводы.

Русскіе хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь, представляются столько же древними, сколько древня наша жизнь. Жили ли предки наши дома, они занимались играми, плясками, хороводами; были ли они на побоищѣ, они воспѣвали родину въ своихъ былинахъ. Съ веселыхъ пировъ Владиміра пѣсни разносились по всей Руси и переходили изъ рода въ родъ. Прежніе наши гуслеры, вдохновители русской народной поэзіи, видны доселѣ еще въ запѣвалахъ, хороводницахъ, свахахъ. Какъ гуслеры въ старину открывали пѣснями великокняжескія пиршества, такъ и наши запѣвалы и хороводницы составляютъ хороводы и пляски. Есть люди, указывающіе намъ на бывшее дѣйствіе, но нѣтъ вѣрнаго указанія, когда начались наши хороводы. Исторія хороводовъ заключается въ преданіяхъ; а всѣ наши народныя преданія говорятъ о быломъ, какъ о настоящемъ времени, безъ указаній дней и годовъ; говорятъ, что дѣлали наши отцы и дѣды, не упоминая ни мѣста дѣйствія, ни самихъ лицъ.

Первоначальное значеніе хоровода, кажется, потеряно навсегда. Мы не имѣемъ никакихъ источниковъ, указывающихъ прямо на его появленіе въ русской землѣ, и поэтому всѣ предположенія остаются ничтожными. Было счастливое время, когда наши филологи производили хороводъ отъ греческихъ и латинскихъ словъ. Счастливымъ было то время, когда наши умники вѣрили, что нашъ хоро-

водъ происходитъ отъ греческаго слова *χοροβα τῶν*—ступаю въ хорѣ; невозвратны и тѣ наслажденія, когда съ торжествомъ произносили, что хороводъ заключается въ словахъ: *χορος*—ликъ поющихъ и пляшущихъ, *ἄγω*—веду. Утѣшны и споры филологовъ. Латинцы отыскали созвучіе у Горація въ IV книгѣ, 7 одѣ—*hocos discere*—вести хоры, лики, и утверждали первенство за собой. Всматриваясь въ это изысканіе, какъ въ предположеніе, находимъ, что оно прекрасно, что оно открыло труженникамъ мечтательное созвучіе въ словахъ; но кто поручится, что это было такъ? Кто докажетъ намъ, что русскіе, вводя въ свою семейную жизнь игры, составили свой хороводъ изъ латинскаго выраженія Горація? Много, очень много есть прямыхъ указаній, какъ русскіе умѣли заимствовать изъ Греціи обряды для своей жизни; и во всемъ этомъ мы только находимъ приблизительныя указанія. Очевидностей нечего и искать; ихъ нѣтъ у нашего народа, когда преданія передаютъ былое вамъ о старой жизни.

Хороводы мы встрѣчаемъ у всѣхъ славянскихъ племенъ. Литовцо-русы хороводъ переименовали въ корогодъ. Богемцы, хорваты, карпато-русы, морлаки, далматы обратили его въ *коло*—кругъ. Славянское коло также сопровождалось пѣснями, плясками и играми, какъ и русскій хороводъ. Подобныя измѣненія мы находимъ и въ русскихъ селеніяхъ. Поселяне Тульской, Рязанской и Московской губерній, говоря о хороводникахъ, выражаются: «они пошли тонки водить. Въ словѣ тонки мы узнаемъ народную игру толки, въ которой игроки ходятъ столпившись, какъ въ хороводѣ.

Важность русскихъ хороводовъ для нашей народности столь велика, что мы, кромѣ свадебъ, ничего не знаемъ по-

добнаго. Занимая въ жизни русскаго народа три годовыя эпохи: весну, лѣто и осень, хороводы представляютъ особенныя черты нашей народности: разгуль и восторгъ. Отдѣляя народность отъ простонародія, мы въ ней открываемъ творческую силу народной поэзіи, самобытность вѣковыхъ созданій. Въ этомъ только взглядѣ наша народность ничего не имѣетъ подобнаго. Отнимите у русскаго народа поэзію, уничтожьте его веселый разгуль, лишите его игръ, и наша народность останется безъ творчества, безъ жизни. Этимъ - то отличается русская жизнь отъ всѣхъ другихъ славянскихъ поколѣній, отъ всего міра.

Русскіе хороводы доступны всѣмъ возрастамъ: дѣвы и женщины, юноши и старики равно принимаютъ въ нихъ участіе. Дѣвицы, окруженныя хороводницами, изучаютъ пѣсни и игры по ихъ наставленіямъ. Въ нашей хороводницѣ сохраняются слѣды глубокой древности. Обратите вниманіе на ея заботливость передавать вѣковыя пѣсни возрастающему поколѣнію, на ея желаніе внушить дѣвамъ страсть къ народнымъ играмъ, и вы увидите въ ней посредницу между потомствомъ и современностью, увидите въ ея думахъ генія-блюстителя нашей народности. При всей этой важности, хороводница считается у насъ обыкновенною, простою женщиною, способною только пѣть и плясать. Такъ одно время могло измѣниться народное значеніе этого слова. Между нашими православными людьми соблюдается доселѣ почетъ къ хороводницѣ: подарки сельскихъ дѣвухекъ, угощеніе матушекъ, безденежныя труды отцовъ на ея полѣ. Это все дѣлается во время хороводныхъ игръ. Въ другое время она измѣняетъ свой характеръ: дѣлается свахою на свадьбахъ, бабкою позываткою на пирахъ, за безлюдьемъ кумою на крестинахъ, плакушею на похоро-

нахъ. Таковъ кругъ жизни, совершаемый русскими хоро-
водницами. Кромя того, есть еще особенныя отличія въ
хороводницахъ городскихъ и сельскихъ.

Городскою хороводницею можетъ быть нянюшка, взле-
дѣвшая цѣлое семейство, и сосѣдка, живущая на посыл-
кахъ у богатыхъ купцовъ. Нянюшка изъ любви къ дѣтямъ
утѣшаетъ молодежь хороводами, передаетъ имъ старину
своего дѣтства—сельскую; ибо большая часть русскихъ ня-
некъ родились въ селахъ, а доживаютъ свою жизнь въ го-
родахъ, въ чужомъ семействѣ. Въ этомъ классѣ всегда
преимуществуютъ мамки, воспитавшія дѣтей на своихъ ру-
кахъ. Сосѣдка, удивительная своею заботливостью по чу-
жиихъ дѣламъ, представляетъ въ нашей народности лицо
занимательное. Она знаетъ всѣ городскія тайны: кто и
когда намѣренъ жениться, кого хотять замужь отдать,
кто и гдѣ за что поссорился. Безъ ней нѣтъ въ семействѣ
никакого утѣшенія: зимой она приходитъ дѣтямъ разска-
зывать сказки, матушкамъ передавать вѣсти; лѣтомъ она
первая выходитъ на лугъ составлять хороводы, первая пля-
шетъ на свадьбѣ, первая пѣть брагу на праздникѣ. Со-
сѣдку вы всегда встрѣтите въ домѣ зажиточнаго купца
утромъ, въ полдень и вечеромъ; она всегда бываетъ ве-
села, шутлива, бѣдно одѣта. Заговорите съ ней поближе,
словами близкими къ ея сердцу, и она передастъ вамъ все
сокрытое и явное; она ознакомитъ васъ съ городомъ и го-
рожанами; она обрисуетъ вамъ картины своего вѣка такъ
рѣзко, что вы во сто лѣтъ не могли бы сами изучить такъ
отчетисто и вѣрно.

Сельская хороводница—женщина пожилая, вдова, жи-
вущая мірскимъ состраданіемъ. Отвага, молодость и про-
ворство отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ. Ей не суждено со-
12*

старѣться. Она вѣчно молода, игрива, говорлива; она утѣшаетъ всю деревню; она нужна для всего деревенскаго міра: она распоряжаетъ всѣми увеселеніями; она не пируетъ на праздникахъ какъ гостья, но за то всѣ праздничныя увеселенія исполняются по ея наставленіямъ. Весь кругъ ея жизни и дѣйствій сосредоточивается въ одной и той же деревнѣ, гдѣ она родилась, гдѣ состарѣлась и гдѣ должна умереть.

Мѣста, гдѣ отправляются народные хороводы, получили во многихъ мѣстахъ особенныя названія и удержали изъ стари за собою это право. Рѣки, озера, луга, погосты, рощи, кладбища, огороды, пустоши, дворы — вотъ мѣста для ихъ отправленія. На однихъ мѣстахъ бывають хороводы праздничныя, на другихъ обыкновенныя запросто. Праздничныя хороводы есть самыя древніе: съ ними сопряжено воспоминаніе прошлаго, незапамятнаго народнаго празднества. Для такихъ хороводовъ поселяне и горожане приготавливаются заранѣе, сзываютъ дальнихъ гостей и сосѣдей, красятъ желтыя яйца, пекутъ короваи, яичницы, пироги, варятъ пиво, медъ и брагу. Праздничныя хороводы отправляются равно поселянами и горожанами, обыкновенныя же болѣе замѣтны по городамъ. Дѣвушки богатыхъ отцовъ выходятъ повеселиться на свой дворъ, куда собираются къ нимъ подруги. Все это бываетъ вечеромъ, съ окончаніемъ работъ.

Женщины и дѣвушки, приготовляясь къ хороводамъ, одѣваются въ лучшіе наряды, предметъ особенной заботливости поселянъ. Сельскія дѣвушки для сего закупають ленты, платки на ярмаркахъ, и все это на свои трудовыя деньги. Изъ мірской сладчины онѣ покупають для хороводницы платокъ и коты. Въ городахъ вся заботливость

лежить на матушкахъ, награждающихъ хороводницъ и сосѣдокъ изъ своихъ молочныхъ денегъ, изъ барышей, остающихся у богатыхъ купчихъ отъ продажи молока.

Мужчины въ сельскихъ хороводахъ представляютъ гостей, призванныхъ раздѣлять веселье и радости. Молодые ребята, неженатые, вступаютъ въ игры съ дѣвушками по приглашенію хороводницы. Въ городскихъ хороводахъ, совершаемыхъ на дворахъ и площадяхъ, рѣдко участвуютъ мужчины; тамъ можно видѣть братцевъ и родныхъ, будущихъ суженыхъ. Эти братцы живо представляютъ вамъ особенный бытъ нашей семейной жизни: родниться съ своимъ кругомъ и заранѣе сближаться съ подругами жизни.

Русскіе хороводы распределены по времени года, свободнымъ днямъ жизни и по сословіямъ. Сельскіе начинаются со Святой недѣли и продолжаются до рабочей поры; другіе появляются съ 15 августа и оканчиваются при наступленіи зимы. Поселяне веселятся только по днямъ праздничнымъ; въ другіе дни окружаютъ ихъ нужды, а для искупленія ихъ они должны жертвовать всѣмъ. Городскіе хороводы также начинаются съ Святой недѣли и продолжаются во все лѣто и осень. Горожане, люди досужливые, болѣе имѣютъ времени гулять и пѣть; они пользуются всѣмъ готовымъ. Время и разные обычаи до того разнообразятъ увеселенія православныхъ, что въ одно и то же время въ одномъ городѣ встрѣчаешь такой праздникъ, а въ другомъ находимъ совершенно иной; тамъ есть свои стародавніе обряды, здѣсь другіе. Весна и осень, два времени, въ которыя поселяне болѣе всего веселятся. Здѣсь семейная жизнь представляется въ разныхъ картинахъ. Принимая раздѣленіе хороводовъ на весенніе, лѣтніе и осенніе, мы увидимъ настоящую картину русской жизни и

правильнѣе можемъ слѣдить за постепеннымъ ходомъ народныхъ увеселеній.

Первые, весенніе хороводы начинаются съ Святой недѣли и оканчиваются вечеромъ на Красную горку. Здѣсь соединялись съ хороводами: встрѣча весны, снаряженіе суженыхъ къ вѣчному поѣзду. Радуницкіе хороводы отличаются разыгрываніемъ Вьюнца, стараго народного обряда въ честь новобрачныхъ. Георгіевскіе хороводы соединяютъ съ собой выгонъ скота на пастбы и игры на поляхъ. Въ этотъ день къ хороводницамъ присоединяются гудочки, люди умѣющіе играть на рожкѣ всѣ сельскія пѣсни. Последними весенними хороводами считаются Никольскіе. Для празднованія Никольщины званые гости съѣзжаются съ вечера и принимаются съ почетомъ, поклонами и просьбами пировать на праздникѣ. Цѣлое селеніе складывается въ складчину на мірской сборъ: поставитъ угоднику мірскую свѣчу; сваритъ браги, щей, лапши, каши; напечетъ пироговъ для званыхъ гостей. Все это дѣло присуждалось старостѣ, или земскому. Званые гости уѣзжали съ лошадьми въ ночную, гдѣ пиршества продолжались до утра съ плясками и пѣснями. Наставалъ праздникъ, со всѣхъ сторонъ стекались православные, званые и незваные. Богатые незваные приходили къ старостѣ и давали вкладу пировать Никольщину; бѣдные только отдѣлывались поклонами. Кругомъ погоста ставили столы съ пирогами, кадушки съ брагой; а въ земской избѣ стояли на столѣ: щи, лапша, каша. Съ окончаніемъ обѣдни начиналась пирушка. Гости ходили по избамъ, ѣли, что душѣ было угодно, пили до-нельзя. Предъ вечеромъ женщины выходили на улицы пѣть пѣсни, играть въ хороводы. Раздолье бывало шумное и гульливое, когда бояринъ

жилъ въ селѣ и справлялъ съ своими гостями Никольщину. Дворъ его наполнялся людьми; бояринъ съ боярыней угощали гостей виномъ и брагой. Все это бывало прежде, а нынѣ быльемъ заросло. Вотъ о чемъ съ горестью вспоминають старики! Вотъ отчего мила русскому по душѣ и сердцу русская старина! Никольщина продолжалась три дня, а иногда и болѣе. Заѣзжіе гости до того наслаждались брагой, что не могли руками брать шапку. Это считалось для хозяевъ особеннымъ почетомъ, а гости считали себя вправѣ величаться такимъ угощеніемъ. Въ пиршествѣ не участвовали только дѣвцы; онѣ наслаждались хороводами, когда женщины плясали «во всю Ивановскую».

Лѣтніе хороводы начинаются съ Троицкой недѣли и бываютъ веселѣе и разнообразнѣе весеннихъ. Поселянки закупаютъ наряды: платки и ленты. Семейная жизнь пробуждается со всѣми причудами. Московскій семикъ, первенецъ троицкихъ хороводовъ, отправляется со всѣми увеселеніями. Къ этому дню мужчины рубятъ березки, женщины красятъ желтыя яйца, готовятъ короваи, сдобники, драчены, яичницы. Съ разсвѣтомъ дня начинались игры и пѣсни. Троицкіе хороводы продолжаются всю недѣлю. Въ это время только можно изучать семицкія пѣсни. Всесвятскіе хороводы продолжаются три дня и соединены съ особенными мѣстными празднествами. Петровскіе и пятницкіе хороводы отправляются почти въ одно и то же время. Начатіе и продолженіе ихъ зависитъ отъ измѣняемости нашего мѣсяцеслова. Ивановскіе хороводы начинаются 23 іюня и продолжаются двое сутокъ. На Петровъ день оканчиваются наши лѣтніе хороводы. Въ го-

родахъ и селахъ они отправляются на площадяхъ, виѣстѣ со всѣми другими увеселеніями.

Осенніе городскіе хороводы въ однихъ мѣстахъ начинаются съ Ильина дня, а въ другихъ съ Успеньева дня. Сельскіе хороводы начинаются съ бабьяго лѣта. Такая разность указываетъ болѣе на мѣстности, нежели на различіе обрядовъ. Успенскіе хороводы начинаются съ 6 августа, когда начинаютъ собирать фруктовые плоды. Въ старину эти празднества бывали сборныя въ тульскихъ садахъ. Веневцы, исключительно занимавшіеся садовыми промыслами, начинали сборъ яблокъ и грушъ пѣснями и хороводами. Семеновскіе хороводы отправляются по всей Россіи съ разными обрядами и продолжаются цѣлую недѣлю. Капустинскіе хороводы начинаются съ половины сентября и отправляются только въ городахъ. Последніе хороводы бываютъ покровскіе и отправленіе ихъ зависитъ отъ времени года.

Кромѣ сихъ обреченныхъ дней, русскіе хороводы отправляются на свадьбахъ, даже зимою. Мнѣ часто случилось видѣть, какъ зимою на московскихъ свадьбахъ дѣвушки разыгрывали хороводы въ комнатахъ.

Русскіе хороводы сопровождаются особенными пѣснями и играми. Пѣсни принадлежатъ къ временамъ отдаленнымъ, когда наши отцы живали припѣваючи, безъ горя и заботъ. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда игры были соединены съ хороводами. Такое смѣшеніе игръ и хороводовъ замѣтно болѣе въ городахъ. Игры хороводныя содержатъ въ себѣ драматическую жизнь нашего народа. Здѣсь семейная жизнь олицетворена въ разныхъ видахъ. Въ хороводахъ, исключительно взятыхъ, заключается народная опера. Ея характеръ, исполненный мѣст-

ными обрядами, старыми повѣрьями, принадлежитъ исключительно русскому народу.

Въ Черниговской губерніи въ концѣ Святой недѣли бываетъ особенное игрище: изгнаніе или провожаніе русалокъ.

Радуницкая недѣля.

Радуницкая недѣля начинается съ Оомина воскресенья и вмѣщаетъ въ себѣ старые обряды нашихъ отцовъ. Первый день сей недѣли называютъ: Красная горка, понедѣльникъ: Радуницею, вторникъ: Наской или Навій день, или усопшія радаваницы. На этой недѣлѣ отправляютъ: хожденіе въ юнитства. Малоруссы Ооминъ понедѣльникъ называютъ: могилками, гробками, проводами; а въ Мохновскомъ округѣ Кіевской губерніи величаютъ сей день: бабскимъ праздникомъ. Въ Кіевѣ наша Радуница извѣстна подъ именемъ: проводовъ. Болгары справляютъ свою Радуницу на могилахъ родителей, пируютъ съ родными и катаютъ по могиламъ красныя яйца.

Красная горка.

Красная горка на Руси составляетъ первый весенній праздникъ. Великоруссы здѣсь встрѣчаютъ весну, вѣнчаютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы. Малоруссы отправляютъ свои веснянки, ходятъ съ пѣснями по улицамъ.

Поселяне Тульской губерніи на Красную горку закликаютъ весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца, они выходятъ на холмъ или пригорокъ, подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хо-

роводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцомъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣехала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ и проч.

Въ Калужской губерніи поселяне зыываютъ весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шестѣ, ставится на горкѣ; кругомъ его собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсень садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницами. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ степныхъ селеніяхъ встрѣчаютъ весну съ однѣми пѣснями, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ Вязьмѣ выходятъ невѣсты и женихи въ праздничныхъ нарядахъ погулять на Красную горку. Здѣсь невѣсты выглядываютъ своихъ жениховъ. Тамъ очень часто случается, что на этотъ день происходятъ и самыя рукобитья.

Въ Буйскомъ уѣздѣ для встрѣчи весны взрослые дѣвицы и холостые ребята, при восхожденіи солнца, обливаютъ себя водою, на открытомъ воздухѣ. Отчаянные и смѣлые купаются въ рѣкахъ. Послѣ на сходбищѣ поютъ пѣсни, перепрыгиваютъ чрезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ. Въ это время они поютъ:

Весна, весна красная!
 Приди, весна, съ радостью и проч.

На Красную горку начинается и поминовение родителей. Въ Спасскѣ Рязанскомъ дѣвицы и женщины въ жаленомъ платьѣ (траурномъ) выходятъ на кладбище поклониться своимъ родителямъ. Сначала, по обыкновенію, плачутъ на могилахъ съ разными причитаніями о житьѣ-бытьѣ покойниковъ, потомъ принимаются раскладывать по могиламъ кушанья и напитки. Родные и знакомые ходятъ по могиламъ въ гости. Здѣсь старыя занимаются угощеніемъ, а молодыя катаютъ по могиламъ красныя яйца. Остатки вина выливаются на могилы. Съ кладбищъ отправляются въ праздничныхъ платьяхъ разыгрывать Красную горку въ хороводахъ.

На Красную горку начинаютъ играть: въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять зайку, сходбище Дона Ивановича.

Въ Малороссіи и по всей Украинѣ ходятъ дѣти по домамъ славить яръ и зеленачку. Дѣти носятъ съ собою въ рукахъ деревянную ласточку. Дѣвушки ходятъ по улицамъ и поютъ веснянки.

Вьюнецъ.

Вьюнецъ принадлежитъ къ незапамятнымъ, старымъ русскимъ обрядамъ. Этотъ обрядъ, доселѣ неполнѣ объяснимый, упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: «и на Радунцу Вьюнецъ и всяко въ нихъ бѣсованіе». Остатки сего обряда состоятъ въ хожденіи по улицѣ — съ вьюнитствомъ, въ пѣніи обрядныхъ пѣсенъ въ честь новобрачныхъ. Вьюнецъ справляютъ въ однихъ мѣстахъ въ субботу на Святой недѣлѣ, въ другихъ въ Фомино воскресенье. Вьюницкія пѣсни помѣщены въ первомъ томѣ Сказаній.

Въ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи Вьюнецъ справляютъ въ субботу на Святой недѣлѣ. Тамъ поселяне собираются съ разсвѣтомъ за околицею, а потомъ толпою ходятъ по улицамъ. Подходя къ дому, они поютъ пѣсни. Молодые угощаютъ взрослыхъ виномъ, а дѣтей одѣляютъ деньгами. Вечеромъ на эти деньги покупается вино и пряники. Дѣвицы разыгрываютъ хороводы, а молодцы бьются на кулачки и борятся одинъ-на-одинъ.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ народъ хаживаль по улицамъ для отысканія молодыхъ, вьюна и вьюница. Подходя къ ихъ домамъ, холостые приговаривали у оконъ: «вьюнъ-вьюница, отдай наши яйца!» Молодые обязаны были выдавать изъ окна куличъ, окрашенные яйца, поить виномъ и брагой. Въ селеніяхъ Нерехтскаго уѣзда ходятъ ребята бесѣдами по домамъ и поютъ подъ окнами: «вьюнъ да вьюница, давай яйцо; а не дашь яйцо, придетъ вѣтрица». Окликальщикамъ выдаются яйца, а гдѣ есть новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ виномъ и брагой. Собранныя яйца употребляютъ на яичницы. Въ Галичѣ хожденіе народа происходитъ ночью, до самаго разсвѣта. Вьюнишники распѣваютъ подъ окнами: «юница, молодица! подай яйцо въ перепечу». Молодые угощаютъ ребятъ виномъ и брагой, дѣтей ладышками и казанками, дѣвицъ пряниками и красными яйцами.

Радуница.

Радуница, называемая иначе: радунецъ, радоница, радавница, радованица, сопровождается особенными обрядами и пѣснями. Въ Нерехтѣ сохранилась поговорка расплакалася какъ усопшая радуница. Въ одной на-

родной пѣснѣ поютъ: «какъ зять звалъ ли тещу ко Радуницѣ». Въ Костромской губерніи Радунца бываетъ въ Ѳомино воскресенье, а въ другихъ въ понедѣльникъ. Бѣлоруссы справляютъ свою Радунцу во вторникъ, какъ и рязанцы. Въ нашихъ лѣтописяхъ слово: радунца принималось за времячисленіе. Такъ въ Кіевской лѣтописи бывшій пожаръ 16 апрѣля 1493 года показанъ, что былъ на Радунцу. Апрѣля 16 приходилось тогда во вторникъ Ѳоминой недѣли. Троицкій лѣтописецъ, упоминая въ 1372 г. о нападеніи Литвы на Переяславль, говоритъ, что оно было по Велпцѣ дни на другой недѣли во вторникъ, на заутріе по Радуницѣ. Въ стоглавѣ находимъ обвиненіе на тѣхъ, которые оклички на Радунцы творять.

Въ Москвѣ въ Ѳоминъ понедѣльникъ сохранилось гулянье въ гостиномъ ряду. Сюда женщины сходятся покупать остатки за дешевую цѣну. Въ Тулѣ на этотъ день ходятъ женщины на кладбище поминать родителей съ калачами и кануномъ. Въ Устюгѣ Великомъ, въ память событія 1445 года, бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ, а вечеромъ отправляется гулянье въ сосновой рошцѣ, при кладбищѣ. Въ Иркутскѣ Радунцу справляютъ на Крестовой горѣ. Сюда, какъ на общее кладбище, сходятся поминать усопшихъ, гулять съ родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Кіевѣ поминали прежде родителей на горѣ Скавицѣ. Здѣсь, послѣ панихиды, происходило въ семейныхъ кружкахъ угощеніе. Бурсаки пѣвали тогда особенныя плачевныя канты.

Бѣлоруссы выходятъ во вторникъ на могилы своихъ родителей, въ 2 часа пополудни, обѣдать и поминать ихъ за упокой. Сначала начинается катаніе на могилахъ красныхъ яицъ, потомъ обливаніе могилъ медомъ и виномъ.

Яйца раздаются нищимъ. Могилы накрываются бѣлымъ столечникомъ, устанавливаются кушаньями. По старымъ примѣтамъ кушанье должно состоять изъ нечетныхъ блюдъ и сухихъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ кушаньями для родительской трапезы. Послѣ сего привѣтствуютъ родителей: святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣбасоли кушаць!—И садятся на могилахъ поминать ихъ. По окончаніи поминокъ говорятъ: мои родзицели, выбачайте, не дзивицесь, чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада. Остатки кушанья раздаются нищимъ и день оканчивается при корчмахъ съ пѣснями и плясками. Славянскіе дзяды, по своему сходству съ нашею Радуницею, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Фоминой недѣлѣ почитается у русскихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословеніе у своихъ покойныхъ родителей на любовь и союзъ, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яйца.

Радуницы напоминаютъ намъ древнія тризны нашихъ праотцовъ, сопровождаемыя поминками, жертвами и возліяніями въ память усопшихъ. Діаконъ Левъ Калойскій говоритъ: «русскіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ». Кажется, что русскіе переняли у грековъ и римлянъ только возлаганіе яицъ на могилахъ. У грековъ этотъ обрядъ принадлежалъ къ числу умилоствительныхъ жертвъ надъ усопшими.

Въ Орловской губерніи на Радуницкой недѣлѣ поселяне прогоняютъ смерть изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и гоняютъ по полю

смерть. Въ степныхъ губерніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на почъ оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не приготовятся къ этому.

Въ Тульской и Костромской губерніяхъ на Радуницкой недѣлѣ поселяне и горожане окликаютъ первый дождь. По преданіямъ извѣстно, что прежде въ окликаніи дождя участвовали всѣ возрасты; а нынѣ только этимъ дѣломъ занимаются одни дѣти. При появленіи тучи, или облаковъ, дѣти выбѣгаютъ на улицу и нараспѣвъ причитываютъ:

Дождикъ, дождикъ!
 Снаряжайся напоказъ.
 Дождикъ, припусти,
 Мы поѣдемъ во кусты,
 Во Казань побывать,
 Въ Астрахань погулять.
 Поливай, дождь,
 На бабину рожь,
 На дѣдову пшеницу,
 На дѣвкинъ ленъ
 Поливай ведромъ.
 Дождь, дождь, припусти,
 Посильнѣй, поскорѣй,
 Насъ, ребятъ, обогрѣй.

Послѣ сего дѣти дожидаются дождя, распѣвая свою окличку нѣсколько разъ; а когда пойдетъ дождь, то они умываютъ имъ лицо и руки. Если при дождѣ появится молнія, тогда выбѣгаютъ на дворъ дѣвицы и женщины и умываются дождемъ съ золота и серебра. Для сего выносятъ въ чашкѣ важдая изъ нихъ золотыя и серебряныя кольца.

Все это дѣлается съ полной увѣренностью помолодѣть и похорошѣть.

Семицкая недѣля.

Семицкая недѣля бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и получила такое народное названіе отъ Семика. Эта недѣля въ старину извѣстна была подѣ именемъ Русальной. Малоруссы называютъ ее зеленою, клечальнойною, а послѣдніе три дня зелеными святками. Около Стародуба ее величаютъ Греною, гдѣ и семицкія пѣсни называются Гренухами. Дни семицкой недѣли нашъ народъ называетъ особенными именами: вторникъ: задушными поминками, четвергъ: семикомъ, субботу: клечальнымъ днемъ, семицкія ночи называются: воровьяными. Литовцы и поляки называютъ нашу Семицкую недѣлю зеленою недѣлю, чехи и словаки — Русальдою, карпато-руссы — Русалье.

На Семицкой недѣлѣ отправляются разные обряды: Задушные поминки, Семикъ, Кукушки, Моргостье, завиваніе вѣнковъ, поются особенныя семицкія и троицкія пѣсни.

Задушные поминки.

Въ народѣ существуетъ странное понятіе о покойникахъ: будто они вспоминаютъ о старой своей жизни, бродятъ въ семицкую недѣлю по кладбищамъ безъ пристанища. Добродушныя старушки, изъ жалости, приходятъ бесѣдовать во вторникъ на ихъ могилы и справляютъ по нимъ задушныя поминки. По ихъ предположеніямъ, покойники, довольные такимъ угощеніемъ, уже не выходятъ

изъ могилъ. Забытые новоконники часто вступаютъ въ ссоры и драки съ русалками, а русалки за все обиды мстятъ уже живымъ. Подобное же понятіе существуетъ объ удавленникахъ и утопленныхъ. Поселянки Тульской губерніи выходятъ и на ихъ могилы для поминокъ. Здѣсь для нихъ оставляютъ разбитыя яйца и блины, съ полною увѣренностью, что все ихъ приношенія будутъ съѣдены покойниками. Подробности будутъ изложены въ Русской Демонологіи.

Семикъ.

Семикъ отправляется народомъ въ четвергъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ корован, сдобники, драчены и яичницы. Съ разсвѣтомъ дня молодежь разставляетъ березки по домамъ, улицамъ и дворамъ. Въ Тульской губерніи семицкая береза называется кумою. Напротивъ того, въ замосковныхъ селеніяхъ, мужчину съ березкою въ рукахъ называютъ кумомъ, а дѣвицу въ вѣнкѣ кумою. Въ старину наши старики хаживали встрѣчать Семикъ на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія, они съ своими семействами разѣдали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ. Здѣсь пѣли, плясали, играли въ хоробы до глубокой ночи. Послѣ игры «всею гурьбою» заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой.

Московский Семикъ справляется нынѣ въ Марьиной рощѣ, въ видѣ одного гулянья; а прежде каждое семейство выходило веселиться на свое родовое кладбище. Въ Сибири Семикъ называютъ тюльпою. Въ городѣ Тулѣ не спра-

вляють Семика, а онъ извѣстенъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сей губерніи.

Въ старину на Семикъ отправлялся древній обычай поминовенія убогихъ на убогихъ домахъ, или божедомкахъ, или скудельницахъ. Убогіе дома въ Тверской и Псковской губерніяхъ назывались буйвищами, а въ Новгородской жалями и жалъниками. Охранители убогихъ домовъ назывались: божедомами, а въ Новгородской и Псковской губерніяхъ: богорадными и божатыми. Въ народѣ объ нихъ сохранились доселѣ поговорки: живеть одинъ какъ божедомъ — божатому и хлѣбъ и изба готова. Сюда свозились покойники, люди или несчастно умершіе, или удавленники, или утопленники, или найденные въ окрестностяхъ. Изъ ближайшей церкви бывалъ крестный ходъ на убогій домъ. Наши добродушные отцы приходили съ рубашками, саванами и гробами для покойниковъ; сами рыли могилы, сами опрыгивали покойниковъ въ саваны и рубашки. Въ успокоеніе ихъ душъ возносили къ Богу безкорыстныя молитвы. Въ убогій домъ былъ отвезенъ и Лже-Димитрій.

Мѣстные обряды, отправляемые народомъ въ Семикъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ Покровѣ, уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, дѣвушки ходятъ съ пирогомъ собирать деньги. Вѣроятно, что это старый божедомскій остатокъ, когда собирались деньги для похоронъ въ убогомъ домѣ. Въ степныхъ селеніяхъ дѣвушки сносятъ ссыпчину — муку, крупу, хлѣбъ и блины. Ссыпчину раздають нищей-братіи. Въ селеніяхъ Нерехотскаго уѣзда дѣвушки изготовляютъ козули — круглыя лепешки съ яйцами въ видѣ вѣнка. Съ этими козулями онѣ ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Обвивая плакучія березы лентами,

нитками, привязываютъ вѣнки къ вѣтвямъ, а изъ вѣтвей дѣлають одинъ вѣнокъ. Подходя къ вѣнку, цѣлуются и приговариваютъ: «здравствуй, кумъ и кума, березку завивши!» Послѣ этого обвиваютъ березу поясомъ и лентами и поютъ пѣсни. По окончаніи всѣхъ игръ садятся подъ березки, съѣдаютъ козули и яишницы. Въ Нерехтѣ Семикъ справляется на Пахоміевской полянѣ. Вологодскій Семикъ справляется на полянѣ, гдѣ погребены бѣлоризцы, сражавшіеся съ Литвою. Въ Цивильскѣ дѣвицы и женщины ходятъ завивать березку съ пивомъ. Въ Галичѣ, при завиваніи вѣнковъ, дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами. Въ Саратовской губерніи, въ селеніяхъ по Волгѣ, выходятъ въ лѣсъ срѣзывать березки; съ этими березками и вѣнками, украшенными лентами, приходятъ въ село. Березку вьрываютъ въ землю и поютъ семицкія пѣсни. Послѣ пѣсенъ становятся двѣ дѣвушки съ поднятыми руками вверхъ, а другія ходятъ кругомъ ихъ и поютъ пѣсни. Семицкія пѣсни помѣщены въ первомъ томѣ Сказаній.

Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ? На одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди, и чей остается назадъ? Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой. Нерѣдко случается, что влюбленные, какъ будто нечаянно, бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Догадливые люди о сближеніи такихъ вѣнковъ на водѣ нерѣдко угадываютъ о близкой свадьбѣ. Бывали примѣры, что матушки никогда не отдавали своихъ дочекъ за такихъ суженыхъ, которыхъ семицкіе вѣнки потопли въ водѣ,

въ виду всѣхъ. По замѣчаніямъ старушекъ, такіе суженые или скоро умирають, или спиваются съ круга. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкіе вѣнки, сохранились всю жизнь. Когда онѣ въ этотъ годъ выходили замужъ, ими связывали вѣнчальныя свѣчи.

Клечальная суббота.

Съ именовъ Клечальной субботы въ понятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ. Въ этотъ день суевѣрные поселяне думаютъ, что русалки бѣгаютъ по ржамъ, бьютъ въ ладоши и распѣвають: «бухъ, бухъ! соломенный духъ! меня мати породила не крещену положила». Вѣрованіе въ русалокъ будетъ подробно изложено въ Русской Демонологіи.

Жители села Горохова, Воронежской губерніи, на берегу озера, соединяющагося съ Дономъ, устраивали на лугу особенный шалашъ, убирали его цвѣтами и вѣнками, въ серединѣ ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наряжали въ женское платье, а потомъ въ мужское. Въ шалашѣ предъ нимъ ставили приносимое кушанье, вино и другія лакомства. Вокругъ шалаша одни поселяне разыгрывали хороводы, молодые плясали, иные въ кружкахъ пѣли пѣсни, другіе вели борьбу. Послѣ всего начиналось пированіе. Поселяне угощали другъ друга кушаньемъ, виномъ и лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣляли чучело и бросали его со смѣхомъ въ озеро. Въ этомъ старомъ обрядѣ замѣтно сходство съ Костромю и Ярилою. (Украин. журн. 1834 г., № 18).

Въ Саввинѣ городкѣ, Чистопольскаго уѣзда, утромъ, на ржаныхъ и яровыхъ поляхъ бываетъ молебствіе, при

стеченіи многочисленнаго народа. Вечеромъ поселяне на своихъ поляхъ разыгрываютъ хорорыды, поютъ пѣсни и пляшутъ почти до разсвѣта.

Въ селеніяхъ Ефремовскаго, Епифанскаго и Новосильскаго уѣздовъ, особенно по берегамъ рѣки Красивой Мечи, бывають проводы русалокъ. Съ вечера поселяне начинаютъ собираться на полянахъ и поютъ пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: «догоняй, догоняй!» Нѣкоторые изъ отчаянныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень немного, рассказываютъ за правду, что они видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ. Послѣ сего, на разсвѣтѣ, купаются въ рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что на русальной недѣлѣ опасно купаться въ рѣкахъ; тогда будто купаются тамъ русалки и всякаго неосторожнаго защекочивають до смерти. Съ изгнаніемъ русалокъ эта опасность прекращается.

По берегамъ рѣки Оки, рассказываютъ поселяне, въ старину бывало особенное народное сборище для усмиренія водяного дѣдушки. Встревоженный и огорченный появленіемъ русалокъ, онъ въ полночь начиналъ поднимать воду изъ береговъ такъ высоко, какъ будто бы гора выростала изъ воды. Суевѣрные поселяне раскладывали по берегамъ огни и пѣли пѣсни. Водяной, услышавъ народныя пѣсни, смирялся и вода входила опять въ свои берега. Тамъ же, гдѣ не предпринимали такихъ мѣръ, всегда случались несчастія. Это горе постигало болѣе всѣхъ рыбаковъ.

Кукушки.

На Семицкой недѣлѣ отправляется поселянами старый обычай кумовства надъ кукушками. Для совершенія сего обряда поселянки Калужской губерніи готовятъ заранее птицу кукушку, а за неизвѣніемъ слетаютъ изъ травы кукушкины слезы (*orchis latifolia*) вѣнокъ, перевязываютъ его красною лентою и выходятъ на лугъ, или въ лѣсъ. Здѣсь онѣ разстилаютъ на травѣ платокъ, кладутъ на него кукушку, а сами садятся въ кружокъ. Послѣ сего мѣняются крестами и цѣлуются между собою съ общаніемъ сохранить вѣчную дружбу. Съ сего времени онѣ величаютъ другъ дружку кумами. Кумовство оканчивается угощеніемъ и яичницею. Поселянки Тульской губерніи выходятъ для совершенія сего обряда въ лѣсъ, отыскиваютъ тамъ двѣ плакучія березы, связываютъ ихъ вѣтви между собою платками, или полотенцами, въ видѣ вѣнка, а къ самымъ деревьямъ вѣшаютъ свои кресты. Въ средину, надъ вѣнкомъ, кладутъ птицу кукушку, или траву кукушкины слезы, или семицкій вѣнокъ. Всѣ подружки, рѣшившіяся покумиться надъ кукушкой, ходятъ въ разныя стороны вокругъ вѣнка, и послѣ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ. Въ это время другія женщины поютъ: «ты, кукушка, ряба» — и проч. Въ заключеніе мѣняются кольцами и крестами, даютъ обѣтъ жить въ мирѣ и согласіи. Оставшіеся отъ сего обряда вѣнокъ, или кукушку, раздѣляютъ между собою по частямъ и хранятъ на память кумовства. Мужчины не допускаются къ исполненію сего обряда и женщины съ ними не кумятся надъ кукушкой.

Наши старинари кумовство надъ кукушкой причисляютъ

къ древнимъ обрядамъ птицегаданія. И. М. Снегиревъ сей обычай называетъ: крещеніемъ кукушекъ (Русскіе простонародные праздники, ч. 3, стр. 95); а А. М. Глаголевъ полагаетъ, что его справедливѣе надлежало бы называть крещеніемъ русалокъ (Тр. Общ. любит. Россійск. Слов. М. 1821, ч. XIX). О справедливости сихъ предположеній мы не входимъ въ разборъ; они сами за себя говорятъ вѣрнѣе возраженій. Наша народная символика имѣетъ совершенно другое вѣрованіе о кукушкахъ.

Моргостье.

Такъ поселяне Лихвинскаго уѣзда Калужской губерніи называютъ нарядный поѣздъ кумы. Для справленія Моргостья одна кума ѣздитъ къ другой на помелѣ. Здѣсь гостью угощаютъ пирогами. Что такое Моргостье? Не скрывается ли здѣсь опять какой нибудь старый обычай кумовства?

Змѣйка.

Такъ въ городѣ Скопинѣ Рязанской губерніи называютъ особенный хороводъ, начинающійся съ понедѣльника Семицкой недѣли. Вечеромъ дѣвицы и женщины, держась за конецъ платья, ходятъ змѣйкою, поютъ пѣсни, съ припѣвомъ: «лелій, лелій, лелій зеленый и ладо мое!» Змѣйка продолжается до всесвятскаго заговѣнья, ежедневно. Этотъ мѣстный обрядъ увидимъ въ городахъ подъ другимъ названіемъ.

Троицынъ день.

Въ этотъ день по всей Руси отправляется народное празднество завиванія вѣнковъ, семейнаго коровай и хороводныхъ игръ. Въ завиваніи вѣнковъ сохранились слѣды древняго гаданія русскихъ дѣвушекъ о своихъ суженыхъ. Семейный коровай выражаетъ остатки какого-то древняго, теперь намъ непонятнаго торжества. Въ мѣстныхъ обрядахъ замѣчаемъ только, что изъ всего народнаго празднества остались едва замѣтные слѣды древняго вѣрованія въ гаданіе о будущемъ.

Рано утромъ, въ городахъ и селахъ убираютъ дома березкою и цвѣтами, пекутъ короваи, сзываютъ гостей, завиваютъ вѣнки изъ березы и цвѣтовъ, для старухъ и молодыхъ людей. Въ полдень, послѣ обѣда, начинается празднество молодыхъ людей. Въ старину бабка-позыватка повѣщала по всѣмъ домамъ и сзывала дѣвушекъ на гульбище. Хороводница, съ короваемъ въ рукахъ, выходила на улицу и запѣвала зазывную пѣсню. Къ ней со всѣхъ сторонъ собирались дѣвушки съ своими матушками и нянюшками. Съ толпою народа она отправлялась въ рощу. На широкой полянѣ разстилалась скатерть, и коровай, убранный цвѣтными вѣнками, послѣ троицкихъ пѣсень, клался на скатерть. Народъ разсыпался семейными кружками подднвать. Въ это время пожилой народъ занимался угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ, а молодежь завивала вѣнки. Здѣсь братцы завивали цвѣтные вѣнки для своихъ сестрицъ. Случалось часто, что сестрицы такіе вѣнки успѣвали скрытно передавать суженымъ, по наказу братцевъ. Троицкій вѣнокъ считался неизмѣннымъ вѣстникомъ брачнаго обѣта. Съ вѣнками на головѣ,

молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдѣльными кругами, гдѣ участвовали родные и знакомые, а потомъ въ мірскомъ кругѣ соединялись всѣ, подъ защитою матушекъ и нянюшекъ. Съ окончаніемъ хороводовъ начиналась игра горѣлки. Вечеромъ уже возвращались изъ роуци прямо къ рѣкѣ, гдѣ молодой народъ бросалъ свои вѣнки въ воду. Если вѣнокъ поплыветъ, то это означало неизмѣнное счастье. Если вѣнокъ завертится на одномъ мѣстѣ, то это предвѣщало разстройство свадьбы, семейныя ссоры. Если вѣнокъ потонетъ, то это угрожало великимъ несчастіемъ, смертью родныхъ, или суженаго. Если вѣнокъ останавливался на одномъ мѣстѣ, то изъ этого заключали, что дѣвицамъ въ этотъ годъ не быть замужемъ, молодцамъ оставаться неженатыми. Смысленныя нянюшки по плаванію вѣнка угадывали о мѣстопребываніи суженаго. Въ той же сторонѣ дѣвушкѣ придется быть замужемъ, куда вода понесетъ вѣнокъ. Въ селеніяхъ Московской губерніи старушки выхаживали съ своими цвѣтными пучками къ рѣкѣ, бросали ихъ въ воду и, по своимъ наблюденіямъ, гадали о будущемъ для себя и родныхъ.

Троицкій коровай и скатерть прежде у нашихъ бабушекъ заключали въ себѣ особенныя тайны. Хороводницы коровай раздавали по богатымъ семьямъ. Его засушивали въ сухари и хранили на свадебный обиходъ. Эти сухари замѣшивались въ свадебный коровай на счастье и на любовь молодыхъ. Скатерть играла важную тайну на смотринахъ. Ее клали тайно отъ всѣхъ на столъ и накрывали другою скатертью. Старушки увѣряли, что эта скатерть приковывала суженаго къ дѣвушкѣ крѣпче всякаго желѣза. Но на такой подвигъ отваживались не всѣ

матушки изъ опасенія: не dospѣть бы своему дѣтищу лихого суженаго.

На берегахъ Оки, около Алексина, есть старинное преданіе о двухъ суженыхъ, погибшихъ въ Окѣ съ вѣнками. Жили два семейства въ счастіи, довольствѣ и согласіи, какъ живутъ на Руси добрые сосѣди. Въ каждомъ семействѣ были красныя дѣтки, дочь и сынъ. Старики думали свое: какъ бы породниться съ сосѣдями? Молодые гадали по-своему: какъ бы взять суженую, какъ бы не потерять суженаго? Матушки прочили своихъ дочекъ и разсуждали по-своему. Батюшки думали и спорили по-своему: или отдать дочь, или женить сына? Жаль обездолить сына, а жалчѣй того засадить дочь въ дѣвкахъ. Наступилъ Троицынъ день, завели вѣнки и бросили ихъ наугадъ въ рѣку, на счастіе, на долю суженыхъ. Сначала вѣнки плыли ровно, потомъ закружились и потонули на дно. Закипѣло ретивое у суженыхъ, замерли сердца у дѣвицъ. Молодымъ ли стерпѣть бѣду неминучую? Кинулись оба въ Оку доставать вѣнки. Замутилась вода въ рѣкѣ, всплыли вѣнки, но не всплыли суженые. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, каждый годъ на этомъ мѣстѣ, въ Троицынъ день, всплываютъ вѣнки.

Въ Тульской губерніи, на берегу Красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, существуетъ старое преданіе о погибели троицкаго хоровода. Былъ годъ худой и неурожайный, были знаменія на войну и на моръ, носились по селамъ худые толки о большой бѣдѣ, о великомъ горѣ. Народъ жилъ съ кручиною всю весну: никто не смѣлъ пѣсни спѣть, никто не думалъ о хороводахъ. Наступилъ Троицынъ день. Молодежь не стерпѣла и вышла на поле разыграть хороводъ. Долго старики уговаривали молодыхъ не играть хо-

ровода, забыть про веселье. Молодые поставили на своемъ, заиграли хороводъ. Вдругъ налетѣла грозная туча, ударилъ громъ и весь хороводъ обратился въ камни. Съ тѣхъ поръ, говорятъ старики, каждый годъ на этотъ день воюють камни и вѣщаютъ всѣмъ бѣду неминуемую, кто будетъ только на этомъ мѣстѣ играть въ хороводъ. Груды камней, дѣйствительно, находятся на берегу Красивой Мечи; но съ чего началось преданіе о гибели троицкаго хоровода, народъ молчитъ.

Мѣстные обряды троицкаго народнаго праздника имѣють свои отличія.

Въ Тульской и Псковской губерніяхъ, старики и старушки, послѣ вечерни, выходятъ на кладбища обметать троицкими цвѣтами могилы родителей. Этотъ обрядъ называется: глаза у родителей прочищать.

Поселяне Орловской губерніи выходятъ въ рощи: молить коровой. Для этого они готовятъ два коровай: одинъ мірской для стола, другой для рощи. Съ послѣднимъ короваемъ выходятъ завивать вѣнки. Мірской коровай остается для домашняго угощенія, а остатки раздаются нищей-братіи.

Въ Нерехтѣ и окружныхъ селеніяхъ на Троицынъ день кумушки собираются въ рощи, цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ и дарятъ другъ друга лентами, или полотенцами.

Въ Енисейской губерніи, въ Минусинскомъ округѣ, изготавливается поселянками гостейка, березка, одѣтая въ лучшее женское платье. Гостейку на Семикъ приносятъ въ клѣтъ, гдѣ она стоитъ до Троицына дня. Молодцы и дѣвицы приходятъ провѣдывать гостейку, поютъ пѣсни и играютъ хороводы. На Троицынъ день, послѣ

обѣдни, собираются въ клѣти дѣвицы съ молодцами, выносятъ гостейку, отправляются къ рѣкѣ, играютъ въ хороводы, завиваютъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду для загадыванія.

Въ Бѣлоруссіи также завиваютъ въ рощахъ изъ березокъ вѣнки для родныхъ и милыхъ. Матери завиваютъ вѣнки для дѣтей, дѣти для отца и матери, братья для сестеръ и суженыхъ. Дѣвушки мѣняются кольцами на вѣчную дружбу и поютъ русальныя пѣсни.

Въ Ярославлѣ троицкое гулянье отправляется на Тверицахъ, гдѣ прежде была слобода Заволгоны.

Въ Тулѣ троицкое гулянье отправлялось прежде за городомъ въ Горѣльской рощѣ. Нынѣ уже этой рощи не существуетъ и народъ разсыпается въ разныя мѣста.

Въ Шенкурскѣ народное троицкое гулянье было за городомъ на лугу. Сюда собирались горожане и поселяне. Дѣвицы, отдѣляясь отъ мужчинъ, сватывались за платки, соединялись въ кругъ и медленнымъ, тихимъ хороводомъ переходили съ одного мѣста на другое. Кругомъ ихъ обходили молодцы и высматривали себѣ невѣсть.

Въ Москвѣ народное троицкое гулянье бываетъ на Красномъ прудѣ, у Каланчевскаго поля и Дорогомиловскаго моста. Красный прудъ, по преданію стариковъ, назывался прежде Русальскимъ.

Въ степныхъ селеніяхъ троицкое гулянье считается послѣднимъ праздникомъ. Тамъ кумы посылаютъ въ гостинцы своимъ крестникамъ грешневые короваи и желтыя яйца. Дѣвицы дарятъ другъ друга лентами и мѣняются кольцами. Мѣновые вѣнки хранятъ на память дружбы, перевязывая ихъ лентами.

Въ Чухломѣ сохранились особенные хороводы и игры.

Тамъ въ троицкомъ празднествѣ участвуютъ однѣ дѣвицы. Дочь зажиточнаго отца приглашаетъ на веселье своихъ подругъ. Эта дѣвица называется тогда большухой и управляетъ играми. Дѣвицы, въ сопровожденіи матушекъ и нянюшекъ, собираются въ назначенное мѣсто, на площадь, или на загородъ, или на улицу, противъ дома большухи. Всѣ дѣвицы соединяются въ кружокъ и поютъ пѣсни троицкія. При пѣніи первой пѣсни въ срединѣ круга ходятъ двѣ дѣвицы, дочери почетныхъ отцовъ, а по окончаніи пѣсни раскланиваются и выходятъ изъ круга. Послѣ сего начинается новая пѣсня и другія дѣвицы вступаютъ въ кругъ. Часто случается, что между подругами затѣваются ссоры и неудовольствія: будто пѣсня для нихъ была выбрана худая и оскорбительная, будто младшая вступила въ кругъ прежде старшей. Въ ссорѣ дѣвицъ принимаютъ участіе и матушки. Въ старину изъ сего происходили многолѣтнія ссоры между горожанами. Такихъ обидъ никогда не прощали. Послѣ сего хоровода начинается игра: красны сновать. Двѣ дѣвицы, схватясь рука съ рукой, ходятъ взадъ и впередъ углами, какъ снуютъ красны, при пѣніи пѣсенъ. Игры и пѣсни продолжаются до вечера.

Въ Малороссіи извѣстна Семицкая недѣля съ своими обрядами и вѣрованіями. Тамъ съ утра готовятъ въ видѣ снопа травы: зорю, калуферъ, яту, связываютъ ихъ веревкою, а въ средину ставятъ тройную свѣчу. Съ этими травами отправляются въ церковь. Травы берегутъ для леченія болѣзней, а свѣча сохраняется для умирающихъ. Завиваніе и развиваніе вѣнковъ совершается одинаково съ русскими. Тамъ поютъ свои особенныя троицкія пѣсни. Вѣрованіе малоруссовъ въ русалокъ есть общее

по всей Украинѣ. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть преданіе, что криницы, дѣвицы съ русыми волосами, появляются на родникѣ Заручейская криница или на Ярославовомъ родникѣ, на разсвѣтѣ зеленой недѣли и расчесываютъ свои волосы. Въ троицкую ночь ихъ мавки—русалки бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши, играютъ и мяукаютъ какъ кошки. Тамъ есть вѣрованье въ свадьбу русалокъ.

Троицынъ день былъ срокомъ для пріѣзда въ Москву становиться на судъ. Въ грамотахъ этотъ срокъ считался особеннымъ правомъ, дарованнымъ въ видѣ царскихъ и княжескихъ милостей. По большей части такимъ правомъ пользовались монастыри и подвластные имъ крестьяне.

Троицкія и семицкія народныя игры были строго преслѣдованы еще въ XVI столѣтіи. Въ Стоглавѣ находимъ, что въ троицкую субботу: «сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и егда станутъ играть на могилахъ скоморохи, гудцы и прегудницы, они же переставше отъ плача и начнутъ скакать, плясать и въ ладоши бить, пѣсни сатанинскія пѣть». Все это доселѣ сохраняется въ разныхъ мѣстахъ. Ни время, ни преслѣдованія не могли уничтожить народныхъ обрядовъ.

Память о Семикѣ сохранилась въ названіи мѣстностей. Такъ подъ Ярославлемъ называется слобода Семикъ, въ Мосальскомъ уѣздѣ есть село Семиково, въ Устюжскомъ уѣздѣ есть пустошь Семики, въ Боровицкомъ есть село Семицы. Замѣчательнѣе всего, что въ письменныхъ памятникахъ слово семикъ встрѣчается только съ

конца XVII столѣтія. Народная память долговѣчнѣ письменныхъ памятниковъ.

Всесвятская недѣля.

Въ продолженіе всесвятской недѣли отправляются разные народные обряды и увеселенія. Въ однихъ мѣстахъ мы видимъ похороны Костромы, гульбище Ярилы, въ другихъ развиваніе троицкихъ вѣнковъ, проводы весны и народныя гулянья. Въ Спасскѣ, Рязанской губерніи, самое воскресенье этой недѣли извѣстно подъ именемъ Русальнаго заговѣнья.

Кострома.

Народное празднованіе Костромы въ селеніяхъ Пензенской и Симбирской губерній отправлялось въ понедѣльникъ, а въ Муромскомъ уѣздѣ—въ воскресенье. Мѣстные обряды сего праздника имѣютъ свои отличія. Замѣчательно, что въ нашихъ письменныхъ памятникахъ не находимъ вѣрованія въ Кострому. Страннѣ всего, что въ городѣ Костромѣ это празднество совершенно неизвѣстно.

Въ селеніяхъ Пензенской и Симбирской губерній собираются дѣвицы въ простыхъ платьяхъ, въ назначенное мѣсто. Здѣсь онѣ выбираютъ изъ среды себя одну дѣвицу и называютъ ее Костромой. Отдѣлившись отъ всѣхъ подругъ, Кострома стоитъ съ потупленной головой. Другія дѣвицы подходятъ къ ней съ поклонами, кладутъ ее на доску и съ пѣснями относятъ на рѣку. На берегу пробуждаютъ Кострому и поднимаютъ за руки. Послѣ сего начинается купанье: здѣсь дѣвицы купаютъ другъ дружку. Старшая изъ нихъ сгибаетъ изъ лубка лукошко и бьетъ въ него,

какъ въ барабанъ. Дѣвицы выходятъ изъ воды и отправляются домой. Въ новыхъ, праздничныхъ платьяхъ выходятъ на улицу и доканчиваютъ день въ хоровахъ и играхъ.

Въ Муромскомъ уѣздѣ похороны Костромы справляли молодцы и дѣвицы. Собравшись въ назначенное мѣсто, они дѣлали изъ соломы чучело. Въ однихъ мѣстахъ убивали его въ какое нибудь платье, въ другихъ только перевязывали веревками. Чучело называли Костромой и становились всѣ предъ ней въ почтительномъ видѣ. Старшія почетныхъ родителей дѣвицы и молодцы брали Кострому на руки и съ пѣснями относили на берегъ озера или рѣки. Здѣсь всѣ, сопровождавшіе Кострому, раздѣлялись на двѣ стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась въ кружокъ, молодцы и дѣвицы кланялись Костромѣ и производили передъ ней разныя тѣлодвиженія. Другая сторона нападала внезапно на первую для похищенія Костромы. Обѣ стороны вступали въ борьбу. Какъ скоро захватывали чучело, то тотчасъ срывали съ него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали въ воду со смѣхомъ. Первая сторона съ отчаянія производила заунывный вой, другіе закрывались руками, какъ бы оплакивая гибель Костромы. Послѣ сего обѣ стороны соединялись вмѣстѣ и съ веселыми пѣснями возвращались въ селенія.

Неизвѣстный описатель сего обряда (Сѣверн. Пчела 1842, № 267) полагаетъ, что сей суевѣрный обрядъ сохранился отъ древности, съ временъ Владиміра, когда русская земля была крещена, что муромцы погребеніемъ Костромы выражали Перуна, утопленнаго въ Днѣпрѣ, въ насмѣшку кіевскимъ язычникамъ, и что похоронная пѣсня Костромы оканчивалась пригвѣомъ: «выдыбай, боже». До-

гадка очень остроумная. Вообще всё наши народныя игры и обряды остаются часто безъ объясненія. Историческая критика обязана прежде всего отыскать вѣрныя и основательныя указанія, и на основаніи ихъ выводить свои заключенія. Для объясненія муромскаго обряда нѣтъ пока вѣрныхъ указаній; но есть сравненіе съ чуждыми намъ повѣрьями. Въ обрядѣ Костромы видно болѣе сходства съ польскою Марзаною. Не здѣсь ли должно отыскивать происхожденіе муромскаго обряда?

Во Владимірѣ на Клязьмѣ прежде отправлялось подобное народное празднество съ пѣніемъ пѣсенъ и припѣвомъ: «о Ладѣ мое». Одинъ изъ нашихъ старинарей, вѣроятно получившій объ этомъ извѣстіе изъ третьихъ рукъ, провозгласилъ, что «во Владимірѣ-на-Клязьмѣ бываетъ погребеніе Лады» въ противоположность Костромѣ. Смѣешь увѣрить, что тамъ никогда не бывало погребенія Лады, какъ никогда не бывало божества Лады у язычниковъ славяно-русовъ. Затѣйливыя наши старинари всячески стараются увеличивать нашу миеологию своими вымышленными мечтами. Отсюда происходятъ всё выдумки, отсюда появилось и погребеніе Лады. Мало того, что смѣшиваютъ безъ всякаго основанія миеологию съ демонологіею, символику съ простыми обычаями, они еще подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ позорную тѣнь многобожія.

Ярило.

Народное игрище Ярилы совершалось въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Тверской, Воронежской и Костромской. Мѣстныя празд-

нества различались обрядами и временемъ отправленія. Въ однихъ мѣстахъ это игрище сходствовало съ погребеніемъ Костромы, въ другихъ имѣло свое олицетвореніе. Въ однихъ мѣстахъ оно начиналось съ пятницы Всесвятской недѣли, въ другихъ съ воскресенья, въ третьихъ съ перваго воскресенья послѣ Петрова дня. Имя Ярилы сохранилось въ названіяхъ мѣсть. Такъ въ Костромѣ есть Ярилово поле, подъ Кинешмою была Ярилова роща, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ есть село Ерилово, въ Тихвинскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ есть урочища Яриловичи. Во многихъ мѣстахъ игрище Ярилы соединялось съ ярмарками, гдѣ нововведенія придавали какъ бы особенныя отличія. Наши старики, кажется по ошибкѣ, придавали эти отличія Ярилѣ, не различая старыхъ обрядовъ отъ новыхъ и постороннихъ прибавленій. Соображая всѣ мѣстные обряды, находимъ два главныя олицетворенія Ярилы, и они-то составляютъ основаніе сего игрища и отличаютъ отъ всѣхъ постороннихъ прибавленій. Подивимся еще странности нашихъ мнѣографовъ, умѣвшихъ Ярило причислить къ славяно-русскимъ божествамъ. Посмотрите на мнѣнія нашего народа, какъ онъ умѣетъ рѣзко отличать свои обряды. Преосвященный воронежскій, Тихонъ, передавая намъ понятіе воронежскихъ жителей, говоритъ: «праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ старыхъ людей слышу, называютъ игрищемъ, которое издавна началось и годъ отъ году умножается, такъ что люди ожидаютъ его какъ годового торжества». Если хотятъ причислять Ярило къ божествамъ славяно-русскимъ, то послѣ этого можно обращать въ такія же божества и масляницу и святки. Костромское и Воронежское игрища развѣ можно принимать за мнѣческія олицетворенія Ярилы.

Костромское игрище отправлялось въ воскресенье Всесвятской недѣли. Народъ собирался на площадь послѣ обѣда. Изъ среды его избирался старикъ; на него надѣвали старое поношенное платье, клали на руки гробъ съ чучелою—Ярилою. Послѣ сего начиналось шествіе изъ города въ поле. Женщины въ это время завываніями и причитываніями выражали скорбь и отчаяніе; мужчины пѣли пѣсни и плясали; дѣти бѣгали взадъ и впередъ. Въ полѣ вырывали палками могилу и въ гробъ хоронили Ярилу съ плачемъ и воемъ. Игрище оканчивалось плясками и играми. Въ этомъ обрядѣ костромитянъ находимъ очевидное сходство съ муромскимъ обрядомъ Костромы. Погребеніе Ярилы отправлялось прежде въ Колязинскомъ уѣздѣ по дорогѣ къ Троицѣ Нерли, близъ старой сосны. Здѣсь нынѣ только осталось одно народное гулянье.

Воронежское игрище начиналось съ пятницы Всесвятской недѣли и продолжалось въ субботу и воскресенье. Игрище было на городской площади, за старыми московскими воротами. Сюда съ ранняго утра собирались горожане и окрестные поселяне. Миръ избиралъ для сего игрища особеннаго человѣка. Послѣ провозглашенія, одѣвали его въ разноцвѣтный кафтанъ, украшали лентами, колокольчиками, на голову надѣвали раскрашенный бумажный колпакъ съ ленточными кисточками; лицо сурмили красками; на руки привязывали позвонки. Избранный человѣкъ въ такомъ нарядѣ назывался Ярилою. Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ пѣсни. Вокругъ него толпился народъ всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе плясали, третьи бились на кулачки. Въ 1771 году преосвященный Тихонъ I уничтожилъ это игрище. Слово, произнесенное

имъ для уничтоженія сего обряда, увѣковѣчило память святителя.

Близъ Галича въ селѣ Туровскомъ, гдѣ поклонная гора, происходило почти одинаковое игрище съ воронежскимъ. Поселяне и горожане избирали изъ среды себя старика, поили его виномъ, одѣвали въ разное платье, шутили и забавлялись надъ нимъ. Потомъ выводили его на лугъ, гдѣ становились всѣ въ круги. Молодцы и дѣвицы, подходя къ нему, кланялись въ поясъ. Послѣ сего начинались игры и хороводы. Гулянье оканчивалось проводами Ярилы до села или города.

То же самое игрище происходило и въ Кинешмѣ. Народъ собирался въ рощу, гдѣ протекаетъ рѣчка Кинешемка, и праздновалъ игрище Ярилы.

Въ Нерехтѣ игрище ярилинское называлось конюховскою и производилось при рѣчкѣ Солоницѣ. Въ уѣздѣ остались только одни народныя гульбища въ селахъ: Кочуровомъ подлѣ лѣса Рамишки, Никольскомъ, Писцовомъ и Сотницкомъ.

Въ Саввиномъ городкѣ Чистопольскаго уѣзда ярилинское игрище производится ночью и состоитъ изъ игръ и плясокъ.

Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской губерній ярилинскія игрища производились по селамъ. Преданія и рассказы подтверждаютъ, что горожане сихъ губерній не участвовали въ этомъ игрищѣ. Въ игрищахъ всегда первенствовалъ избранный міромъ чловѣкъ, какъ въ Воронежѣ.

Въ Нижегородской губерніи ярилинское игрище начиналось 4 іюля, вмѣстѣ съ ярмаркою. Поселяне для этого игрища продавали пряжу и на вырученныя деньги покупали обновы и лакомства.

Въ Твери ярилинское игрище начиналось въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Народъ собирался вечеромъ въ Тресвятскомъ саду, близь рѣчки Лазури. Здѣсь плясали бланжу, пляску въ восемь паръ, подѣ балалайку, или торбанъ. На бланжу ряпушницы (мѣщанки) отпускали своихъ дочерей поне вѣститься. Тверскіе святители, пресвященные Меодій и Амвросій, уничтожили въ Твери ярилинское игрище. Нынѣ только въ Твери сохранилась одна пляска бланжа.

Извѣстные наши старинари, М. Н. Макаровъ и И. М. Снегиревъ, объ ярилинскихъ игрищахъ выводили свои заключенія. Г. Макаровъ говоритъ: «Ярило, кажется, былъ древній праздникъ нашихъ вакханалій, буйствъ, пьянства, великаго разврата... Суздальскій лѣтописецъ въ числѣ своихъ идоловъ его же называетъ Яруномъ» (Преданія, к. I, стр. 45). И. М. Снегиревъ говоритъ: «празднество это, соотвѣтствуя времени года, мѣстности и духу народа, намекаетъ на чествованіе языческаго божества (?), имѣвшаго у разныхъ народовъ нашего сѣвера значеніе то Ареса, то Ерата, или Пріапа, смотря по свойству жителей и климата» (Русск. прост. праздн., ч. IV, стр. 61).

Уважая вполне труды сихъ ученыхъ мужей, мы находимъ свои основанія не соглашаться съ ихъ выводами о ярилинскомъ игрищѣ. Принявши однажды и навсегда выводить заключенія о народныхъ обрядахъ только на основаніи историческихъ данныхъ, уклоняемся и нынѣ отъ всякихъ предположительныхъ заключеній. Наши преданія еще едва-едва начинаютъ приходить въ извѣстность. Только основательныя свѣдѣнія, собранныя изъ всѣхъ мѣстъ Русской земли, могутъ окончательно рѣшить это дѣло.

Развиваніе вѣнковъ.

Развиваніе вѣнковъ на всесвятское заговѣнье совершалось въ Калугѣ, Воронежѣ, Мценскѣ; нынѣ этотъ обычай сохранился только въ степныхъ селеніяхъ. Молодые женщины, дѣвицы и холостые ребята выходили на рѣку, или на родникъ съ своими вѣнками. Здѣсь прежде разыгрывали хороводы съ вѣнками на головѣ, а потомъ бросали вѣнки въ воду. Молодежь бросалась въ воду и доставала вѣнки своихъ возлюбленныхъ. Дѣвицы и женщины за пойманный вѣнокъ отдаривали своихъ защитниковъ поцѣлуями. Молодецъ, послѣ поцѣлуя, надѣвалъ вѣнокъ на свою голову и назывался для женщины кумомъ, для дѣвицы краснымъ молодцомъ. Въ этихъ вѣнкахъ пѣли плясовые пѣсни, а послѣ съ кумушками и дѣвицами плясали. При доставаніи вѣнковъ часто случалось, что молодцы, изъ ненависти къ дѣвицамъ, или женщинамъ, топили вѣнки, или развивали. Такой поступокъ считался оскорбленіемъ для женщины и навлекалъ ссоры отъ родныхъ. Послѣ плясокъ развѣнивались вѣнками. Женщины тутъ же развивали свои вѣнки, а дѣвицы возвращались съ ними въ свои дома и хранили ихъ до будущей радости, до свадьбы.

Проводы весны.

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и въ разные дни. Въ Саратовской губерніи для сего дѣлали изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду. Въ старину, въ степныхъ селеніяхъ Тульской губерніи избирали мужика, на-

дѣвали на его голову березовый вѣнокъ, на кафтанъ нашивали ленты, въ руки давали древесныя вѣтви съ полевыми цвѣтами. Такой мужикъ назывался водокъ. Его угощали брагой и пирогами, провожали всѣ по селеніямъ съ пѣснями и плясками. Въ селеніяхъ Симбирской и Костромской губерній поселяне наряжались въ оборванные старыя платья и представляли изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ калѣкъ, слѣпыхъ попрошайекъ. Дѣвицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телѣги безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одна съ другою веревками въ видѣ гуська и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней телѣгѣ помѣщалась старуха и держала на колѣняхъ чучело. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и бросали чучело въ воду.

Народныя всевятскія гулянья состоятъ нынѣ въ веселомъ проведеніи времени. Здѣсь нѣтъ ни обрядовъ, ни игръ. Въ Тулѣ гулянье бываетъ на Всевятскомъ кладбищѣ, почти съ самаго утра. Москвичи выходятъ гулять на Ваганьковское кладбище и Всевятскую рощу. Въ Ярославлѣ гуляютъ на Бутыркахъ, въ слободѣ за рѣкою Коростью. Провожаніе Всевятскаго заговѣнья на могилахъ родителей сопровождалось прежде семейными угощеніями: Родные собирались къ старшему въ родѣ со своими приносами — пирогами, короваями и виномъ — и потомъ полнымъ поѣздомъ отправлялись на кладбище. Чѣмъ поѣздъ былъ многочисленнѣе, тѣмъ болѣе было славы для стариковъ. Старики, какъ хозяева, разставляли на могилахъ приносы и угощали родныхъ и знакомыхъ. Остатки приноса раздавали нищей-братіи. При каждомъ угощеніи, старики вспоминали о жизни покойниковъ, рассказывали

про ихъ житье-бытье на землѣ и желали, чтобы всѣ молодые жили такъ на землѣ, оставляя по себѣ почетъ и привѣтъ.

Д Н И.

Понедѣльникъ.

Понедѣльникъ первой недѣли великаго поста называется у нашего народа чистымъ днемъ. Въ Тулѣ въ этотъ день съ ранняго утра начинались кулачные бои. Въ нихъ участвовали всѣ возрасты; но болѣе всѣхъ сражались посадскіе съ оружейниками. Въ Костромѣ бойцы раздѣлялись на дебрянъ — жителей нижняго берега Волги, и сулянъ — жителей около ручья Сулы. Бои бывали на Молочной горѣ, къ Волгѣ, гдѣ нынѣ перевозъ. Этотъ обычай, говаривали старики, заведенъ для вытресанія блиновъ. Самое похвѣлье называется тогда: полосканьемъ ртовъ.

Съ понедѣльника второй недѣли великаго поста начинаютъ въ городахъ поѣзды молодыхъ женщинъ къ своимъ матерямъ. Свекровь, отпуская свою невѣстку, надѣляла ее какимъ нибудь рукодѣльемъ, чтобы попустому не проводить время. Въ старину, съ этого дня начинали перенизывать жемчугъ, убирать убрусники и кокошники, вышивать фаты шелками. На всѣ такія работы приглашались старья, опытные женщины.

Въ понедѣльникъ четвертой недѣли великаго поста опытыя старушки выхаживали вечеромъ на рѣку, къ прорубамъ, окунать свою пряжу въ воду. Отъ этого, по ихъ примѣтамъ, пряжа получала необыкновенную бѣлизну, крѣ-

пость и прочность. Съ этого дня начинали варить поспу для холстовъ.

Въ понедѣльникъ шестой недѣли великаго поста бывали вечеромъ приносы отъ тещи въ домъ зятя. Приносы состояли изъ убрусниковъ, кокошниковъ, фаты и жемчугу. Теща приглашала съ собою самыхъ близкихъ родныхъ. Вечеромъ, зять встрѣчалъ тещу у воротъ, а сваты на крыльцѣ. Для смотра приносовъ свекровь приглашала также своихъ близкихъ родныхъ. Всѣ приносы теща вручала свекрови и просила не погнѣваться на желанномъ добрѣ. Свекровь передавала приносы невѣсткѣ, съ наказомъ: бить челомъ и кланяться матери за желанное добро. Невѣстка, по обычаю, должна была просить у свекрови позволеніе примѣрить наряды. Въ полномъ нарядѣ невѣстка кланялась въ ноги свекрови и матери. Все это дѣлалось въ особенной комнатѣ, гдѣ не бывало мужчинъ, даже мужа. Потомъ, въ своемъ нарядѣ, невѣстка входила къ свекру и испрашивала у него позволеніе носить желанное добро. Свекоръ обязанъ былъ дарить невѣстку. Семейнымъ угощеніемъ оканчивалась бесѣда родныхъ.

Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ Москвѣ гулянье въ рощахъ, близъ урочища Наливки, или Налейки, гдѣ, по указанію Стоглава, совершались бѣсовскія потѣхи.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ старину, въ первый понедѣльникъ Петрова поста совершалось игрище: провожаніе русалокъ. Для сего игрища женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу

улицъ. Здѣсь распѣвались попережѣнно хороходныя пѣсни. Во время пѣнія, хороходница съ чучелою плясала и своими кривляніями старалась приводить въ смѣхъ игроковъ. Послѣ пѣсенъ, игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороходъ, или защищались сами отъ нападенія. Защитницы кидали другъ въ дружку пескомъ, обливали водой, отмахивались соломой. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучель и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. Такъ оканчивалось игрище провожаніе русалокъ.

Вторникъ.

Со вторника первой недѣли великаго поста старики замѣчали въ селеніяхъ Тульской губерніи появленіе звѣздъ и по нимъ угадывали о погодѣ всего лѣта. Звѣзды яркія, небо безоблачное предвѣщали имъ лѣто сухое и грозное. Востокъ, сокрытый туманомъ и облаками, предвѣщаль холодное лѣто. Снѣгъ и буря обѣщали дождливое лѣто.

Во вторникъ на пятой недѣлѣ великаго поста бывали въ городахъ семейныя угощенія. Молодой зять сзывалъ женину родню къ себѣ на вечеръ посмотрѣть на житье-бытье. Родные прихаживали съ приносами для всей семьи. Теща дарила своими подарками свекровь, зятя, золовокъ, тесть дарилъ свекра, свою дочь и деверьевъ. Послѣ учтивыхъ отговорокъ: къ чему это и для чего? начиналось уго-

щеніе. На проводахъ свекоръ и свекровь отдаривали своихъ сватовъ. Часто случалось, что родные, недовольные подарками, заводили ссоры и все горе отзывалось на одной невѣсткѣ. Умная теща прекращала такія ссоры новыми подарками уже на Святой недѣлѣ.

Во вторникъ послѣдней недѣли великаго поста въ селеніяхъ Тульской губерніи собираютъ изъ закромовъ сѣмена льняныя и коноплянныя вмѣстѣ, толкутъ ихъ въ ступкѣ и потомъ съ водою приготавливаютъ изъ нихъ соченное молоко. Все это дѣлается утромъ, до разсвѣта. Такимъ молокомъ на разсвѣтѣ поятъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, въ предосторожность отъ будущихъ болѣзней. Здѣсь главное условіе: мужчины не должны знать сего дѣла; а иначе оно будетъ безъ пользы. По замѣчаніямъ старушекъ извѣстно, если животное не пьетъ соченаго молока, то въ немъ нельзя ожидать никакого прока; оно бываетъ тогда уже или больнымъ, или очарованнымъ.

Въ вторникъ на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи собираются поселяне на ржаныя поля и по взшедшимъ озимымъ растеніямъ замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ. Сельскія старушки, занимающіяся леченіемъ болѣзней, собираютъ тогда озимую рожь. По замѣчаніямъ ихъ извѣстно, что озимая рожь, собранная только въ этотъ день, можетъ лечить болѣзни; а отъ собранной въ другіе дни нельзя ожидать пользы.

Во вторникъ на первой недѣлѣ Петровскаго поста поселяне степныхъ селеній собираются на луга заповѣдывать всякій гадъ. Опытныя знахарки объѣзжаютъ часть луга на помелахъ, соображая свой поѣздъ отъ запада на востокъ. Въ лѣвой рукѣ держатъ кнутъ и махаютъ имъ по воздуху, или ударяютъ по землѣ, приговаривая: «запо-

вѣдываю всякому гаду выходить во ино поле». По слѣдамъ за ней идетъ старикъ и заметаеъ метлой браздоводную черту. Послѣ сего, кланяются на всѣ четыре стороны и расходятся по домамъ, съ полною увѣренностью, что гады не будутъ больше жить на заповѣданномъ лугѣ. Всѣ случившіяся неудачи, полагають, что происходятъ отъ напуска злыхъ людей.

Среда.

Въ среду на первой недѣлѣ великаго поста поселяне Тульской губерніи выходятъ къ рудникамъ, или къ рѣчкамъ и прудамъ прислушиваться не шумитъ ли вода? Не стонетъ ли она? Не слышно ли въ ней человѣческаго голоса? Если вода шумитъ какъ жерновъ на мельницѣ, то ожидаютъ лѣтомъ большихъ дождей съ грозами. Если стонетъ вода какъ ребенокъ, или какъ старая баба, то это предвѣщаетъ большія бѣды: пожаръ, смерть родного, землетрясеніе. Если замѣчаютъ, что изъ воды отдается человѣческой голосъ, то остаются съ полною увѣренностью, что лѣто будетъ благополучное. Больше всего поселяне боятся свиста; они думаютъ, что ихъ выживаетъ нечистая сила изъ родимаго мѣста.

Въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста въ селеніяхъ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи бывають сходбища по избамъ для проводовъ зимы. Послѣ работъ, выходятъ мужчины и женщины на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ. Молодые, неженатые молодцы вывозятъ сани, сажаютъ въ нихъ дѣвицъ и женщинъ, съ шумомъ и крикомъ возятъ ихъ по улицамъ. Женатые въ это время бѣгаютъ кругомъ саней и бросаютъ въ женщинъ и дѣ-

вицъ снѣжными комками. Подъѣзжая къ изгородью, женатые смѣняють холостыхъ и везуть сани по той же улицѣ. Тутъ холостые стараются опрокинуть сани съ товаромъ. Женатые вступаютъ въ борьбу съ ними и всячески стараются отбивать ихъ нападенія. Въ это время женщины выскакиваютъ изъ саней. Порокъ и безчестье падаетъ на холостыхъ, если женщины успѣютъ выскочить прежде, нежели они успѣютъ взвалить сани. Тогда женатые, женщины и дѣвицы бросаютъ въ холостыхъ снѣжными комками и отгоняють ихъ прочь. Если побѣда остается на сторонѣ холостыхъ, тогда позоръ обращается уже на женатыхъ.

Въ среду на послѣдней недѣлѣ великаго поста въ степныхъ селеніяхъ обливаютъ утромъ водою всѣхъ домашнихъ животныхъ въ предосторожность отъ будущихъ болѣзней. Для сего собирають по полямъ чистый снѣгъ, растапливаютъ его въ избѣ въ горшкахъ по числу животныхъ. Потомъ солятъ воду старою четверговою солью. По замѣчаніямъ опытныхъ людей извѣстно, что послѣ такой воды ни одинъ знахарь не можетъ чаровать домашнихъ животныхъ.

Четвергъ.

Въ четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста, по замѣчаніямъ поселянъ, начинаютъ улетать зимнія птицы, грачи и вороны. Разставаясь съ своими гнѣздами, говорятъ старики, эти птицы кладутъ на деревьяхъ примѣты, а въ гнѣздахъ прячутъ деньги, которыхъ будто простыми глазами нельзя видѣть. Кто съумѣетъ достать эти деньги, тотъ будетъ жить богачомъ. Охотниковъ на такую добычу

бываетъ очень мало изъ опасенія, будто съ похитителями птицы поступаютъ очень гнѣвно: искореняютъ весь дворъ наносными болѣзнями, на поляхъ и гумнахъ поѣдаютъ хлѣбъ.

Въ четвергъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста совершаются на Руси разные обряды.

Въ деревнѣ Сосновкѣ Чистопольскаго уѣзда бывають въ полночь сборы на рѣчкѣ Бахту. Ровно въ полночь, послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ выходятъ дѣвицы и молодцы на рѣчку по черпнуть воды, пока воронъ не обмакнулъ крыла. Почерпая воду, они поютъ пѣсни и умываютъ лицо. По замѣчаніямъ сосновцевъ, будто въ полночь съ этого дня наступаетъ весна и приноситъ съ собою красную красоту и здоровье, и что воронъ, изъ зависти, спѣшитъ заpastися здоровьемъ прежде людей.

Поселяне Буйскаго уѣзда Костромской губерніи выходятъ рано утромъ встрѣчать весну. Буйскія дѣвицы выходятъ для сего къ рѣкамъ. Если вскрылась вода, то онѣ входятъ по поясъ въ рѣку, соединяются въ кружокъ, держась рука за руку, поютъ: «весна, весна красная, приди, весна, къ намъ съ милостью, со тою милостью, съ великою благостью». Если еще рѣки покрыты льдомъ, то онѣ окружають проруби, умываютъ водой лицо, вертятся кругомъ и призываютъ весну.

Солигаличскія дѣвицы выходятъ на рѣчки при восхожденіи солнца, погружаются трижды въ воду, катаются по три раза по землѣ, на восточную и западную стороны; послѣ, по угламъ взлѣзають на избы, гдѣ поютъ пѣсни и призываютъ весну. Все это дѣлается для здоровья.

Почти во всѣхъ мѣстахъ на Руси пожилыя старушки пережигаютъ въ этотъ день въ печахъ соль. Такая пере-

жженная соль, называемая четверговою, употребляется въ домашнемъ леченіи отъ многихъ болѣзней.

Наблюдательные старики и старушки увѣряютъ, что въ этотъ день воронъ купаетъ своихъ дѣтей и отпускаетъ ихъ въ отдѣль. Все это происходитъ въ глухую полночь. Многіе въ старину, для счастья, прорубали на рѣчкахъ проруби для такого купанья. Воронъ въ благодарность будто охранялъ поля и дворы отъ хищныхъ звѣрей и птицъ.

Изъ Стоглава узнаемъ, что наши предки «порану солону палили и кликали мертвыхъ». Мнѣ нигдѣ не встрѣчалось видѣть исполненіе такого обычая, и существуетъ ли онъ гдѣ доселѣ — не знаю.

Въ четвергъ на Вознесенье бываютъ во многихъ городахъ народныя гулянья. Въ Ярославлѣ гуляютъ у Вознесенской церкви. Въ Тулѣ собираются съ утра къ Вознесенской церкви, а потомъ расходятся пировать на перепутье по роднымъ и знакомымъ.

Пятница.

Съ именемъ пятницы соединяются на Руси воспоминація о разныхъ дняхъ, обрядахъ, празднествахъ и торжествахъ.

Въ Буйскомъ уѣздѣ на третьей недѣлѣ великаго поста молодой зять справляетъ для тестя съ тещею обжорную пятницу. Для сего пира варятъ кисель и угощаютъ имъ званыхъ гостей съ коноплянымъ масломъ.

Издавна принято раздѣленіе пятницъ на временныя и обѣтныя. Во всѣ десять недѣль послѣ Пасхи бываютъ по пятницамъ ярмарки. Отсюда возникло новое названіе,

и народъ считаетъ до нынѣ десять торговыхъ пятницъ (подробности о торгахъ смотри въ Академич. извѣст. на 1781 годъ, ч. 7). Обѣтныя пятницы образовались съ незапамятныхъ временъ, когда наши простодушные предки, въ страхѣ и отчаяніи отъ падежа скота или неурожая, обѣщались не работать, а праздновать по пятницамъ. Въ увѣреніе сего обѣта писались заповѣдныя записи. Одна изъ таковыхъ записей находится въ собраніи И. Н. Царскаго. Въ девятую пятницу въ пяти верстахъ отъ Верховажья бываетъ народное игрище полукрестъ. Изъ дѣвицъ и молодцовъ составляются особенныя два круга, въ отдаленіи одинъ отъ другого; потомъ кругами дѣвицы сближаются съ молодцами, въ молчаніи, безъ всякихъ пѣсенъ. По приближеніи, круги разрываются и дѣвица съ парнемъ начинаютъ бѣгать въ запуски; за ними всѣ другіе. Оставшіеся молодцы, или дѣвицы безъ подруги начинаютъ разлучать пары. Если случится разорвать на бѣгу подругъ, то преслѣдователь получаетъ подругу и пускается съ нею бѣгать въ запуски. О суетвѣрныхъ обрядахъ нашихъ отцовъ въ XVIII вѣкѣ находимъ въ Духовномъ Регламентѣ: «въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ пятокъ водятъ жонку простовласу, подъ именемъ пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкія пользы». Нынѣ сего обряда уже нигдѣ не замѣтно.

Берендеева пятница. Такъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ называется ярмарка. Сюда собираются для трехдневнаго праздника родные и знакомые. Когда за обѣдомъ начинаютъ пить вино, то говорятъ: «празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину доброе здоровье». Въ Пе-

реславль-Залѣскомъ уѣздѣ былъ городъ Берендеевъ, отъ котораго нынѣ остались однѣ развалины.

Въ старину перекрестки на дорогахъ назывались пятницами. Здѣсь были выстроены часовни на столбикахъ. Здѣсь невѣсты вымаливали себѣ жениховъ. Здѣсь бывали встрѣчи и проводы родныхъ.

Въ десятую пятницу бываетъ ярмарка въ Тулѣ. Сюда съѣзжаются поселяне изъ окрестныхъ селъ и деревень для продажи своихъ издѣлій. Въ Гончарской слободѣ готовятъ къ этой ярмаркѣ изъ глины разныя куклы для дѣтей.

Въ десятую пятницу бываетъ крестный ходъ изъ города Курска въ Коренную пустынь съ чудотворнымъ образомъ курскія пресвятыя Богородицы, установленный съ 1618 года.

Въ народѣ о пятницѣ сохранились поговорки: на недѣлѣ семь пятницъ. — Добрые люди въ пятницу не рядятся. — Считаю работу по пятницамъ.

Суббота.

Въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста справляется народомъ тужилка по масляницѣ. Въ этотъ день пекутъ блины съ постнымъ масломъ. Въ старину справлялась тужилка во всемъ разгулѣ на ростовской ярмаркѣ.

Въ субботу на третьей недѣлѣ великаго поста справляется въ Кинешемскомъ уѣздѣ обжорная суббота. Тамъ въ это время зять угощаетъ тестя съ тещей киселемъ съ масломъ.

Въ субботу на пятой недѣлѣ великаго поста бываютъ въ степныхъ селеніяхъ званія поминки. На эти по-

имнки въ старину собиралась складчина со всего міра. Староста, распорядитель поминокъ, сзывалъ ницію-братію и угощалъ ихъ отъ всего села; нынѣшнія поминки справляются особенно, въ семействахъ.

Вербная суббота, извѣстная во всей Россіи по разнымъ украшеніямъ, приготовляемымъ изъ вербы и цвѣтовъ, изстари справлялась въ Москвѣ съ особеннымъ гуляньемъ на Красной площади. Въ старину разставляли съ утра ивы и вербы по берегу Неглинной рѣчки. Сюда собирался народъ ломать вербу, покупать вѣтви съ херувимами. Впослѣдствіи торгъ вербами и цвѣтами перенесенъ былъ съ Неглинной на Красную площадь и въ Вознесенскій монастырь. Послѣ обѣда начиналось катаніе въ экипажахъ вокругъ Кремля. Катаніе вокругъ Кремля есть обычай новый, появившійся въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Въ вербную субботу совершался въ Москвѣ обрядъ шествія святителя на осляти. Подробности сего обряда, не принадлежащія къ нашему изложенію, описаны въ Триодіонѣ, изданномъ въ 1666 году.

Въ субботу на послѣдней недѣлѣ великаго поста въ селеніяхъ Тульской губерніи заклинаютъ морозъ, какъ губителя овса, льна и конопли. (Смотри объ этомъ въ I томѣ Сказаній Р. Н. Кн. 2).

Въ субботу на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи вятчане празднуютъ на берегу рѣки Вятки свистопляску, народный праздникъ въ память убіенныхъ въ 1480 году. На горѣ Раздерихѣ, гдѣ построена часовня, ставятъ палатки, съ глиняными издѣліями: лошадаками, свистками, шариками и съ лакомствами. Здѣсь, послѣ панихиды начинается гулянье взрослыхъ и дѣтей. Взрослые поютъ пѣсни, играютъ на балалайкахъ; дѣти же свистятъ въ

глиняные свистки, пляшутъ, а потомъ бросаютъ другъ въ друга глиняными шариками.

Дмитріевская суббота, учрежденная въ память знаменитой Куликовской битвы 1380 года, справляется во всей Россіи между 18 и 26 октября. Къ этому дню пекутъ во всей Россіи блины, пироги, а въ смоленскихъ селеніяхъ тонкія, угловатыя лепешки — рѣзни. Въ старину варили брагу, сзывали родныхъ на канунъ, кисель съ сытой и блины.

Воскресенье.

Ярмарки, торги, разныя охоты, справляемыя въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, получили названія сборныхъ. По этимъ сборамъ и самое воскресенье называютъ сборнымъ.

Въ Тулѣ съ этого воскресенья начинаются гусиные бои. Охотники вывозятъ своихъ гусей въ назначенное мѣсто, въ сопровожденіи любопытныхъ зрителей. Бои давались: по условіямъ, за опредѣленную цѣну, изъ зависти, уничтожить хвастовство соперника, по новости, показать добрымъ людямъ свою охоту. Бои оканчивались пирушками и ссорами.

Въ десятое воскресенье тюменцы, жители Тобольской губерніи, празднуютъ ключъ за бѣлымъ городищемъ. Веселье открывается сборищемъ знакомыхъ и родныхъ, а оканчивается пѣснями, плясками и борьбою.

Въ городѣ Осташковѣ по воскресеньямъ петровскаго поста бываетъ гулянье вечеромъ по улицамъ. Все общество гулякъ называется: беззаботною площадью. Въ Цывилскѣ такія гулянья дѣвицъ называются холками.

Приложенія къ народному дневнику.

Грамата царя Алексѣя Михайловича шуйскому воеводѣ Змееву о Колядѣ, Усени и народныхъ играхъ, 1649 г.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ Шую воеводѣ нашему Семену Ильичу Змееву. — Въ нынѣшнемъ въ 157 году, декабря въ 22 день, въ Галицію четь, къ діаку нашему къ Семену Софонову въ памяти изъ Стрѣлецкаго приказу, за приписью діака нашего Дмитрія Жеребилова, написано: въ нынѣшнемъ въ 157 году, декабря въ 19-й день, вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ, напередъ сего въ Кремлѣ и въ Китаѣ, и въ Бѣлошъ, и въ Земляномъ городахъ, и за городомъ, и по переулкамъ, и въ черныхъ и въ ямскихъ слободахъ по улицамъ и по переулкамъ, въ навечери Рождества Христова кликали многіе люди Каледу и Усень, а въ навечери Богоявленія Господня кликали плугу; да въ Москвѣ-жъ чинится безчинство: многіе люди поютъ бѣсовскія, сквернословныя пѣсни, и противъ воскресныхъ дней въ субботу

ввечеру, и въ воскресные дни, и въ Господскіе и Богородичные праздники топятъ бани и платья моютъ; и многіе-жъ люди бранятся межъ себя матерны и всякою неподобною лаею, и жены и дѣвицы бранятъ позорными словеса. — Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища сборнща бѣсовскія, да пьяныя же ходятъ на Москвѣ попы и иноки, и всякихъ чиновъ православныхъ христіанъ и безчинною бранью бранятся, и дерутся, и бьются, кричатъ и вопятъ, и безъ памяти униваются; и многіе люди, ереси послѣдующе, бороды брѣютъ, и въ воскресные дни сидятъ въ харчевняхъ и по улицахъ до обѣдни продаютъ всякой харчъ; и въ воскресные жъ дни и въ Господскіе праздники и въ Богородичные, и въ среду, и въ пятки, и посты нгрещы бѣсовскіе — скоморохи съ допрами, и съ дудами, и съ медвѣди ходятъ, и дару Божию, хлѣбу, поругаются, всяко животное скотское, и звѣрино и птичье пекутъ. И мы указали о томъ учинить на Москвѣ, и въ городѣхъ, и въ уѣздахъ заказъ крѣпкой, чтобъ нынѣ и впредь никакіе люди по улицахъ и по переулкамъ, и на дворѣхъ, въ навечери Рождества Христова и Богоявленья, Коледь и Плугъ и Усней не кликали, и пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, матерны и всякою неподобною лаею не бранилися, и въ воскресные дни и праздники, и противъ воскресныхъ дней въ субботу ввечеру бань не топили, и въ воскресные жъ дни и въ Господскіе праздники платья не мыли, и никакого безчинства, чтѣ сопротивно христіанскому закону, ни отъ какихъ людей не было. И, по нашему указу діаку нашему Семену Сафонову велѣно послати наша грамоты въ города, которые города вѣдомы въ Галицкой чети, и велѣно въ тѣхъ городѣхъ по улицахъ и по торжкамъ, и по крестцамъ, и по переулкамъ, прокликати

бирючемъ по многіе дни, чтобъ всякихъ чиновъ люди нынѣ и впредь въ навечери Рождества Христова Колады и Усени и въ навечери Богоявленія Господня Плуги не кликали, и бѣсовскихъ, сквернословныхъ пѣсней не пѣли, въ субботу ввечеру противъ воскресныхъ дней и въ праздники бань не топили, и въ воскресныеже дни и по Господскимъ праздникамъ платья не мыли, и пьяныебъ люди всякаго чину не ходили, и бородъ не брили, и на качеляхъ не качались, и до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли, и по улицаамъ не разносили, па игрища не сходились. А которые люди нынѣ и впредь учнутъ Коледу и Плуги, и Усени, и пѣть скверныя пѣсни, или кто учнетъ кого бранить матерны и всякою лаею, — и тѣмъ людямъ за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства, быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ. И велѣно тотъ нашъ указъ сказывать всякимъ людямъ всѣмъ вслухъ, и бирючемъ велѣно кликати по многіе дни, чтобъ тотъ нашъ указъ всякихъ чиновъ людямъ былъ вѣдомъ, чтобъ нынѣ и впредь такого неистовства не было. А которые люди учнутъ такія неистовства чинить и тѣхъ велѣно имать, и за тѣ ихъ вины наказанье имъ чинить по нашему указу. А какъ къ тебѣ ся паша грамота придетъ, и тыбъ въ Шуѣ по 'улицаамъ и по торжкаамъ, и по крестцаамъ, и по переулкамъ, и въ Шуйскомъ уѣздѣ велѣлъ кликати бирючемъ по многіе дни, чтобъ всякихъ чиновъ люди нынѣ и впредь въ навечери Рождества Христова Колады и Усени и въ навечери Богоявленія Господня Плуги не кликали, и бѣсовскихъ сквернословныхъ пѣсенъ николи не пѣли, и въ субботу въ вечеръ противъ воскресныхъ дней и въ праздники бань не топили, и въ воскресные же дни и по Господскимъ праздникамъ платья не мыли и ма-

терны не бранилися, и пьяныебъ люди всякаго чину не ходили и бороды не брили, и на качеляхъ не качалися, и до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли, и по улицамъ не разносили, и на игрища не сходилися. А которые люди нынѣ и впредь учнутъ кликать Коледы и Плуги и Усени, пѣсни скверныя пѣти, или кто учнетъ кого бранити матерны и всякою лаею, — и тѣмъ людямъ, за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства, быть отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ; и велѣли бы еси тотъ нашъ указъ сказывать всякимъ людямъ всѣмъ вслухъ, и бирючемъ велѣли кликать по многіе дни, чтобъ тотъ нашъ указъ всякихъ чиновъ людямъ былъ вѣдомъ, чтобъ нынѣ и впредь ни отъ кого такого неистовства не было, а которые люди учнутъ какія неистовства чинить, и тѣхъ велѣли бы еси имать и за тѣ ихъ вины наказанье имъ чинить по нашему указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157, декабря въ 24 день.

Взята изъ Москвитянина 1842 года, № 1, стр. 237.

У нашихъ предковъ въ числѣ запрещенныхъ книгъ считалась: книга Коледникъ. См. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 211.

Выписки изъ Стоглава.

Глава 40, вопросъ 16. Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ. И какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священники имъ о томъ не возбраняютъ, и священникомъ о томъ достойтъ запрещати.—Вопросъ 17. Да въ нашемъ

же православіи тяжутся, и нѣщы же не прямо и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, и на поли бьются, и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ, и на тѣ чарованія надѣяся поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ и на поли бьются и поклепавъ отбиваютъ.— Вопросъ 19. Да по дальнымъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупляся ватагами многими по шестидесятъ, и по семидесятъ и до ста человекъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ.— Вопросъ 20. Да дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ и то бы зло искоренити.— Вопросъ 21. Да по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя трясутся, и убиваются, а сказываютъ что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіаномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прятти, и платія не мыти, и каменія не разжигати, и иныя заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ Божественнаго писанія; то бы тѣмъ нагимъ и босымъ и лживымъ пророкомъ путь запретити, чтобы міръ не соблазняли. — Вопросъ 22. Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держатся: Рафли, Шестокрыль, Вороно-

граф, Острошій, Зодій, Алманахъ, Звѣздочетіе, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ, и въ тѣ прелести вѣруючи, многихъ людей отъ Бога отлучаютъ и погубляютъ. — Вопросъ 23. Въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти; на тѣхъ же жальникахъ обманщики и ꙗмошенники. — Вопросъ 14. Русалии о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова, и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на ношное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣспіи, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя, и падаютъ аки жертви отъ великого хлопотанія. — Вопросъ 25. А о Велицѣ дни окличка, на Радоницю и Вьюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе. И о томъ отвѣтъ. Чтобы о Велицѣ дни оклички и на Радоницы не творили, и скверными рѣчьми не упрекались, и о томъ священникомъ дѣтемъ своимъ духовнымъ запрещати, чтобъ впредь таковая не творили. — Вопросъ 26. А въ великій четвертокъ порану солому палать и кличутъ мертвыхъ; нѣкоторые же невѣгласи попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седьмага четверга по Велицѣ дни тако держатъ, и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ. — Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роши ходятъ и въ наливки

бѣсовскія потѣхи дѣяти. И о томъ отвѣтъ. Чтобъ православные христіане въ понедѣльникъ Петрова поста въ роши не ходили и въ наливкахъ бѣсовскихъ потѣхъ не творили, и отъ того бѣ въ конецъ престаи, понеже то все еллинское бѣсованіе, прелестъ бѣсовская; и того ради православнымъ христіаномъ не подобаеъ таковое творити.

Глава 26. О училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ. И мы о томъ по церковному совѣту соборнѣ уложили въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ: тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы, коемуждо во своемъ градѣ по благословеніи своего святителя избирати добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазды были, и у тѣхъ священниковъ и дьяконовъ учинити въ домѣхъ училища, чтобъ священники и дьяконы и всѣ православные христіане въ коеждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, церковнаго пѣнія псалтырнаго и чтенія наложнаго, и тѣ бы священники, дьяки, избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, наипаче же всего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ, и блюди ихъ отъ всякаго растлѣнія, наипаче отъ сквернаго содомскаго грѣха и рукоблудія и отъ всякія нечистоты, чтобъ имъ вашимъ бреженіемъ и поученіемъ пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину. Да учениковъ же бы естя своихъ во святыхъ Божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, и чтенію, пѣти и канорхати по церковному чину, учи-

ли бы есть своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣютъ, и силу бы сказывали по данному вамъ отъ Бога таланту, ничто же скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили всѣ, которыя соборная святая церковь приѣмлетъ, чтобы потомъ впредь могли не токмо себя, но и прочихъ поучати, и учить страху Божию о всѣхъ полезныхъ. Тако же бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами умѣютъ, ничто же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приѣмлюще по ихъ достоинству.

Глава 28. О книжныхъ писцахъ. Такожде, которые писцы по градомъ книги пишутъ, и вы бѣ имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, потомъ, же бы продавали; а не правивъ бы книгъ не продавали; а который писецъ написалъ книгу, продасть не исправивъ и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купить, и вы бы тому потомъ возбранили съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили. А впредь, когда таковыя обличены будутъ, продавецъ и купецъ, и вы у нихъ тѣ книги имали даромъ, безъ всякаго зазора, да исправивъ, отдали бы въ церковь, которыя будутъ церкви книгами скудны. Да видяще таковая вашимъ бреженіемъ и прочіе страхъ примутъ. И вы о всѣхъ тѣхъ, предреченныхъ церковныхъ чинѣхъ, и о честныхъ иконахъ, и о святыхъ книгахъ, о всемъ о томъ потщалися совершити и исправить елика ваша сила, и за то отъ Господа Бога великую мзду воспріимите, отъ благочестиваго государя хвалу и честь, отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а отъ всего народа благодареніе и хваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И аще сія съ благодареніемъ и хотѣніемъ сер-

дечнымъ исправити потщитесь, то съ радостію ожидайте сугубые мзды отъ Бога царства небснаго, по реченному Христову словеси: добрый мой рабе, благій и вѣрный о малѣ ми бысть вѣренъ, надъ многими ты поставлю. Вниди въ радость Господа своего—и прочее. Сія убо до здѣ священству вашему написахомъ.

Глава 92. Отвѣтъ о игрищахъ еллинскаго бѣсованія. Еще мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творять еллинскія бѣсованія, различныя игры и плясаніе, противъ праздника Рождества Христова, великаго Іоанна Предтечи и въ нощи на самый праздникъ, весь день и до нощи, мужи, и жены и дѣти, въ домѣхъ и по улицамъ обходятъ и по водамъ глумлы творять всякими плясаньями и играніи гусльми и иными многими видами, сирѣчь играми и скарденными образованіи. Еще же и пьянствомъ подобне же сему творять во днѣхъ и въ навечеріи Рождества Христова, и въ навечеріи Василия Великаго, и въ навечеріи Богоявленія. А индѣ и инымъ образомъ таковая непотребная дѣла творять въ Троицкую субботу, и заговѣнь Петрова поста въ первый понедѣльникъ ходятъ по селомъ, и по погостомъ, и по рѣкамъ на игрища, тамъ же неподобная еллинская бѣсованія творять, и тѣмъ Бога прогнѣвляють, въ невѣдѣніи согрѣшаютъ простая чадь, никѣмъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни запрещаеми, ни отъ священниковъ наказуеми, ни отъ судей устрашаеми таковая творять неподобная дѣла, святыми отцы отреченная. Вмѣсто же сего бѣсованія отнынѣ и впредь подобаетъ православнымъ христіаномъ за таковыя святыя и честныя праздники по святымъ церквамъ Божиимъ на молитвѣ упражняться и пѣніемъ Божественнымъ услаждатися, и святаго почитанія

Божественнаго совнманіемъ слушати, и на Божественныхъ литургіяхъ со страхомъ стояти, и потомъ брашномъ и питіемъ въ дождѣхъ своихъ учрежати ся вкупѣ о Бозѣ ликоствующе съ священническимъ чиномъ, и съ други своими, и маломощныхъ питающе и веселящеса во славу Божію, а не въ пѣяство, яко же и въ прочіе Господскіе праздники. И того ради, по священнымъ правиламъ и по заповѣди св. отецъ, отнынѣ и впредь православнымъ христіаномъ на таковая древняя еллинская бѣсованія не исходити, ни по городомъ, ни по селомъ, ни по рѣкамъ, и о томъ благочестивому Царю по всемъ градомъ и по селомъ своя царская заповѣдь учинить, чтобъ православные христіане на таковое бѣсованіе еллинское впредь не исходили, чтобы то еллинское бѣсованіе отнынѣ, Божією благодатію, и во твое Христолюбивое царство поправно было до конца.

Глава 97. Отвѣтъ о милостыни и о ругѣ по многимъ монастырямъ. А по нѣкоторымъ монастырямъ, отецъ твой, Государевъ, князь великій Василий Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, давалъ милостыню въ приказъ, а не въ прокъ, и хлѣбъ, и соль, и деньги, и воскъ на свѣчи, и медъ на кутью и пшеницу на просвиры. И послѣ того мати твоя, государыня великая княгиня Елена несполна въ приказъ же, а не въ прокъ давада не по вся годы: а послѣ твоея матери и великія княгини, до твоего царскаго возраста, многіе монастыри грамоты поймали по вся годы иматъ милостыню въ прокъ въ ругу; а иные монастыри и церкви многія приходныя вновь въ тѣ же времена грамоты поймали ругу иматъ изъ казны; а у тѣхъ монастырей и села есть и иные доходы, а у приходныхъ церквей приходу есть улица, а у иныхъ села, и огороды, и сады, и пожни, и иныя пошрины, и лавки поземныя, да

и твою царскую ругу устроили себѣ же въ тѣ же времена изъ казны до твоего царскаго возрата. И о томъ тебѣ, государю, благочестивому царю, велѣти обыскать извѣстно: по которымъ будетъ монастырямъ, по большимъ и меньшимъ, и по убогимъ мѣстамъ отецъ твой приснопамятный государь, князь великій Василій Ивановичъ всея Русіи, давалъ въ прокъ милостыню, и тебѣ бѣ, государю, и нынѣ по тѣмъ монастыремъ по тому жѣ давати милостыни въ прокъ; а по которымъ монастыремъ давалъ отецъ твой милостыню въ приказъ, а будутъ у тѣхъ монастырей села и доходы, и мочно имъ безъ тое руги прожити, и то государь въ твоей царской волѣ: дати, или отложить? А которымъ будетъ убогимъ монастырямъ, и святымъ церквамъ и убогимъ мѣстамъ безъ твоея руги впредь прожити невозможно, а отецъ твой милостыню въ приказъ давалъ, а у тебя царя всѣ тѣ грамоты поимали многіе, что имѣти милостыни въ прокъ, и тебѣ, государю, благочестивому царю, и о томъ велѣти обыскати извѣстно: которымъ будетъ убогимъ монастырямъ и церквамъ мочно безъ той руги прожити, и то, государь, въ твоей царской волѣ. А которымъ будетъ, убогимъ монастырямъ и святымъ церквамъ безъ твоей руги, прожити не возможно, и тебѣ бы, благочестивому царю достойно и праведно таковыхъ пожаловати. Да и прочіе монастыри и мѣста, и св. церкви, неимущимъ ни откуда помощи устроити въ свое христіанское царство. А которые ружные попы и діаконы временники въ нынѣшняя лѣта причли къ соборомъ своихъ неповъ и діаконъ, да и руги имъ и милостыню изъ царскія твоея казны устроили безъ твоего царскаго вѣдома, и тѣхъ всѣхъ поповъ и діаконъ отставити и руги имъ царскія не да-

вати, и за столы ихъ не пущати, а жити имъ и молити Бога по старинѣ, у своихъ церквей.

Глава 99. Лѣта 7059, сентября въ 15. Говорилъ со царемъ и великимъ княземъ отецъ его, Макарій митрополитъ всеа Русіи: приговорилъ еси государь съ нами прежь сего со своими богомольцы, со архіепископы и епископы, о слободахъ нашихъ митрополичьихъ, и архіепископлихъ и епископлихъ и о монастырскихъ, что слободамъ всѣмъ новымъ тяпути съ городскими людьми во всякое тягло и съ судомъ, мы нынѣ тотъ приговоръ помнимъ, что въ новыхъ слободахъ вѣдаетъ Богъ да ты, царь государь, опричь суда; а нынѣ намѣстники твои, царевы государевы и властели возлѣ тѣхъ новыхъ приходцовъ и старыхъ слобожанъ хотятъ судити, и въ томъ тѣмъ слобожаномъ нашимъ запусѣти: а прежь сего, государь, твои намѣстники и волостели нашихъ слобожанъ не суживали. И ты бѣ, государь своимъ намѣстникомъ и волостелемъ и впредь нашихъ слобожанъ не велѣлъ судити. А нынѣ твой царскій приговоръ съ нами, что въ тѣ новыя слободы вышли посацкіе люди послѣ отписи, и тѣхъ бы людей изъ новыхъ слободъ опять вывести въ городъ на посадъ. И о томъ вѣдаетъ Богъ да ты, государь, какъ тебѣ о нихъ Богъ извѣститъ. И впредь бы митрополитомъ, и архіепископомъ и епископомъ и монастыремъ держати свои слободы по старинѣ о судѣ и о всякихъ дѣлѣхъ по прежнимъ граматамъ; а новыхъ бы слободъ не ставити, и дворовъ многихъ въ старыхъ слободахъ не прибавливали, развѣ отъ отца дѣтемъ или отъ тестя зятю, или отъ брата братъ выставливалися и своими дворы жити. А опричнымъ прихожимъ людемъ, градскимъ и сельскимъ, въ тѣхъ старыхъ слободахъ новыхъ дворовъ не ставити, а въ которыхъ слободахъ дво-

ры опустѣють, и въ тѣ двory называти людей сельскихъ пашенныхъ и не пашенныхъ, по старинѣ, какъ прежь сего было, а отказывати тѣхъ людей о сроцѣ Юрьевѣ дни осеннемъ, по цареву же указу, по старинѣ же. А съ посаду впредь градскихъ людей въ слободы не называти и не приимати, развѣ казаковъ, нетяглыхъ людей, а изъ слободъ изъ митропольихъ, и архіепископлихъ, и епископлихъ и изъ монастырскихъ, которые крестьяне хотять иди въ городъ на посадъ, или въ села жити, и тѣмъ людямъ иди вольно, о сроцѣ же о Юрьевѣ дни, отказомъ, по нашему царскому указу.

